

Грозные чары

Мэри Стюарт

Королева романтического детектива.
Общий тираж книг –
более 20 миллионов экземпляров

Мэри Стюарт

Грозные чары

OCR Roland; SpellCheck Anita

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=160971

Грозные чары: ЭКСМО, Домино; Москва; 2007

ISBN 978-5-699-21814-1

Аннотация

Приехав погостить к сестре на уединенный остров и килом южном море, молодая актриса Люси Уоринг узнает, что по соседству живет ее театральная кумир, великолепный Джулиан Гейл, внезапно покинувший сцену два года назад. Его пребывание на острове окутано какой-то тайной, проникнуть в которую Люси не удастся. Неожиданно спокойствие мирного острова взрывается чередой ужасных событий: кто-то открывает стрельбу на пляже, крестный сын Гейла тонет в море, а затем Люси находит труп человека, которого только накануне видела возле дома Гейла. Страх, опасность и смерть за всем этим стоит человек, для которого убийство не более чем игра.

Мэри Стюарт одна из самых знаменитых писательниц в мире. Ее книги расходятся миллионными тиражами. В романах М. Стюарт изумительным образом сочетаются интеллектуальный детектив и романтическая история.

Содержание

ГЛАВА 1	4
ГЛАВА 2	22
ГЛАВА 3	39
ГЛАВА 4	68
ГЛАВА 5	95
ГЛАВА 6	121
ГЛАВА 7	150
ГЛАВА 8	173
ГЛАВА 9	190
ГЛАВА 10	210
ГЛАВА 11	230
ГЛАВА 12	259
ГЛАВА 13	285
ГЛАВА 14	302
ГЛАВА 15	329
ГЛАВА 16	349
ГЛАВА 17	365
ГЛАВА 18	378
ГЛАВА 19	407
ГЛАВА 20	417
ГЛАВА 21	433
ГЛАВА 22	455

Мэри Стюарт

Грозные чары

Джону Аттенборо

Ты войди в сей чудный лес,

Коль посмеешь.

Будто зыблемый волной,

Ты в покое под листвою.

Сердце радостью полно,

В мире будь с лобою тварью,

Коль сумеешь.

Лишь когда совсем темно,

Все вокруг теряет форму:

В кронах злобных взглядов блеск

В страхе побледнеешь.

Ты войди в сей чудный лес,

Коль посмеешь.

Джордж Мередит. Леса Уэстермейна¹

ГЛАВА 1

Рассказ мой будет летописью целой —

– А если будет мальчик, – радостно прошептала Филлида, – назовем его Просперо.

Я засмеялась.

– Бедный малыш, за какие грехи? Ну да, разумеется... Кто-то успел сказать тебе, что Корфу – это шекспировский волшебный остров из «Бури»?

– Вообще-то да, как раз на днях, но, ради бога, не расспрашивай меня об этом сейчас. Не знаю, к чему ты там привыкла, а я накладываю вето на Шекспира за завтраком. – Сестра зевнула, вытянула ногу в пятно солнечного света на краю террасы и полюбовалась дорогой пляжной сандалией. – Все равно я не то имела в виду, просто хотела сказать, что у нас тут уже есть Миранда и Спиро, а Спиро, быть может, и не уменьшительное от Просперо, но звучит очень похоже.

– Правда? Как романтично. А кто они?

– Из местных. Брат и сестра, близнецы.

– Боже праведный. Должно быть, их папочка питал склонность к литературе?

Филлида улыбнулась.

– Можно сказать и так.

Выражение ее лица пробудило во мне любопытство, но

² Здесь и далее все цитаты из пьесы У. Шекспира «Буря» даны в переводе Т. Л. Щепкиной-Куперник.

что-то подсказало, что она на то и рассчитывала, поэтому – ведь я, если постараюсь, ничуть не уступлю Филлиде во вредности – я только и сказала:

– Что ж, может, лучше по-другому? Почему бы тебе не назвать своего будущего отпрыска Калибаном? Самое подходящее имечко.

– Почему? – возмущенно запротестовала она.

– «Колдунью синеглазую с ребенком здесь моряки оставили», – процитировала я. – А кофе еще остался?

– Само собой. Вот. Ах, боже ты мой, Люси, как же хорошо, что ты здесь! Наверное, мне не следует называть удачей то, что ты оказалась сейчас свободна и смогла приехать сюда, но до чего же я этому рада. После Рима тут просто рай.

– А после Лондона – седьмое небо. Я уже чувствую себя другим человеком. Как вспомнишь, где я была в это время вчера... а уж как вспомнишь про дождь...

Вздвогнув, я откинулась на спинку кресла и отпила кофе, глядя вверх золотистого пушка сосновых верхушек на сверкающее море и потихоньку погружаясь в ту беззаботную дрему, что всегда отмечает начало каникул в таком месте, как это, особенно когда ты устал и только что перенесся за одну ночь из апрельского холода Англии под солнце волшебного острова в Ионическом море.

Должно быть, следует объяснить (для тех, кому не так повезло, как мне), что Корфу – это остров близ западного побережья Греции, длинный полумесяц, уютно устроившийся

вдоль изгиба берега. На севере, там, где остров ближе всего подходит к материку, всего лишь две мили до Албании, но от главного города, Корфу, лежащего примерно на полпути вниз по внутренней стороне полумесяца, до побережья Греции целых семь или восемь миль. Северная часть острова, широкая и покрытая горами, постепенно понижается, переходя чередой плодородных долин и все более пологих и низких холмов в длинный плоский хвост южной части, благодаря которой, как принято считать, остров и получил свое название Корфу или Керкира.

Дом моей сестры стоит примерно в двенадцати милях от города Корфу, там, где берег начинает изгибаться к материку, а подножие горы Пантократор обеспечивает заслон от ветров клочку плодородной земли, который вот уже много лет является собственностью семьи мужа Филлиды.

Моя сестра на три года старше меня. В двадцать лет она вышла замуж за римского банкира, Леонардо Форли. Его предки обосновались на Корфу во времена оккупации этого острова венецианцами и во время всех последующих «оккупаций» каким-то чудом, подобно пресловутому викарию из Брея^{3*}, умудрились не только сохранить свое маленькое имение в целости и сохранности, но даже и процветать.

При Британском протекторате прадедушка Лео выстроил среди лесов над укромной бухтой, там, где поместье вы-

³ Полулегендарный викарий XVI века, четыре раза менявший религию и бывший два раза католиком и два раза протестантом.

ходит к морю, пышный и романтический замок – Каstellо деи Фьори. Он разбил там виноградники и насадил апельсиновые деревья, включая и небольшую плантацию (если тут уместно употребить это слово) карликовых японских апельсинов, благодаря которым поместье Форли стало знаменитым. Он даже расчистил среди леса площадку для сада и построил – за мыском с южной оконечности бухты, вне видимости из Каstellо – пристань и огромный эллинг, где (если послушать Филлиду) вполне мог бы поместиться весь Шестой флот и где действительно размещалось некогда множество яхт, на которых к прадеду Форли приезжали гости. В его дни, сдаётся мне, жизнь в Каstellо представляла собой один нескончаемый праздник: летом ходили под парусом просто так и на рыбалку, а по осени устраивались охоты, когда более тридцати гостей наводняли греческое и албанское побережье, чтобы всласть пострелять птиц и горных козлов.

Но те дни окончились с началом Первой мировой войны, и семейство переехало в Рим, хотя и не стало продавать Каstellо, которое в двадцатые и тридцатые годы служило им летней резиденцией. Финансовые крахи Второй мировой почти уничтожили поместье, но в послевоенном Риме Форли вновь всплыли на поверхность, чудесным образом восстановив утраченное состояние, и тогда Форли-старший, отец Лео, вновь обратил внимание на оставшуюся на Корфу собственность и начал работы по восстановлению имения. Однако три года назад он умер, а его сын решил, что потеряя и

выцветшая роскошь Каstellо не для него, и выстроил пару небольших современных вилл, в точности похожих друг на друга, на двух мысах, огораживающих бухту, к центру которой выходило Каstellо. Сами Лео с Филлидой поселились на вилле Форли, как называли домик на северном мысе; парная же вилла, вилла Рота, стояла с южной стороны, над узким заливчиком, где располагался элинг. Виллу Рота снимал какой-то англичанин, мистер Мэннинг, который с прошлой осени работал тут над своей книгой. («Тебе знакомы книги такого рода, – сказала Филлида. – Сплошные фотографии и несколько строчек текста крупным шрифтом, но они по-настоящему хороши!») Все три дома были соединены с главной подъездной аллеей, выведившей на большую дорогу, и от каждого вдобавок отходили отдельные тропинки к лесу и вниз, в бухту.

В этом году весна в Риме выдалась жаркой, а лето обещали и того хуже, и Форли пришлось выехать на Корфу раньше обычного. Филлида была беременна и плохо переносила жару, поэтому ее уговорили оставить двух старших детей (у которых еще не кончились занятия в школе) с бабушкой, и Лео отвез ее сюда за несколько дней до моего приезда, однако сам был вынужден вернуться в Рим, пообещав, когда сможет, прилетать на выходные. Так что, услышав, что я временно осталась не у дел, сестра написала мне, предлагая составить ей компанию на Корфу.

Приглашение не могло бы прийти в более подходящее

время. Пьеса, в которой я играла, как раз сошла со сцены всего после нескольких представлений, да и то данных лишь для того, чтобы спасти лицо, и я осталась без работы. А то, что эта работа была для меня первой большой ролью в Лондоне, так сказать великим шансом, немало способствовало моей нынешней депрессии. На руках больше не оставалось решительно никаких карт: театральные агентства разговаривали со мной вежливо, но уклончиво, а кроме того, зима была просто жуткой, и я до предела устала, пала духом и всерьез задумалась, в двадцать пять-то лет, не сваяла ли я дурака, вопреки всем мудрым советам настояв на том, чтобы избрать себе сценическую карьеру. Но, как известно всякому, кто с этим сталкивался, сцена – это не профессия, а вирус, и я его подцепила. Вот я и работала, пробивая себе дорогу сквозь обычные превратности судьбы начинающей актрисы, вплоть до прошлого года, когда окончательно решила после трех лет ангажемента ведущей молодой актрисы в провинциальной труппе, что пора попробовать удачи в Лондоне. И казалось, удача наконец-то мне улыбнулась. После десяти с небольшим месяцев телевизионных массовок и всяких рекламных пустячков я получила многообещающую роль – и все для того только, чтобы пьеса пала подо мной, точно издыхающий верблюд, не прожив и двух месяцев.

Но я, по крайней мере, могла считать себя счастливее остальных нескольких тысяч, все еще с боями прокладывающих себе дорогу к вершине: в то время как они задыхались в

душных приемных различных агентств, я сидела на террасе виллы Форли с перспективой провести под слепящим солнцем Корфу столько недель, сколько захочу или смогу вынести.

Дальний конец широкой, выложенной плиткой террасы нависал над пропастью, где покрытые лесом утесы отвесно обрывались к морю. Под балюстрадой громоздились друг на друга расплывчатые облачка – кроны сосен, утреннее солнце уже успело наполнить воздух их теплым пряным ароматом. В другую сторону за домом уходил склон, поросший прохладным лесом, под сводами которого порхали и щебетали мелкие пташки. Бухту Каstellо скрывала завеса деревьев, но вид впереди был чудесен – безмятежный простор сияющего под солнцем пролива, что лежит в изгибе Корфу. А к северу, за полосой темно-синей воды, угрюмо маячили бесплотные, точно туман, призрачные снега Албании.

Это было само воплощение глубочайшего и зачарованного покоя. Ни звука, кроме пения птиц, а кругом ничего, кроме деревьев, неба и залитого солнцем моря.

Я вздохнула.

– Ну, если это и не волшебный остров Просперо, то должен им быть... Так кто там эти твои романтические двойняшки?

– Спиро и Миранда? О, это дети Марии, женщины, которая у нас работает. Она живет в том домике возле главных ворот Каstellо – да ты его видела вчера вечером по дороге

из аэропорта.

– Помню, там горел свет... Крохотный уголок, верно? Так значит, они жители Корфу – как это сказать? Корфусианцы? Филлида засмеялась.

– Балда. Корфиоты. Да, они крестьяне-корфиоты. Брат работает у Годфри Мэннинга на вилле Рота. А Миранда помогает матери здесь, по дому.

– Крестьяне? – Слегка заинтересовавшись, я пошла у нее на поводу и перестала изображать равнодушие. – Странновато слышать тут подобные имена. Кем тогда был этот их начитанный отец? Лео?

– Лео, насколько мне известно, – отозвалась любящая жена, – последние восемь лет не читал ничего, кроме римских «Финансовых новостей». Он бы решил, что «Просперо и Миранда» – название какого-нибудь инвестиционного фонда. Нет, все еще необычней, чем ты думаешь, любовь моя...

Она удостоила меня довольной улыбки кошки перед канарейкой, – улыбки, которую я расценила как прелюдию к какой-нибудь очередной, притянутой за уши сплетне из разряда «занятных фактиков, которые наверняка тебя заинтересуют».

– Строго говоря, на самом деле Спиро назван по имени святого покровителя этого острова – на Корфу каждого второго мальчика зовут Спиридионом, – но поскольку за крещение, ну, само собой, и за близнецов тоже, был ответствен наш выдающийся арендатор, то готова ручаться, в приход-

ском свидетельстве мальчик записан как Просперо.

– Ваш «выдающийся арендатор»?

Очевидно, это и был *bonne bouche*⁴, который Филлида приберегала для меня, но я взглянула на нее с некоторым удивлением, припоминая яркие краски, которыми она как-то описывала мне Кастелло деи Фьори: «отсыревшее и обветшавшее так, что словами и не скажешь, вроде вагнеровской готики, что-то наподобие музыкальной версии "Дракулы"». Интересно, кого смогли убедить выложить денежки за эти оперные чудеса?

– Так значит, кто-то арендовал Вальгаллу? Вам здорово повезло. А кто именно?

– Джулиан Гейл.

– Джулиан Гейл?! – Я резко выпрямилась и уставилась на сестру. – Ты ведь не имеешь в виду... неужели ты говоришь о Джулиане Гейле? Актере?

– О нем самом.

Сестра сидела с довольным видом. Похоже, моя реакция ей польстила. Я же полностью очнулась от полудремы, в коей пребывала все время обсуждения наших семейных дел. Сэр Джулиан Гейл был не просто актером – вот уже столько лет, что я и пересчитать не могла, он являлся одним из наиболее блистательных светочей английского театра. А совсем недавно стал и одной из непостижимейших загадок театрального мира.

⁴ *Bonne bouche* (фр.) – лакомый кусочек.

– Вот оно как! – воскликнула я. – Значит, вот куда он уехал.

– Так и думала, что тебя это заинтересует, – заметила Филлида с ноткой самодовольства в голосе.

– Еще как! Все кругом до сих пор только и гадают, почему он вдруг покинул сцену два года назад. Ну конечно, я знаю про этот ужасный несчастный случай, но вот так все бросить и тихо исчезнуть... Да ты, должно быть, слышала.

– Нетрудно представить. У нас тут есть свои источники информации. Только напрасно ты так сверкаешь глазами. Не воображай, будто сумеешь хотя бы приблизиться к нему, дитя мое. Он здесь ради уединения, и под этим словом я имею в виду именно уединение. Он вообще никуда не выходит – в социальном смысле, разве что навещает пару друзей, и у них там все залеплено плакатами: «В нарушителей будут стрелять без предупреждения», развешанными с интервалами не больше одного ярда, а садовник скидывает незваных гостей с утеса в море.

– Я не стану его беспокоить. Я его слишком почитаю. Но ты-то, думаю, с ним встречалась. Как он?

– Ну, я... На вид с ним все в порядке. Просто никуда не выходит, вот и все. Я и сама виделась с ним каких-то пару раз. Собственно говоря, это именно он рассказал мне, что Корфу считается местом действия «Бури». – Она искоса глянула на меня. – Полагаю, ты можешь с полным правом сказать, что он «питает склонность к литературе», а?

На сей раз я пропустила намек мимо ушей.

– «Буря» была его лебединой песней. Я видела ее в Стратфорде и все глаза выплакала над отрывком «От грозных этих чар я отрекаюсь». Поэтому он и выбрал Корфу, когда ушел со сцены?

Филлида засмеялась.

– Сомневаюсь. Ты не знала, что он почти уроженец острова? Жил здесь во время войны и, по-видимому, какое-то время и после, а потом, как мне говорили, привозил сюда свою семью почти каждый год на каникулы, пока дети не подросли. До самого последнего времени у них был дом под Ипсосом, но его продали после гибели жены и дочери Гейла. Тем не менее, полагаю, у него еще оставались тут, гм, связи, так что, решив покинуть сцену, он вспомнил о Каstellо. Мы не собирались сдавать усадьбу, уж слишком там все было в запущенном состоянии, но Гейл так стремился найти себе что-нибудь совсем тихое и уединенное, а тут такой подарок судьбы – Каstellо пустует, а Мария и ее семья живут совсем рядом, вот Лео и согласился. Мария с близнецами привели там в порядок несколько комнат, а за апельсиновым садом живет еще пара, они приглядывают за усадьбой, а их внук ухаживает за садом Каstellо и вообще всячески помогает, так что, сдастся мне, для человека, ищущего покоя и уединения, это и в самом деле не такая уж плохая сделка... Ну, вот тебе и вся наша маленькая колония. Не скажу, что очень уж похоже на Сен-Тропез в разгар сезона, но если тебе хочется

всего лишь тишины, солнца и возможности покупаться, то тут этого добра в избытке.

– Мне подходит, – мечтательно пробормотала я. – Ох, до чего же мне все это подходит.

– Собираешься спуститься вниз сегодня утром?

– Я бы с удовольствием. А куда?

– Да в бухту, разумеется. Это вниз, вон туда.

Она махнула рукой куда-то за деревья.

– Ты ведь, кажется, говорила, что там всякие объявления про нарушителей?

– О боже ты мой, не в буквальном смысле и уж, во всяком случае, не на пляже, только вокруг дома. Мы никогда не пускаем в бухту чужих, а иначе зачем сюда приезжать? Собственно говоря, прямо под виллой, с северной стороны мыса, у нас есть пирс, но в бухте песчаный пляж и там чудесно загорать и никого нет. Словом, поступай, как тебе больше нравится. Может быть, я и спущусь попозже, но, если хочешь поплавать уже утром, я пошлю Миранду показать тебе дорогу.

– Так значит, она сейчас здесь?

– Дорогая, – с достоинством ответствовала сестра, – ты попала в объятия вульгарной роскоши, не забыла? Уж не думаешь ли ты, будто я сама готовила кофе?

– Понятно, графиня, – грубо отозвалась я. – Помню я времена...

Тут я осеклась: на террасу с подносом в руках вышла де-

вушка и принялась убирать после завтрака. Она поглядела на меня с тем неприкрытым греческим любопытством, к которому приходится просто привыкнуть, так как отвечать таким же взглядом абсолютно невозможно, и улыбнулась мне. Улыбка эта переросла в ухмылку, когда я попробовала выговорить по-гречески «Доброе утро» – фразу, которой и посейчас исчерпывается весь мой запас греческих слов. Девушка была невысокой и коренастой, с толстой шеей, круглым лицом и густыми, почти срастающимися над переносицей бровями. Яркие темные глаза и теплая кожа обладали простой животной привлекательностью юности и здоровья. Выцветшее красное платье очень ей шло и придавало какое-то темное, нежное сияние, разительно отличавшееся от электрического искрения городских греков-эспатриантов, которых мне приходилось встречать до сих пор. На вид девушке было около семнадцати.

Моя попытка поздороваться вызвала у нее целый поток радостного греческого щебетания, которое сестра сквозь смех, наконец умудрилась пресечь.

– Она не понимает, Миранда, она знает только два слова. Говори по-английски. Не могла бы ты, когда закончишь с уборкой, показать ей дорогу вниз на пляж, хорошо?

– Ну конечно! С удовольствием!

На лице девушки отразилось не обычное удовольствие, а такой восторг, что я улыбнулась про себя, цинично предположив, что неожиданная возможность ненадолго, отлучить-

ся в самый разгар трудового утра и в самом деле удовольствие. Но я ошибалась. Так недавно вырвавшись из серого лондонского уныния и закулисных интриг и неудач, я просто еще не готова была понять простодушную радость греков оказать кому-нибудь услугу.

Миранда принялась рьяно гроыхать тарелками, составляя их на поднос.

– Я недолго. Минуточку, только минуточку...

– Что на деле означает полчаса, – безмятежно заметила сестра, когда девушка выпорхнула из комнаты. – Но все равно, куда спешить? Все время мира к твоим услугам.

– Верно, – с чувством глубокого удовлетворения согласилась я.

Дорога на пляж представляла собой тенистую тропинку, устланную сосновыми иглами. Она вилась меж деревьев и внезапно выводила на маленькую прогалинку, где бежавший к морю ручеек разливался солнечным прудиком под поросшим жимолостью берегом.

Там дорога разветвлялась. Одна тропинка шла вверх по холму, в глубь леса, а другая резко сворачивала вниз к морю между сосен и золотых дубов.

Миранда остановилась и показала вниз по склону.

– Вам сюда. А другой путь в Каstellо, там частное владение. По этой тропе никто не ходит, она ведет только к дому, вы понимаете.

– А где вторая вилла, мистера Мэннинга?

– С другой стороны бухты, на вершине утеса. С пляжа вы ее не увидите, потому что деревья все загораживают, но там есть вот такая тропинка, – и она изобразила резкий зигзаг, – от эллинга вверх по склону. Там работает мой брат Спиро. Это чудесный дом, очень красивый, совсем как у синьоры, но, конечно, не такой замечательный, как Каstellо. Вот он – ну точь-в-точь дворец.

– Охотно верю. Ваш отец тоже работает в поместье?

Я задала этот вопрос без всякой задней мысли, просто так, начисто забыв все эти Филлидины глупости да и не поверив им, но, к моему несказанному смущению, девушка замялась, и на одну ужасную секунду мне подумалось, а вдруг Филлида права. Тогда я еще не знала, что греки неизменно воспринимают самые личные вопросы как нечто само собой разумеющееся, точно так же, как сами их задают, и я начала, запинаясь, что-то бормотать, но Миранда уже отвечала:

– Мой отец бросил нас много лет назад. Он уехал туда.

«Туда» в данном случае было всего лишь стеной деревьев, обрамленных понизу миртовыми кустами, но я знала, что лежало за ними – угрюмая, закрытая земля коммунистической Албании.

– Ты имеешь в виду, он там в плену? – ужаснулась я. Девушка покачала головой.

– Нет. Он был коммунистом. В то время мы жили в Аргирате, на юге Корфу, а в той части острова таких много. – Она чуть поколебалась. – Не знаю уж почему. На севере, откуда

родом моя мать, совсем иначе.

Она говорила так, словно остров был не сорок миль в длину, а все четыреста, но я ей верила. Там, где собираются два грека, насчитывается по крайней мере три политические партии, а может, и больше.

– И вы о нем ничего не слышали?

– Ничего. Раньше моя мать еще надеялась, но теперь, разумеется, границы совсем закрыты и никто не может ни войти, ни выйти. Если он еще жив, то волей-неволей должен оставаться там. Но мы и этого не знаем.

– Ты хочешь сказать, что никто не может попасть в Албанию?

– Никто. – Черные глаза внезапно вспыхнули живым огнем, как будто за их безмятежными зрачками что-то зазглошь. – Кроме тех, кто нарушает закон.

– Ну, я не собираюсь нарушать никаких законов. – Эти враждебные снега казались такими высокими, холодными и жестокими. – Мне очень жаль, Миранда, – неловко добавила я. – Наверное, для вашей матери все это было просто ужасно.

Она пожала плечами.

– Это случилось уже так давно. Четырнадцать лет назад. Не уверена даже, что хорошо помню его. А у нас остался Спиро, он о нас заботился. – Глаза ее вновь засверкали. – Он работает на мистера Мэннинга, я вам уже говорила, – с яхтой и с машиной, чудесной машиной, страшно дорогой, и еще с фотографиями, которые мистер Мэннинг делает для книги.

Мистер Мэннинг сказал, как закончит книгу – настоящую книгу, какие продают в магазинах, – то напечатает на ней и имя Спиро. Только представьте! О, Спиро может все на свете! Он мой близнец, ну понимаете.

– Он на тебя похож?

На лице ее отразилось удивление.

– Похож на меня? Ну как это, нет, он ведь мужчина, и разве я не говорила вам только что, какой он умный? Я-то нет, я не умная, но я ведь женщина, мне и не нужно. С мужчинами все иначе. Да?

– Так говорят мужчины, – засмеялась я. – Что ж, большое спасибо, что показала мне дорогу. Не могла бы передать моей сестре, что я вернусь к ленчу?

Я повернулась и зашагала по тропе вниз под сень сосен, но у первого поворота что-то заставило меня обернуться и поглядеть на прогалинку.

Миранда скрылась. Но на миг мне показалось, будто я различаю мелькающий среди деревьев краешек выцветшего красного платья, только не по направлению к вилле Форли, а выше по склону, среди леса, на запретной тропе к Каstellо.

ГЛАВА 2

Я слегка взволнован.

У. Шекспир. Буря. Акт IV, сцена 1

Бухточка оказалась небольшой и укромной – узкий серп белого песка, отграничивающий аквамаминоное море и огражденный, в свою очередь, высокими кулисами утеса, сосен и зелено-золотых деревьев. Крутая тропинка вывела меня мимо рощицы молодых дубков прямо на пляж. Я быстро переделась в уголке и вышла под белое слепящее солнце.

Кругом было пустынно и очень тихо. По обеим сторонам бухточки в спокойную блестящую воду вдавались покрытые лесом мысы. За ними цвет моря менялся от переливчатого павлинье-голубого близ берега до глубокого темно-синего на самом горизонте, где плыли горы Эпира, менее вещественные, чем туман. Далекие снега Албании словно бы дрейфовали по небу, точно облака.

После раскаленного песка море казалось прохладным и шелковистым. Я опустила в молочно-спокойную воду и лениво поплыла вдоль берега к южной стороне залива. С суши веял слабый ветерок, пьянящая смесь аромата апельсиновых цветов и сосновой смолы, свежая и пряная, теплыми дуновениями вплетающаяся в соленый запах моря. Вскоре я приблизилась к оконечности мыса, где из воды торчали белые

скалы, а с них, отбрасывая на тихую заводь темно-зеленые тени, свисали корявые сосенки. Я осталась на солнце, лениво перевернулась на спину и закрыла глаза, чтобы их не слепил блеск неба.

Сосны вздыхали и перешептывались, недвижимая вода молчала...

И вдруг на меня набежала невесть откуда взявшаяся волна. Я едва не перевернулась от неожиданности и забарахталась, стараясь обрести утраченное равновесие, но за первой волной уже катилась новая, как будто мимо проплывала лодка, однако ни шума мотора, ни ударов весел о воду слышно не было – ничего, кроме слабого плеска затихающей ряби о камни.

Подняв голову, я огляделась по сторонам, растерянная и немного испуганная. Ничего. Вокруг, до самого бирюзового горизонта, блестело пустынное безмятежное море. Я попробовала встать и обнаружила, что меня отнесло чуть дальше от берега, чем я думала, – еле-еле удалось нащупать дно кончиками пальцев. Я повернула обратно к отмели.

На этот раз струя сбила меня с ног, а когда я, неловко барахтаясь, рванулась вперед, вторая опрокинула меня назад, так что я с минуту беспомощно бултыхалась и вовсю наглоталась воды, пока наконец не устремилась к берегу, теперь уже испугавшись не на шутку.

Внезапно поверхность моря рядом со мной забурлила и зашипела. Что-то коснулось ноги – холодное, мимолетное

прикосновение к бедру, словно под водой мимо меня кто-то проплыл...

Я задохнулась от внезапного резкого ужаса и если не завопила, то лишь оттого, что хлебнула воды и едва не пошла ко дну. В панике вынырнув на поверхность, я стерла соль с глаз и ошалело огляделась кругом: бухточка была пуста, как и прежде, но сине-зеленую гладь прочертила белая полоса, похожая на стрелу, – след того самого морского существа, которое только что задело меня. Острие стрелы удалялось, оставляя за собой на гладкой воде залива отчетливый след, точно от моторки. Оно несло вперед, вдаль от берега, а потом повернуло, описало широкую дугу и помчалось обратно...

Я не стала ждать, чтобы посмотреть, кто это. Невежественный рассудок в полной панике завопил: «Акулы!», и я как безумная бросилась к прибрежным скалам.

Существо стремительно приближалось. В тридцати ярдах от меня поверхность воды забурлила, раздалась, и из нее вырвалась огромная, изогнутая серебристо-черная спина. Вода стекала с боков, точно жидкое стекло. Послышался резкий выдох, я мельком разглядела блеск темного и яркого глаза и изогнутый в форме полумесяца спинной плавник, а затем существо вновь нырнуло, и толчок воды отшвырнул меня на пару ярдов ближе к скале. Я уцепилась за какой-то выступ, подтянулась и вылезла на берег, задыхаясь и умирая со страха.

Это точно была не акула. Сотни приключенческих романов в один голос твердили, что узнать акулу легче легкого по огромному треугольному плавнику, к тому же я не раз видела на картинках смертоносные челюсти и крохотные свирепые глазки. А это существо дышало воздухом, глаз у него был большой и темный, как у собаки – может, как у тюленя? Но ведь в этих теплых водах тюленей не водится, а потом, у тюленей не бывает спинных плавников. Морская свинья? Слишком уж большая...

И тут на меня вдруг снизошло озарение, а вместе с ним прилив радости и облегчения. Это был любимец Эгея, «малыш, обгоняющий ветер», возлюбленный Аполлона, «радость моря», дельфин – в памяти мгновенно всплыло множество ласковых имен и названий. Я села повыше, обвила колени руками и приготовилась наблюдать.

Вот он показался вновь, одним широким прыжком, гладкий и блестящий, с черной спиной и светлым брюхом, грациозный, точно мчащаяся по ветру яхта. На этот раз он не стал уныривать вниз, а лег на поверхности, с любопытством уставившись на меня и слегка покачиваясь, – большой, как все дельфины, наверное, чуть длиннее восьми футов, могучая спина чуть изогнута, чтобы в любой момент уйти под воду, а хвост полулунной формы, так непохожий на вздернутый вверх рыбий плавник, пошевеливал воду, поддерживая тело на плаву. Карий кружочек глаза неотрывно смотрел на меня, и я готова была поклясться, что во взгляде этом све-

тился огонек дружелюбия и интереса. На гладкой морде застыла неизменная дельфинья улыбка.

Восторг и восхищение ударили мне в голову.

– Ах ты, милый! – глупо сказала я, протягивая к нему руку, словно к голубю на Трафальгар-сквер.

Дельфин, естественно, проигнорировал ее и все так же покачивался на волнах, безмятежно улыбаясь, чуть-чуть приблизившись и без тени испуга следя за мной.

Так значит, все эти истории были чистейшей правдой... Конечно, я читала легенды – древняя литература так и кишела рассказами о дельфинах, которые вступали в дружбу с людьми, а если кто не мог до конца поверить в существование волшебных дельфинов из преданий, то на помощь приходило множество не столь давних событий, клятвенно подтвержденных всеми возможными современными доказательствами. Пятьдесят лет назад в Новой Зеландии один дельфин по имени Джек Пелорус двадцать лет подряд провожал корабли из пролива Кука; а Опонони, дельфин пятидесятых годов, развлекал в заливе отдыхающих; и еще позже одна дельфиниха в Италии любила играть с детишками возле берега – посмотреть на нее собирались такие толпы народа, что в результате несколько дельцов из расположенного неподалеку курорта, страшась растерять всех завсегдатаев, устроили на нее засаду и застрелили, когда она, как обычно, приплыла поиграть. Эти и прочие истории придавали древним легендам большую достоверность.

Но самое весомое – живое – доказательство находилось сейчас предо мной. Вот сидела я, Люси Уоринг, а дельфин приглашал меня в воду поплавать с ним. Он не мог бы выразиться яснее, даже если бы повесил себе плакат на прелестный полулунный плавник. Он покачивался на поверхности, лукаво поглядывая на меня, а потом слегка повернулся, кувыркнулся в воде и снова выскочил, еще ближе ко мне...

Вершины сосен колыхал легкий бриз, мимо моей щеки, точно пуля, просвистела пчела. Дельфин вдруг изогнулся дугой, подпрыгнул и скрылся под водой. Море плеснуло, забурлило и постепенно успокоилось вновь.

Ну вот и все. С разочарованием столь резким, как будто меня обокрали, я повернула голову проследить, как он будет уплывать, как вдруг вода совсем рядом с моим камнем разверзлась и из нее стремительно, как пушечное ядро, вылетел дельфин. Он описал в воздухе дугу высотой по меньшей мере в целый ярд, снова упал, гулко шлепнув по воде хвостом, и понесся вперед точно торпеда, одним махом оказавшись от моей скалы в двадцати ярдах, и, поднявшись на хвосте, вновь одарил меня этим лучистым, добродушно-насмешливым взглядом.

Представление было совершенно очаровательным, и я не могла ему противиться.

– Ну ладно, – тихо сказала я. – Иду к тебе. Но, милый мой, если ты снова меня опрокинешь, я сама тебя утоплю, так и знай!

И я свесила ноги в воду, собираясь соскользнуть с камня. Мимо меня в сторону моря снова с забавным высоким жужжанием пронеслась пчела. Что-то – должно быть, рыбешка – плеснулось на волнах позади дельфина, подняв маленький фонтанчик белопенных брызг. Но пока я рассеянно гадала, что же это может быть, гудение раздалось снова, уже ближе... снова плеск воды и необычное, тоненькое повизгивание, точно дернули натянутую проволоку.

И тут я все поняла. Мне уже доводилось слышать этот звук прежде. Пчелки и рыбки были тут совершенно ни при чем. Это свистели пули, скорее всего, выпущенные из винтовки с глушителем, а одна из них срикошетила от поверхности воды. Кто-то стрелял в дельфина из леса над бухтой.

В первый миг мне даже не пришло в голову, что я и сама подвергаюсь опасности угодить под рикошет. Я просто пришла в ярость и не могла не попытаться положить этому конец – и поскорее. Нельзя же так! Дельфин покачивался на волнах, улыбаясь мне, а тем временем какой-то гнусный «спортсмен» наверняка уже снова прицеливался...

Скорее всего, он не заметил меня в тени сосен.

– Прекратите стрельбу! – закричала я во весь голос – Немедленно прекратите! – и бросилась в воду.

Вряд ли кто-нибудь стал бы стрелять, когда есть шанс попасть в меня... Я ринулась в полосу света, неловко пытаюсь бежать по груди в воде, от души надеясь, что столь бесцеремонное и шумное приближение вспугнет дельфина и заста-

вит уплыть из опасной зоны.

Так и вышло. Он позволил мне приблизиться на несколько футов, но, когда я кинулась дальше, протянув руку, словно пытаюсь коснуться его, тихонько вильнул в сторону, нырнул и исчез.

Я стояла по грудь в воде, оглядывая море. Ничего. Оно простиралось, пустое и безмолвное, к бесплотным, расплывчатым холмам далекого материка. Рябь, поднятая дельфином, добежала до берега и затихла с невнятным плеском. Дельфин исчез. И волшебство исчезло вместе с ним. Предомной остался всего лишь небольшой, хотя и милый пляж, над которым засел в засаде какой-то неприятный и, наверное, расстроенный неудачей тип с ружьем.

Я повернулась и посмотрела на окружавшие залив утесы.

Первое, что бросилось мне в глаза, – это нависающие высоко по самому центру бухты верхние этажи какого-то здания, скорее всего Кастелло деи Фьори, вздымающего свои несоразмерные и нелепые башенки на фоне дубов, кедров и средиземноморских кипарисов. Дом стоял довольно далеко от обрыва, так что окон первого этажа видно не было, но к краю утеса над морем выходил широкий балкон или терраса. Заросли цветущих кустов, покрывающих отвесную неровную стену утеса, загораживали террасу от расположенного прямо под обрывом пляжа, но с того места, где я стояла сейчас, можно было отчетливо разглядеть всю длину балюстрады, поросшие мхом статуи по углам, пару каменных ва-

зонов с цветами, ярко выделяющимися на фоне темных кипарисов, и, на некотором отдалении от перил, стол и кресла в тени каменной сосны.

И полускрытого в этой тени человека, глядящего на меня.

Секундного наблюдения хватило, чтобы понять, что он не может быть сэром Джулианом Гейлом. Даже издали я не уловила в нем ничего знакомого. Для сэра Джулиана он был слишком смугл, слишком небрежен в движениях и определенно слишком молод. Вероятно, рассудила я, это садовник, тот самый, что сбрасывает нарушителей с обрыва. Что ж, если садовник сэра Джулиана завел привычку постреливать для забавы куда ни попадя, самое время ему бросить это дело.

Не успел дельфин и двух раз показаться на поверхности, как я уже выскочила из воды, натянула туфли, обмоталась полотенцем и помчалась вверх по обветшавшим ступеням, ведущим куда-то за обрыв – насколько можно было судить, как раз к террасе.

Сверху раздался крик, и я подняла голову. Незнакомец подошел к балюстраде и перегнулся через перила. Я едва различала его сквозь густую пелену гибискуса и папоротника, но разглядела, что он не похож на грека, а стоило мне на миг остановиться, как он прокричал по-английски: «Туда, пожалуйста!» – и махнул рукой в сторону южного края бухты.

Я проигнорировала этот жест. Кем бы там он ни был –

скорее всего, не садовником, а каким-нибудь гостем Джулиана Гейла, – я твердо решила разобраться с ним здесь и сейчас, пока мой гнев еще не успел остыть, а не ждать, пока нам доведется столкнуться на каком-нибудь светском приеме у Филлиды... «Но послушайте, мистер Как-вас-там, совершенно незачем стрелять в дельфинов, они абсолютно безвредны». Все эти старые как мир вежливые увещевания, тысячекратно звучавшие перед безмозглыми любителями охоты, стрелявшими или ловившими в капканы барсуков, пустельг, выдр – безвреднейших существ, убиваемых лишь потому, что кому-то взбрело в голову прогуляться с собакой в погожий денек. Нет, на этот раз я разозлилась не на шутку, и злость придала мне храбрости. Не стану откладывать, выскажу ему все, что у меня накопилось.

Пришпориваемая этими мыслями, я одним махом взлетела по ступеням, словно выпущенная из ракетницы петарда.

Крутая и неровная лестница вилась сквозь самую гущу зарослей, огибая подножие утеса, а потом резко поднималась сквозь кусты мирта и жасмина и заканчивалась пологой лужайкой, испещренной бликами солнечного света.

Незнакомец уже поджидал меня там, всем видом излучая раздражение, – верно, поспешил навстречу с террасы, чтобы перехватить меня. Только остановившись и вызывающе уставившись на него, я вдруг осознала, в каком невыгодном положении нахожусь, особенно по сравнению с ним. Ему пришлось всего лишь спуститься примерно на пятьдесят футов

– мне же пулей взлететь на сто или больше. Он, должно быть, имел полное право находиться здесь – я же нет. К тому же он занимался своим делом, которое никоим образом меня не касалось. Более того, он был полностью одет, а я примчалась в купальнике и обмотанном поверх полотенце, мокрым и бесформенно свисающем по бокам. Судорожно кутаясь в него, я старалась отдышаться, чувствуя еще большую ярость, чем прежде. Но ничего не выходило, я не могла вымолвить ни слова.

Поэтому первым заговорил мой противник – не агрессивно, но и не то чтобы вежливо.

– Здесь, знаете ли, частное владение. Не будете ли вы столь любезны спуститься той же дорогой, что и пришли? Эта тропа ведет только к террасе, а оттуда к дому.

Я наконец слегка отдышалась и не стала тратить даром ни времени, ни слов.

– Зачем вы стреляли в дельфина?

Он потемнел, словно я вдруг ударила его по лицу.

– Зачем я что?

– То, чем только что занимались. Разве вы не стреляли в дельфина в бухте?

– Дорогая моя де... – Он спохватился и произнес уже иным тоном, словно обращаясь к помешанной: – О чем вы говорите?

– Не притворяйтесь, будто не знаете! Это наверняка вы! Раз уж вы такая гроза разрушителей и посторонних, то кому

бы еще? – Я тяжело дышала и трясущимися руками неловко прижимала к себе полотенце. – Кто-то несколько раз стрелял в него, только что, несколько минут назад. Я была там и видела вас на террасе.

– Безусловно, я был на террасе и видел дельфина. А вот вас нет, пока вы не закричали и не выскочили из-под деревьев. Но вы, вероятно, ошиблись. Никто не стрелял. Я бы непременно услышал выстрелы.

– Ну разумеется, стреляли с глушителем, – нетерпеливо перебила я. – Говорю же вам, когда стреляли, я была там, внизу! Неужели вы считаете, я бы помчалась сюда просто так, ради забавы? Это были самые настоящие пули! Я могу узнать рикошет, когда его слышу.

При этом заявлении незнакомец нахмурился и, сведя брови, уставился на меня, как будто в первый раз увидев во мне человека, а не какую-то доuku, которую надо как можно скорее спихнуть вниз с утеса.

– Зачем же тогда вы прыгнули в воду рядом с дельфином?

– Ну, это же очевидно! Хотела прогнать, пока его не ранили!

– Да ведь вас саму могли серьезно ранить. Или вам неизвестно, что пули отскакивают рикошетом от воды точно так же, как и от камней?

– Само собой, известно! Но надо было что-нибудь предпринять, как по-вашему?

– Отважная девушка.

Голос его звучал так сухо, что моя остывшая было ярость вспыхнула с новой силой.

– Вы мне не верите, да? – с жаром произнесла я. – Говорю же вам, это чистая правда! Тут и в самом деле стреляли, и я, разумеется, прыгнула в воду, чтобы это прекратить. Я же понимала, что вы не станете стрелять, если в воде будет кто-нибудь, кроме дельфина.

– Знаете ли, – произнес он, – так у вас не получится. Или то, или другое. Либо я стрелял, либо я не верю, что здесь вообще стреляли. Но не оба варианта сразу. Можете выбирать сами. На вашем месте я бы остановился на втором. Я имею в виду, это ведь неправдоподобно, верно? Даже предположив, что кому-то вздумается стрелять в дельфина, зачем использовать глушитель?

– Это я вас спрашиваю, – заявила я.

На миг мне показалось, что я зашла чересчур далеко. Губы незнакомца сжались, а в глазах вспыхнул сердитый огонек. Ненадолго наступило молчание. Он, хмурясь, мерил взглядом меня, а я – его.

Только теперь я как следует разглядела своего противника. Он оказался крепким и стройным человеком лет тридцати, небрежно одетым в свободные брюки и рубашку без рукавов, выставлявшую напоказ грудь и руки – они вполне могли бы принадлежать любому из голоруких и голоногих греков-чернорабочих, которых я видела на строительстве дорог. Как и у них, волосы и глаза у него были темными-пре-

темными. Но что-то в форме рта, одновременно чувственно-го и чувствительного, противоречило первому впечатлению, будто это личность чисто физического склада. Сразу становилось понятно, что имеешь дело с человеком вспыльчивым, часто испытывающим агрессивные импульсы, но привыкшим сполна расплачиваться за них перед самим собой.

Какое впечатление сложилось у него обо мне, я и думать боялась: мокрые волосы, покрасневшее лицо, полусмущенная ярость и это чертово полотенце, что так и норовило сползти... Но в одном я точно была уверена: в эту самую секунду на него накатила одна из его пресловутых приступов агрессии. По счастью, не физической... пока что.

– Что ж, – коротко сказал он. – Боюсь, вам придется удовольствоваться лишь моим словом. Я не стреляю в животных – ни из винтовки, ни из рогатки, ни из чего-либо еще. Довольны? Ну а теперь, с вашего позволения, я был бы крайне признателен, если бы вы...

– Ушла той же дорогой, что и пришла? Хорошо. Я все поняла. Простите, наверное, я ошиблась. Но вот насчет выстрелов не ошиблась точно. Не больше вашего представляю, кому и зачем понадобилось это делать, но факт остается фактом: в дельфина кто-то стрелял. – Под ничего не выражающим взором незнакомца я начала сбиваться и запинаться. – Послушайте, не хочу больше докучать вам, но просто не могу взять и бросить все это дело... Такое ведь может повториться снова... Раз уж это не вы, у вас есть хоть малейшее

представление, кто бы это мог быть?

– Нет.

– Быть может, садовник?

– Нет.

– Или арендатор виллы Рота?

– Мэннинг? Напротив, если вам требуется помощь в вашей защитной кампании, я бы предложил отправиться прямо на виллу Рота. Мэннинг фотографировал этого дельфина много недель подряд. Собственно, это он и приручил его с самого начала, он и тот греческий паренек, который на него работает.

– Приручил? А... понимаю. Ну тогда, – запинаясь, добавила я, – это и вправду не он.

Мой собеседник промолчал – похоже, с безразличным терпением ждал, пока я уйду. Я прикусила губу, находясь в жалком замешательстве и чувствуя себя дура душой. (И почему это всегда чувствуешь себя дураком, когда действуешь из лучших побуждений, которые более умудренные люди зовут сентиментальностью?) Я вдруг заметила, что вся дрожу. Гнев и энергия разом оставили меня. В тени на поляне было довольно прохладно.

– Хорошо, – сказала я, – наверное, я постараюсь поскорее повидаться с мистером Мэннингом, а если и он не сможет помочь, то, надеюсь, мой зять сможет. Я имею в виду, раз уж тут частные владения, и берег тоже, то мы ведь вправе помешать всяким нарушителям, верно?

– Мы? – быстро повторил он.

– Ну, хозяйева этого имения. Я Люси Уоринг, сестра Филлиды Форли. Насколько понимаю, вы гостите у сэра Джулиана?

– Я его сын. Так вы мисс Уоринг? Не знал, что вы уже здесь. – Казалось, он замялся в нерешительности, словно собираясь извиниться, но вместо этого спросил: – А сам Форли сейчас дома?

– Нет, – коротко ответила я и повернулась, собираясь уйти.

За мою сандалию зацепился побег папоротника, и я нагнулась, чтобы снять его.

– Простите, если был несколько резок. – Голос Гейла-младшего ничуть не смягчился, но, возможно, это объяснялось смущением. – Мы тут хлебнули хлопот с разными приезжими, и мой отец... он болел и приехал сюда выздоравливать, так что, сами понимаете, ему нужна тишина и покой.

– Разве я похожа на охотницу за автографами?

В первый раз в глазах моего собеседника вспыхнула искорка веселья.

– Пожалуй, нет. Но ваш дельфин был даже большей достопримечательностью и приманкой, чем мой отец: каким-то образом вся округа прослышала, что он дается фотографировать, а потом поползли слухи, будто здесь снимается кино, так что в залив стали наведываться лодки с зеваками, не говоря уже о тех, кто приходил пешком через лес. Все это стало

немножко утомительно. Я лично не возражаю, если людям хочется попользоваться пляжем, но они всегда приходят с транзисторами, а этого я уже вынести не могу. Я по профессии музыкант и приехал сюда работать. – Он чуть помолчал и сухо добавил: – А если вы думаете, что это дает мне прекрасную причину пожелать избавиться от дельфина, могу только еще раз заверить вас, что мне это и в голову не приходило.

– Что ж, – отозвалась я, – похоже, больше говорить не о чем, правда? Простите, если прервала вашу работу. Сейчас я уйду, и вы сможете к ней вернуться. Всего хорошего, мистер Гейл.

Мой исполненный величия уход был несколько испорчен тем, что проклятое полотенце зацепилось за папоротник и слетело с меня. Я потратила целых три отвратительные минуты на то, чтобы высвободить его и водрузить на надлежащее место.

Впрочем, я могла бы и не беспокоиться за свое достоинство: Гейл уже ушел. Откуда-то сверху, раздражающе близко, слышались голоса – вопрос и ответ, такие короткие и небрежные, что уже сами по себе были просто оскорбительны. А потом тишину недвижимого воздуха нарушила музыка – вырвавшийся на волю поток звучных аккордов, то ли из граммофона, то ли включили радио.

Можно было не сомневаться, что я уже забыта.

ГЛАВА 3

Этот щеголь

Крушенье потерпел. Когда б его

Не грызло горе – язва красоты,

Могла бы ты назвать его прекрасным.

У. Шекспир. Буря. Акт I, сцена 2

К тому времени, как я приняла душ и переоделась, первый мой пыл слегка угас, и теперь мне не терпелось рассказать все Филлиде и – скорее всего – выслушать немало ехидных комментариев в адрес несговорчивого мистера Гейла. Но когда я спустилась на террасу, сестры там не оказалось. Стол не был накрыт толком к ленчу, серебряные приборы валялись на середине скатерти, точно их побросали второпях. Ни Миранды, ни ее матери не было и следа.

Затем послышался стук кухонной двери и быстрые шаги моей сестры через холл к большой гостиной, которую она звала *salotto*.

– Люси? Это тебя я только что слышала?

– Я тут, снаружи.

Я шагнула к французской двери, но Филлида уже спешила навстречу, и одного взгляда на ее лицо хватило, чтобы я и думать забыла о своем утреннем приключении.

– Фил! Что стряслось? Ты чудовищно выглядишь. Калибан?

Она покачала головой.

– Дело не в этом. Плохие новости, просто ужас. У бедной Марии утонул сын. Спиро, паренек, о котором я рассказывала тебе за завтраком.

– Фил! Господи, какой кошмар! Но как? Когда?

– Вчера ночью. Он вышел в море на яхте с Годфри, ну, Годфри Мэннингом, и там произошел несчастный случай. Годфри пришел к нам с этим известием буквально несколько минут назад, а мне пришлось сообщить об этом Марии и Миранде. Я... я отправила их домой. – Она поднесла руку ко лбу. – Люси, это было так ужасно! Даже и передать тебе не могу. Если бы Мария хоть сказала что-нибудь, но нет, ни единого слова... Ну ладно, идем. Годфри еще здесь, так что тебе лучше зайти в дом и познакомиться с ним.

Я попятилась.

– Нет-нет, за меня не волнуйся. Я пойду к себе в комнату или еще куда-нибудь. Мистер Мэннинг, наверное, не в том состоянии, чтобы вести светские беседы. Бедная Фил. Мне так жаль... Послушай, может, тебе будет легче, если я уеду до вечера? Могу отправиться в город на ленч, а потом...

– Ой, нет, пожалуйста, мне бы хотелось, чтобы ты осталась. – Сестра на миг понизила голос – Он так тяжело все это переживает, и я, честно говоря, думаю, может быть, ему стоит поговорить с кем-нибудь о случившемся. Ну пойдем же... Боже! Мне необходимо чего-нибудь выпить! Придется Калибану разок это пережить.

Она слабо улыбнулась и повела меня в дом через широкую застекленную дверь.

Salotto представляло собой просторную прохладную комнату с тремя большими французскими окнами⁵, выходящими на террасу, откуда открывался умопомрачительный вид на море. Облепившая террасу глициния смягчала беспощадное солнце, так что в гостиной было сумрачно и прохладно, голубые стены цвета утиных яиц и белый потолок оттеняли совершенство позолоченных итальянских зеркал и мягкое золотистое сияние отполированного деревянного пола. Комната, дышащая миром и покоем, отличалась той благодатной простотой, которую могут обеспечить богатство и хороший вкус. Филлида всегда обладала безупречным вкусом. Я часто радовалась, что это она, а не я вышла замуж за банкира. Мой вкус, с тех пор как я переросла стадию увлечения бутылками из-под джина и кьянти в качестве главных элементов оформления, всегда нес на себе неизгладимый отпечаток того, что я слишком долго прожила в постоянном хаосе всевозможного хлама, приобретаемого по дешевке в лавке старьевщика и переделываемого на скорую руку для очередного спектакля. В лучшем случае эффект получался в духе бедняги Сесила Битона⁶, в худшем же – гибридом между де-

⁵ Французскими окнами называются большие стеклянные двери, выходящие на террасу или в сад.

⁶ Сесил Битон – знаменитый мастер фотопортрета, снимавший кинозвезд и идолов поп-культуры.

корациями Эммета и Рональда Сирла⁷ для постановки «Уотта» Сэмюэля Беккета. Лично я таким образом наслаждалась жизнью, но это вовсе не мешало мне восхищаться несомненной элегантностью моей сестры.

В дальнем углу комнаты находился стол с батареей бутылок. Рядом, спиной к нам, наливая в стакан содовую, стоял какой-то мужчина. При звуке наших шагов он обернулся.

В первый миг мне показалось, будто на лицо его натянута маска ледяного самообладания, под которой скрывалось какое-то сильное чувство. Но потом это впечатление поблекло, и я увидела, что ошиблась: самообладание было не маской, а частью этого человека, причем порождалось самой эмоцией, совсем как автоматический тормоз включается в ответ на струю пара. Этот человек принадлежал к совершенно иному типу людей, чем мистер Гейл. Я поглядела на него с интересом и некоторым состраданием.

Он был высок и широкоплеч, каштановые волосы выгорели на солнце. Умное худощавое лицо, серые глаза, усталые и чуть поникшие в уголках, словно он давно не спал. Я бы сказала, что ему лет тридцать пять – тридцать шесть.

Филлида представила нас друг другу, и он учтиво поздоровался со мной, но все его внимание было приковано к моей сестре.

– Вы сказали им? Ну как? Очень плохо?

– Хуже некуда. Ради всего святого, не нальете ли мне вы-

⁷ Рональд Сирл – известный карикатурист.

пить? – Она опустила в кресло. – Что? А, виски, пожалуйста. А как ты, Люси?

– Если в том графине фруктовый сок, то мне его, ладно? А лед есть?

– Ну конечно. – Он протянул нам по бокалу. – Послушайте, Фил, не следует ли мне сейчас пойти и поговорить с ними? Они, наверное, захотят сами о чем-нибудь расспросить.

Отпив из бокала, Филлида тяжело вздохнула и, кажется, немного успокоилась.

– На вашем месте я бы пока воздержалась. Я сказала им, что они могут идти домой, и они не промолвили ни слова, просто собрали вещи и ушли. Думаю, полиция еще приедет туда, чтобы поговорить с ними... Потом-то они, конечно, захотят услышать от вас все до мельчайших подробностей, но сомневаюсь, что сейчас Мария способна вообще что-либо понять, кроме того, что Спиро погиб. Собственно говоря, не думаю, что она и это осознала, по-моему, она еще не смогла поверить в его смерть до конца. – Филлида поглядела на Мэннинга: – Годфри, я полагаю... полагаю, тут не может быть никаких сомнений?

Он замялся, покачивая виски в бокале и хмуро уставившись на плещущую жидкость. Морщины на его лице прорезались глубже, и я начала гадать, не старше ли он, чем мне показалось сначала.

– Ну, в общем, некоторые сомнения еще остаются. Вот в чем весь ужас-то, понимаете? Вот почему я и пришел только

сейчас... Обзванивал все кругом, пытаюсь выяснить, не могли он добраться до берега, сюда или на материк, или... или не нашли ли его. В смысле, не вынесло ли на берег его тело. – Мэннинг оторвал взгляд от бокала. – Но я абсолютно уверен, что не осталось никаких шансов. Я имею в виду, шансов увидеть его в живых.

– А далеко ли вы были от берега?

Он поморщился.

– Примерно посередине пролива.

– Где именно?

– К северу отсюда, за Коулоурой, в самом узком месте. Но там все равно до берега в любую сторону не меньше мили.

– А что случилось? – не удержалась я.

Оба они уставились на меня с таким видом, будто начисто забыли о моем присутствии. Годфри Мэннинг расправил плечи и рассеянно пригладил волосы.

– Видите ли, я и сам толком не понял. Что, звучит невероятно глупо? Но тем не менее это правда. С тех пор я столько раз мысленно прокручивал все случившееся, что уже сам запутался, что именно помню, а о чем лишь догадываюсь. Ну и, конечно, бессонная ночь тоже не помогает делу. – Он отвернулся к столу и налил себе еще виски. – А что самое худшее, никак не могу избавиться от чувства, будто мог как-то предотвратить трагедию.

При этих словах Филлида вскрикнула, и я поспешила вмешаться.

– Уверена, что это не так! Простите, мне не следовало спрашивать. Наверняка вам не хочется больше об этом говорить.

– Ничего. – Он подошел к креслу, но не сел, а просто беспокойно притулился на подлокотнике. – Я уже беседовал об этом с полицией, да и Фил тоже вкратце рассказал. Можно сказать, худшее уже позади... кроме того, боже помоги мне, что придется еще разговаривать с матерью парнишки. Наверняка она захочет узнать гораздо больше, чем полиция. – Он залпом выпил виски, словно ему это было совершенно необходимо, и в первый раз посмотрел прямо на меня. – Вы не встречались со Спиро?

– Я приехала только вчера вечером.

Уголки его губ опустились.

– Ну и начало визита. Что ж, он был братом-близнецом Миранды – я так понял, с ней и ее матерью вы встречались? – и работает, а точнее, работал у меня.

– Фил говорила мне.

– Мне с ним повезло. Он был умелым механиком, а в этих краях такого нелегко найти. В большинстве деревень единственные «машины» – это ослики и мулы, и для юнца с наклонностями к механике работы не сыщешь. Так что все они перебираются в города. Но Спиро, конечно, хотелось работать поближе к дому – отец его умер, и он стремился жить с матерью и сестрой. Я приехал сюда в прошлом году, и все это время он работал у меня. Чего он не знал о яхтах, того и

знать не стоило, а если я скажу, что даже позволял ему брать на выходные мою машину, вы поймете, что он и вправду был чертовски хорош. – Мэннинг кивнул в сторону окна, где на столе лежала большая папка. – Не знаю, упоминала ли Фил, но я работаю над книгой, состоящей по большей части из фотографий, и даже тут Спиро был неоценим. Он не только наловчился помогать мне технически – с проявкой и так далее, но и позировал для некоторых снимков.

– Они чудесны, – пылко вставила Филлида.

Мэннинг улыбнулся напряженной, бессмысленной улыбкой.

– Хорошие, правда? Что ж, вот таким был Спиро. Конечно, что бы там ни говорила бедняжка Миранда, не воплощенное совершенство. Золотые руки, это да, тут природа его не обделила, но страшный тугодум, а иногда упрям, как слепой мул, но зато решительный, упорный, и вы могли ему смело доверять. И было у него еще одно дополнительное, совершенно бесценное качество, которое для меня дороже всего на свете: на фотографиях он выходил просто сказочно. Перед камерой вел себя абсолютно естественно – хоть нарочно старайся, ничего не испортишь. – Он одним глотком допил остаток виски и наклонился поставить бокал на стол. Позвякивание стекла о дерево прозвучало до странности завершающе, точно мертвая тишина после надгробного слова. – Что, собственно, и приводит меня к вчерашнему вечеру.

Наступила короткая пауза. Усталые серые глаза снова об-

ратились ко мне.

– Я проводил кое-какие эксперименты с ночной фотографией – рыбачьи шаланды ночью, пейзажи в лунном свете и все в том же роде... вот и решил попытать удачи с восходом над материком, пока еще снег с гор не стаял. И мы со Спиро вышли в море. Задувал легкий ветерок, но никаких оснований для тревоги. Мы направились к побережью. Вы, вероятно, знаете, что к северу отсюда стоит гора Пантократор? Так вот, берег там изгибается и идет под прикрытием горы почти точно на восток. И только когда вы достигаете самого края и выворачиваете через открытый пролив на север, там-то и поднимается настоящий ветер. Мы приплыли туда примерно за полчаса до рассвета и свернули напротив Коулоуры – это самое узкое место между островом и материком. По морю шла зыбь, но моряки еще не назвали бы это волнением, хотя ветер с севера начинал потихоньку усиливаться... Словом, я сидел в каюте, возился с камерой, а Спиро был на корме, как вдруг мотор заглох. Я окликнул Спиро, спрашивая; что случилось, а он крикнул в ответ, что думает, будто что-то наматалось на винт, но он в минуту все расчистит. Так что я вернулся к своим делам и только потом понял, что Спиро оставил руль без присмотра – яхту развернуло боком и стало слишком сильно качать. Поэтому я вышел посмотреть, что же происходит.

Мэннинг поднял руку легким, но опять-таки странно завершающим жестом.

– Тут-то все и случилось. Я увидел Спиро на корме – он свесился за борт. Яхту очень сильно качало, и, кажется, хотя точно уже не помню, я крикнул ему быть осторожнее. А в следующий миг нос яхты взлетел на волну, и палуба взбрыкнула, как норовистый мул. Спиро хотел ухватиться за ограждение, но оно было скользким, и у бедняги соскользнули пальцы. Потом я увидел, как Спиро начал падать за борт и еще раз попытался за что-нибудь уцепиться, но промахнулся. Он просто исчез. К тому времени, как я сумел добраться до кормы, его уже не было видно.

– А он умел плавать?

– О да, само собой. Но было темно, а яхту сильно несло вперед, в открытое море. Возясь в каюте, я не заметил, как ветер разыгрался не на шутку, и, должно быть, за несколько секунд нас отнесло на много ярдов. Даже если бы Спиро оставался на плаву, его все равно было бы нелегко найти. Впрочем, не думаю, что он сумел вынырнуть или позвать на помощь, иначе бы я услышал. Я сам кричал, пока не сорвал голос, но ответа не было...

Он снова беспокойно поднялся и зашагал к окну.

– Ну вот, собственно, и все. Я выбросил за борт спасательный круг, но яхту довольно быстро сносило вперед, и к тому времени, как мне удалось завести мотор и вернуться туда, где, по моим представлениям, выпал Спиро, от бедного мальчика не осталось и следа. Хотя, скорее всего, я вернулся более или менее на прежнее место, потому что нашел там

спасательный круг. Я битых два часа плавал вокруг да около – глупо, наверное, но знаете, в такой ситуации невозможно сдаться и прекратить поиски. Потом недалеко, на расстоянии оклика, проплыла рыбацья лодка. Они стали помогать мне, но все тщетно.

Наступила пауза. Мэннинг стоял к нам спиной, глядя в окно.

– Это ужасно, – дрожащими губами пролепетала Филлида. – Ужасно.

– А на винт действительно что-то намоталось? – поинтересовалась я.

Годфри повернулся ко мне.

– Что? А-а, нет. По крайней мере, я ничего такого не обнаружил. Просто-напросто засорился насос. Я все наладил буквально за несколько секунд. Если бы он догадался сначала проверить там...

Он пожал плечами, не докончив фразы.

– Ну что ж, – Фил старалась говорить, как ни в чем не бывало, – честное слово, решительно не вижу, в чем вам себя винить. Что еще вы могли сделать?

– Да нет, не то чтобы я винил себя в случившемся, сам знаю, что это глупо. Труднее всего смириться с тем, что я не сумел найти его. Два часа кряду кружить в черном разыгравшемся море и все время знать, что каждую минуту может стать уже слишком поздно. Прошу вас, поймите меня правильно, но мне было бы гораздо легче, если бы я смог при-

везти тело несчастного мальчика домой.

– Потому что иначе его мать не сможет поверить, что он погиб?

Мэннинг кивнул.

– Потому что сейчас она все равно будет надеяться, хотя никакой надежды нет, будет сидеть и ждать его возвращения. А когда, то есть если его тело все-таки вынесет на берег, ей придется заново переживать весь этот кошмар.

– Будем надеяться, что тело вынесет на берег поскорее, – сказала Филлида.

– Очень сомневаюсь. Ветер и волны должны были отнести его в другую сторону. А если его найдут на албанском побережье, мы можем об этом даже и не узнать. Она может ждать сына годами.

– Совсем как его отца, – заметила я.

Мэннинг несколько секунд глядел на меня невидящим взором.

– Его отца? О боже, да. Об этом-то я и забыл.

– Тогда, ради всего святого, и не вспоминайте, Годфри! – встрепенулась Филлида. – Не надо растравлять себя еще больше! Ситуация достаточно ужасна и без ваших попыток обвинить себя в том, чему вы никак не могли помочь и что не могли предотвратить!

– Хотелось бы, чтобы его мать и сестра это поняли.

– Ну конечно поймут! Когда первое потрясение уляжется, поговорите с ними, расскажите все так, как сейчас рас-

сказали нам. Вот увидите, они примут случившееся, даже и не подумав никого винить или восхвалять – точно так же, как принимают все, что ни пошлет им судьба. Таков уж этот народ. Крепкий, как скалы его родного острова, и вера его столь же нерушима.

Мэннинг поглядел на мою сестру с некоторым удивлением. Люди, привыкшие видеть лишь повседневную Филлиду – капризную, легкомысленную и прелестную бабочку, – всегда удивляются, столкнувшись с ее настоящей сутью, надежным, материнским теплом. Помимо изумления на лице Годфри читалась и благодарность, словно он получил отпущение грехов и это было для него очень важно.

Филлида улыбнулась ему.

– Ваша беда в том, что вы не только пережили ужасное потрясение и кошмарный шок, но и боитесь предстать перед Марией и выдержать сцену, и я вас несколько не виню. – Ее прямота действовала столь же утешительно, сколь и опустошающе. – Но можете не волноваться. Никакой сцены не будет. Им с дочерью вряд ли придет в голову вас о чем-то расспрашивать.

– Вы не совсем понимаете. Ведь Спиро не собирался выходить со мной в море вчера ночью, у него было назначено в городе какое-то свидание. А я убедил его отменить встречу. Его мать до последней минуты даже ничего и не знала.

– Ну так что? Без сомнения, вы, как всегда, собирались заплатить ему сверхурочные, верно? Я, во всяком случае, так

думаю... да-да, Мария мне все рассказывала. Поверьте, они были безмерно благодарны вам за то, что вы дали ему работу и с неизменной щедростью платили за нее. Спиро был о вас самого высокого мнения, и Мария тоже. Силы небесные, вам ли тревожиться, что они вам скажут?

– Как вы думаете, я могу им что-нибудь предложить?

– Деньги? – Филлида свела брови. – Не знаю. Надо подумать. Не представляю, что они теперь будут делать... Но об этом пока что рано тревожиться. Я задам им пару деликатных вопросов и сообщу вам, договорились? Но прошу вас, когда пойдете домой, лучше заберите эти снимки с собой. Я не успела их как следует просмотреть, но не хотелось бы, чтобы Мария наткнулась на них в такое тяжелое для нее время.

– Боже!.. Да, конечно, непременно заберу их.

Он взял папку со стола и нерешительно остановился, словно не вполне представляя, что делать дальше. Одна из привычек, вбитых мне моей профессией, – это наблюдать лица и вслушиваться в голоса, а если человек в это время переживает какое-то потрясение или стресс – тем лучше. Как актриса я никогда не достигну высшего уровня, зато здорово наловчилась разбираться в людях. И сейчас в нерешительности и жажде ободрения Годфри Мэннинга я ощущала что-то совершенно ему не присущее. Контраст между впечатлением, которое производил этот человек, и тем, во что превратил его шок, был чрезмерен – все равно что смотреть на

фальшивящего актера. Я просто не могла этого вынести и спросила – торопливо и, наверное, не слишком тактично, словно необходимо было любой ценой отвлечь его:

– А это фотографии для вашей книги?

– Часть из них. Я принес на днях показать их Фил. Хотите посмотреть?

Он быстро подошел и положил папку на низкий столик перед моим креслом. По чести говоря, мне не очень-то хотелось сейчас смотреть снимки, среди которых, скорее всего, были и фотографии погибшего юноши, но Фил не стала возражать, а Годфри Мэннингу, совершенно очевидно, это могло принести хоть какое-то облегчение. Поэтому я промолчала, а он вытащил кипу снимков большого формата и начал раскладывать их передо мной.

На первых фотографиях были главным образом пейзажи: отвесные утесы и ослепительное море, яркие цветы, распластавшиеся по залитым солнцем скалам, крестьянки с их осликами и козами, бредущие между живыми изгородями из цветущих белоснежных яблонь и пурпурного раkitника или склоняющиеся с грудами разноцветной одежды для стирки над каменными купальнями. И море – оно присутствовало почти на всех снимках: обрамленный водорослями край заводи, или гребень бегущей волны, или хлопья пены на мокром песке. И одна совершенно чудесная фотография: узкая бухточка среди скал, посередине которой, улыбаясь и кося на камеру ярким смышленным глазом, качался на волнах дель-

фин.

– Ой, смотрите, дельфин! – воскликнула я, в первый раз вспомнив свое утреннее приключение.

Годфри Мэннинг с любопытством посмотрел на меня, но не успела я ничего добавить, как Филлида уже отложила снимок в сторону и я увидела прямо перед собой фотографию погибшего юноши.

Он был очень похож на сестру: круглое лицо, широкая улыбка, загорелая кожа и копна густых черных волос, жестких и упругих, как вереск. Я сразу поняла, что имел в виду Годфри, называя паренька «прирожденной моделью». Крепкое тело и толстая шея, придающие Миранде тяжеловатый, крестьянский вид, превратились у Спиро в классический образец мужской силы, знакомые, намеренно подчеркнутые скульптурные формы. На фоне моря и скал юный грек казался столь же неотъемлемой частью пейзажа, как колонны храма на мысе Сунион.

Я мучительно гадала, как нарушить затянувшееся молчание, но сестра сделала это легко и непринужденно.

– Знаете, Годфри, я более чем уверена, что позднее, когда боль утраты немного утихнет, Мария будет рада получить какую-нибудь из этих фотографий. Почему бы вам не напечатать для нее несколько штук?

– Думаете, ей захочется... А что, пожалуй, идея. Да, конечно, и заключу фотографию в рамочку. – Мэннинг начал укладывать снимки обратно в папку. – Как-нибудь поможе-

те мне выбрать, какая, по вашему мнению, ей больше понравится?

– О, здесь не может быть никаких вопросов, – отозвалась Филлида, вытаскивая из груди снимков один. – Эта. Я много лет ничего лучше не видела, и он так похож на себя.

Годфри бросил короткий взгляд на фотографию.

– А, да. Удачный снимок.

Голос его был совершенно бесцветен.

Я ничего не сказала, заворуженно уставившись на снимок.

Там был дельфин, дугой прогнувшийся над бирюзовым морем, черная спина усеяна серебряными каплями. А рядом с ним по пояс в воде, смеясь и протянув руку к дельфину, словно чтобы погладить его, стоял загорелый обнаженный юноша. Его прямое, точно стрела, тело разрезало арку, образованную серебряным дельфином, ровно в точке, известной художникам как золотое сечение. Это было одно из тех чудес фотографии – умение и случай, сошедшие вместе, чтобы запечатлеть слияние света, цвета и материи в безупречный миг, пойманный и остановленный навсегда.

– Бесподобно! – выдохнула я. – Иного слова не подберешь! Слово миф, ставший реальностью! Если бы я не видела дельфина собственными глазами, непременно решила бы, что это подделка!

Мэннинг глядел на фотографию без всякого выражения, но теперь улыбнулся.

– О, какая там подделка. Спиро приручил для меня этого

красавца, и дельфин каждый раз приплывал поиграть, когда Спиро шел купаться. Это было крайне общительное и дружелюбное существо, бездна личного обаяния. Так вы сказали, что видели его?

– Да. Как раз пошла на пляж, а он приплыл поглядеть на меня. Более того, скажу вам, сегодня утром вы чуть было не лишились вашего любимца раз и навсегда.

– Чуть не лишился дельфина? – переспросила Фил. – О чем, ради всего святого, ты говоришь?

– Кто-то стрелял в него, – твердо заявила я. – Я как раз примчалась со всех ног, чтобы рассказать, но тут такие новости – все остальное сразу из головы вон. Только сейчас вспомнила. – Я бросила взгляд на Годфри. – Когда я была в бухте, наверху, в лесу, бродил кто-то с ружьем и стрелял по дельфину. Не окажись там я и не отгони дельфина прочь, этот кто-то, скорее всего, убил бы его.

– Но... но это невероятно! – Новость заставила Мэннинга на время позабыть о смерти Спиро. Он нахмурился и уставился на меня. – Кто-то стрелял из леса? Вы уверены?

– Совершенно уверена. И что еще хуже, винтовка была с глушителем, так что это не просто какой-то спортсмен, охотившийся на зайцев и решивший по ходу дела развлечься стрельбой в дельфина. Это была злонамеренная попытка убить именно его. Я сидела под деревьями и думаю, тот тип меня не видел. Но когда я завопила и бросилась в воду, стрельба прекратилась.

– Но, Люси! – пришла в ужас Филлида. – Тебя ведь могло ранить!

– Это мне как-то не пришло в голову, – призналась я. – Я так разозлилась, что думала только, как бы его остановить.

– Никогда тебе ничего не приходит в голову! Вот увидишь, как-нибудь тебя и вправду ранят. – Сестра повернулась к Годфри, то ли возмущаясь, то ли смеясь. – Она всегда такая. На свете есть только одна вещь, из-за которой она совершенно слетает с катушек, – животные. Спасает даже тонущих в ванне ос и пауков, да что там – даже червяков, которые после дождя выползают на дорогу. Что самое смешное, они ее понимают. Как-то раз она взяла гадюку голой рукой, а та ее не укусила.

– Наверное, просто замерзла, – отрывисто произнесла я, смутившись под озадаченным взглядом Мэннинга, как будто меня обвиняли в чем-то противоестественном, и добавила в свое оправдание: – Не могу выносить, когда с кем-то плохо обходятся, вот и все. Так что с сегодняшнего дня стану сама приглядывать за ним, раз уж все равно собираюсь купаться каждый день. Этот ваш дельфин получил личную телохранительницу, мистер Мэннинг.

– Рад слышать.

– Все равно не могу поверить, – сказала Фил. – Кто бы мог бродить по этим лесам с ружьем?

На миг мне показалось, будто Годфри хочет что-то ответить, но он снова принялся собирать снимки и, положив в

папку последний, резко захлопнула ее.

– Ума не приложу. – И мне: – Полагаю, вы никого не видели?

– А вот и видела.

Я была вознаграждена: это заявление стало сенсацией. Филлида с тихим вскриком поднесла руку туда, где, приблизительно, должен был находиться Калибан.

– В самом деле? – быстро произнес Годфри Мэннинг. – Где? Полагаю, вы были слишком далеко, чтобы разглядеть, кто это был?

– В самом деле, в лесу под террасой Каstellо, и я его прекрасно разглядела, он – чудовище! – с жаром продолжала я, пытаюсь ответить на все вопросы сразу. – Сказал, будто он сын Джулиана Гейла, и...

– Макс Гейл! – Это Филлида, недоверчиво. – Люси, ты пытаешься уверить меня, будто Макс Гейл бегал по лесу с ружьем, паля во всех встречных и поперечных? Не будь дуручкой!

– Ну, он говорит, что это не он, – признала я, – и успел избавиться от винтовки, так что я ничего не могла доказать, но я ему не верю. У него такой вид, будто он способен на что угодно, а со мной он вел себя возмутительно грубо, причем без всякой причины.

– Вы вторглись в частные владения, – сухо вато заметил Годфри.

– Даже если и так, все равно это не может быть он! – уве-

ренно заявила моя сестра.

– Пожалуй, да, – кивнул Годфри.

Филлида пристально поглядела на него.

– Что такое?

– Да нет, ничего.

Но о чем бы он ни умолчал, она, очевидно, поняла его и без слов. Глаза ее расширились.

– Но с какой стати?.. – Она осеклась и, как мне показалась, резко побледнела. – О боже, думаю, это и вправду вполне вероятно! Но, Годфри, это же ужасно! Если он доберется до ружья!..

– Именно. И если уже добрался, Гейл, само собой, его покрывает.

– Хорошо, но нам-то что делать? Я имею в виду, если существует реальная опасность...

– Отныне ни малейшей, – спокойно заверил ее Мэннинг. – Послушайте, Фил, все будет хорошо. Если Макс Гейл прежде и не знал, то теперь знает, и ему хватит здравого смысла хранить подобные вещи подальше от старого джентльмена.

– Как? – вскричала Филлида. – Нет, вы ответьте мне – как? Вы когда-нибудь были в этом жутком музее?

– Нет. А что такое? Там есть оружейная комната или что-то в этом роде?

– Оружейная комната! – выразительно повторила Филлида. – Господи, дай мне сил! Оружейная! Да стены Кастелло просто увешаны этими штуками! Ружья, кинжалы, копья,

дротики, да что угодно. Клянусь, там есть все, от карабинов до кастетов. Даже пушка перед парадной дверью! Боже праведный, дедушка Лео коллекционировал эту гадость! Да там хоть дюжина кинжалов пропади – никто и не заметит!

– Ну не прелесть ли? – заметил Годфри.

– Послушайте, – настойчиво вмешалась я, – еще минута, и я закричу. Что означает вся эта таинственность? Неужели вы оба говорите о Джулиане Гейле? Потому что если это так, то я в жизни не слышала подобной глупости. Да чего ради ему в ярости слоняться кругом с винтовкой наперевес? Он мог бы, конечно, пристрелить пару театральных критиков – знаю я одного такого, что напрашивается на это вот уже сколько лет, – но не дельфина! Это невозможно.

– Вы с ним знакомы?

Голос Годфри Мэннинга звучал резко и удивленно.

– Никогда не встречалась с ним, он звезда не моего ранга. Но я знаю кучу людей, которые с ним работали, и все они обожают его. Говорю же вам, это не в его стиле. А если спросите, откуда мне это известно, позвольте сообщить вам, что я видела каждую пьесу, в которой он играл за последние десять лет, а если есть род деятельности, при которой человек просто не может скрыть, каков он внутри, под всем, что делает или говорит, то это актер. Согласна, звучит парадоксально, но это чистая правда. И чтобы Джулиан Гейл мог убить живое существо, вышедшее прямоком из греческих мифов, – нет, это совершенно невозможно. Если только он не пьян

или не сошел с ума...

Я умолкла. От взгляда, которым обменялись Годфри и Фил, зашкалило бы любой счетчик Гейгера. Наступила такая тишина, что ее можно было ощутить чисто физически.

– Итак? – вопросительно произнесла я.

Годфри неловко откашлялся. Казалось, он не знал, с чего начать.

– Ох, бога ради, раз уж она собирается провести здесь несколько недель, лучше ей знать, – сказала моя сестра. – Почти наверняка она рано или поздно с ним встретится. Знаю, он ездит только к Каритису и в город, поиграть в шахматы с каким-то приятелем, а в остальное время его никогда не оставляют одного, но я сама однажды столкнулась с ним у Каритиса, а Люси может в один прекрасный день встретить его где-нибудь в окрестностях.

– Да, пожалуй.

Филлида повернулась ко мне.

– Сегодня утром ты сказала, что теряешься в догадках, отчего он вдруг исчез после того, как покинул сцену. Тебе известно про автомобильную катастрофу три или четыре года назад, когда погибли его жена и дочь?

– О боже, да. Это произошло ровно за неделю до премьеры «Тигр, тигр». Я видела спектакль примерно через месяц. По счастью для него, это была пьеса с трагическим надрывом, но он потерял пару стоунов веса. Я знаю, что после того, как сэр Джулиан перестал играть в этой пьесе, он долго

болел, и поговаривали даже, что он собирается уйти со сцены, но, разумеется, никто в это по-настоящему не верил, а в начале сезона в Стратфорде он выглядел совершенно нормально. Но тут внезапно объявили, что «Буря» – это его последний выход. Так что же произошло? Он снова заболел?

– В некотором роде. Кончилось тем, что он оказался в лечебнице с нервным расстройством и пробыл там целый год.

Я в полном трансе поглядела на нее.

– А я и не знала.

– Никто не знал, – отозвалась сестра. – Подобные вещи не предают огласке, особенно касательно такой известной персоны, как Джулиан Гейл. Я и сама-то узнала только потому, что Макс Гейл как-то обмолвился Лео, когда они снимали дом, а потом одна подруга досказала мне остальное. Предполагается, что ему уже лучше, и он даже иногда выходит навестить друзей, но с ним всегда кто-нибудь есть.

– Ты хочешь сказать, что он нуждается в присмотре? – безжизненно переспросила я. – Пытаешься объяснить мне, что Джулиан Гейл... – Тут я запнулась. И почему подобные слова так ужасны? Если они и не вызывают в сознании гротескный образ Бедлама, то все равно еще хуже, смягченные синонимы для самого трагичного из всех недугов. – Неуравновешен? – dokonчила я.

– Не знаю! – Вид у Филлиды был смятенный. – Господи, как не хочется раздувать из этого историю, и, наверное, сам факт, что его выписали – если это подходящее слово – из

клиники, должен свидетельствовать, что с ним все в порядке, не так ли?

– Но с ним наверняка все в порядке! Во всяком случае, ты же сама говорила, что встречалась с ним. Как он выглядел?

– Совершенно нормально. Собственно говоря, я влюбилась в него с первого взгляда. Он очень обаятелен. – Она встревоженно покосилась на Годфри. – Но, наверное, такие вещи лечатся? Мне и в голову не приходило... даже мысли не было... но если бы я подумала... ведь дети приезжают сюда на каникулы, и...

– Послушайте, – перебил ее Годфри, – вы принимаете все слишком близко к сердцу. Одного упоминания о ружье хватило, чтобы раздуть целую историю и совершенно утратить чувство меры. Он ведь не маньяк какой-то, а не то его здесь вовсе не было бы.

– Да, наверное, вы правы. Как глупо с моей стороны так потерять голову! – Филлида вздохнула и опустилась в кресло. – В любом случае Люси, вероятно, все это просто приснилось! Если она даже этого самого ружья не видела, не слышала его, не... Ой, ладно, давайте забудем, хорошо?

Я не стала настаивать. Это больше не имело никакого значения. Слишком уж свежо и пугающе было то, что я узнала несколько минут назад.

– Жалко, я не была чуть любезнее с мистером Гейлом, – убитым голосом произнесла я. – Должно быть, он пережил тяжелое время. Это для всех настоящая трагедия, но уж для

родного сына...

– Солнышко, к чему такой несчастный вид, не надо! – Едва беспокойство Фил рассеялось, она тут же вернулась к своей роли утешительницы. – Скорее всего, мы все ошибаемся и тут вообще нет ничего особенного, кроме того, что старому джентльмену для окончательного выздоровления требуется немного тишины и спокойствия, а Макс заботится, чтобы ему не мешали. Уж если на то пошло, не удивлюсь, что именно Макс настаивает на карантине из своих личных интересов. Он пишет партитуру для какого-то фильма или чего-то в этом роде и совершенно не выходит из дома. Вот отсюда и все эти надписи «В нарушителей будут стрелять без предупреждения» и юный Адонис в роли телохранителя.

– Юный кто?

– Адонис. Садовник.

– Силы небесные! Ну как может человек жить с таким именем, пусть даже в Греции?

Сестра засмеялась.

– О, он-то еще как может, поверь мне!

И она повернулась к Годфри, говоря что-то про Адониса, который, по всей видимости, был близким другом Спиро. Я снова уловила имя Миранды, и что-то насчет приданого, и что теперь, после смерти брата, возникнут проблемы. Но на самом деле я не вслушивалась, все еще переживая из-за только что услышанной новости. Нелегко перенести крушение кумира. Все равно что проделать долгое и утомительное

путешествие, чтобы увидеть «Давида» Микеланджело, и не найти ничего, кроме разбитого пьедестала.

В памяти моей воскрес, да так живо, точно это было лишь вчера, этот «последний выход» в «Буре» – тихие, сдержанные строки отказа Просперо от темных сил:

От грозных этих чар я отрекаюсь.
Еще лишь звуки музыки небесной
Я вызову: чтоб им вернуть рассудок,
Нужны ее возвышенные чары.
А там – сломаю жезл мой, схороню
Его глубоко под землей, и в море
Я глубже, чем измерить можно лотом,
Магическую книгу утоплю.

Я зашевелилась в кресле, усилием воли отбрасывая в сторону овладевшее мной смятение и снова возвращаясь в salotto, где Годфри Мэннинг тем временем начал прощаться.

– Пожалуй, мне пора. Все собирался спросить, Фил, когда приезжает Лео?

– Может быть, сумеет выбраться на следующие выходные, но не уверена. Однако на Пасху-то уж наверняка, с детьми. Вам, правда, надо идти? Хотите, оставайтесь на ленч. Мария, слава богу, приготовила овощи – ненавижу сырой картофель! – а все остальное холодное. Так не останетесь?

– Хотелось бы, но надо возвращаться к телефону. Могут быть какие-то новости.

– Ах да, конечно. Вы ведь позвоните мне сразу же, если что-то узнаете?

– Разумеется. – Он взял папку. – Сообщите мне, когда сочтете нужным, что Мария готова повидаться со мной.

Он попрощался с нами и ушел. Мы молча сидели, пока шум мотора его машины не затих за деревьями.

– Ладно, – наконец заговорила сестра, – сдается мне, нам стоит поискать, чем перекусить. Бедный Годфри, как сильно переживает. Надо сказать, это даже немножко странно, никогда не думала, что его можно так здорово раздавить. Должно быть, он был привязан к Спиро больше, чем показывал.

– Фил, – резко сказала я.

– Мм?

– Это правда или просто очередные твои сплетни насчет того, что сэр Джулиан, возможно, отец Миранды?

Она искоса поглядела на меня.

– Ну... Черт побери, Люси, нельзя же все воспринимать так буквально! Бог его знает, но тут точно что-то кроется, только я не знаю, что именно. Он окрестил девочку Мирандой, а можешь ли ты представить себе корфиота, придумавшего такое имя? А потом муж Марии их бросил. Более того, готова поклясться, что сэр Джулиан поддерживал семью материально. Мария никогда не говорила об этом, но Миранда пару раз случайно обмолвилась, и я уверена, он им помогает. Но почему? Ответь-ка. Не оттого же, что был знаком с мужем Марии во время войны!

– Но тогда, раз уж Миранда и Спиро близнецы, значит, он отец и Спиро тоже?

– Законы жизни таковы, что так оно и есть, ты права. Ой! – Она вдруг застыла в кресле и обратила на меня взгляд огромных встревоженных глаз. – Ты имеешь в виду... имеешь в виду, кто-то должен пойти и сказать эти новости ему? – Вид у нее сразу сделался крайне нерешительный и смущенный. – Но, Люси, это ведь только слухи, нельзя же действовать так, словно это всем известно. Подумай, как будет выглядеть, если кто-то отправится туда и...

– Я вовсе ничего такого не предлагала, – перебила я. – В любом случае это не наша задача, Мария сама все ему расскажет. Скоро он все услышит. Забудь. Так где тот ленч, о котором ты говорила? Умираю с голоду.

Направляясь вслед за ней на кухню, я думала про себя, что Джулиан Гейл почти наверняка уже и сам все знает. Со своего кресла, развернутого к окну salotto, я видела, как мать и дочь вместе уходили с виллы Форли. Но не по дороге, ведущей к их домику. Они свернули на ту тропку, которую показала мне утром Миранда, – тропку, что вела только в пустую бухту или в Каstellо деи Фьори.

ГЛАВА 4

... Он погиб.

И море насмехается над тем,

Что на земле его мы тщетно ищем.

У. Шекспир. Буря. Акт III, сцена 3

Шли дни – мирные, безмятежные дни. Я сдержала слово и каждый день ходила в бухту. Дельфин иногда приплывал, хотя никогда не приближался ко мне настолько близко, чтобы я могла погладить его. Я понимала, что ради его же блага должна постараться запугать и прогнать его, но общество этого милого и дружелюбного существа доставляло мне столько радости, что я не могла заставить себя сделать то, что показалось бы ему настоящим предательством.

Находясь в бухте, я бдительно следила за террасой Каstellо, но никакой стрельбы больше не было, равно как я не слышала и никаких слухов, чтобы в имении браконьерствовал кто-то из местных. Но я все равно каждый день купалась и наблюдала и никогда не уходила с пляжа, не убедившись, что дельфин уже окончательно скрылся под водой и направился в открытое море.

О Спиро не поступало никаких вестей. Наутро после гибели юноши Мария с дочерью вернулись на виллу Форли и стойчески принялись за работу. Миранда утратила свойственную ей милую округлость и неунывающую жизнера-

достность, она выглядела так, словно много плакала, а голос и движения стали какими-то заторможенными. Марию я видела мало – она держалась в основном на кухне, молча выполняя свои обязанности и повязав голову черным платком.

Погода стояла великолепная, даже в тени было жарко. Филлида впала в полнейшую апатию. Правда, она пару раз выбиралась со мной к окрестным достопримечательностям и в город Корфу, а как-то вечером Годфри Мэннинг свозил нас обеих пообедать в «Корфу Палас отель», но по большей части я просто купалась и сидела на террасе с Филлидой или, взяв небольшой автомобиль, пускалась после ланча исследовать местность – и так, тихо и незаметно, пролетела целая неделя.

Лео, мужу Филлиды, не удалось вырваться на выходные, и Вербное воскресенье прошло без него. Филлида посоветовала мне с самого утра отправиться в город, чтобы полюбоваться крестным ходом – одним из четырех главных религиозных праздников в году, когда святого покровителя этого острова, Спиридиона, выносят из церкви, где он круглый год покоится в тусклой, закопченной от свеч раке, и проносят в золотом паланкине по всему городу. Крестный ход несет не изображение святого, а его подлинное мумифицированное тело, и почему-то благодаря этому святой Спиридион становится для корфиотов очень родным и домашним покровителем. Они свято верят, что он лично, причем с неизменной благожелательностью, приглядывает за Корфу в целом и за

каждым его жителем в отдельности и что у святого нет иных забот, кроме как вникать во все их дела, пусть даже самые мелкие и будничные. В этом-то, вероятно, и кроется объяснение, отчего в день крестного хода почти все население острова собирается на улицах, чтобы приветствовать своего любимого святого.

– Более того, – сказала мне сестра, – это и в самом деле премилая процессия, а не просто парад медных побрякушек. И у святого Спиридиона такой красивый паланкин – сквозь стекло совершенно ясно видишь его лицо. Можно подумать, довольно противное зрелище, но ничего подобного, он весь такой крошечный и такой... такой, ну как бы уютный, свой святой! – Она засмеялась. – Когда проживешь на Корфу подольше, невольно проникаешься чувством, будто знаком с ним лично. Он, знаешь ли, печется обо всем острове: приглядывает за рыбалкой, поднимает ветер, следит за погодой для урожая, возвращает сыновей с моря домой... – Она умолкла и вздохнула. – Бедняжка Мария. Интересно, пойдет ли она туда сегодня? Обычно она никогда не пропускала этого события.

– А как насчет тебя? – спросила я. – Ты уверена, что не хочешь поехать со мной?

Филлида покачала головой.

– Нет, я останусь дома. Там приходится довольно долго стоять на ногах, пока шествие не пройдет мимо, и всегда страшная давка. А мы с Калибаном занимаем слишком мно-

го места. Вернешься к ленчу? Ну ладно, развлекайся.

Городок Корфу был забит праздничной толпой, воздух звенел от колоколов. Зажатая в людской реке, текущей по узким улочкам, я счастливо брела по течению под колокольный звон, сливавшийся с приглушенным гулом голосов и периодическими взрывами пронзительного медного лязга за одним из окон верхнего этажа – это в последний раз репетировал какой-нибудь деревенский оркестрик. Множество открытых лавчонок торговало всевозможной снедью, сладостями и игрушками, окна ломались от приготовленных к Пасхе алых яиц, петушков на палочке, кукол, корзиночек с сахаренными апельсинами и огромных кроликов, набитых пасхальными яйцами. Кто-то попытался всучить мне губку размером с футбольный мяч, а кто-то еще – убедить, что мне просто необходимы связка лука и красный плюшевый ослик, но я каким-то чудом умудрилась отвертеться и, оставшись со свободными руками, вскоре пробилась на Эспланаду, главную площадь Корфу. Вся мостовая была уже забита битком, но когда я попыталась встать сзади, крестьяне – которые, верно, пришли в город с раннего утра и много часов ждали, чтобы оказаться в первых рядах, – расступились, яростно жестикулируя, и чуть ли не силой вытолкнули меня вперед на почетное место.

Вскоре где-то забил большой колокол и раздались отдаленные звуки оркестров. Огромная толпа разом притихла, все глаза обратились к узкому проему улицы Никефорос, где

заблестели, медленно выдвигаясь на залитую солнцем площадь, первые знамена. Крестный ход начался.

Я сама не уверена, чего именно ожидала – наверное, просто яркого зрелища, диковинного и интересного именно своей «иностранностью», чего-то такого, что фотографируешь и тут же забываешь, пока не достанешь снимки, чтобы проглядеть их как-нибудь вечером у себя дома. Но вопреки ожиданиям все действие показалось мне ужасно трогательным.

Оркестры – их насчитывалось целых четыре, и все в мундирах, один пышней другого, – играли торжественно и, честно говоря, из рук вон плохо, каждый на свой мотив. Огромные деревенские знамена с благочестивыми изображениями были варварски раскрашены и безмерно тяжелы, так что несущие их мужчины обливались потом и шатались от тяжести, а лица помогавших им мальчиков искажались яростными гримасами от натуги и сознания собственной важности. Наряды школьников отличались пестрым разнообразием, что не очень-то соответствовало общепринятым канонам, но в общей массе все дети были так потрясающе красивы, что зрители практически не замечали поношенных курточек мальчиков и дешевых туфель девочек, а вокруг юных служек в ветхих облачениях, шагавших в заметном беспорядке и абсолютно не в ногу, все равно витал явственно осязаемый романтический ореол двух юных фермопильцев.

Нельзя было ни на миг усомниться в том, что все это устроено в честь святого. Сгрудившись на самом солнцепе-

ке, люди молча ждали, не двигаясь, не толкаясь. На площади даже не наблюдалось никакой полиции, которая бы так и кишела в Афинах: это ведь был их собственный Спиридион, покровитель острова, вышедший на солнечный свет, чтобы благословить своих детей.

И он пришел. Архиепископ, седобородый девяностодвухлетний старец, шествовал впереди, за ним следовали прелаты, чьи белоснежные, шафрановые и розовые ризы сияли на солнце великолепием, пока – когда они подходили ближе – вы не замечали потертые и выцветшие пятна и заплаты. Затем двигался лес высоких белых свечей, каждая в украшенном цветами позолоченном венце, и за каждой развивались длинные ленты – белые, сиреневые и алые. И наконец в обрамлении четырех огромных позолоченных светильников, под пышным балдахином приближался золотой паланкин, внутри которого, так, чтобы все могли его видеть, сидел сам святой: крохотная, усохшая фигурка, голова склонена на левое плечо, плоские и бесформенные мертвые черты сливаются за отсвечивающим стеклом в одно темное пятно.

Вокруг меня одержимо крестились женщины, губы их безмолвно шевелились. Святой и его кортеж остановились для молитвы, музыка оборвалась. Из Старой крепости выстрелила, салютуя, пушка, а когда эхо выстрела затихло, в небо взлетело множество голубей и тишина наполнилась шелестом крыльев.

Я стояла, разглядывая блестящие на солнце разноцветные

ленты, гирлянды уже начавших вянуть цветов, криво свисающих с увенчанных ими свечей, сморщенную, поднятую вверх руку архиепископа и восхищенные и сияющие под белоснежными чепцами лица крестьянок вокруг меня. К глубочайшему моему изумлению, я вдруг почувствовала, как сжимается горло, словно от подступающих слез.

Внезапно какая-то женщина в толпе всхлипнула в порыве несдерживаемого горя. Звук этот прозвучал в тишине так резко, что я невольно обернулась – и увидела Миранду. Она стояла в нескольких ярдах от меня, среди толпы, с напряженным страстным вниманием уставившись на золотой паланкин, губы ее шевелились, и она без устали крестилась. Лицо ее выражало страсть и горе, точно она упрекала святого за его небрежение. В этой мысли не было ничего непочтительного – греческая религия основана на подобной простоте. Полагаю, что церковники былых дней отлично знали, какую эмоциональную разрядку получаешь, когда есть возможность обвинить в своей беде какого-то непосредственного виновника.

Шествие прошло мимо, толпа начала редеть. Я увидела, как Миранда, словно стыдясь своих слез, отвернулась и поспешно пошла прочь. Толпа стала просачиваться назад сквозь узкие главные улицы городка, и людское течение понесло меня по улице Никефорос к открытому пространству близ гавани, где я оставила свою машину.

На полпути туда улица вышла на небольшую площадь, и я

снова случайно заметила Миранду. Она стояла под платаном спиной ко мне, закрыв руками лицо, – должно быть, плакала.

Я в нерешительности замедлила шаг, но какой-то человек, уже некоторое время слонявшийся вокруг девушки и не сводивший с нее глаз, вдруг подошел и окликнул ее. Она не шелохнулась и никак не выказала, что слышит его, – все так же стояла спиной ко мне, склонив голову. Лица окликнувшего ее человека я не видела, но это был молодой парень с крепкой и красивой фигурой, которую не могла скрыть даже дешевая голубая ткань его лучшего воскресного костюма.

Стоя почти вплотную к девушке у нее за спиной, он говорил тихо и, похоже, настойчиво уговаривал ее – судя по жестикуляции, убеждал пойти с ним прочь от толпы по одной из боковых улочек. Но девушка покачала головой и торопливым движением натянула платок повыше, пряча лицо. Все ее поведение отражало застенчивое, даже робкое уныние.

Я быстро подошла к ним:

– Миранда? Я мисс Люси. У меня здесь машина, и я собираюсь вернуться. Хочешь, отвезу тебя домой?

Девушка повернулась. Глаза под платком опухли от слез. Она молча кивнула.

Я не глядела на ее молодого человека, предполагая, что теперь-то он бросит свои приставания и исчезнет в толпе. Но он тоже обернулся ко мне.

– О, спасибо! Как мило с вашей стороны! – В голосе его звучало нескрываемое облегчение. – Конечно, ей вообще не

следовало сюда приходиться, а теперь автобуса не будет еще целый час! Ну разумеется, ей надо поехать домой!

Я поймала себя на том, что во все глаза уставилась на него – не из-за того, с какой легкостью он взял на себя ответственность за девушку, и даже не из-за его почти безупречного английского, а просто из-за его внешности.

В стране, где подавляющая часть молодых людей красивы, он все равно бросался в глаза. Классические византийские черты лица, чистая кожа и огромные, обрамленные густыми длинными ресницами глаза, какие глядят на нас со стен каждой греческой церкви, – типаж, который обессмертил сам Эль Греко и который по сей день еще можно встретить на улицах. Но стоявший предо мной юноша не позаимствовал у моделей старых мастеров ничего, кроме сияющих глаз и завораживающе совершенных черт; в нем не было и намека на печальную задумчивость и слабость, которые (по вполне понятным причинам) обычно сопутствуют облику святых, что проводят свой век, взирая сверху вниз с росписи на церковных стенах: маленький рот, бессильно поникшее чело, укоризненно-удивленное выражение, с которым византийский святой созерцает греховный мир. У приятеля же Миранды вид, напротив, был такой, словно он уже давно знаком с этим греховным миром, но в высшей степени им доволен и успел насладиться немалым количеством плодов, кои сей мир мог ему предложить. Нет, отнюдь не святой с иконы. И, как заключила я, наверняка не старше девятнадцати.

Прекрасные глаза обегали меня с неприкрытым греческим одобрением.

– Вы, должно быть, мисс Уоринг?

– Ну да, – удивленно признала я и тут вдруг догадалась, с кем, надо думать, имею дело. – А ты... Адонис?

Хоть убейте, но мне не удалось выговорить это имя без того смущения, какое испытываешь, когда приходится называть своих соотечественников Венерой или Купидоном. И то, что в Греции каждый день можно столкнуться с Периклами, Аспазиями, Электрами или даже Алкивиадами, ничему не помогало. Уж слишком он был хорош собой.

Он усмехнулся. Зубы у него были белые-пребелые, а ресницы не меньше дюйма длиной.

– Что, немножко чересчур? В Греции мы произносим «Адони». – Сам он произнес это как «Атони». – Возможно, так вам будет легче говорить? Не так высокопарно?

– Не слишком ли много ты знаешь! – сказала я невольно, но совершенно естественно, а он в ответ засмеялся, но потом вдруг посерьезнел.

– Так, где ваша машина, мисс Уоринг?

– Внизу, у гавани. – Я с сомнением перевела взгляд с толчеи на улице на поникшую головку девушки. – Недалеко, но тут такое столпотворение.

– Можно обойти дворами.

Он показал на узкий проход в углу площади, где щербатая лестница вводила вверх, в тень между двумя высокими

доками.

Я снова поглядела на притихшую девушку, пассивно ожидавшую возле нас.

– Она пойдет, – заверил Адони, что-то коротко бросил Миранде по-гречески, повернулся ко мне, кивнул и повел меня через площадь, а потом вверх по лестнице.

Миранда пошла следом, держась от нас примерно за шаг.

– С ее стороны было большой ошибкой приходить, – вполголоса сказал: он мне на ухо, – но уж больно она религиозна. Следовало бы ей подождать. Еще и недели не прошло, как он умер.

– А ты хорошо его знал?

– Он был моим другом.

Лицо юноши стало замкнутым, словно этим все сказано. Полагаю, так оно и было.

– Мне очень жаль, – сказала я.

Некоторое время мы шли молча. В переулках не было ни души, если не считать тощих кошек и певчих птиц в клетках на стенах. Тут и там, где, пробиваясь в брешь среди домов, поперек каменной мостовой протягивался поток ослепительного света, жарились на солнышке среди цветущих ноготков пыльные котята или выглядывала в темный дверной проем какая-нибудь дряхлая-предряхлая старуха. В жарком воздухе стоял густой аромат стряпни. Эхо наших шагов гулко отражалось от стен, а с главных улиц доносился смех и шум голосов, приглушенный и невнятный, точно рев ре-

ки в далеком ущелье. Вскоре переулочек вывел нас на более широкую улицу, окончившуюся длинным пролетом плоских ступеней, спускавшихся вниз мимо небольшой церквушки прямо к портовой площади, где я оставила принадлежавший Фил маленький «фиат».

Здесь тоже былолюдно, но толпа состояла из разрозненных группок островитян, деловито снующих в поисках попутной машины или обеда. На нас никто не обращал внимания.

Адони, который, по всей видимости, прекрасно знал мою машину, решительно протолкнулся сквозь скопление народа и протянул ко мне руку за ключами.

Почти так же покорно, как Миранда (за все время она не произнесла ни единого слова), я протянула ключи, он открыл машину и усадил девушку на заднее сиденье. Миранда, по-прежнему не поднимая головы, забилась в угол. Я же, отчасти даже забавляясь в душе, гадала, не собирается ли этот самоуверенный молодой человек лично отвезти нас обеих домой – и что подумает по этому поводу Фил, – но он даже попытки такой не сделал. Захлопнул за мной дверцу водителя, а сам устроился рядом.

– Вы уже привыкли к нашему движению?

– О, да.

Если он хотел спросить, привыкла ли я ездить по правой стороне, то да, привыкла. Что же до движения, то в Греции нет ничего, заслуживающего это название; если за одну

послеобеденную поездку мне встречался один грузовик и с полдюжины осликов, то на большее рассчитывать не приходилось. Но сегодня окрестности гавани были забиты машинами, и, возможно, именно по этой причине Адони молчал всю дорогу, пока мы выруливали в толпе и выезжали на северную дорогу. Наконец, после того как мы миновали подъем и крутой поворот, впереди показалась пустая дорога, уходящая вдаль между двумя высокими изгородами багряника и асфodelей. Местами она была вся изрыта промоинами, оставшимися после зимних дождей, так что мне приходилось вести автомобиль очень медленно, на третьей скорости, но все равно мотор так и тарахтел. Под прикрытием этого шума я тихонько спросила Адони:

– Миранда и ее мать смогут себя прокормить теперь, после смерти Спиро?

– О них найдется кому позаботиться.

Это было сказано совершенно буднично и с полнейшей уверенностью.

Я была удивлена, но и заинтригована. Если бы Годфри Мэннинг сделал какое-либо предложение подобного рода, то наверняка рассказал бы о нем Филлиде; да и кроме того, как бы щедро он ни захотел заплатить Марии сейчас, вряд ли он посчитал бы необходимым содержать ее всю оставшуюся жизнь. Но если, как и предполагала Филлида, содержал семью не кто иной, как Джулиан Гейл, то это могло означать, что ее слова о настоящем отце близнецов правдивы. И я бы-

ла бы напрочь лишена всего человеческого, если бы мне до смерти не захотелось узнать, так ли это.

– Рада слышать, – осторожно начала подкрадываться я к интересующей меня теме. – Не знала, что у них есть еще какие-то родственники.

– Ну, – ответил Адони, – в общем-то, можно сказать, есть еще сэр Гейл, но я говорю не о нем или Максе. Я имел в виду, что сам за ними присмотрю.

– Ты?

Он кивнул, и я уловила взгляд, брошенный им через плечо на Миранду. Мне было видно ее в зеркало заднего вида: девушка не обращала на нашу тихую беседу по-английски никакого внимания, а кроме того, разговор все равно велся слишком быстро, так что она не успела бы уследить. Миранда тусклым взором глядела в окно, по всей видимости мысленно находясь за много миль отсюда. Нагнувшись вперед, Адони положил палец на кнопку радио – устройства, без которого, по-моему, не выезжает на дорогу ни одна греческая или итальянская машина.

– Вы позволите?

– Разумеется.

В машине тотчас же томно заголосил какой-то популярный певец.

– Я женюсь на ней, – тихо проговорил Адони. – Приданого нет, но это неважно. Спиро был моим другом, и у каждого есть свой долг. Он откладывал для нее деньги, но теперь,

когда он умер, они должны остаться у его матери. Я их не возьму.

Я знала, что издавна в Греции по брачному соглашению за девушкой давали приданое и землю, а от юноши не требовалось ничего, кроме мужества и энергии, и это считалось хорошей сделкой, однако семьи с выводком дочерей разорялись в два счета, и Миранда, учитывая ее обстоятельства, едва ли могла надеяться на замужество. И вот сидевший рядом со мной неотразимый молодой человек преспокойно предлагал ей союз, на который охотно согласилось бы любое семейство, при том, что основной капитал вносил тоже он, а уж мужественность и энергия тут были вне всяких сомнений. Кроме того, он имел хорошую работу в стране, где найти место нелегко, и – если только я разбиралась в людях – ему не грозило ее потерять. Красавец Адони мог бы заключить самый выгодный брак и, разумеется, прекрасно это сознавал – ведь не дурак же он, – но, похоже, ощущал долг перед погибшим другом и намеревался выполнить его целиком и полностью, причем к общему удовольствию, и не в последнюю очередь к удовольствию Миранды. Вдобавок еще (прозаически подумала я) Лео, вероятно, сделает им неплохой свадебный подарок.

– Ну конечно, – добавил Адони, – может, сэра Гейл и даст за ней приданое, не знаю. Но это ничего не меняет, я ее все равно возьму. Ей я пока не говорил, но попозже, когда будет более подходящее время, скажу сэру Гейлу, и он все устроит.

– Я... ну да, само собой. Надеюсь, вы оба будете очень счастливы.

– Спасибо.

– Сэр Джулиан... – начала я, – он, значит, считает себя ответственным за них, да?

– Он крестил близнецов. – Адони покосился на меня. – По-моему, у вас в Англии это тоже есть, правда, но не совсем так же? Здесь, в Греции, крестный отец, *goumbaros*, играет в жизни ребенка очень большую роль, часто такую же, как и сам отец, и именно он заключает брачный контракт.

– Понимаю. – До чего же все оказалось просто! – Я слышала, что сэр Джулиан знаком с их семьей уже много лет и крестил близнецов, но не знала, что он... ну, наделен ответственностью. Должно быть, несчастный случай и для него был страшным ударом. – И я неловко добавила: – Как он?

– Ничего. Вы с ним уже встречались, мисс Уоринг?

– Нет. Я так поняла, он не хочет ни с кем общаться.

– Да, он не слишком-то много выходит, однако с прошлого лета начал сам принимать гостей. Но с Максом-то вы уже встречались, верно?

– Да.

В голосе Адони не слышалось и намека на то, что ему известно о той встрече, но поскольку он называл младшего Гейла Максом, без «мистера», то нетрудно было предположить, что они находятся в достаточно неформальных отношениях, чтобы Макс рассказал ему о произошедшем. Как

бы там ни было, предо мной был тот самый сторожевой пес, сбрасывавший визитеров с утеса. Без сомнения, он знал о нашей встрече решительно все невозможно, даже получил соответствующие распоряжения на случай дальнейших вторжений мисс Люси Уоринг...

– Насколько понимаю, – тупо повторила я, – он тоже ни с кем не видится.

– Ну, как сказать, – жизнерадостно произнес Адони. Вытащив откуда-то из-под приборной доски тряпку, он принялся протирать стекло изнутри. – Да, не слишком много от этого толку, насекомые-то налипают снаружи. Мы уже близко, а не то, если хотите, остановимся, и я для вас вымою его как следует.

– Спасибо, не стоит беспокоиться.

Вот и все, чего я добилась. Миранда тем временем, похоже, начала возвращаться к жизни и зашевелилась. Заднее сиденье заскрипело. В зеркало мне было видно, что девушка откинула платок и смотрит в затылок Адони. Что-то в выражении ее лица, пусть еще и опухшего от слез, указывало на то, что я не ошиблась насчет вероятного успеха сватовства.

Я снова заговорила небрежным, бодрым тоном человека, переводящего разговор на нейтральную тему:

– А ты когда-нибудь охотишься, Адони?

Он засмеялся, ничуть не обманутый моей уловкой.

– Все еще разыскиваете вашего злоумышленника? Думаю, вы ошиблись: ни один грек не стал бы стрелять в дельфина.

Я и сам моряк, все корфиоты моряки, а дельфин – вестник хорошей погоды. Даже выражение такое есть – «дельфинья погода», летний период, когда дельфины провожают шхуны. Нет, я стреляю только в людей.

– В людей?

– Шутка, – объяснил Адони. – Ну вот и приехали. Большое спасибо, что подбросили нас. Сейчас я отведу Миранду к матери, а потом обещал вернуться в Каstellо. Макс хочет во второй половине дня куда-то уйти. Вероятно, я скоро увижу вас там?

– Спасибо, но я... нет, сомневаюсь.

– Жаль. Пока вы тут, вам стоило бы посмотреть на апельсиновый сад – это что-то особенное. Вы слышали о карликовых деревьях? Они чудесны. – Быстрая очаровательная улыбка. – Был бы рад показать их вам.

– Может, как-нибудь.

– Надеюсь. Идем, Миранда.

Выжимая сцепление, я видела, как он вводит девушку в дверь дома ее матери с таким видом, будто уже стал тут хозяином. Подавив острую – и, надо думать, примитивную – зависть к женщине, которая могла вот так запросто отдать свои проблемы в чужие руки, чтобы их за нее хочешь, не хочешь, решили, я опустила свою независимую и эмансипированную ногу на педаль, и маленький фиат, подпрыгивая на ухабах, помчался к повороту на виллу Форли.

По крайней мере, раз Макса Гейла не будет дома, я смогу

беспрепятственно наслаждаться послеобеденным купанием.

Я пошла в бухту после чая, когда зной начал спадать, а утес отбрасывал на песок кривую узкую тень.

Наплававшись, я оделась, взяла полотенце и медленно начала подниматься по тропе обратно к вилле.

Добравшись до прогалинки с заводью, я остановилась перевести дух. Журчание ручья навевало прохладу, сквозь молодую дубовую листву пробивались пятнышки золотого света. Где-то пела птица, но только одна. Леса молчали, простираясь прочь, окутанные неясной дымкой раннего жаркого вечера. Над поросшим ромашками берегом роились пчелы. Через прогалинку пролетела синица, она явно очень спешила: клюв был набит насекомыми для прожорливой семьи.

Через секунду тишину прорезал душераздирающий птичий крик, а потом быстрое, пулеметное стрекотание потревоженной лазоревки. К гаму присоединился гомон каких-то других мелких птичек. Мирный покой леса нарушили вопли ужаса. Швырнув полотенце на траву, я помчалась на шум.

Меня встретили две лазоревки – явно супружеская чета, – в панике метавшиеся туда-сюда с пронзительными криками и чуть не задевшие меня крыльями, когда я примчалась по петляющей тропке на открытую полянку с редкой травой и ирисами, где разыгрывалась трагедия.

Обнаружить причину переполоха оказалось легче легкого. Первым, кого я увидела, выскакивая из кустов, был вели-

чественный белый персидский кот, картинно подобранный перед прыжком. Хвост его хищно дергался взад-вперед по редкой траве. В двух ярдах от его носа, отчаянно вереща и не в состоянии сдвинуться хоть на дюйм, бился птенец лазоревки. Родители с безумными криками то и дело, хоть и совершенно безуспешно, пикировали на кота, не обращавшего на них ни малейшего внимания.

Я поступила единственным возможным образом – одним летящим нырком кинулась на кота, бережно схватила поперек туловища и крепко прижала к себе. Обе взрослые лазоревки промчались мимо, чуть не задевая крыльями мои руки. Птенец замер и уже даже не пищал.

Должно быть, белый кот мог здорово исцарапать меня, но у него оказались крепкие нервы и превосходные манеры. Как и следовало ожидать, он яростно зашипел и забился, пытаясь вывернуться, но ни разу не пустил в ход зубы или когти. Все так же крепко держа его, я опустила его на землю и принялась гладить и успокаивать, пока он не притих, а тогда подняла, повернулась и пошла прочь. За спиной у меня родители слетели вниз, спеша увести отпрыска подальше из виду.

Торопясь унести своего пленника с полянки, пока он не успел разглядеть, куда направились птицы, я наобум двинулась прочь через кусты. Кот, похоже, ничего не имел против; вынужденный подчиниться *force majeure*⁸, он, по обычаю своих сородичей, дал мне понять, что сам только того и

⁸ *Force majeure* (фр.) – непреодолимая сила.

хотел, чтобы его немножко поносили на руках. А когда я в скором времени обнаружила, что взбираюсь по поросшему папоротником склону, который становится все круче и круче, пушистый разбойник даже замурлыкал.

Это было уже чересчур. Я остановилась.

– Знаешь, что я тебе скажу? Ты вешишь целую тонну. Отсюда, милый мой, прекрасно дойдешь и сам! И надеюсь, ты знаешь дорогу домой, потому что назад к этим птичкам я тебя не пущу!

И я опустила кота на землю. Все еще мурлыча, он пару раз потерся спиной о мои ноги и, задрвав хвост, зашагал впереди меня вверх по склону туда, где кусты становились реже и виднелось яркое солнце. Там он приостановился, обернулся в мою сторону и скрылся из виду.

Он, несомненно, знал дорогу. Надеюсь найти там тропинку, чтобы выбраться из этих кустов, я полезла за ним и оказалась на большой лужайке, полной солнечного света, жужжания пчел и буйства цветов, при виде которых я так и задохнулась от изумления.

После приглушенного сумрака леса первые несколько секунд можно было лишь стоять, остолбенело щурясь на эти яркие краски. Прямо передо мной высились доверху увитые глицинией шпалеры добрых пятнадцати футов вышиной, а у их подножия теснились кусты шиповника. Сбоку виднелись рощица пурпурного багряника и цветущая яблоня, вся мерцающая от трепета пчелиных крылышек. Во влажном уголке

росли белые лилии и еще какой-то сорт лилий с похожими на золотой пергамент, прозрачными на солнце лепестками. И розы, всюду розы. Невероятные заросли вытесняли деревья; голубая ель была почти задущена побегами буйно разросшейся персидской розы, а пышный куст махровых белых роз достигал, должно быть, футов десяти. Тут были мускусные розы, столитные розы, дамасские розы, пестрые и полосатые розы, и одна розовая, словно сошедшая со страниц средневекового манускрипта – полукруглая, точно разрезанный ножом шар, сотни лепестков плотно сжаты и упакованы многими слоями, как луковица. Должно быть, тут росло двадцать или тридцать разновидностей роз, и все в полном цвету – старые розы, посаженные много лет назад и оставленные расти сами по себе, точно в каком-то потайном саду, ключ от которого утерян. Это место казалось не совсем реальным.

Наверное, я несколько минут простояла в полном оцепенении, оглядываясь по сторонам, одурманенная ароматами и ярким светом. Я и забыла, что розы так пахнут. В руку мне сам собой лег цветущий карминный побег, и я прижала его к щеке. Глубоко среди листвы, в проеме, оставшемся после моего прохода, выглядывал краешек старой металлической таблички. Я осторожно потянулась к ней среди колючек – она вся затянулась лишайником, но выгравированные буквы читались по-прежнему легко: Belle de Crécy.

Теперь я знала, где очутилась. Розы были еще одним хобби дедушки Лео. У Фил на вилле сохранились некоторые

из его книг, и я как-то вечером пролиставала их от нечего делать, наслаждаясь гравюрами и старинными названиями, точно поэзия пробуждавшими в памяти древние сады Франции, Персии, Прованса. Belle de Crécy, Belle Isis, Deuil du Roi de Rome, Rosamunde, Camaieux, Ispahan...

Если приглядеться, то названия тоже оказывались тут повсюду, прячась среди буйной листвы, где какой-то предшественник Адони любовно прикрепил их век назад. Картинно расположившись на элегантном фоне темного папоротника, белый кот благосклонно наблюдал, как я охотилась за розами и руки мои наполнялись похищенными сокровищами. Запах был густым и тяжелым, как наркотик, воздух гудел от пчел. Общий эффект получался совсем таким, как будто из темного леса ты вышел напрямиком в волшебную сказку. Я так и ждала, что кот вдруг заговорит.

И когда внезапно откуда-то сверху раздался голос, я чуть не сошла с ума от неожиданности. Голос был прекрасен, он скорее усиливал, чем разрушал чары. Более того, он говорил стихами, столь же утонченно элегантными, как белый кот:

Ах! Вот богиня,

Чей гимн я слышал! Снизойди к мольбе:

Скажи – на этом острове живешь ты?

Я поглядела наверх, но сперва никого не увидела. Затем над глицинией показалась чья-то голова, и только тогда я поняла, что цветущая завеса, по сути дела, свисала с чего-то

вроде остатков высокой стены, полностью скрытой плотными побегами. Между густыми гроздьями проглядывали куски каменной кладки. Терраса Каstellо. Розовый сад был расположен прямо перед ней.

Я хотела развернуться и убежать, но голос удержал меня. Не стоит и говорить, что он принадлежал не Максy Гейлу, – этот голос я слышала уже много раз, и он был пронизан той же грацией, что и в душной темноте лондонских театров.

– «Но первая мольба», – добавил сэp Джулиан Гейл, – «хоть сказана в конце» и которую вы, собственно говоря, можете счесть дерзостью: «ответь мне, чудо, ты – смертная?»

Полагаю, если бы я встретила его обычным образом, в театральнyх кругах, то была бы слишком переполнена почтением, чтобы отважиться на большее, чем просто робкое закликание. Но здесь, по крайней мере, ответ был заложен в самом тексте и вдобавок имел то преимущество, что был чистой правдой.

Прищурившись против солнца, я улыбнулась голове наверху:

Поверь мне, я не чудо,
А просто девушка.

– «Родной язык!» – Актер явно обрадовался и резко оставил Барда. – Я был прав! Вы Максoва нарушительница!

Я почувствовала, как краснею.

– Боюсь, что, да, и, кажется, я снова вторглась в чужие владения. Мне страшно жаль, я не думала, что терраса так близко. Ни за что не решилась бы заходить так далеко, но пришлось спасать птиц от этого мясника.

– От кого?

– От кота. Это ваш? Полагаю, его зовут как-нибудь страшно аристократично, вроде Флоризеля или Козимо деи Фьори?

– Вообще-то, – покачал головой Джулиан Гейл, – я зову его Филя. Прошу прощения, но это сокращение от Простофили, и когда вы узнаете его поближе, сами поймете почему. Он джентльмен, но мозгами обделен. Ну а теперь, раз уж вы тут, не подниметесь ли наверх?

– Ой, нет! – Я торопливо попятилась. – Огромное спасибо, но мне пора возвращаться.

– Не могу поверить, что необходимо так уж спешить. Неужели вы не сжалитесь и не скрасите мне скучный субботний вечер хоть немного? Ах! – Он наклонился дальше. – Что я вижу! Не только нарушительницу чужих владений, но еще и воровку! Вы крали мои розы!

Это утверждение, произнесенное голосом, слабейший шепот которого был явственно различим в самых дальних рядах галерки, обладал всей силой обвинения, выдвинутого перед Высшим судом.

Вздрогнув, я виновато покосилась на позабытые цветы в руках и начала, заикаясь, оправдываться:

– Ой, да... да... так вышло. О господи... Я не думала... То есть я хочу сказать, решила, что они дикие... Ну, знаете, что их посадили много лет назад и просто забросили... – Голос мой осекся. Оглянувшись по сторонам, я увидела то, чего не заметила раньше: что кусты, вопреки буйному виду, были аккуратно подрезаны, а края мшистых дорожек тщательно обработаны. – Я... наверное, теперь это ваш сад или что-то вроде, да? Мне страшно жаль!

– Или что-то вроде? Силы небесные, она охапками рвет мои любимые Gallicas, а потом думает, что они растут в моем саду «или что-то вроде»! Нет, барышня, вопрос решен! За каждую розу вам придется заплатить штраф. Если Красавица забредает в сад Чудовища, сгибаясь под тяжестью его роз, она сама напрашивается на неприятности, верно? Поднимайтесь же, и никаких споров! Вот лестница. Филя приведет вас наверх. Простофиля! Покажи леди дорогу!

Белый кот выпрямился, щурясь на меня, а потом с восхитительной небрежной грацией взлетел вверх по глицинии прямо на руки Джулиану Гейлу. Тот с улыбкой выпрямился.

– Помнится, я сказал, что у него маловато мозгов? Я его оклеветал. Как считаете, можете проделать что-нибудь в том же роде?

Его обаяние, то самое обаяние, которое заставило Филлиду «влюбиться в него с первого взгляда», возымело свое действие. По-моему, я начисто забыла все прочее, что она мне рассказывала о своем соседе.

Я засмеялась.

– Могу, но только на свой тяжеловесный лад.

– Тогда давайте.

Лестница представляла собой пролет невысоких ступенек, полускрытых кустом York and Lancaster. Она вилась вокруг постамента какой-то зеленой ото мха статуи и, пройдя меж двух огромных кипарисов, вывела меня на террасу.

Джулиан Гейл опустил кота на пол и шагнул мне навстречу:

– Входите, мисс Люси Уоринг. Видите, я уже все про вас знаю. А вот и мой сын. Но вы, разумеется, уже встречались...

ГЛАВА 5

*Мой сын, ты вопросительно глядишь:
Встревожен ты. Но будь вполне спокоен.
У. Шекспир. Буря. Акт IV, сцена 1*

Макс Гейл сидел под сосной за большим столом, заваленным бумагами.

Увидев, как он поднимается, я резко остановилась.

– Но я думала, вас не будет дома! – Вряд ли можно было выпалить что-нибудь более наивное. Закончила же я представление тем, что яростно покраснела и смущенно добавила: – Адони говорил... я думала... я же помню, как он говорил, что вы куда-то собираетесь!

– Я действительно уезжал, но вернулся к чаю. Как поживаете? – Его глаза, скорее безразличные, чем враждебные, коротко взглянули в мои и опустились на розы. Следующий вопрос лишь усилил мое жгучее смущение. – Так значит, Адони был там, в саду?

Я заметила, как сэр Джулиан переводит взгляд с сына на меня.

– Его там не было, а не то он не позволил бы ей обдирать эту сокровищницу! А она сделала отличный выбор, правда? Я так считаю, пусть платит штраф а-ля Красавица и Чудовище. Учитывая столь короткое знакомство, не станем требо-

вать поцелуев, но ей, по крайней мере, придется остаться и выпить с нами!

Мне показалось, что младший Гейл заколебался, украдкой поглядывая на заваленный бумагами стол, точно подыскивая уважительный предлог для отказа. Можно было долго и не искать: стол был покрыт исписанными неразборчивым почерком листами и записными книжками, а рядом на кресле стоял магнитофон, от которого через всю террасу тянулся длинный шнур, скрывавшийся в недрах дома за открытой дверью.

– Спасибо, – быстро произнесла я, – но я правда никак...

– Вы не в том положении, чтобы отказываться, барышня!

– В глазах сэра Джулиана плясал веселый огонек, но был ли он вызван моим сопротивлением или поведением сына, я не могла сказать. – Будет вам, полчасика позанимать беседой затворника в его келье – не такая уж чрезмерная плата за вашу добычу. У нас найдется немного хереса, Макс?

– Ну да, разумеется. – Быть может, голос Гейла-младшего казался столь бесцветным лишь в сравнении с голосом его отца. – Боюсь, мисс Уоринг, у нас нет выбора. Вам разбавить?

– Ох...

Я замялась. Теперь уже никуда не денешься, придется остаться. Не могла же я обидеть сэра Джулиана, который, кроме всего прочего, был тут хозяином. Да и потом, мне все не хотелось отказываться от редкой возможности побе-

седовать с человеком, который был верховным мастером моей профессии и которого я любила и почитала, сколько себя помню.

– На самом деле, если у вас есть, я бы предпочла что-то похолоднее и послабее. После моря ужасно хочется пить. Может быть, апельсиновый сок или что-нибудь такое?

– Вы спрашиваете об этом здесь? Ну разумеется.

Макс Гейл вдруг улыбнулся мне с неожиданным обаянием и исчез в доме.

Как и на вилле Форли, тут на террасу выходил ряд высоких французских окон, открывавшихся в большую гостиную. Все они сейчас были закрыты от солнца, кроме того, через которое скрылся Макс Гейл. Сквозь темный проем я различала контуры большого пианино, огромного граммофона и вращающейся этажерки с книгами. Две верхние полки были заставлены пластинками.

– На солнце или в тень? – осведомился сэр Джулиан, вытаскивая для меня пестрое раскладное кресло.

Я выбрала солнце, и он уселся рядом со мной. Стена мрачно-торжественных кипарисов за балюстрадой служила для него столь же эффектной декорацией, как для белого кота – папоротники. Сам кот, кстати, мурлыча, запрыгнул актеру на колени, аккуратно обернулся два раза вокруг своей оси и улегся, выпустив когти.

Эта пара являла собой потрясающее зрелище. Сэр Джулиан не был – никогда, даже в молодости – красив в обще-

принятом смысле этого слова, но принадлежал к тому сорту мужчин, которым годы добавляют какое-то тяжеловесное величие. (Сразу вспоминался его Марк Антоний и то, как все последующие попытки сыграть эту роль были всего лишь вариациями его трактовки – фактически попытками сыграть его самого.) Могучая, широкая грудь, плечи, которые обычно к зрелости раздаются вширь, голова из тех, какие называют львиными, но с некоторым намеком на вялость в области подбородка, от которого вас отвлекало обаяние широкого рта. Густая грива седых волос, величественные нос и лоб, зоркие серые глаза, под которыми были заметны обвисшие мешки, а сами глаза казались слегка напряженными. На лице выделялись глубокие складки, которых я никогда не замечала прежде в свете рампы, – следы раздражительности или разгульного образа жизни, а может быть, болезни и связанной с ней потерей веса. Трудно было вот так с ходу сказать, в чем именно заключалась эта несомненная притягательность; трудно было, собственно, даже толком описать его. Это лицо было слишком уж знакомо и, пока ты на него смотрел, сливалось с вереницей созданных им образов, словно этот человек существовал лишь таким, каким его видели на сцене, – король, юродивый, воин, шут, – словно, покинув эту освещенную раму, он прекращал существовать. Тревожная мысль, особенно как вспомнишь, что теперь он, собственно, покинул свою раму. Теперь, если он не мог быть собой, он был никем.

Он поднял взгляд с кота, поймал на себе мой пристальный взор и улыбнулся. Должно быть, просто к этому привык. Он не мог, конечно, знать, что я-то пыталась выискать на его лице и в движениях какое-то доказательство нервного расстройства, которое могло бы подтвердить опасения Филлиды. Но сэр Джулиан, казалось, прекрасно владел собой и чувствовал себя непринужденно, а руки его (эти вечные предатели) недвижно и элегантно – не слишком ли элегантно? – покоились на шерсти кота.

– Простите, – спохватилась я, – загляделась, да? Просто никогда не была так близко к вам раньше. Обычно это был балкон.

– Ну да, при том, что я со вкусом скрыт за несколькими фунтами накладной бороды, да еще в короне и мантии? Что ж, сейчас вы видите самого человека, каким бы жалким и голым двуногим существом он ни являлся на самом деле. Не стану спрашивать, что вы о нем думаете, но вы должны, по крайней мере, выразить свое мнение об антураже. Как вам наша рассыпающаяся роскошь?

– Кастелло? Ну, раз уж вы спрашиваете... Я бы сказала, что это не совсем ваше. Из него вышла бы восхитительная выгородка к чему-нибудь готическому – «Франкенштейну» или к «Тайнам Удольфо», к чему-то такому.

– А что, пожалуй. Так и кажется, что оно должно постоянно утопать в тумане, с крадущимися по стенам вампирами, а не блаженствовать в цветах и солнечном сиянии этого вол-

шебного острова. Тем не менее, полагаю, оно вполне подходит для отставного актера, и тут, безусловно, спокойно, особенно теперь, когда Макс обуздал зевак.

– Я слышала, вы были больны. Мне так жаль. Нам... нам в Лондоне вас ужасно недоставало.

– В самом деле, моя дорогая? Как мило с вашей стороны. А, Макс, вот и ты. Мисс Уоринг считает, что этот дом – превосходная декорация для Франкенштейна и его монстров.

– Ничего подобного! Я такого не говорила... я не то имела в виду!

Макс Гейл засмеялся.

– Я слышал, что вы сказали. Во всяком случае, вряд ли вы слишком сильно оскорбили это безумное барокко. Вот свежий апельсиновый сок, годится?

– Замечательно, благодарю вас.

Себе и отцу он принес то же самое. Я заметила, что, когда старший Гейл потянулся за стаканом, рука его сильно затряслась и сын поспешно придвинул поближе маленький железный столик, поставил туда стакан и налил сока со льдом. Сэр Джулиан уронил руки на спину кота, где они снова замерли в скульптурной неподвижности. Я была права относительно нарочитости этой позы. Но объяснялась она не тщеславием – разве что тщеславием, скрывающим слабость, которой ее обладатель стыдится.

Когда Макс Гейл наливал мне сок, я отложила розы на стол, но он оставил кувшин и протянул к ним руку.

– Давайте мне. Я поставлю их в воду до вашего ухода.

– Так значит, после уплаты штрафа мне будет позволено оставить их у себя?

– Дорогое мое дитя, – произнес сэр Джулиан, – берите сколько угодно! Надеюсь, вы не восприняли всерьез мое поддразнивание, это ведь был лишь предлог заставить вас поднаться сюда. Я только рад, что они так вам нравятся.

– Я их люблю. Они похожи на розы со старинных рисунков – понимаете, настоящие розы в старинных книгах. «Тайный сад», или «Тысяча и одна ночь», или «Спящая красавица» Эндрю Ланга⁹.

– А они такие и есть. Вот эту нашли в павильоне в Персии, где ее мог видеть сам Гарун аль-Рашид. А эта вот из «Романа о Розе». А эту обнаружили в саду прекрасной Розамунды в Вудстоке. А эта, говорят, самая древняя роза в мире. – Руки его почти не дрожали, перебирая цветы один за другим. – Непременно приходите за новыми, когда эти завянут. Я бы поставил их в музыкальной комнате, Макс, там вполне прохладно... Ну а теперь расплачивайтесь, мисс Люси Уоринг. Мне говорили, что вы подвизаетесь в нашем ремесле, и одна из причин, по которым я заманил вас сюда, это желание услышать все, что вы сможете мне пересказать из последних сплетен. Факты я еще с грехом пополам извлекаю из периодических изданий, но сплетни обычно куда занимательней, а зачастую и вдвое правдивей. Скажите мне...

⁹ Эндрю Ланг английский писатель и фольклорист XIX века.

Не помню уже, о чем именно он меня спрашивал и много ли я была способна рассказать ему, но, хотя мы с ним вращались в совершенно разных театральных кругах, я все же довольно много знала о том, что происходит в светском обществе; и помню, что, в свою очередь, восхищалась, слыша, как он небрежно и мимоходом упоминает имена, которые для меня были столь же далеки и высоки, как тучи на горе Пантократор. Сэр Джулиан недвусмысленно дал понять, что считает меня крайне занимательной собеседницей, но даже сегодня я не могу догадаться, в какой степени на самом деле это вышло благодаря его обаянию. Знаю лишь, что, когда под конец он повернул разговор на мои собственные дела, вы бы подумали, что это и есть кульминационный момент, к которому вела вся искрометная болтовня.

– Ну а теперь расскажите мне о себе. Что вы делаете и где? И почему мы до сих пор не встречались?

– Боже ты мой, я и близко не попадала к вашей лиге! Собственно, я только-только добралась до Уэст-Энда!

Я осеклась. Последняя фраза слишком близко затрагивала не только события, но и чувства, которые я не обсуждала ни с кем, даже с Филлидой. У меня тоже имелось свое тщеславие.

– Пьеса провалилась? – Там, где сочувственный тон непрофессионала был бы лишь оскорбителен, непринужденный голос Джулиана Гейла действовал удивительно успокаивающе. – А что это было?

Я сообщила ему название, и он кивнул.

– Да, любимый голубок Мак-Эндрю, верно? На мой взгляд, не очень мудрая попытка со стороны Мака. Я читал эту пьесу. Кем вы были? Этой, как ее там, девушкой, которая закатывает неправдоподобные истерики весь второй акт напролет?

– Ширли. Да. Я играла отвратительно.

– Там ведь не за что ухватиться. Фантазия такого рода, маскирующаяся под реализм рабочего класса, требует жесткого отбора и безупречного чувства времени, а не просто неконтролируемого словесного поноса, если вы простите мне это выражение. И женские образы у него никогда не получались, вы обратили внимание?

– А Мэгги в «Единственном конце»?

– Вы можете назвать ее женщиной?

– Ну... пожалуй, вы правы.

– Я прав в том, что вам нечего винить себя за Ширли. А что на очереди?

Я замялась.

– Вот так, да? – произнес он. – Что ж, бывает. Как мудро с вашей стороны временно все бросить и удрать на Корфу, пока можете! Помнится мне...

И он перешел к подробнейшему изложению ехидных и невероятно смешных историй, действующими лицами которых были один прославленный театральный агент тридцатых годов и нахальный молодой актер, в котором я без труда

узнала самого сэра Джулиана Гейла. Когда он закончил и мы отсмеялись, я вдруг обнаружила, что сама делюсь кое-каким личным опытом, в котором никогда ничего смешного не находила – и даже не думала вообще кому-либо рассказывать. Теперь же, не знаю отчего, разговор об этом доставлял облегчение и даже удовольствие. Зубчатые тени Каstellо незаметно удлинялись, вытягиваясь по поросшим травой каменным плитам, а сэр Джулиан слушал, комментировал и задавал вопросы, словно «заманил» меня на эту террасу лишь затем, чтобы послушать жизнеописание посредственной молодой актрисы, которая в жизни не играла ничего, кроме вторых ролей.

Какой-то легкий звук вдруг остановил меня и заставил резко обернуться. Я напрочь забыла про Макса Гейла и не слышала, как он снова вышел из дома, но он был тут, сидел на балюстраде, откуда все было прекрасно слышно. И долго ли он уже так сидел, я не имела ни малейшего представления.

Только тогда я заметила, что уже начало смеркаться. Штраф был уплачен сполна, настало время уходить домой, но вряд ли я могла начать прощаться буквально через несколько секунд после того, как заметила присутствие Макса Гейла. Сперва надо было отдать дань приличиям.

Я обернулась к нему.

– А вы ездите утром полюбоваться шествием, мистер Гейл?

– Я? Да, я там был. Видел вас в городе. Вы заняли хорошее место?

– Я стояла на Эспланаде, возле самого угла Дворца.

– Все это... довольно трогательно, не находите?

– Очень. – Я улыбнулась. – Вы как музыкант должны были оценить оркестры.

Он засмеялся, и я сразу увидела в нем отражение его отца.

– Еще как. А когда все четыре играют разом, это и вправду нечто.

– Лейтмотив для твоей «Бури», Макс, – сказал ему отец.

– «Этот остров полон звуков».

Макс усмехнулся.

– Пожалуй. Хотя даже я постеснялся бы воспроизвести иные из них.

Сэр Джулиан повернулся ко мне.

– Мой сын пишет музыку к киноверсии «Бури».

– В самом деле? Как замечательно! Сдается мне, вы приехали для этого в самое подходящее место. Поэтому вы и выбрали Корфу после того, как утопили вашу книгу в Стратфорде, сэр Джулиан?

– Не совсем так... скорее, игра случая. Я знаю этот остров вот уже тридцать лет, и у меня тут живут друзья. Но все-таки приятное совпадение, что Максу досталась эта работа, как раз когда мы обосновались здесь.

– Так вы действительно думаете, будто это остров Просперо?

– А почему бы нет? – ответил вопросом на вопрос Джулиан Гейл, а Макс добавил:

– Ну вот, началось.

Я удивленно поглядела на него.

– А что я такого сказала?

– Ничего. Решительно ничего. Но если вы предлагаете человеку объяснить теорию, которую он вынашивает уже столько недель, то должны подготовиться к лекции, и, судя по блеску в глазах моего отца, теперь вас уже ничего не спасет.

– Но мне бы так хотелось ее выслушать! Кроме того, ведь ваш отец способен при желании заставить даже телефонный справочник звучать как «Война и мир», а уж его личная теория о «Буре» должна быть и впрямь чем-то особенным. Не обращайтесь на него внимания, сэра Джулиан! Так почему вы считаете, что Корфу подходит на роль острова Просперо?

– Вы изумительная молодая леди, – сказал сэра Джулиан, – и если вам взбредет в голову вырвать мои розы с корнями и унести прочь, я пошлю Адони вам помочь. Нет, по зрелому размышлению, лучше пошлю Макса. Ему будет полезно немножко позаниматься настоящей работой, вместо того чтобы слоняться вокруг в этом лунатическом трансе, в котором, по-моему, живут все музыканты... Кто это сказал, что настоящий мудрец не тот, кто требует, чтобы что-то доказали перед тем, как он в это поверит, а тот, кто готов верить во что угодно, пока это не окажется неправдой? – Не знаю, но

на мой слух это звучит определением провидца или гения.

– Все розы, – с чувством заявил сэр Джулиан. – Слышишь, Макс? Моя теория касательно «Бури» – это теория провидца или гения.

– Само собой, – откликнулся сын.

Он все еще сидел на балюстраде, прислонившись к каменной вазе в углу.

Я украдкой изучала его лицо, ища сходство с отцом, но, кроме каких-то самых общих признаков и иногда случайного выражения, ничего не находила. Глаза – черные, а не серые, и глубже посаженные, рот – прямее, все черты менее подвижны. Мне показалось, что в этом лице – в слабых черточках меж бровей, в форме губ – таится какая-то нервозность, а подчеркнутая невыразительность всего, что Гейл-младший говорил и делал, могла объясняться его старанием контролировать свои порывы или просто избежать подражания отцовскому обаянию. Там, где сэр Джулиан, по-видимому, чисто автоматически пускал в ход все свои чары, Макс свои отбрасывал. Мне показалось, что он даже стремится не нравиться, тогда как его отец, сознательно или бессознательно, обладал типично актерским желанием, чтобы его все любили.

– Собственно, у нас нет никаких строгих доказательств, – говорил тем временем сэр Джулиан, – которые связывали бы этот остров с островом из пьесы, во всяком случае – не больше, чем со Схерией¹⁰, островом Одиссея и Навсикаи. Но в

¹⁰ Схерия – в древнегреческой мифологии сказочный остров, последнее место-

обоих случаях существуют достаточно сильные традиционные точки зрения, а когда традиция сильна, разумно предположить, что ее хотя бы стоит исследовать.

– Шлиман и Троя, – пробормотал Макс.

– Именно, – согласился сэр Джулиан и вдруг улыбнулся мне, став очень похожим на сына. – Итак, будучи, подобно Шлиману, гением и провидцем и твердо вознамерившись верить, что Корфу и вправду просперовский остров, я принялся искать тому доказательства.

– И нашли?

– Ну, не то чтобы «доказательства». Это слишком сильное слово. Но когда начинаешь вглядываться, находишь всевозможные заманчивые параллели. Начните с простейшего, с описаний природы острова, если вы можете его припомнить.

– По-моему, припоминаю, причем неплохо. Если не ошибаюсь, в этой пьесе ведь дано куда более детальное описание декораций, чем обычно встречаешь у Шекспира, да?

– Я бы сказал, более детальное, чем где-либо, кроме «Венеры и Адониса». Причем описание, которое можно вылущить из пьесы, вполне подходит к этому острову. Сосны, пашни, плодородие – не так-то много из средиземноморских островов по-настоящему плодородны, знаете ли, – пляжи и пещеры, лаймовые рощи около пещеры Просперо... – Он протянул руку, указывая на группку зелено-золотых деревьев, растущих на южном мысу бок о бок с соснами. – Вон,

пребывание Одиссея перед возвращением на родину.

весь утес у виллы Мэннинга порос лаймом, а остров изъеден пещерами, точно соты. Можете возразить, что все это найдется на любом острове, но вот одного там нет – соляных копей, о которых говорит Калибан, помните?

– А здесь есть?

– Да, под Кориссия, на юге. Они существуют там уже много веков.

– А как насчет земляных орехов и лещины? Они тут растут?

– Лещина несомненно, и земляные орехи тоже, если он подразумевает английский сорт. А если он имеет в виду трюфели – а я в этом почти уверен, – то да, и они тоже.

– А маргышки? – спросила я неуверенно, словно задав вопрос сомнительного вкуса.

Сэр Джулиан отмел маргышек в сторону.

– Мимолетная забывчивость. Перепутал с Бермудами. Без сомнения, Ариэль много рассказывал о своих странствиях, и бедное чудище запуталось.

– Нельзя спорить с человеком, одержимым навязчивой идеей, – вмешался Макс. – Высмейте его, мисс Уоринг.

– Ни за что на свете! Если идея достойна того, чтобы ее придерживаться, то за нее стоит и сражаться! А как тогда насчет самого сюжета, сэр Джулиан?

Взять хотя бы самое начало, кораблекрушение. Если корабль направлялся из Туниса в Неаполь, то не кажется ли

вам, что Корфу далековато от курса...

– А-а, Ну да, вы начинаете возражать против тех же вещей, что и в «Одиссее», где предполагается, что они догребли – заметьте, догребли – от Схерии до Эвбеи за одну ночь. Но на мой взгляд, тут нет никаких противоречий той версии, что Корфу – это Схерия. Это такая поэтическая правда, вроде ускорения, как в семи днях Творения. Предполагается, что им помогали боги. То же самое и с неаполитанским кораблем в «Буре». Был какой-то совершенно ужасный шторм, какая-то вполне историческая буря. Корабль сбился с курса и слепо блуждал в море много дней, пока его не выбросило на эти прибрежные скалы. Разве вы не видите то, что придаст этой истории правдоподобие во всей ее маловероятности?

– Имей же сердце, – попытался усювестить его сын, – ну конечно, не видит.

– А все очень просто. Тот факт, что корабль потерпел крушение здесь, так далеко от первоначального курса, делает необходимым в дальнейшем объяснить шторм как событие волшебное и сверхъестественное.

– Одну минуту, – быстро перебила я. – Тот факт? Вы хотите сказать, что вся эта история с кораблекрушением – правда?

– Только то, что, подобно многим легендам, она может быть основана на правде, совсем как существовавшие на самом деле критский лабиринт и сгоревшая Троя. Моя догадка – чисто провидческая – состоит в том, что у этих берегов и

в самом деле произошло какое-то примечательное кораблекрушение, которое и легло в основу легенды.

– Не более чем догадка? Вы не нашли никаких настоящих корфиотских историй или реальных доказательств?

– Нет.

– Но тогда почему именно здесь? Почему на Корфу? Ваши географические подробности еще ничего не доказывают. Они могут подтверждать, но от них вряд ли можно оттолкнуться.

Сэр Джулиан кивнул, мягким пальцем почесывая кота за ухом.

– Я начал не с того конца. Следовало начать не с «фактов», а с самой пьесы – с главной фигуры, Просперо. На мой взгляд, концепция этого персонажа – самая примечательная вещь в пьесе; он выставлен чем-то вроде квинтэссенции шекспировского представления о человеческом могуществе. Поглядите только, каков он там – некий всеотец, маг, обладающий властью над силами природы, ветром и морем, этакий благосклонный и сверхъестественный Макиавелли, управляющий островом и всеми его обитателями.

Он закончил на слабой вопросительной нотке и поглядел на меня, приподняв брови и ожидая моего ответа.

– Святой Спиридион?

– Святой Спиридион! Именно! – Он торжествующе поглядел на Макса, словно демонстрируя ему сообразительность любимого ученика, и я увидела, как Макс едва заметно улыб-

нулся. – Даже имя... сами видите сходство, а сокращение, Спиро, делает его еще очевидней. – По лицу его пробежала и тут же исчезла легкая тень. – Святой Спиридион – в смысле, его тело – был привезен сюда в тысяча четыреста восемьдесят девятом году и в два счета завоевал репутацию святого, способного творить всевозможную магию, чудеса, если хотите, особенно магию с погодой. С ним привезли и еще одного святого, точнее, святую. Ее мумия также хранится в церкви в городе, но она не затронула общественного воображения, так что ей не устраивают парадных выходов. Собственно говоря, не могу даже припомнить ее имени.

– А я никогда и не слышала о ее существовании, – призналась я.

Сэр Джулиан улыбнулся.

– Это страна мужчин. Но эта святая вполне может быть истоком, из которого зародилась идея Миранды, дочери волшебника. Едва ли она вошла бы в легенду просто как подруга, даже как жена. У волшебников их вообще никогда нет, по причинам, исследовать которые, сдастся мне, было бы весьма любопытно, но которые могут вам не понравиться, мисс Люси Уоринг.

– Знаю. Далила и тому подобное. Ну ладно, я не против, это ведь мужской мир. Коли уж на то пошло, у ведьм тоже обычно не бывает мужей, во всяком случае, у настоящих ведьм из сказок.

– Что ж, это по-честному. – Сэр Джулиан откинулся на

спинку кресла. – Итак, вот вам ваша отправная точка: знаменитый плодородный остров Корфу, охраняемый святым, которому приписывается власть над погодой. Теперь предположим бурю, какой-нибудь исторический, из ряда вон выдающийся шторм, когда какой-то важный корабль – возможно, даже с несколькими очень важными итальянскими шишками на борту – сбился с курса и потерпел тут крушение, но пассажиры спаслись от смерти в морской пучине буквально чудом, которое, натурально, было приписано святому. Вот и зарождение легенды. Позднее к ней были добавлены германские элементы волшебных историй: «колдун», прекрасная дочь, волшебные персонажи. – Он помолчал, лукаво поглядывая на меня. – Было бы здорово, если бы кто-то попытался увязать все эти элементы с фактами из истории острова, верно? Я усиленно пытался представить «ведьму Сикораксу из Алжира» как своеобразную персонификацию мусульманских правителей, которые заперли небесную силу – Ариэля – в расщелине сосны, пока святой-волшебник не освободил его... Но, боюсь, пока у меня это не очень получается.

– Какая жалость! – сказала я совершенно без всякой иронии – беседа доставляла мне безмерное наслаждение. – А Калибан? Язычество или что?

– Как вам угодно. Тут и первобытная грубость, и сексуальность, и великолепная чувственная поэзия. И он со всей очевидностью был греком.

– А это-то вы как вычислили? – в изумлении спросила я.

Сэр Джулиан усмехнулся.

– Он приветствовал Просперо на острове «водой с ягодами в ней». Вы еще не познакомились с греческим обычаем подавать ягодное варенье, разведенное в стакане воды?

– Нет, еще не пришлось. Но послушайте, это ничего не доказывает! А если бы это был кофе! Кем бы он тогда был? Французом?

– Ну ладно, – дружески сказал он. – Оставим бедного Калибана просто неким абстрактным низшим духом. Ну, вот и все.

При этих словах белый кот потянулся, втянул когти и громко зевнул. Сэр Джулиан засмеялся:

– Зря вы меня поощряли. Простофиля слышал все это уже не раз, и, боюсь, бедный Макс тоже.

– А я нет, и меня это просто завораживает. Такой неисчерпаемый источник для развлечения. Надо бы мне перечитать пьесу и заново проглядеть подробности. Хотелось бы думать, что у сестры тут найдется эта книга.

– Возьмите мою, – немедленно предложил сэр Джулиан. – Думаю, она стоит где-то на верхней полке, Макс... Спасибо.

Последнее замечание он отпустил, увидев, что сын уже пошел за ней.

– Но если вы по ней работаете... – торопливо вмешалась я.

– Работаю? – Это слово, хоть и произнесенное самым легким тоном, прозвучало как-то неуместно. – Вы только что слышали, насколько серьезно. Да и в любом случае, я поль-

зуюсь в этих целях «Пингвиновским» изданием, благо там можно писать и подчеркивать... А, спасибо, Макс, и вот вам еще ваши розы. Это моя собственная книжка. Пожалуй, довольно древняя и вся исчерканная, но, надеюсь, вы сможете не обращать на это внимание.

Я уже разглядела сделанные карандашом пометки. Держа книгу так, словно это был сам суфлерский оригинал из «Блэкфрайерс»¹¹ с авторской правкой на полях, я поднялась на ноги. Сэр Джулиан поднялся вслед за мной. Белый кот, слетев с его колен, прыгнул на пол и с видом оскорбленного достоинства зашагал с террасы вниз по ступенькам к розовому саду.

– Мне и в самом деле пора, – произнесла я. – Спасибо за книгу, буду обращаться с ней бережно-пребережно. Я... я знаю, что слишком засиделась, но мне и в самом деле было ужасно интересно.

– Дорогое мое дитя, это вы были очень добры к нам обоим. Я в высшей степени наслаждался этим визитом и надеюсь, вы скоро к нам вернетесь. Видите ли, существует определенный предел моей болтовни, которую могут выдержать Макс и кот, так что вновь обрести хорошо воспитанную и внимательную аудиторию – истинное наслаждение. Что ж, если вам пора...

Лес уже потемнел, быстро спускались сумерки. Учтиво

¹¹ Здание старинного доминиканского монастыря, переделанное в 1596 году под театр. С 1608 года труппа Бербеджа, куда входил Шекспир, давала спектакли в этом театре попеременно со знаменитым «Глобусом»: зимой – в «Блэкфрайерс», летом – в «Глобусе».

проводив меня до конца розового сада, мистер Гейл указал тропу, ведущую на прогалинку с заводью. Белый кот был уже там и мечтательно разглядывал порхавшего вокруг жимолости белого мотылька. Макс Гейл подхватил кота на руки, распрощался со мной и быстро ушел.

Несколько минут спустя я услышала звуки пианино – он, не теряя времени, вернулся к работе. А потом стена деревьев сомкнулась за мной, и я уже ничего не слышала.

В лесу всегда было тихо, но теперь, когда ветви деревьев окутала тьма, эта тишина, казалось, приобрела какой-то приглушенный и тяжелый оттенок, который мог быть предвестником шторма. Запах цветов висел в воздухе, точно мускус.

Осторожно пробираясь вниз по тропе, я думала о недавней беседе – не о «теории», которой сэр Джулиан украшал свое изгнание, но о самом сэре Джулиане и о том, что говорили про него Фил и Годфри.

Было очевидно: с ним действительно что-то случилось – и еще не прошло до конца, – что-то очень плохое. Это чувствовалось не только в физических признаках, заметных даже моему глазу, но и в настороженно-бдительном отношении к отцу младшего Гей-ла. Однако с таким впечатлением резко контрастировал наш недавний разговор, причем не только нормальный, а скорее веселый тон беседы, но и даже отдельные фразы, употребление которых сэром Джулианом весьма удивило меня. Стал бы человек, лишь недавно выпущенный из санатория для душевнобольных, так небрежно и беспеч-

но разглагольствовать о «лунатическом трансе» своего сына? Ведь этот сын, помимо всего, играл большую роль в душевном здоровье отца. И стал бы этот сын, в свою очередь, говорить о «навязчивой идее» отца и призывать меня «высмеять его»? Возможно ли, если ситуация была действительно серьезной, что Макс Гейл просто таким образом выходил из щекотливого положения? На чей счет надо было отнести ту созданную им колючую, напряженную атмосферу – на мой или его отца?

Тут я сдалась. Но что до идеи, будто сэр Джулиан Гейл может бродить по окрестностям с винтовкой в руках, представляя собой живую опасность всем и каждому, то я верила в нее не больше, чем прежде. С тем же основанием я могла бы заподозрить Филлиду или самого Годфри Мэннинга.

Впрочем, в первую очередь я бы заподозрила Макса Гейла.

Впереди уже слышалось журчание, и в просвете среди деревьев поблескивала поверхность воды. И в тот же миг я вдруг обратила внимание на какой-то странный шум, которого раньше не замечала, чем-то похожий на кудактанье и гомон стайки насекомых. Казалось, он доносится с той же полянки.

Через несколько секунд я поняла, что это – вечерний хор на пруду, кваканье бесчисленных населяющих укромную заводь лягушек. Я остановилась на опушке, чтобы подобрать полотенце, и, наверное, кто-то из них меня заметил, потому

что кваканье вдруг оборвалось, сменившись ритмическим плюханьем множества ныряющих в воду маленьких тел. Заинтригованная, я попятилась назад за кусты и тихо-тихо прокралась по внешнему краю полянки к дальней стороне прудика, где деревья подходили к нему совсем близко. Теперь я была почти на самом берегу и, осторожно раздвинув ветки, поглядела вниз.

Сперва я не разглядела в сумерках ничего, кроме темного блеска воды, отражавшей просвечивающее сквозь ветви небо, да матовых кругов листьев маленьких лилий и каких-то плавающих водорослей. Потом, приглядевшись, я заметила на одном из листьев лилии здоровенную лягушку, горлышко ее раздувалось и пульсировало в такт диковинному и забавному пению. Тело у нее было толстеньким и пятнистым, как лавровый лист в лунном свете, а яркие крохотные глазки, похожие на ягодки черники, отражали лунный свет. Рядом с ней завела свою песню вторая лягушка, потом еще одна...

Радостная и заинтересованная, я замерла в своем укрытии. Хор с каждой минутой набирал силу и скоро уже счастливо квакал во всю мощь.

Внезапно снова наступила тишина, резкая, словно повернули выключатель. Потом моя лягушка нырнула. Поверхность воды вокруг зарослей лилий пошла кругами и зарябила – это весь хор разом рванулся в воду. Кто-то поднимался вверх по тропе из залива.

В первый миг я подумала, уж не ходила ли Филлида на пляж искать меня, но потом поняла, что по тропе шел мужчина – его выдавала тяжелая поступь и довольно громкое пыхтение. Потом я услышала, как он тихонько прочистил горло и сплюнул – осторожно, как будто старался не производить шума. Тяжелые шаги тоже были осторожными, а торопливое, запыхавшееся дыхание, с которым идущий явно пытался совладать, звучало в примолкшем лесу странно тревожно. Я отпустила ветки и замерла на месте, выжидая, пока он пройдет.

Он вышел на прогалину и оказался в лучах угасающего света. Грек – я его раньше не видела, – крепкий и широкоплечий молодой парень в темных штанах и водолазке с высоким горлом. Под мышкой он нес старую куртку, тоже серую, но посветлее.

На другой стороне заводи он остановился, но лишь для того, чтобы залезть в карман за сигаретой. Он сунул ее в рот и уже собирался чиркнуть спичкой, как вдруг спохватился, пожал плечами и, передумав, засунул сигарету за ухо. Никакими словами он не мог бы яснее выразить желание соблюсти секретность.

Когда он повернулся, чтобы продолжить путь, я отчетливо разглядела его лицо. На нем было написано такое тайное, скрытое возбуждение, что мне стало как-то не по себе и, увидев, как грек оглядывается по сторонам, словно услышал какой-то шум, я невольно съежилась за своей завесой листвы,

чувствуя, как учащенно забилося у меня сердце.

Он не заметил ничего подозрительного. Отер тыльной стороной руки лоб, перекинул куртку под мышку с другой стороны и с той же торопливой осторожностью зашагал по крутой тропе вверх к Кастелло.

Надо мной в верхушках деревьев вдруг пронесся внезапный порыв ветра, и прокатившаяся меж стволов волна прохладного воздуха принесла свежий, резкий запах надвигающегося дождя.

Но я все стояла на месте, пока звуки шагов молодого грека не замерли вдали, а лягушка возле меня не вылезла на лист лилии и не раздула крохотное горлышко, собираясь петь.

ГЛАВА 6

Этот мальчик никогда не утонет.

У. Шекспир. Буря. Акт I, сцена 1

По каким-то причинам, которые я так и не удосужилась обдумать как следует, я не рассказала сестре про визит к Гейлам – даже на следующее утро, когда она решила разок спуститься на пляж и, проходя мимо заводи, показала мне тропу к Каstellо.

Утром, залитая ярким солнечным светом, прогалина выглядела совершенно иначе. Ночью вдруг налетел короткий шторм с сильным ветром, который замер перед рассветом, расчистив воздух и освежив лес. Внизу, в заливе, сиял под утренним солнцем песок, а слабый бриз рябил край моря.

Я расстелила коврик в тени нависающих над пляжем сосен и вывалила на него наши вещи.

– Ты ведь зайдешь в воду, правда?

– Ну, разумеется. Теперь, раз уж я здесь, ничто не помещает мне немножко побултыхаться на отмели, даже если я и выгляжу как мать-слониха, ожидающая двойню. Потрясающий купальник, Люси, где ты его раздобыла?

– У «Макса и Спенсера».

– Силы небесные!

– Ну, я-то не выходила замуж за богача, – весело отозва-

лась я, натягивая на плечи лямки.

– И много мне от этого проку в моем положении? – Филадельда печально оглядела свою фигуру, вздохнула и бросила прелестную пляжную рубашку рядом с сумочкой, набитой всевозможными лосьонами от солнца, журналами, косметикой «Элизабет Арденн» и прочими принадлежностями, без которых она не мыслила себя на пляже. – Это нечестно. Только погляди на меня, а ведь все эти вещи от Фабиани.

– Бедняжка, – насмешливо сказала я. – А мочить их можно? И ради всего святого, неужели ты собираешься купаться с этим кохинором на пальце?

– О господи, нет! – Она сорвала с пальца кольцо с огромнейшим бриллиантом, запихнула его в сумочку с косметикой и застегнула молнию. – Ну ладно, идем. Надеюсь только, твой приятель не примет меня за дельфина и не откроет пальбу. Мы с ним сейчас примерно одной и той же формы, тебе не кажется?

– Ничего с тобой не станется. Дельфин не носит желтого.

– Серьезно, там никто не наблюдает, Люси? Хотелось бы обойтись без зрителей.

– Если будешь держаться у берега, они тебя в любом случае не смогут увидеть, разве что выйдут на самый край террасы. Пойду проверю.

Вода в тени сосен была глубокого темно-зеленого цвета, переходящего в ослепительную синеву чуть дальше, там, где из бухты выходила песчаная отмель. Зайдя в воду по пояс,

я отошла примерно на пятьдесят ярдов от берега, повернулась и посмотрела вверх на террасу Каstellо. Никого видно не было, поэтому я помахала рукой Филлиде, призывая ее следовать за мной. Пока мы плавали и плескались, я все время поглядывала в сторону открытого моря, нет ли дельфина, но, хотя один раз мне и померещился блеск круглой спины вдалеке, он так и не заплыл в бухту. Накупавшись, мы вылезли на берег, растянулись на солнышке и принялись лениво болтать, пока реплики Фил, становившиеся раз от разу все короче и невнятнее, не оборвались совсем.

Оставив ее спать, я снова залезла в воду.

Вообще-то я во время каждого купания бдительно следила за террасой и лесом, но с того самого первого дня никого там не видела и поэтому слегка удивилась, обнаружив, что сейчас за столом кто-то сидит. Седые волосы. Сэр Джулиан Гейл. Он приветственно поднял руку, и я помахала в ответ, испытывая глупую радость оттого, что он взял на себя труд поздороваться со мной. Впрочем, он тут же отвернулся, склонившись над книгой и перелистывая страницы.

Кроме него, на террасе никого не было, но, когда я поворачивалась, чтобы уплыть на глубину, внимание мое привлекла какая-то странная вспышка в одном из раскрытых окон второго этажа. А позади этой вспышки мне померещилось неясное движение, словно кто-то стоявший там поднял бинокль, чтобы снова навести его на бухту...

Когда за тобой подсматривают, это всегда бесит, но ко-

гда таким образом – особенно. Мне до смерти хотелось отплатить грубостью за грубость, скорчив в окна Каstellо рожу попросторнее, но сэр Джулиан мог случайно увидеть ее и принять на свой счет, так что я просто повернула обратно к отмели, где выпрямилась во весь рост и, не удостоив Каstellо даже взглядом, выразительно зашагала (упражнение в театральной школе: разгневанная купальщица выходит из воды) к скалам на южной стороне бухты. Буду купаться там, вне видимости из окон Каstellо.

Я не учла одного – что шагать с величавым достоинством по грудь в воде довольно затруднительно. К тому времени как я добралась до конца отмели и глубокой заводи под скалой, я уже была зла на Макса Гейла, как сто чертей, и жалела, что сразу не вышла из воды. Хотя, пожалуй, нет – будь что будет, а испортить мне купание я ему не позволю! Проплыв через глубокое место, я вылезла на камни под соснами.

Чуть выше вдоль подножия утеса бежала узкая тропинка – должно быть, к вилле Годфри Мэннинга. Но она была вся усыпана мелкими камешками и острой галькой, так что я предпочла остаться на добела отмытых волнами скалах внизу. Берег причудливо изрезанной полосой тянулся вдаль – чередой неровных выступов, прорезанных расщелинами, где плескалось спокойное бархатистое море.

Я побрела вдоль берега, переходя от одной маленькой заводи к другой. Скалы под ногами были горячими и гладкими, бесчисленные трещины, сплошь поросшие цветущими

кустами, сбегали прямо вниз, к кромке воды, где вздымалась и опадала зеленая волна прибоя. Утес глубоко вдавался в самое море, а по его краю нависала над водой тропа, обрамленная полосой зарослей.

Дойдя до ближайшего мыса, я остановилась. Здесь скалы становились более неровными и выщербленными, поскольку в непогоду волны били сильнее всего именно сюда, а у подножия валялась груда каменных осколков и выброшенных на берег водорослей и плавника. Верхние, совсем свежие наносы, по всей видимости, являли собой следы ночного шквала. Чуть дальше, за следующим изгибом утеса, виделось место, где в море выдавалась то ли какая-то пещера, то ли просто глубокая и узкая расщелина, обрывистые склоны которой скрывала густая роща, взбегающая на вершину утеса: там росли сосны, дубы, падубы, и среди прочего – те самые лаймы, о которых говорил сэр Джулиан. Сквозь ветви молодой поросли я различила краешек красной черепицы – наверное, на крыше эллинга Годфри.

Кругом не было ни души. Решив закончить купание тут, на глубоком месте, а потом вернуться на пляж по тропе, я начала осторожно спускаться сквозь набросанные скалы и плавник к воде.

Время от времени путь мне преграждали мелкие лужицы, и я осторожно переходила их вброд, с опаской думая о морских ежах, которые (как я читала) водятся в этих водах и могут втыкать в ноги ядовитые иглы. «То, как ежи, колючими

клубками мне на дороге норвят попасться, чтоб я босые ноги занозил». Бедный Калибан. Интересно, прав ли сэръ Джулиан? Вчера я, приняв правила предложенной им заволаживающей игры, допоздна перечитывала «Бурю» и даже сама придумала несколько новых идей, насчет которых очень надеялась его порасспросить, когда снова окажусь в Кастелло... Если снова окажусь в Кастелло... Но ведь надо же хотя бы вернуть Шекспира... Вот бы выяснить у Миранды или Адони, когда Макса Гейла не будет дома...

Наконец я вышла на край той самой расщелины, миниатюрного заливчика, вдающегося глубоко в скалы. Что ж, для купания место ничуть не хуже других. Я остановилась на краю, вглядываясь вниз и стараясь разглядеть, какое тут дно.

В светло-нефритовой воде среди оливковых и алых водорослей сновали крохотные рачки и стайки охотящихся на них маленьких рыбок. Темно-синие тени колыхались как живые от медленных движений крабов, которые копошились среди выстилающих дно бурых водорослей. Сами водоросли тоже беспрестанно колыхались, слабо и неумолимо, как тряпье в полосе прилива. Среди них виднелась белая и голая кость каракатицы. «Кораллом стали кости в нем, два перла там, где взор сиял»...

Тело лежало, наполовину спрятанное в самом большом пятне тени. Сначала бившее мне в глаза солнце скрывало его – груды одежд и плоти, ничем не напоминающую человека, просто комок неряшливых лохмотьев, перекатываемый вол-

нами с места на место и наконец прибитый сюда, под нависающий выступ скалы у берега.

Даже теперь я не была еще точно уверена – солнце слишком слепило глаза. От потрясения мне стало дурно, я не знала, что делать, но, безусловно, необходимо было точно удостовериться. Я опустилась на колени и, прикрыв глаза от солнца, внимательно взгляделась вниз.

Тряпки шевелились в слабом колыхании воды, точно водоросли. Может, это и впрямь только водоросли?.. Но тут я увидела голову и лицо – смазанное расплывчатое пятно под темными волосами. Какие-то морские твари уже облепили его, маленькая рыбка деловито сновала вокруг в зеленой воде.

«Спиро, – подумала я. – Спиро...» И его матери придется увидеть это. Может, лучше вообще ничего ей не говорить? Пусть прилив снова унесет тело прочь, в море; пусть проворные морские создания очистят его, сделают белым, как та кость каракатицы...

Но потом в дело все же вступил здравый смысл, подействовавший на мой смятенный разум, точно ушат холодной воды. Непременно надо сказать Марии – гораздо более жестоко было бы ничего ей не говорить. И потом, ведь в этом море нет прилива. Если не будет нового шторма, тело, скорее всего, так и останется здесь, где его сможет найти кто угодно.

По морю вдруг пробежала легкая зыбь, вода качнулась, чуть заметно шевельнув голову утопленника. И тут я узнала

его. Не то чтобы я опознала именно лицо – это было бы совершенно невозможно, но почему-то мою память вдруг ожилило все, вместе взятое: форма головы и лица и лучше различимый теперь цвет мокрых лохмотьев – темных брюк, свитера и более светлой куртки.

Так значит, это был вовсе не Спиро – если только не Спиро, живой и здоровый, шел вчера вечером по лесу, направляясь к Каstellо.

У меня не оставалось никаких сомнений, ни малейших. Именно этого человека я видела вчера вечером на полянке. Я вдруг обнаружила, что сижу на корточках, скосившись на бок и опираясь рукой о раскаленную поверхность камня. Одно дело – найти мертвеца, но опознать его и знать, где он был совсем незадолго до смерти...

Я зажмурилась так же крепко, как впивалась пальцами в горячий камень, но солнечный свет бил и сквозь закрытые веки, застилая глаза красной дымкой. Я прикусила губу и постаралась дышать медленно и размеренно, чтобы не стало совсем плохо. Филлида: мысль о ней подействовала на меня не хуже нюхательной соли. Филлида не должна этого видеть, не должна даже заподозрить, какой ужас лежит совсем недалеко от нее. Нужно побыстрее успокоиться, вернуться к сестре и под каким-нибудь предлогом уговорить ее уйти с пляжа. А потом потихоньку добраться до телефона и связаться с полицией.

Я снова открыла глаза в глупой надежде, что ошиблась

и в воде нет никакого утопленника. Но разумеется, он по-прежнему лежал в своем сгустке чернильно-черных теней, нелепый и слабо колыхающийся. Не ошиблась я и в другом: именно этот человек шел вчера к Кастелло. Поднявшись на ноги, я битую минуту простояла, крепко вцепившись в обломок скалы и стараясь успокоиться, а потом, не оглядываясь, начала пробираться по камням к гуще кустов, обрамлявших тропинку вдоль утеса. Уже у самой кромки зарослей, когда я гадала, как пробиться сквозь них на тропу, какой-то слабый звук заставил меня остановиться и поглядеть налево, в сторону эллинга. Это кто-то несколько раз хлопнул дверью. Должно быть, случилась какая-то неполадка с замком, потому что теперь до меня явственно донесся нетерпеливый возглас и очередной удар. На сей раз дверь, видно, заперлась, и мгновением позже послышались шаги. На тропинку бодрой походкой вышел Годфри Мэннинг.

Я не знала, направляется ли он сюда, или же тропинка, не доходя до этого места, разветвляется и ведет под деревьями к вилле Рота. Я уже открыла рот, чтобы позвать его, надеясь не разбудить при этом Филлиду, как вдруг Годфри сам посмотрел в мою сторону и увидел меня среди камней. Он приветственно поднял руку, но я поспешно прижала палец к губам, предупреждая готовый сорваться с его губ возглас, и настойчиво поманила к себе.

Неудивительно, что на лице Годфри появилось испуганное выражение. Впрочем, когда он подошел ближе и остано-

вился на тропинке надо мной, оно быстро сменилось тревогой и сочувствием.

– Люси? Что-то случилось? Вам плохо? Солнечный удар? – Голос его вдруг изменился: – Или опять тот чертов помешанный с винтовкой?

Я покачала головой. Ужасно глупо, но если до сих пор мне огромным усилием и удавалось держать себя в руках, то теперь я вдруг поняла, что не могу вымолвить ни слова, и просто указала на море.

Он взглянул сверху на расщелину, однако с такого расстояния, естественно, ничего не увидел и, проворно пройдя ко мне сквозь заросли, одной рукой осторожно обнял меня за талию.

– Присядьте... Сюда. Ну как, лучше? Пока больше не пытайтесь ничего говорить. Вас что-то напугало, верно? Вот тут, у берега? Ладно, посидите минутку спокойно, а я пойду взгляну. Только не двигайтесь. Просто сидите и ни о чем не волнуйтесь.

Я сидела, намертво стиснув руки между коленями, не отрывая глаз от земли и слушая, как шаги Годфри, быстрые и уверенные, удаляются по камням к воде. Затем настала тишина. Пауза затянулась. Внизу бормотало море, над головой пронзительно щебетали гнездящиеся на утесе стрижи.

Я подняла взгляд. Годфри стоял на том же самом месте, где недавно стояла я, уставившись на воду. Со своего камня я видела его в профиль – он был потрясен. Только теперь до

меня дошло, что и он тоже в первый миг наверняка решил, что там лежит Спиро. Если бы я только способна была разумно мыслить и говорить, мне следовало предусмотреть это и избавить Годфри от подобного испытания.

Я прочистила горло.

– Это не... не Спиро?

– Нет.

– А вы не знаете, кто это?

Мне показалось, что Мэннинг на миг заколебался, но потом он кивнул.

– Его зовут Янни Зоулас.

– Ах! Вы знали его лично? – Почему-то меня это потрясло, хотя было лишь логично предположить, что утонувший – из местных рыбаков. – Значит, он откуда-то неподалеку?

– Да, из деревни.

– А что... что, по-вашему, произошло?

– Бог весть. Одно очевидно: какой-то несчастный случай на море. Янни был рыбаком и обычно выходил в море один... Да вы, должно быть, видели его лодку, она вечно сновала туда-сюда вдоль берега – довольно симпатичное голубое суденышко с коричневым парусом. Но во вчерашнюю непогоду... Вот уж не думал...

Голос его умолк. Нахмурившись, Годфри некоторое время глядел вниз, на воду, а потом повернулся и запрыгал по камням обратно к тому месту, где сидела я.

– Двое за одну неделю?

Это само собой сорвалось у меня с губ, причем таким тоном, как будто Годфри мог что-то ответить. Я вовсе не собиралась говорить ничего подобного и была готова прикусить себе язык с досады, что не сдержалась.

– Двое за одну неделю? – Мэннинг повторил вопрос таким безжизненным тоном, что было ясно: он не уразумел, о чем это я. – А-а-а, да, понимаю.

– Простите. Ужасно глупо с моей стороны. Я просто подумала вслух. Не стоило вам напоминать. Всего лишь ужасное совпадение.

– При обычных обстоятельствах, – отозвался Годфри, – я бы сказал, что не верю в совпадения. Собственно говоря, не будь я свидетелем того, что случилось со Спиро, я бы наверняка начал гадать, что же здесь такое происходит. – Он помолчал, вновь устремив взгляд на расщелину. – В общем, всего-то и произошло, что в одну неделю утонули два молодых человека из одной деревни, но в обществе, которое живет главным образом за счет моря, этому вряд ли стоит так уж удивляться. Вот только...

– Только что?

Мэннинг встревоженно поглядел на меня.

– Вряд ли можно было ожидать подобную эпидемию в такую чудесную летнюю погоду.

– Годфри, в чем дело? У вас такой вид, как будто вы думаете...

Я тоже резко умолкла, прикусив губу. Мэннинг мрачно

глядел на меня и молчал.

– Вы пытаетесь сказать мне, что это не был несчастный случай? – хрипло закончила я.

– Боже праведный, ну конечно нет! Просто, что это создаст определенные проблемы. Но вам не о чем тревожиться. В любом случае, быть может, все еще обойдется.

«Вам не о чем тревожиться»... Одному небу известно, что бы он сказал, если бы хоть отчасти догадывался, какие проблемы это передо мной ставит. Я сама точно не знала, отчего умолчала о вчерашнем вечере. Теперь мне кажется, что это второе происшествие было окутано каким-то ореолом жестокости и опасности, – ореолом, ощутимым скорее на интуитивном, нежели сознательном уровне. Поэтому-то, должно быть, я вовсе не так удивилась, как можно было ожидать, и поэтому-то, наверное, какой-то инстинкт, говорящий об опасности, заставил меня придержать язык. Как будто тот первый бесшумный выстрел из винтовки подал сигнал тревоги, и лишь молчанием я могла оградить себя от всего этого, остаться внутри своего маленького мыльного пузыря тишины и покоя, убереечь свой зачарованный остров от вторжения пришельцев из жестокого мира, откуда я бежала в поисках убежища. Поэтому я только и сказала:

– А у него были родственники?

– Жена. Они живут с его родителями. Вы, наверное, видели их дом, такой розовый, на перекрестке.

– Да. Прелестный домик. Помню, мне еще подумалось,

что там, должно быть, живут зажиточные люди.

– Да, так оно и было. Без него им туго придется.

Я поглядела на Мэннинга, пораженная не столько словами, банальными сами по себе, сколько совершенно непонятной сухостью тона.

– Нет, вы явно на что-то намекаете. Вам что-то об этом известно, правда? Почему вы не скажете мне?

Годфри заколебался, что-то прикидывая, потом внезапно улыбнулся:

– И вправду, отчего бы и не сказать? Это и меня-то вряд ли касается, а уж вас и точно никоим образом. Просто когда это дело начнет расследовать полиция, может получиться довольно неловко.

– Как это?

Он приподнял плечи.

– Ни один простой и честный рыбак не живет так, как Янни и его семья. Ходили слухи, будто он контрабандист, совершает регулярные вылазки в Албанию и имеет с этого неплохой доход.

– Понятно, но ведь... Мне казалось, что тут в такие игры играет куча народу. Корфу ведь так удачно расположен, буквально дверь в дверь с «железным занавесом». Полагаю, там должны хорошо идти любые «предметы роскоши». Но откуда простому рыбаку вроде Янни Зоуласа добывать такой товар?

– Откуда мне знать? У него были свои контакты. Ка-

кой-нибудь сообщник на Корфу, поддерживающий связь с Афинами или Италией... Но я уверен, Янни Зоулас вел это не на свой страх и риск. Не тот характер. Должно быть, занимался этим ради денег.

Я облизала губы.

– Но даже и в таком случае... Вы ведь не предполагаете, что тут может быть какая-то связь... что его могли убить из-за его промысла? Тогда... тогда, Годфри, это убийство!

– Нет, нет, ради бога, у меня и в мыслях не было ничего подобного! Помилуй господи, вовсе нет! Не волнуйтесь вы так. Да вы же бледная как полотно! Послушайте, все это чистая ерунда. Сомневаюсь, что бедный Янни был такой важной птицей, чтобы его убивать. Забудьте об этом. Я просто подумал, вдруг он влип в какие-то неприятности с, так сказать, другой стороной, с береговой охраной. По-моему, они тут неплохо вооружены: прожекторы, пулеметы – последнее слово техники. Если дело обстояло именно так, если он был ранен и пытался спастись от погони, то даже в такую, не слишком бурную ночь вполне могло произойти какое-нибудь несчастье. Например, потерял сознание и свалился за борт.

– Понятно. Но если полиция и дознается до этого, у его семьи ведь не возникнет никаких неприятностей?

– Скорее всего, нет. Вряд ли.

– Тогда что же вас тревожит?

– Расследование может подвести полицейских ближе, чем

хотелось бы, к юному Спиросу, – откровенно признался Годфри. – У меня есть сильное подозрение, что он неоднократно выходил с Янни. Это меня не касалось, вот я и не задавал никаких вопросов. Пареньку надо было содержать мать и сестру, а как – это уж его дело. Но мне не хочется, чтобы теперь это все всплыло на поверхность. Толку никакого, а матери будет неприятно. Послушать ее, так Спирос был *sans peur et sans reproche*¹² и вдобавок хороший христианин. Уверен, что, как бы легко мы с вами ни относились к контрабанде, она считает ее безнравственной.

– Не скажу, чтобы я так уж легко относилась к контрабанде. По-моему, если живешь под защитой страны, будь добр повиноваться ее законам. Я просто не удивилась. Но знаете, даже если полиция и выяснит про Спирос что-то порочащее, я уверена, они никогда не скажут Марии. Полицейские тоже люди, тем более когда все уже позади и мальчик мертв.

– Должно быть, вы правы. Ну что ж... – Мэннинг потянулся и вздохнул. – Черт возьми, что за неприятная история. Лучше нам подняться наверх и поскорее с ней покончить. Как вам кажется, вы уже в состоянии идти?

– Да, вполне.

Он взял меня под руку и повел по неровному склону вверх к тропе.

– Я отведу вас к себе домой, к телефону, – сказал он. – Туда идти ближе и можно не беспокоить вашу сестру, пока

¹² *Sans peur et sans reproche* (фр.) – без страха и упрека.

вы хоть немного не придете в себя. Полицейские наверняка пожелают поговорить с вами, так что, если хотите, можете встретиться с ними у меня, а потом я отвезу вас домой на машине... Кстати, у вас с собой была какая-то одежда или только полотенце и босоножки? Если подождете минуточку, я их принесу.

– Все там, в бухте, но, боюсь, Фил тоже там. Я оставила ее спать на пляже. Она, скорее всего, уже проснулась и гадает, куда я запропастилась.

– А-а-а... – Вид у него стал неуверенный. – Что ж, это все меняет, не так ли? Придется ей рассказать. Я не очень-то разбираюсь в подобных вещах, но это ее не... не слишком взволнует или что-нибудь такое?

– Думаю, пока она не увидит тело, с ней все будет в порядке. Все равно ей скоро придется узнать... Постойте минутку, там кто-то идет. Наверное, она.

Секунду спустя из-за утеса и впрямь показалась Фил. Должно быть, она проснулась уже довольно давно, ибо все следы морского купания исчезли. Она заново накрасилась, тщательно уложила блестящие волосы, а поверх купальника накинула премилую пляжную юбку и веселенькую рубашку. Как обычно, вид сестры заставил меня немедленно вспомнить о собственной неприглядности. Я в первый раз за утро осознала, как же, должно быть, сейчас выгляжу: на коже запеклась соль, волосы мокрые, а лицо – я отлично себе представляла – все еще бледно-зеленое от потрясения.

– Мне послышались чьи-то голоса, – весело окликнула нас она. – Привет, Годфри! Шли навестить нас или просто испугаться?

– Ни то ни другое. Был в эллинге, осматривал яхту, а потом увидел Люси.

– Это ты мои туфли несешь? – вмешалась я. – Огромное спасибо. Как ты догадалась, что они мне понадобятся?

– Ну, дорогая, – засмеялась Фил, – зная тебя, я сразу как проснулась и обнаружила, что ты исчезла, то поняла, что ты бродишь тут вокруг по заливчикам и, бог знает, как далеко забредешь. – Она со смехом повернулась к Годфри. – Я бы ничуть не удивилась найти ее, самое меньшее, с консервной банкой, до краев полной всяких ракушек и рачков, чтобы отнести их домой. Помню, как-то...

Она вдруг умолкла и несколько секунд смотрела то на меня, то на Мэннинга, а потом голос ее стал резче:

– Люси... Годфри... Что-то случилось. Что именно?

Годфри колебался ровно на миг дольше, чем следовало.

– Ваша сестра слегка перегрелась на солнце, а я предложил отвести ее к себе и дать выпить чего-нибудь прохладительного. Она сказала, что вы на пляже, так что я как раз собирался за вами. Надеюсь, вы к нам присоединитесь?

Голос его звучал безупречно, легко и естественно, но мою сестру было нелегко провести.

На моем лице и в том, что Годфри все еще поддерживал меня под локоть, она прочла ответы на все вопросы.

– Что-то случилось, – повторила она еще резче. – Люси, ты ужасно выглядишь. И солнечный удар тут ни при чем, не морочь мне голову, с тобой же в жизни ничего подобного не происходило. Так в чем дело? Ты поранилась?

– Нет-нет. Со мной все прекрасно, честно-честно.

Я осторожно высвободилась, подняла взгляд на Годфри и вдруг совершенно неуместно поразились, что он гораздо привлекательнее с виду, чем мне казалось раньше. Солнечный свет подчеркивал его глубокий загар, вьющиеся волосы спереди выгорели и стали совсем светлыми. Глаза на фоне загорелого лица выглядели светло-серыми.

– Можете выложить ей все начистоту, – посоветовала я.

– Ну ладно. Фил, боюсь, произошла ужасная вещь. Один из местных рыбаков утонул, его прибило здесь к берегу, и Люси нашла тело.

– О боже, какой кошмар! Люси, дорогая... бедная детка! Представляю, как оно выглядело... – Внезапно глаза ее расширились, а рука поднялась к лицу. – Вы видели? Вы можете точно сказать? Я имею в виду... через неделю...

– Это не Спиро, – быстро, почти резко сказал Годфри.

– Не он? – Фил опустила руку и издала глубокий вздох облегчения. – Ах, а я уже подумала... Но это значит – двое за несколько дней? А вы хоть знаете, кто это?

– Один из местных, по имени Янни Зоулас. Вряд ли вы с ним знакомы. Послушайте, мы как раз шли к телефону. Пойдете с нами? Если я сейчас быстренько сбегаю в бухту за

всем остальным...

Он резко остановился и повернулся. На то место, где я сидела, натягивая сандалии, упала тень. А за спиной у меня раздался голос Макса Гейла:

– Что-то стряслось?

Я подпрыгнула, словно он ударил меня. Фил и Годфри сдавленно ахнули, точно застигнутые на месте преступления.

Макс был, должно быть, на много стоунов тяжелее Филлиды, но никто даже и не слышал, как он подошел. Наверное, движется как кошка, подумалось мне.

Несколько секунд никто не отвечал ему. Это была неприятная, напряженная тишина, во время которой мужчины мерили друг друга взглядами, точно два собирающихся подраться пса, кружащие вокруг друг друга. А я сидела, наполовину надев босоножку и глядя на них.

– Стряслось? – переспросил Годфри.

Тут я поняла, что он не хочет ничего рассказывать Гейлу. Это знание пришло ко мне, точно холодок по коже, и почему-то совсем не удивило. Мистер Гейл перевел взгляд с Годфри на Фил, потом на меня. Я быстро опустила голову, натянула босоножку и начала застегивать ремешок.

– Очевидно же, что что-то произошло, – нетерпеливо произнес Макс. – Я смотрел на бухту в бинокль, и мне почудилось там что-то странное – то ли какие-то обломки, то ли еще что-то. Но я никак не мог разобрать. Потом сюда напра-

вилаась мисс Уоринг, и я увидел ее на скале. Она остановилась, заглянула в одну из расщелин, и по ее реакции стало совершенно очевидно, что там оказалось что-то и в самом деле очень нехорошее. Потом пришли вы, и все стало еще яснее. Что там? Или мне пойти и взглянуть самому?

Ответила ему Филлида. Должно быть, она не заметила скрытых намеков, заставивших меня похолодеть, – но ведь она и не знала того, что было известно мне.

– Мертвое тело, – на одном дыхании выпалила она. – Утопленник. Вон там, в расщелине. – Мы как раз идем звонить в полицию.

Настал миг тишины, столь глубокой, что мне показалось, будто я различаю где-то в вышине громкий и пронзительный крик береговой ласточки. Затем Макс Гейл спросил:

– Кто это? Вы знаете?

Годфри все еще молчал, не сводя глаз с лица Гейла. Ответить снова пришлось Филлиде.

– Я забыла имя. Годфри говорит, он из деревни. Какой-то Янни.

– Янни Зоулас, – подсказала я.

Макс поглядел на меня так, словно в первый раз осознал, что я здесь. Хотя у меня сложилось впечатление, будто даже сейчас он не видит меня по-настоящему. Он молчал.

– Вы его знали? – спросила я.

Темные глаза на миг остановились на мне, а затем Гейл снова отвернулся к морю.

– Ну да, немного.

– Вы утверждаете, – наконец заговорил Годфри, – что увидели на воде что-то непонятное. Не можете сказать точнее, на что это было похоже? Это не могли оказаться обломки потонувшего баркаса?

– А? Ну, я же вам говорю, на таком расстоянии ничего нельзя было разглядеть толком, но весьма вероятно... Боже, да, пожалуй, очень похоже на правду!

И вдруг, единым мигом, Гейл оказался всецело с нами, взгляд его стал острее.

– Хотел бы я знать, во сколько он вышел в море вчера вечером? – Отрывисто заговорил он. – Около полуночи мне показалось, будто я слышу лодку, направляющуюся на северо-восток. – Он поглядел на Годфри. – А вы не слышали?

– Нет.

– Вчера вечером? – удивилась Филлида. – Неужели это произошло так недавно? А вы не можете сказать, Годфри?

– Я не специалист. Не знаю. Не думаю, чтобы он успел пробыть в воде долго. Тем не менее, будет нетрудно выяснить, когда его видели в последний раз.

Я не отрывала глаз от лица Макса Гейла. Теперь оно казалось задумчивым, мрачным – каким угодно, только не таким, каким, по моему мнению, должно было выглядеть.

– Наверное, это случилось за последние сорок восемь часов. Я сам видел его лодку в субботу. Она проплыла мимо бухты около трех часов дня.

Не знай я того, что знала, в жизни бы не заподозрила, что он лжет – или, по крайней мере, скрывает часть правды. На миг я даже подумала, что, может быть, Янни вчера вечером шел вовсе и не в Кастелло, но тут же вспомнила, что мистер Гейл за последние несколько минут дал мне очередной повод сомневаться в его искренности. Внезапно он посмотрел вниз и поймал на себе мой взгляд. Я поспешно опустила голову и занялась второй босоножкой.

– Что ж, – произнес Годфри, – можно будет спросить у его семьи, и чем скорее мы передадим дело в руки специалистов, тем лучше. Пойдемте? Во всяком случае, можно хотя бы никого не оставлять рядом с телом. Прилива нет, и его ничто не унесет... Куда это вы?

Макс Гейл не удосужился ответить – он уже скакал по камням вниз. Годфри сделал быстрое, невольное движение, словно желая остановить его, но потом пожал плечами и повернулся к нам.

– Вы не против? Мы быстро.

И в свою очередь заскользил вниз через кусты.

Гейл уже склонился над расщелиной. Как и Годфри, он некоторое время стоял, глядя на тело, но потом сделал то, что не пришло в голову ни Годфри, ни мне: лег на камень и запустил руку в воду, словно стараясь дотянуться до утопленника. Годфри снова резко дернулся, но, похоже, рассудил, что едва ли можно уничтожить улики простым прикосновением, так что промолчал и остановился рядом, при-

стально наблюдая за действиями Макса.

– Что там, во имя всего святого, они делают?

Я съежилась, обняв руками колени. Несмотря на солнце, меня вдруг начала пробирать дрожь.

– Не знаю и знать не хочу. Надеюсь только, они все же поторопятся. Мне хочется что-нибудь на себя надеть, вызвать полицию и поскорее покончить со всем этим делом.

– Бедный ягненок, мерзнешь? Вот, возьми.

Фил сняла с себя рубашку и заботливо накинула мне на плечи. Я с благодарностью укуталась в нее.

– Огромное спасибо. Чудесно. – Я выдавила слабый смешок. – По крайней мере, это вновь включает меня в соревнование! Хотелось бы мне, чтобы ты не всякий раз выглядела так, словно только что вернулась от Элизабет Арден, когда я ощущаю себя одним из обломков мистера Гейла. Наверное, это меня он видел в море. Если, между нами говоря, он там вообще что-то видел.

Филлида быстро глянула на меня.

– Что это значит? Звучит многозначительно.

– Да нет, ничего.

Она присела рядом со мной.

– Ты редко говоришь что-то просто так. Что ты имела в виду?

– Не нравится мне это происшествие, вот и все.

– Боже праведный, а кому оно нравится? Но ведь это просто происшествие, а?

– Не знаю. У меня такое ощущение, как будто... как будто тут что-то происходит. Не могу это выразить лучше, и, вполне возможно, я ошибаюсь, но мне кажется – кажется, – Годфри тоже это чувствует. Почему они с мистером Гейлом не любят друг друга?

– Правда? А я и не замечала. Пожалуй, они и впрямь держались сегодня настороже, да? Сдается мне, Годфри более взволнован, чем показывает. Кроме того, после этой истории со Спиро прошло только несколько дней... А Макс Гейл и не пытается быть очаровательным, тебе не кажется?

– У него что-то свое на уме, – уклончиво заметила я, желая намекнуть лишь на то, что из-за личных проблем Гейла-младшего – ну, например, связанных с отцом – его трудно узнать или оценить по достоинству.

Но Филлида восприняла мое замечание именно на счет всего происходящего и кивнула.

– Да, мне тоже так показалось... О, ничего особенного, просто он думает о чем-то другом. Но ты-то что имела в виду?

Я заколебалась.

– Тебя не поразило, как странно мистер Гейл воспринял новости?

– Да нет вроде бы. Наверное, оттого, что я знаю его лучше, чем ты. Он всегда не слишком общителен. А что именно «странное» ты имеешь в виду?

Я снова заколебалась, но решила не уточнять.

– Как будто он вовсе не удивился тому, что сюда выбросило тело.

– Думаю, так оно и было. Он ожидал, что это окажется Спиро.

– Ну да, конечно, – сказала я. – Гляди, по-моему, они возвращаются.

Мистер Гейл закончил свой тягостный осмотр, отдернул руку, сполоснул ее соленой водой и поднялся, вытирая ладони платком. Насколько я могла судить, двое мужчин все еще не обменялись ни единым словом. Потом Годфри что-то произнес, указывая на нас с Фил, и они оба повернулись в нашу сторону.

– Слава богу, – вздохнула я.

– Когда ты чего-нибудь выпьешь, тебе сразу станет лучше, старушка, – сказала сестра.

– Кофе, – отозвалась я, – горячий, как любовь, и крепкий, как ад.

– Как знать, может, это как раз в духе Годфри.

Мужчины вылезли на тропинку рядом с нами.

– Ну что? – спросили мы с Фил в один голос. Они обменялись взглядами, которые можно было бы назвать даже общеническими.

– Интересно было бы послушать, что скажет врач, – ответил Гейл. – Похоже, его чем-то здорово треснули по голове. Я предполагал, что сломана шея, но вроде бы нет.

Мы с Годфри встретились глазами.

– Что ж, – поспешила сказать я, поднимаясь на ноги, – когда лодка найдется, может, там окажется что-то такое, что прольет свет на это происшествие.

– А пока, – заметил Годфри, – мы знаем только, что это случилось, и теперь дело за полицией. Ну что, пойдете?

– Слава богу! – воскликнула я. – Но мне все равно хотелось бы одеться. Мои вещи...

– Господи, совсем забыл. Ладно, подождите здесь еще минутку, я мигом.

– Идите, – вдруг вмешался Макс Гейл в свойственной ему отрывистой, даже агрессивной манере. – А я схожу за вашими вещами и принесу их туда.

Его совершенно очевидно не приглашали с нами, но, столь же очевидно, он твердо вознамерился услышать все, что будет сказано полиции. Мне даже показалось, Годфри собирается возразить, но тут Филлида поднялась на ноги.

– Да-да, пойдете отсюда! Мне здесь не по себе. Мистер Гейл, если бы вы и впрямь были таким ангелом... Я тоже там кое-что оставила, под соснами.

– Непременно поищу. Я мигом. Не ждите меня, я догоню.

И он быстро ушел. Годфри поглядел ему вслед. Серые глаза были удивительно холодными. Но, заметив, что я наблюдаю за ним, он улыбнулся.

– Итак, сюда.

Тропинка вела вдоль утеса до эллинга, а там поворачивала и зигзагами поднималась через рощу вверх по склону. Мы

брели по ней, радуясь тени. Годфри шел между нами, опекая нас с такой трогательной неловкостью, что в любое другое время это было бы даже забавно. Но сейчас я могла мечтать лишь о коротком уединении у него в ванной, мягком удобном кресле и – за неимением кофе – холодном соке. Я надеялась, Макс Гейл поторопится сходить за одеждой. По моим расчетам, он не должен был сильно задерживаться – вряд ли ему захотелось бы пропустить то, что будет сказано полиции. Я даже удивилась, что он пошел на такой риск, вызвавшись сходить на пляж.

Годфри чуть отстал, помогая Фил перебраться через сухое русло ручья, промытого зимними дождями поперек тропы. Я на несколько шагов опередила их, как вдруг тропа повернула и в просвет между деревьями открылся вид на место, где мы недавно стояли.

И как это я сама не догадалась, что у Макса Гейла имелись весьма веские основания предложить сходить за одеждой? Он вернулся к расщелине и снова лежал на камнях, что-то нашаривая в воде. Я видела его голову и плечи. В тот миг, как я заметила его, он вытащил руку из воды и проворно поднялся на ноги. Я юркнула в тень деревьев, и как раз вовремя: он быстро оглянулся по сторонам, а потом взбежал обратно на тропинку и скрылся из виду.

– Устали? – раздался голос Годфри у меня за спиной.

Я вздрогнула.

– Нет, нисколько. Просто переводила дыхание. Но буду

рада, когда это все закончится.

– А кто не обрадуется? У меня такое ощущение, будто я провел с полицией целую неделю. – Он помолчал и с горечью добавил: – По крайней мере, им известна дорога сюда и какие вопросы задавать.

Филлида ласково коснулась его плеча.

– Бедный Годфри. Но мы вам ужасно благодарны. И хотя бы на этот раз случившееся вас лично не касается... разве что как ужасное совпадение.

Его глаза встретились с моими. В них застыло мрачное выражение, которое я уже начала узнавать.

– Я не верю в совпадения, – отозвался он.

ГЛАВА 7

Это что такое?

Человек или рыба?

Мертвое или живое?

У. Шекспир. Буря. Акт II, сцена 2

То ли Филлида расстроилась сильнее, чем показывала, то ли прогулка по жаре вниз на пляж, а потом купание и подъем к вилле Рота оказались для нее чрезмерным напряжением сил, но к вечеру, хотя остаток дня мы провели тихо-мирно и она вздремнула часок-другой после ленча, сестра была усталой, нервной, раздражительной и легко позволила уговорить себя пораньше отправиться в постель.

Мария с Мирандой ушли тотчас же после обеда. В десять часов весь дом затих. Сосны на холме и те застыли, а закрыв окно, я перестала слышать даже шум моря.

Я и сама ощущала усталость, но вместе с тем какое-то неясное беспокойство, сна не было ни в одном глазу. Поэтому я потихоньку прокралась в вылизанную дочиста пустую кухню, сварила себе кофе, унесла его в salotto, забралась с ногами в кресло, поставила пластинку Моцарта и приготовилась провести тихий вечер.

Но тщетно. Ни спокойная красивая комната, ни даже музыка не могли удержать в отдалении тревожные мысли, что ломались, требуя позволения войти, с самого утра. Несмотря

ря на все попытки отвлечься, мой мозг непрестанно обращался к утренним событиям: ужасной находке в расщелине, неприкрытой враждебности Мэннинга и Гейла и последовавшему за всем этим долгому, утомительному допросу, явившему свету Божьему немало новых проблем.

Приехавшие из Корфу полицейские были вежливы, старательны и доброжелательны. Они прибыли почти сразу после того, как мы добрались до дома Годфри, и немедленно отправились с обоими мужчинами осматривать тело. Скоро откуда-то приплыл катер и довольно быстро отбыл с грузом. Потом возник второй и начал крейсировать по морю вокруг – надо полагать, разыскивая «обломки», которые якобы видел (и продолжал на том настаивать) мистер Гейл. Мы с Фил наблюдали с террасы виллы Рота, как суетливое суденышко кружит неподалеку от берега, но с каким успехом – понять было невозможно за неимением бинокля мистера Гейла.

Потом мужчины вернулись. Нас всех подвергли допросу, но мне было легко отвечать, ибо никто и представить не мог, что я когда-либо в жизни уже встречала Янни, так что меня спрашивали только о том, как я нашла тело.

И когда Макс Гейл вторично заявил полиции, что в глаза не видел Зоуласа после того, как краем глаза заметил его баркас во второй половине дня в субботу, я не сказала ни слова.

Вот что угнетало меня сейчас, пока я сидела одна-одиношенька в salotto, а за окнами сгущались тени и в освещен-

ные стекла бились ночные мотыльки. И если я наконец начинала все четче понимать, почему поступила подобным образом, то все еще не готова была признаться в этом даже себе, поэтому решительно выкинула из головы все посторонние мысли и попыталась сосредоточиться на фактах.

В них, по крайней мере, содержалось хоть что-то утешительное. Годфри перезвонил нам днем, чтобы сообщить последние известия. Оказалось, что лодку Янни нашли в море и на гике обнаружили налипшие волосы и следы крови – по всей видимости, в какой-то момент лодку сильно качнуло, тяжелое бревно ударило злополучного рыбака по голове и вышвырнуло его за борт. Закатившаяся под грудку веревок и снастей почти пустая бутылка джина, скорее всего, являлась ключом к разгадке беспечности молодого рыбака. По словам Годфри, доктор придерживался мнения, что Янни уже был мертв, когда попал в воду. Полиция, похоже, не считала нужным проводить дальнейшее расследование. Обломков же, о которых упоминал мистер Гейл, не было найдено и следа.

Наконец – в этой части рассказа Годфри был довольно уклончив и изъяснялся намеками, потому что телефон обслуживался местной линией, – противозаконная деятельность погибшего никак не упоминалась. Должно быть, его лодку обыскали, но не нашли там ничего подозрительного, так что полиция (всегда склонная закрывать глаза на мелкие грешки, если только ее не заставляли принимать меры) сошлась на том, что роковой выход в море был обычной ры-

балкой и что смерть Янни проистекла в результате несчастного случая. Совершенно очевидно, никто не намеревался затягивать следствие.

Это касательно проблем, волновавших Годфри. Моя же обеспокоенность заходила немного дальше.

Полицейское расследование установило, что последний раз семья видела Янни живым в воскресенье: по словам домочадцев, он провел день с ними, ходил посмотреть шествие и вернулся домой во второй половине дня. Да, судя по всему, он был в хорошем настроении. Да, он изрядно выпил. Пообедал, а потом ушел. Нет, куда идет, не сказал, а с чего бы вдруг? Они решили, что как обычно – ловить рыбу. Он спустился на берег, к лодке. Да, один – он почти всегда уходил в одиночку. С тех пор они его не видели.

Согласно полицейскому рапорту, с тех пор его вообще никто не видел. И я не сказала ни слова, которое могло бы изменить этот рапорт. Если Годфри боялся, как бы следствие не привело к Спиро, то я волновалась, как бы оно не затронуло Джулиана Гейла. То, что в это дело каким-то боком замешан Макс Гейл, казалось совершенно очевидным, но у меня на этот счет имелась собственная теория, вряд ли оправдывавшая поворот внимания полиции на деятельность Янни и, как следствие, крах драгоценного покоя сэра Джулиана. Поскольку Янни погиб от несчастного случая – а я не видела причин сомневаться в том, что это был именно несчастный случай, – уже не имело никакого значения, если он и в

самом деле тайком посещал Каstellло вчера вечером перед выходом в море. Так что коли Макс Гейл решил молчать, то это не моя забота. Я могу оставаться в своем зачарованном мыльном пузыре и ни о чем не тревожиться. Уже не важно, что там произошло...

Но я-то вполне отдавала себе отчет, что на самом деле очень даже важно, и это знание не давало мне уснуть в уютном кресле, пока одна пластинка незаметно сменяла другую, а стрелки часов медленно ползли к полуночи. Во-первых, я невольно узнала информацию, которую предпочла бы не знать. А во-вторых...

Пластинка остановилась. Издав серию тихих механических щелчков, автомат уронил очередной диск, осторожно опустил на него ручку с иголкой, и комнату ослепительным золотым потоком наполнил кларнет Жерваса де Пейера.

Я снова принялась мысленно перебирать известные мне сведения. Нет-нет, не больше одной вещи за раз. Лучший способ забыть все неясные подозрения и надуманные предчувствия – это сосредоточиться на том, что знаешь наверняка...

Годфри уверен, что Янни был контрабандистом и что у него был сообщник – скорее всего, босс. Я же теперь, в свою очередь, прониклась неколебимой уверенностью, что этим сообщником являлся не кто иной, как Макс Гейл. Все сходилось один к одному: и тайный визит Янни перед отплытием, и молчание Гейл а по поводу этого визита. Моя версия увя-

зывалась и с тем, что так обеспокоило меня сегодня утром, – с реакцией Гейла на известие о смерти Янни. Он вовсе не удивился, услышав, что у скал лежит чье-то тело, причем, что бы там ни предполагала Фил, вовсе не потому, что решил, будто это Спиро. Мне было яснее ясного, что мысль о Спиро даже не пришла ему в голову. Ведь в первую очередь он спросил: «Кто это? Вы его знаете?», хотя самым очевидным предположением было бы то, которое пришло в голову всем нам, остальным, – что это тело погибшего юноши.

И если моя догадка соответствовала истине, то действия Гейла-младшего были вполне закономерны. Он знал, что Янни должен был накануне уйти в плавание; должен был знать и то, что это плавание сопряжено с определенным риском. Он, очевидно, не ожидал смерти Янни, но, едва услышав о принесенном морем теле, не испытал ни малейших сомнений, кто это. Все эти мифические обломки, которые он якобы видел, – чистой воды выдумка; в чем, в чем, а в этом я была абсолютно уверена. На самом деле он заметил возле расщелины среди скал сперва меня, а потом и Годфри, мигом смекнул, в чем дело, и придумал себе предлог, чтобы спуститься и посмотреть самому. Отсюда вытекало это резкое «Кто это?» и следующая мгновенная реакция – как можно тщательнее осмотреть тело, скорее всего проверяя, нет ли следов насилия. Без сомнения, окажись там такие следы, ему бы пришлось раскрыть правду или хотя бы часть правды. Но поскольку их не оказалось, он придержал язык за зубами и,

несомненно, не меньше Годфри был рад, что в ходе расследования не выплыла деятельность погибшего.

Да, все сходилось, даже то, что Гейл тайком вернулся к расщелине – вероятно, осмотреть тело тщательнее, чем рискнул это сделать при Годфри, и удалить из вещей Янни все, что могло бы вывести на след его сообщника. Гейлу крупно повезло, что на лодке не оказалось ничего подозрительного: то ли, когда произошел несчастный случай, Янни уже возвращался домой, то ли вчерашнее плавание и впрямь было всего лишь обычной рыбалкой. И даже нападение на дельфина вплеталось в общий узор. Теперь я уже не сомневалась, что в него стрелял именно Гейл, опасаясь, как бы дельфин не привлек сюда толпы туристов и тем самым не уничтожил столь необходимое контрабандистам безлюдье. Но я рассудила, что, как бы ни разбирало меня зло на подобное варварство, гнев еще не дает мне права настаивать на расследовании, которое, вполне возможно, навредит семье Спирос и наверняка доставит кучу неприятностей семье Янни. Двум осиротевшим семьям и так уже нелегко пришлось. Нет, лучше буду держать рот на замке и благодарить судьбу за то, что мне позволено с чистой совестью остаться в своем зачарованном мыльном пузыре. Что же до Макса Гейла...

Концерт для кларнета подошел к концу. Звонкий каскад взлетающих ввысь ликующих нот окончился победоносным золотым аккордом. Граммофон отключился.

В наступившей тишине я услышала какое-то шепуршание

из комнаты Филлиды. Похоже, сестра зачем-то встала.

Я бросила взгляд на часы. Двадцать минут первого. Ей давным-давно следовало спать. Я направилась через холл к ее двери.

– Филлида?

– Ой, входи, входи!

Голос у нее был нервный и раздраженный. Войдя, я обнаружила, что она встала с постели и судорожно роется в комоде, без разбора вышвыривая и разбрасывая по полу все содержимое.

В пышном просторном пеньюаре из желтого нейлона, с распущенными волосами и огромными, подернутыми тенью глазами она выглядела прелестно. Но лицо у нее было такое, точно она вот-вот заплачет.

– Что такое? Ты что-то ищешь?

– О господи! – Фил рывком выдвинула очередной ящичек, наспех перевернула его и с треском захлопнула снова. – Ну конечно, как бы ему сюда попасть... Нет, ну какая же я чертова дура, и как я только могла?

Я поглядела на нее с некоторой тревогой. Филлида в жизни не употребляла таких крепких выражений.

– Что ты могла? Что-нибудь потерялось?

– Мое кольцо. Бриллиант. Распроклятый фамильный бриллиант Форли. Когда мы спускались в бухту. После всех этих неприятностей я только сейчас о нем вспомнила. Я ведь была в нем, правда? Правда?

– Боже мой, да! Но ты же сняла его перед тем, как входить в воду, разве не помнишь? Послушай, Фил, перестань паниковать, никуда оно не делось. Ты положила его в косметичку, такую маленькую сумочку на молнии. Я сама видела.

Фил была уже возле платяного шкафа и лихорадочно рылась в карманах пляжной рубашки.

– Я надела его, когда вышла из воды, или нет?

– Не думаю. Что-то не припомню... Нет, точно не надевала. Я бы заметила его у тебя на руке. Когда мы пили кофе у Годффри, у тебя не было никакого кольца. Но, радость моя, ты положила его в сумочку. Я помню.

Она запихнула рубашку обратно и хлопнула дверцей шкафа.

– В том-то все и дело! Проклятье! Дурацкая косметичка осталась там, на пляже!

– О нет!

– А где еще? Говорю тебе, тут ее нет, я все обыскала.

Дверь в ванную комнату была открыта настежь, а на полу, среди полотенец и шлепанцев, валялась пляжная сумка. Филлида, явно в сотый раз, подняла ее, перевернула кверху дном, потрясла и отшвырнула обратно. Раздраженно пихнув полотенце ногой, сестра повернулась ко мне лицом – глаза трагические, руки раскинуты, точно у скорбящего ангела, умоляющего о благословении.

– Видишь? Я оставила чертову стекляшку на чертовом пляже!

– Да, но послушай минутку... – Я поспешно обдумывала, что сказать. – Наверное, ты все-таки надела его после купания. В конце-то концов, ты ведь брала косметичку, когда красилась. Может, ты тогда надела кольцо, а потом сняла у Годфри, когда умывалась? Наверное, оно у него в ванной.

– Нет-нет, я уверена! Совершенно ничего про него не помню, а если бы я была в нем, когда умывалась у Годфри, то непременно запомнила бы. Просто нельзя не обратить внимания, – откровенно добавила она, – когда сверкаешь им направо и налево. Ой, какая же я дура! Я вообще не собиралась привозить его сюда, но забыла положить в банк, а носить на руке безопаснее, чем... По крайней мере, я так думала! О черт, черт, черт!

– Ладно, послушай, – попыталась я урезонить ее, – еще рано волноваться. Если ты не надевала кольца, то оно все еще в той косметичке. Где ты последний раз ее видела?

– Там, где мы сидели. Наверное, она завалилась куда-нибудь в сторону под дерево, а когда Макс Гейл пришел за нашими вещами, он ее не заметил. Взял все в охапку и помчался догонять.

– Вполне возможно. Он очень спешил.

– Вот и я о том же. – Филлида не заметила в моем тоне ничего особенного, она говорила без всякой задней мысли, только то, что думала, глядя на меня огромными испуганными глазами. – Это несчастное кольцо просто валяется там на песке и...

– Ну ладно, ради бога, только не смотри на меня так! На берегу оно ровно в такой же безопасности, как и в доме! Туда никто не забредет, а если даже и забредет, кому придет в голову поднимать какую-то никчемную пластмассовую сумочку с косметикой?

– Вовсе она не никчемная, ее мне подарил Лео. – Фил начала плакать. – Уж если на то пошло, он подарил мне и это гнусное кольцо, а оно принадлежит его гнусной семье, и если я его потеряю...

– Не потеряешь.

– Прилив его унесет.

– Там нет прилива.

– Значит, твой дурацкий дельфин его сожрет. С ним обязательно что-нибудь случится, знаю, знаю, что случится. – Она окончательно потеряла способность здраво соображать и плакала вовсю. – И вовсе ни к чему Лео было дарить мне такую драгоценность и рассчитывать, что я буду день и ночь глаз с нее не спускать! Бриллианты – сущее наказание: если они не в банке, то у тебя все время душа не на месте, а если в банке, то расстраиваешься оттого, что носить не можешь, так что ты в любом случае проигрываешь, и заводить их не стоит, и это кольцо стоит тысячи и тысячи, а в лирах еще хуже – миллионы, – рыдала она взхлеб, – и вдобавок придется иметь дело с матерью Лео, не говоря уже об этой жуткой коллекции тетушек, а если я скажу тебе, что его дядя, скорее всего, станет кка-кка-кардиналом...

– Ну что ты, золотко, это наверняка не испортит ему карьеры, так что возьми себя в руки, ладно, и... Эй! Что это ты делаешь?

Она снова распахнула шкаф и достала оттуда куртку.

– Если ты думаешь, что я смогу хоть на секундочку сомкнуть глаза, пока это кольцо валяется там...

– Нет-нет, и не думай! – как можно тверже произнесла я, отбирая у нее и пряча обратно куртку. – Не валяй дурака. Конечно, ты очень разволновалась, а кто бы не разволновался, но ты ведь не пойдешь туда посреди ночи!

– Еще как пойду!

Филлида снова схватилась за куртку. Голос ее опасно звенел. Она была близка к самой настоящей истерике.

– Не пойдешь, – поспешно возразила я. – Я сама схожу.

– Тебе нельзя! Не можешь же ты идти одна. Уже за полночь!

Я засмеялась.

– Ну и что? Ночь великолепная, а я, поверь, предпочитаю прогуляться, чем наблюдать, как ты тут доводишь себя до состояния хныкающей развалины. Я тебя не виню, сама бы на стенку лезла! Так тебе и надо, моя дорогая, будешь знать, как сверкать этой штуковиной где ни попадя!

– Но, Люси...

– Я уже все решила. Быстренько сбегая и вернусь с твоей бесценной потерей, так что, ради всего святого, осуши глазки, а не то доревешься до выкидыша или еще чего, а вот то-

гда Лео и впрямь найдет, что тебе сказать, не говоря уже о его матери и тетушках.

– Я с тобой.

– Ни за что. И не спорь. Ложись в постель. Давай-ка... Я точно помню, где мы сидели, и к тому же возьму фонарик. Ну-ка, вытирайся, я дам тебе «Овалтин» или еще чего-нибудь, и ложись. Давай-ка поскорей!

Я не часто бываю строга с Филлидой, но в таких случаях моя сестра поразительно покладиста. Вот и сейчас она поднялась и улыбнулась дрожащими губами.

– Ты ангел, честное-пречестное слово. Мне ужасно стыдно за себя, но все равно ничего не поделаешь, я не успокоюсь, пока не получу его назад... Послушай, у меня идея: может, позвонить Годфри и попросить его сходить? Ох, нет, он ведь говорил, что вернется поздно, помнишь? А как насчет Макса Гейла? Это ведь некоторым образом его вина, это он проглядел косметичку... Мы могли бы позвонить ему и спросить, не видел ли он ее, а тогда ему просто ничего не останется, кроме как вызваться сходить и посмотреть...

– Не собираюсь просить Макса Гейла об одолжении.

На этот раз Фил обратила внимание на мой тон. Я торопливо добавила:

– Лучше я сама схожу. Ей-богу, мне совсем не трудно.

– А не боишься?

– Чего тут бояться? В привидения я не верю. Да и потом, на улице совсем не так темно, как кажется отсюда. Небо все

в звездах. Думаю, у тебя найдется фонарик?

– Да, на кухне, на полке возле двери. Ой, Люси, ты святая! Я ни на миг не засну, пока эта гнусная стекляшка не будет в безопасности в своей коробочке.

Я засмеялась.

– Надо тебе брать пример с меня и покупать украшения сама знаешь где. Тогда сможешь терять их на пляже, сколько влезет, и не бояться, что Лео тебя побьет.

– Если бы я думала, что дело ограничится этим, – сказала Филлида, понемногу приходя в себя, – то, верно, была бы только рада. Но главное, это его мать.

– Знаю. И тетушки. И кардинал. Не начинай снова их всех перечислять, моя девочка. Я прекрасно понимаю, они запилят тебя до смерти. Но не волнуйся. Я принесу тебе «Овалтин», и твой ненаглядный бриллиант будет лежать у тебя под подушкой, не успеешь и глазом моргнуть. До скорого.

Лес был недвижим и тих, прогалина залита звездным светом. При моем приближении лягушки поплюхались в воду. Теперь от пруда доносился лишь легкий плеск и шелест листьев лилий, покачивающихся на покрывшейся рябью воде.

На миг я остановилась. Да, я сказала Филлиде, что не верю в привидения, и отлично понимала, что бояться нечего, но сейчас даже ради спасения собственной жизни не смогла бы бросить взгляд на то место, где вчера видела Янни. По коже у меня пробежал холодок, волосы встали дыбом, как у

ощетинившейся кошки.

В следующее мгновение я услышала тихий звук пианино и подняла голову, прислушиваясь к доносящейся из-за деревьев слабой, замирающей мелодии.

Эти музыкальные фразы были мне знакомы – я слышала их вчера вечером. Несомненно, именно они заставили меня невольно остановиться и вспомнить о бедном Янни.

Призрак исчез. Тропинка на пляж стала самой обычной тропинкой. Но я повременила спускаться в бухту, а медленно, так, словно вместо воздуха дышу водой, начала красться по дорожке к Каstellо.

У края розового сада я остановилась, прячась в тени. В воздухе висел тяжелый, пьянящий аромат роз. Музыка звучала яснее, но все равно как-то приглушенно, точно доносилась из дома, а не с террасы. Я узнала очередной отрывок – простенькую, лиричную мелодию, которая внезапно спотыкалась и обрывалась, как пропущенная в темноте ступенька. От этой мелодии мне сделалось тревожно на душе. Через некоторое время пианист остановился, начал заново, поиграл еще примерно с полминуты и снова остановился, чтобы вернуться на несколько тактов назад. Он повторял одну и ту же длинную музыкальную фразу несколько раз подряд, пока наконец не перескочил через трудное место. Музыка снова полилась без запинки.

Когда пианист опять прервался, я расслышала бормотание голосов: четкие, хорошо поставленные реплики Джули-

ана Гейла и неразборчивые ответы Макса. Потом пианино снова заиграло.

Так значит, он был там и работал. Они оба были там. Словно выяснив все, что хотела – что бы на самом деле ни привело меня сюда, – я повернулась и с помощью фонарика нашла дорогу обратно по тропинке от Каstellо, через прогалинку, где впервые повстречала Макса Гейла, и вниз по неровным ступеням к бухте.

После непроглядной тени леса на пляже казалось светло как днем. Идти по плотному полумесяцу белого песка было легко. Выйдя из-под деревьев, я выключила фонарик и поспешила к тому месту, где мы сидели утром. Нависавшие сверху сосны образовывали в этом уголке озерцо густой тени, такой черной, что на миг мне показалось, будто там что-то лежит. Еще одно тело.

Однако теперь я не остановилась. Я знала, что это обман зрения, игра теней, не более того, очередной призрак, от которого кожа покрывается мурашками, отпечатавшееся в памяти изображение, – но на этот раз не живого Янни, а мертвого.

Сверху негромко играла музыка. Не включая фонарика, чтобы вспышка не привлекла внимания Гейлов, я приблизилась к кромке деревьев.

Там и вправду что-то лежало. Не тень – что-то массивное, темная продолговатая фигура, до жути похожая на мою страшную утреннюю находку. И это уже не было игрой во-

ображения.

На этот раз шок буквально сразил меня. Помню быстрый рывок сжавшегося сердца, острую, пугающую боль, от которой вся кровь в теле забилась, точно под ударами молота – совсем как рывок ноги заводит двигатель мотоцикла. Тяжелые, болезненные пульсации отдавались мне в голову, в пальцы, в горло. Руки конвульсивно сжались на фонарике с такой силой, что рычажок выключателя сдвинулся вниз и поток света выхватил из тьмы то, что лежало под соснами.

Не тело. Длинный гладкий сверток с чем-то непонятным, длиннее человеческого роста. Он лежал ровно на том самом месте, где мы сидели утром.

Я невольно прижала руку к ребрам под левой грудью. Театральный жест, но, как все театральные клише, он основан на жизненной правде. По-моему, я бессознательно пыталась удержать свое перепуганное, обезумевшее сердце, не дать ему выпрыгнуть из грудной клетки. Я простояла так, наверное, несколько минут, вся зачочнев, не в состоянии ни двинуться вперед, ни убежать.

Сверток не шелохнулся. Кругом не было слышно ни звука, кроме далекой игры на пианино и слабого плеска моря.

Мой ужас медленно начал слабеть. Тело там или не тело, а оно явно не могло причинить мне никакого вреда, и – мрачно подумала я – легче иметь дело с дюжиной мертвых тел, чем предстать перед Филлидой без бриллианта Форли.

Направив луч фонарика на непонятный предмет под де-

ревьями, я храбро приблизилась к нему.

Сверток пошевелился, и в свете фонарика ярко блеснул живой глаз. Дыхание у меня перехватило, крик уже рвался с губ, но в последнюю долю секунды я вдруг увидела, что это такое. Живое существо, но не человек. Это был дельфин.

Дитя Аполлона. Любимец Амфитриона. Морской волшебник. Выброшенный на сушу и беспомощный.

Глаз скоился вбок, следя за мной. Хвост снова шевельнулся, словно пытаясь грести на твердой земле, как в воде, и звучно шлепнул по россыпи твердой гальки. Среди камней раскатилось гулкое эхо.

Я на цыпочках подошла ближе, в темноту сосен.

– Милый, – тихонько окликнула я. – Что с тобой? Ты не ранен?

Дельфин лежал тихо, не двигаясь и следя за мной зорким влажным глазом. Глупо было пытаться поймать его взгляд, словно ожидая ответа, но зато, по крайней мере, я не уловила в этом взгляде страха передо мной. Я осторожно провела лучом фонаря по всей длине тела – похоже, никаких ран или ссадин. Потом я осмотрела песок кругом – там не было крови, лишь широкая вдавленная полоса, где животное было вытащено или выкинуто из воды. Луч фонарика выхватил из темноты бледный отблеск косметички Филлиды, завалившейся между сосновых корней. Я рывком подняла ее, даже не заглянув внутрь, запихнула в карман и тут же напрочь позабыла о ее существовании. Скорее всего, бриллиант лежал

внутри в целости и сохранности, но сейчас дельфин значил для меня гораздо больше любого бриллианта – выброшенный на берег, беспомощный, легкая добыча для всякого, кто пожелает расправиться с ним. А кому-то очень хотелось с ним расправиться, я это знала... Более того, если не вернуть дельфина обратно в воду, он непременно умрет, стоит только взойти солнцу и высушить его.

Я выпрямилась, лихорадочно стараясь собраться с мыслями и вспомнить все, что когда-либо читала или слышала про дельфинов. Впрочем, не так уж и много. Я знала, что дельфины, как и киты, иногда выбрасываются на берег без всяких видимых причин, но если они при этом не поранились и если их поскорее снова спустить в воду, то ничего дурного им не сделается. Еще я знала, что нельзя допускать, чтобы они высыхали, иначе кожа растрескается и воспалится, туда попадет всякая зараза. И последнее – что они дышат через дыхало на верхней части головы и что оно должно быть чистым.

Я снова включила фонарик. Да, в верхней части головы и впрямь виднелось дыхальце, узкая щель в форме полукруга, поблескивающая ноздря. Оно было открыто, но наполовину забито песком. Кое-как приладив фонарик в корявых сосновых ветках, я набрала пригоршню воды и осторожно вымыла песок из щели.

Просто удивительно, какое же теплое у него оказалось дыхание. Оно мягко коснулось моей ладони, и от этого дельфин

тотчас же показался мне гораздо роднее, но в то же время его дружелюбие и ум сделались стократ менее волшебными и более трогательными. Я и подумать не могла о том, чтобы уйти и бросить его умирать, не попытавшись спасти.

Проведя руками по темной спине, я со страхом отметила, какой грубой и шероховатой на ощупь стала его кожа – ночной бриз уже почти высушил ее. На какое расстояние мне придется его тащить? Время от времени самый краешек волны, нагоняемой тем же самым бризом, подбегал и легонько касался кончика дельфиньего хвоста, но по-настоящему до воды оставалось еще около четырех ярдов, да и то там было совсем мелко. Насколько я знала, еще через несколько футов берег резко обрывался, уводя на глубину под скалами. Если бы удалось хотя бы наполовину погрузить дельфина в воду, то я уже могла бы без труда маневрировать его весом.

Выключив фонарик, я с грехом пополам обхватила дельфина обеими руками и попыталась подтащить к воде. Не вышло: у меня не получалось как следует ухватиться, руки скользили по безусловно гладкой поверхности. За спинной плавник ухватиться тоже не вышло, а после моей попытки потянуть за боковые плавники он в первый раз проявил признаки беспокойства, и я испугалась, как бы он не начал сопротивляться и не загнал себя еще дальше на берег. Наконец, опустившись на колени, я уперлась в дельфина плечом и принялась со всей силы толкать к морю. Но он не сдвинулся ни на дюйм.

Обливаясь потом и чуть не плача, я поднялась на ноги.

– Ничего не получается. Радость моя, я не могу тебя даже шелохнуть!

Яркий влажный глаз внимательно наблюдал за мной. Позади, в каких-то четырех футах, плескалось и шелестело под ветром море. Четыре фута. Жизнь или смерть.

Я сняла фонарик с дерева.

– Сбегаю за веревкой. Если я обвяжу тебя, то, наверное, как-нибудь сумею стянуть. Обмотаю вокруг дерева, смастерю рычаг, в общем, придумаю что-нибудь. – Я наклонилась и погладила беспомощное животное по спине, шепча: – Я быстро, любовь моя, буду бежать всю дорогу.

Но прикосновение к коже дельфина, сухой и шершавой, заставило меня призадуматься. На то, чтобы раздобыть веревку или привести помощь, уйдет немало времени. К Годфри можно и не ходить – он ведь куда-то уехал и, наверное, еще не вернулся, даром потеряю драгоценные минуты. А в Кастелло идти нельзя. Придется возвращаться домой. Лучше перед уходом полить бедняжку водой, чтобы он продержался до моего возвращения.

Скинув босоножки, я бросилась на отмель и принялась брызгать на дельфина. Но брызги едва долетали до хвоста, и (слишком уж тут было мелко) вместе с водой летело столько грязи и песка, что это грозило высушить его еще хуже.

Тут я вспомнила о пластмассовой косметичке. Дурацкая, конечно, штукovina и крошечная, но все же лучше, чем ни-

чего. Выскочив на берег, я достала ее, включила фонарик и вывалила всю косметику Филлиды на песок. В электрическом свете ярко блеснул алмаз Форли. Нацепив его на палец, я распихала остальное по карманам и сунула туда же фонарь. Потом побежала к морю и вылила на дельфина первую жалкую пинту воды.

Казалось, на то, чтобы как следует полить его, ушел целый век. Нагнуться, выпрямиться, побежать, вылить, нагнуться, побежать, вылить... Добравшись наконец до головы, я прикрыла дыхальце ладонью и осторожно расплескала воду вокруг – как ни трудно поверить, но дельфины могут утонуть, а в данных условиях вряд ли можно было рассчитывать, что его дыхательный рефлекс сработает верно. Когда я стала лить воду ему на морду, он сперва заморгал, что меня удивило, но потом снова принялся неотрывно наблюдать за мной, кося глазом на то, как я сновала туда-сюда.

Наконец я решила, что на какое-то время хватит. Я уронила сумочку, вытерла руки о куртку, которая, скорее всего, уже была безнадежно загублена, нацепила босоножки и ободряюще похлопала по мокрой шкуре.

– Я вернусь, солнышко, не волнуйся. Как только смогу. А ты дыши. И будем молиться, чтобы никто сюда не пришел.

Лишь этим я призналась, хотя бы даже сама себе, отчего так шепчу и отчего, едва смогла обходиться без света, тотчас же выключила фонарик.

Оставив дельфина на берегу, я стрелой помчалась назад

через пляж. Пианино умолкло, но из-за открытых окон террасы все еще пробивались слабые лучики света. На самой террасе ничто не шевелилось. Вскоре тропинка привела меня в лес и начала подниматься по крутому склону к вилле Форли. Я снова включила фонарик и, задыхаясь, бросилась вверх. Поднявшийся ветер шевелил ветви деревьев, наполняя лес шорохами, в которых тонули звуки моих шагов.

Вот и залитая звездным светом прогалинка. При моем приближении лягушки попрыгали в заводь. Вода блеснула, отражая свет фонаря. Едва выйдя из тени деревьев, я тотчас выключила его, осторожно пересекла открытое пространство и остановилась перевести дыхание на дальнем краю полянки, прислонившись к стволу молодого дубка, росшего в том месте, где тропинка снова ныряла под темные своды леса.

Когда я вышла из-под дуба, на тропе что-то зашевелилось.

Я вздрогнула, пальцы невольно сжались на рукоятке фонарика. Вспышка света выхватила из тьмы отступившую в сторону фигуру. Мужчина – и всего в каком-нибудь ярде от меня. Я едва не налетела прямо на него.

Кусты рядом со мной затрещали. Из них кто-то выпрыгнул. Фонарик с силой вырвали у меня из руки. Я резко повернулась и, наверное, завопила бы так, что и мертвого разбудила бы, но нападавший грубо схватил меня, притянул к себе и крепко зажал мне рот рукой.

ГЛАВА 8

*Тсс, тише, чтобы крот слепой
не слышал шагов.*

*Вот мы пришли к его пещере.
У. Шекспир. Буря. Акт IV, сцена 1*

Он был очень сильный. Я боролась и вырывалась, но без малейшего успеха. Мне удалось, правда, укусить его за ладонь, и, наверное, довольно больно, потому что он дернулся, сдавленно охнул и отнял руку, прошипев по-английски:

– Молчите, понятно?

Впрочем, он тут же обеспечил мое молчание куда более действенным образом, рывком прижав мою голову к своей груди, так что я уткнулась лицом в его куртку и не только не могла издать ни звука, но и ничего не видела. Куртка у него была влажной и пахла морем.

Мне померещилось какое-то неясное движение на тропинке рядом с нами, но на самом деле я ничего не слышала, кроме собственного тяжелого дыхания, дыхания неведомого противника и бешеного биения моего сердца. Нападавший так сильно прижимал мою голову к своей груди, что у меня начало ломить затылок, в щеку пребольно впилась одна из пуговиц, а ребра, намертво стиснутые его второй рукой, казались, вот-вот затрещат.

Я перестала вырываться и обмякла. Немедленно жестокая

хватка тоже чуть ослабла, но он держал меня по-прежнему крепко, поймав и прочно удерживая оба моих запястья. Едва он слегка освободил зажим, я отдернула голову. Если кричать во всю мочь, с террасы Каstellо меня услышат... они мигом прибегут... ведь даже Макс Гейл...

– Где вы были? – резко осведомился державший меня человек.

Я задохнулась от неожиданности. Увидев, что я не собираюсь кричать, он отпустил меня.

– Вы? – пролепетала я.

– Где вы были?

Я поднесла руки к лицу, растирая саднящую щеку.

– А вам-то что? – Меня разбирала ярость. – Вам не кажется, что вы зашли слишком далеко, мистер Гейл?

– Вы ходили в Каstellо?

– Ничего подобного! А если бы даже...

– Значит, на пляж. Зачем?

– А какие у вас, собственно, основания?.. – начала я, но вдруг остановилась.

Злость и испуг заставили меня на время забыть все, что сегодня произошло. Может, у Макса Гейла и не было никакого права требовать отчета о моих передвижениях, зато вполне могли иметься самые веские основания желать узнать о них.

Что ж, скрывать мне было нечего и незачем.

– Я ходила за Филлидиным кольцом, – угрюмо произнесла

я. – Она забыла его утром на пляже. И не смотрите на меня так, будто не верите ни единому моему слову: оно лежало в маленькой косметичке, а вы ее не заметили. Вот, видите? – Я сунула бриллиант ему под нос, но тут же спрятала руку поглубже в карман, как будто боялась, что Гейл попытается отнять кольцо, и свирепо уставилась на него. – А теперь, быть может, вы мне ответите, что за игры тут устроили? Позвольте сказать вам, это уже не шутка! Так и до похищения недалеко. Вы сделали мне больно.

– Простите. Я не хотел. Боялся, вы закричите.

– Силы небесные! Разумеется, закричала бы. Но если и так, вам-то какое дело?

– Ну, я... – Он замялся. – Кто-нибудь мог услышать... Мой отец... Это могло его напугать.

– Как заботливо с вашей стороны! – едко заметила я. – А то, что меня вы напугали до полусмерти, конечно, не в счет? Образцовый сын, да? Прямо удивляюсь, и как это вы решились выйти из дома в столь поздний час и оставить отца одного! И уж коли на то пошло, сами-то вы где были, что не хотите, чтобы об этом кто-нибудь узнал?

– Ловил рыбу.

– Неужели? – Язвительное замечание, уже рвавшееся с моих губ, умерло, не успев родиться на свет. – Но ведь полчаса назад вы были в Каstellо, – медленно произнесла я.

– О чем это вы? Мне казалось, вы сказали, что не ходили наверх к Каstellо.

– Звуки, которые вы извлекаете из пианино, – вредным голосом пояснила я, – их и с материка, наверное, слышно. С пляжа я их, по крайней мере, слышала.

– Это невозможно.

Он говорил отрывисто, но с видимым недоумением.

– Говорю же вам, слышала! Вы играли на пианино, а потом о чем-то разговаривали с отцом. Я узнала голоса. Это были вы!

Макс несколько секунд помолчал.

– Насколько я могу судить, – с расстановкой произнес он, наконец, – вы слышали проигранную на магнитофоне рабочую версию, с комментариями и прочим. Но все равно не понимаю, как это могло быть. Моего отца нет дома. Он ночует у друга.

– И далеко ли?

– Если вас это так уж интересует, то в Корфу.

– Вы, должно быть, считаете, что мне больше нечем заняться, – сухо промолвила я.

– Что? О, я... – Ему хватило такта слегка запнуться. – Боюсь, я сказал первое, что пришло на ум. Но отца, правда, нет дома.

– И вас тоже там не было? Что ж, кто бы там ни включал магнитофон, но алиби получилось изумительное.

– Не говорите глупостей.

Его смех прозвучал совершенно естественно. Должно быть, Макс унаследовал какую-то долю отцовского таланта.

Наверное, только человек, так поднаторевший в различении актерства в голосе, как я, мог бы уловить, что под напускным весельем таится напряженная работа мысли.

– Ваше воображение не знает границ, мисс Уоринг! Прощу вас, не ищите во всем страшной тайны. По каким-то причинам мой отец решил вернуться домой и коротал время, слушая запись, – вот и все. Что же до меня, то мы с Адони ездили на рыбалку. И если это вас утешит, то вы тоже напугали меня до полусмерти. Боюсь, моя первая реакция и впрямь была слегка грубой. Простите, мне очень жаль. Но если кто-то внезапно выпрыгивает из леса и мчится прямо на тебя, то ты... ты действуешь соответственно.

– Соответственно чему? Закону джунглей? – продолжала дерзить я. – Не назвала бы подобную реакцию вполне нормальной, если только вы не ожидали... Кстати, а чего вы ожидали, мистер Гейл?

– Сам не знаю. – Это, по крайней мере, звучало похоже на правду. – Мне показалось, что кто-то поспешно поднимается с пляжа, стараясь, чтобы его не слышали, но почти все звуки тонули в шуме ветра, так что я не был окончательно уверен. Потом шаги остановились, словно этот кто-то спрятался и стал ждать. Естественно, это заставило меня призадуматься, что же тут, собственно, происходит, вот я и решил тоже немного выждать.

– Я всего лишь остановилась отдышаться. Ваше воображение не знает границ, мистер Гейл.

– Очень может быть.

Не уверена, что он вообще заметил насмешку. Наклонив голову, он внимательно разглядывал руку, поворачивая кисть в разные стороны.

– Ну вот, и когда я уже думал, что ослышался, вы вдруг выскочили из кустов, точно олень во время гона. Поэтому я вас и схватил. Чистый рефлекс.

– Ясно. Полагаю, то, как вы вырвали у меня фонарик прежде, чем я успела что-либо разглядеть, тоже было чистым рефлексом?

– Безусловно, – деревянным голосом отозвался он.

– И то, что, даже разглядев, кто я, вы все равно продолжали действовать как... как гестапо?

Никакого ответа. Теперь я могу лишь предположить, что возбуждение и мгновенный испуг выбросили мне в кровь слишком много адреналина. Наверное, я немножко зарвалась. Помню, меня самую слегка удивляло, что я ничуть не боюсь своего собеседника. На каком-то уровне, должно быть, я объясняла свое бесстрашие тем, что этот человек (несмотря на сомнительное участие в авантюрах, которые Годфри называл контрабандными вылазками) вряд ли являлся опасным преступником и явно не собирался делать мне ничего плохого. На сознательном же уровне говорила себе, что пусть меня повесят, если я соглашусь покорно отправляться домой, даже не выяснив, что тут происходит. Это уже слишком тесно затрагивало меня, чтобы не обращать внимания. Зачарован-

ного мыльного пузыря как не бывало. Я начала подозревать, что его вообще никогда не существовало на свете.

Так что я спросила – таким тоном, словно вопрос носил чисто академический интерес:

– Мне бы все-таки хотелось знать, почему вас так волнует, где я была? Или то, что я могла узнать вас? Или, быть может, мне не полагалось видеть ваших спутников?

Несколько секунд мне казалось, что он не собирается ничего отвечать. Где-то в лесу несколько раз глухо прокричала сова. Лягушка в заводи попробовала было подать голос, но потом испугалась и снова нырнула.

– Спутников? – тихо переспросил Макс Гейл.

– Людей, которые прошли мимо, пока вы меня держали.

– Вы ошибаетесь.

– О нет, вовсе не ошибаюсь. Там был кто-то еще. Я видела его на тропе как раз в тот момент, когда вы на меня набросились.

– Тогда, наверное, не только видели, но и узнали. Это был Адони, наш садовник. Если не ошибаюсь, вы с ним уже встречались?

Вы бы и не заподозрили, что он лжет или хотя бы о чем-то умалчивает. Он говорил этаким прохладным светским тоном, словно желая поставить зарвавшуюся девчонку на место. Я почувствовала, как в крови у меня снова с опасной силой забурлил адреналин, а Макс Гейл хладнокровно добавил:

– Он всегда ездит со мной на рыбалку. В чем дело? Вы мне не верите?

– Да нет, – умудрилась ответить я самым приятным голосом, – просто удивляюсь, почему вы не пристали к берегу в вашей части бухты. Довольно странно возвращаться оттуда по этой тропинке – если, конечно, вы просто ловили рыбу.

– Ветер поднимался, так что было проще пристать с другой стороны мыса. А теперь, с вашего позволения...

– Вы хотите сказать, – переспросила я, – что оставили свою яхту на нашей стороне мыса? Должно быть, еще и пришвартовались к нашему причалу? Не слишком ли смело? Думаю, мистер Гейл, вам лучше немедленно снова спуститься вниз и убрать ее оттуда. Мы на вилле Форли не любим нарушителей.

Последовала короткая, напряженная пауза. Затем Гейл неожиданно рассмеялся:

– Отлично. Очко в вашу пользу. Но не сейчас. Уже поздно, а мне еще надо кое-что сделать.

– Полагаю, вам надо еще помочь Адони перенести домой рыбу? Или будет более правильно назвать это «добычей»?

Это его пробрало. Можно подумать, я его ударила. Он резко дернулся, не в мою сторону, но мышцы у меня разом напряглись, и, кажется, я даже отшатнулась на шаг. Теперь я сама не понимала, как это могла счесть Макса Гейла всего лишь бледной копией его отца. И вдруг мне стало очень страшно.

– Вам нечего волноваться, – быстро проговорила я. – Я не собираюсь вас выдавать! Зачем это мне? Мне до этого вообще нет никакого дела, но, понимаете, ужасно неудобно чувствовать, что ты по уши увяз в чем-то, и потом узнать, в чем именно! Ну да, я все знаю, догадаться было не так уж трудно. Но я никому ничего не скажу – мне слишком дороги Миранда и ее мать и, коли уж на то пошло, ваш отец, чтобы вновь вызывать сюда полицию, которая станет задавать кучу вопросов. Какое мне дело до того, в чем вы замешаны? Но вот до Адони мне дело есть... Вы знаете, что он собирается жениться на Миранде? Зачем было втягивать еще и его? Разве и так мало неприятностей?

После того первого, невольного движения мой собеседник слушал молча, без единого жеста или комментария, но я видела, что он не спускает с меня глаз, сощуренных и внимательных в тусклом сумраке ночи. Когда я наконец умолкла, он едва слышно спросил:

– О чем, во имя всего святого, вы говорите?

– Сами прекрасно знаете. Полагаю, бедный Янни так и не выполнил ту работу, на которую отправился прошлой ночью, так что сегодня вы сами поплыли к албанскому побережью, чтобы ее выполнить. Я права?

– Где... где вы набрались подобных фантазий?

– Фантазий, скажите на милость, – возмутилась я. – Годфри Мэннинг мне сказал сегодня утром.

– Что?!

Если в прошлый раз я его просто задела, то теперь сразила наповал, в самое сердце. Одно-единственное короткое слово заставило меня снова попятиться, но Гейл шагнул вслед за мной. Я наткнулась спиной на дерево и слепо метнулась в сторону – наверное, собираясь бежать, но он проворным движением поймал мое запястье и крепко сжал, не больно, но так, что я не могла бы вырвать руку без борьбы, а скорее всего, даже и тогда.

– Мэннинг? Он вам сказал?

– Пустите!

– Нет, подождите минутку. Я не сделаю вам ничего плохого, не бойтесь. Но вам придется ответить мне. Что сказал Мэннинг?

– Пустите, пожалуйста!

Он немедленно повиновался, и я принялась растирать запястье, хотя мне было несколько не больно. Но теперь меня так и трясло от страха. Случилось нечто такое, что изменило весь характер сцены: на смену легкому, непринужденному обмену милыми колкостями пришло что-то настойчивое, резкое и даже угрожающее. А причиной подобной перемены было имя Годфри.

– Что он сказал вам? – повторил Гейл.

– Про Янни? Что он был контрабандистом и, скорее всего, у него был «сообщник» или как там вы это называете, который привозил ему товар, и что он, Годфри, надеется, полиция не станет ворошить все это дело, потому что Спиро тоже

был в нем замешан и если это выплывет наружу, то Мария очень огорчится.

– И все?

– Да.

– Когда он вам это сказал?

– Утром, на мысу, перед вашим приходом.

– Ага. – Я услышала, как он облегченно выдохнул. – Так значит, вы возвращаетесь не от Мэннинга?

– Разумеется, нет! Вы хоть представляете, который час?

– Я... конечно. Простите. Я не подумал. Не хотел вас оскорбить. Так это Мэннинг сказал, что я был сообщником Янни?

– Нет. Я сама до этого додумалась.

– Вы? Но почему?

Я замялась. Приступ страха прошел, а здравый смысл подсказывал, что никакая опасность мне не грозит. Контрабандист Гейл или нет, но вряд ли он меня за это убьет.

– Видела, как Янни поднимался в Каstellо вчера вечером.

– Понятно... – Я почти физически ощущала его изумление и торопливую переоценку ситуации. – Но полиции вы ничего не сказали.

– Нет.

– А почему?

– Сама не знаю, – осторожно ответила я. – Начать с того, что подумала, а вдруг я ошибаюсь и Янни шел вовсе не в

Кастелло. Если бы я решила, будто вы имеете хоть какое-то отношение к его смерти, то сразу все рассказала бы. А потом уже я сообразила, что между вами и Янни есть какая-то связь и что вы знали о том, что он ушел в море вчера ночью.

– Но почему?

– Потому что вы не удивились, услышав, что он утонул.

– Так вы это заметили? Моя ошибка. Продолжайте.

– Но это вас потрясло. Я видела.

– Вы вообще видите чертовски много. – Голос у него был мрачноватый. – Поэтому вы и решили, что я не убивал его?

– Боже праведный, нет! Мне и в голову не приходило, что вы его убили! Если бы я думала, что это был не несчастный случай, сразу бы все выложила. Но ведь... ведь это не так?

– Мне, во всяком случае, ничего такого не известно. Продолжайте. Что еще вы заметили?

– То, как вы вернулись к телу, чтобы еще раз его осмотреть.

– В самом деле? Вы видели это с тропинки? Какая беспечность с моей стороны, я-то думал, меня не видно. А кто еще это заметил?

– Никто.

– Вы уверены?

– Абсолютно.

– И вы опять ничего никому не рассказали? Так-так. Значит, это исключительно ваша идея, что я занимался контрабандой вместе с Янни?

– Да.

– А теперь вы убедились в этом наверняка. И по-прежнему не намерены никому ничего говорить?

Я сказала без вызова, но из простого любопытства:

– А как бы вы могли проследить за этим?

– Дорогая моя, даже и пробовать не стану, – так же просто ответил он. – Могу лишь заверить вас, что крайне важно, чтобы никто не знал, где я был сегодня ночью, совсем никто. Очень прошу вас молчать об этом.

– Тогда не волнуйтесь. Я никому не скажу.

Наступила короткая пауза.

– Вот так вот легко и просто? – спросил он каким-то странным тоном.

– Я же говорила – ради вашего отца, – пожалуй, с излишней поспешностью ответила я, – и ради Марии. Только...

– Да?

– Говорят, беды ходят по трое, и если что-то случится с Адони...

Гейл засмеялся.

– Ничего с ним не случится, обещаю! Не могу взять на себя ответственность повредить такое произведение искусства, как Адони! Ну-у... – В одном коротком слоге таилось целое море облегчения. Затем голос Гейла изменился, снова стал обычным, бодрым и непринужденным. – Не стану вас больше задерживать. Уже бог знает сколько времени, и вам пора вернуться домой с вашим сокровищем. Мне очень

жаль, что я не заметил его утром и заставил вашу сестру пережить не самые лучшие полчаса. И простите, что напугал вас. Сказать, что я благодарен, было бы главным преуменьшением года. Позвольте проводить вас домой?

– Не стоит, правда, спасибо. В любом случае, разве вам не лучше было бы подняться наверх и помочь Адони?

– С ним все в порядке. Разве вы не слышали сигнал?

– Сигнал? Но тут не было никакого... – Увидев его улыбку, я остановилась. – Неужели сова? Нет, в самом деле, как банально! Это и вправду был Адони?

Он засмеялся.

– И никто иной. Подручный разбойника добрался до дому цел и невредим вместе со своей «добычей». Так что идемте, я провожу вас домой.

– Нет, правда, я...

– Ну пожалуйста. Кроме всего прочего, в лесу темно и вам было не по себе, верно?

– Не по себе? Нет, разумеется!

Он с удивлением поглядел на меня.

– Тогда чего ради вы так мчались обратно?

– Потому что...

Я замолчала. Дельфин. Я совсем забыла про дельфина. Ветерок, играющий ветвями деревьев,дохнул на меня. По коже пробежали мурашки. А бедный дельфин сох под этим самым ветром. Я быстро произнесла:

– Уже поздно, Фил волнуется. Прошу вас, не утруждай-

тесь. Я прекрасно дойду и сама. Доброй ночи.

Но едва я шагнула к туннелю под сводами леса, Гейл догнал меня.

– Я все же предпочел бы проследить, чтобы вы безопасно добрались до дома. И потом, вы были совершенно правы насчет лодки. Лучше, чтобы утром она была под рукой. Переведу ее с подветренной стороны, вдоль сосен.

Как я ни старалась, но не смогла сдержать невольной дрожи. Макс Гейл ощутил ее и остановился.

– Одну минуту.

Рука его легла мне на плечо. Я повернулась. Под деревьями царил непроглядный мрак.

– Вы уже выяснили про меня гораздо больше, чем мне хотелось бы, – сказал Гейл. – Думаю, настал ваш черед проявить немного откровенности. Вы встретили кого-то в бухте?

– Нет.

– Кого-то видели?

– Н-нет.

– Вы совершенно уверены? Это очень важно.

– Да.

– Тогда почему не хотите, чтобы я спускался туда?

Я промолчала. Горло стало сухим и жестким, как картон. К глазам подступали слезы напряжения, страха и усталости.

– Послушайте, – снова заговорил он, настойчиво, но без малейшей враждебности, – мне надо знать. Когда-нибудь я

объясню вам почему. Черт возьми, я ведь вынужден довериться вам – как насчет того, чтобы и вы взамен доверились мне? Там внизу случилось что-то такое, что вас очень напугало, да? Поэтому вы и бежали наверх, точно заяц от ружья охотника. Так что это было? Либо вы скажете мне, либо я спущусь вниз и сам посмотрю. Итак?

Я бросила карты на стол.

– Это был дельфин, – дрожащим голосом произнесла я.

– Дельфин? – непонимающе повторил Гейл.

– В бухте.

Настала пауза, а потом он сказал с резкостью, рожденной отчасти досадой, а отчасти облегчением.

– И предполагается, что я пойду вниз стрелять в него прямо посреди ночи? Я же вам говорил: не трогал я вашего зверя! – И добавил уже более ласково: – Послушайте, у вас выдался трудный день, вы испуганы и взволнованы. Никто вашему дельфину ничего не сделает, так что вытрите глазки, и я отведу вас домой. Он, знаете ли, сам может о себе позаботиться.

– Не может. Он на пляже.

– Где?!

– Выбросился на берег. Не может выбраться.

– О боже, вы все еще думаете, что я могу как-то ему повредить?.. – Он осекся и, кажется, в первый раз вник в то, что я ему говорю. – Выбросился на берег? Вы хотите сказать, что он лежит прямо на пляже?

– Да. Далеко от воды. Он умрет. Я пыталась его сдвинуть, но не смогла. Я как раз побежала за веревкой, потому и торопилась. Если он слишком долго пролежит без воды, ветер высушит его и он умрет. А мы потеряли столько времени...

– Где он?

– С другой стороны, под соснами. Что вы... Ой! – Этот невольный крик был ответом на то, что рука Гейла сжалась у меня на локте и резко развернула кругом. – Что вы делаете?

– Не волнуйтесь, больше не нападаю на вас. А теперь слушайте: у меня на яхте есть веревка. Я схожу за ней и как можно скорее присоединюсь к вам. Возвращайтесь к дельфину и ждите меня. Вы сможете поддерживать в нем жизнь еще минут двадцать? Отлично. Не волнуйтесь, вдвоем мы справимся. Но, – легкая заминка, – постарайтесь не шуметь, хорошо?

Не успела я ответить, как он уже ушел. Я слышала, как его быстрые, но осторожные шаги удаляются вниз по той дороге, откуда он пришел.

ГЛАВА 9

*Вернись, свободный,
К стихиям – и прости!*

У. Шекспир. Буря. Акт IV, сцена 1

Ни на сомнения, ни на вопросы времени не было. С ними придется подождать. Повинуясь Гейлу, я стрелой полетела по тропинке обратно на пляж, через полоску светлого песка, туда, где все еще покоилась длинная глыба.

Карий глаз раскрылся навстречу мне. Дельфин был жив.

– Все будет хорошо, он скоро придет, – зашептала я, снова принимаясь бегать взад-вперед и поливая дельфина водой.

Если я и заметила, что даже мысленно не потрудилась определить, кто именно «он», то это тоже могло подождать.

И он пришел, быстрее, чем я ожидала. Из-за мыса вывернула маленькая моторка, но мотор был выключен, лишь капали капли с уключин и глухо шлепали по воде весла. Впрочем, легкий бриз и плеск моря о скалы заглушал почти все звуки, пока лодка не вынырнула из тени в нескольких ярдах от меня. Когда она приблизилась, Макс Гейл поднялся на ноги. Раздался негромкий стук дерева о камень, мой неожиданный помощник шагнул на берег, наскоро привязал лодку к сосенке и подбежал ко мне с мотком веревки на плече.

– Господи. И как он только сюда попал?

– С ними такое случается, – пояснила я. – Я сама читала. Иногда их выкидывает буря, а иногда у них что-то происходит с локаторами и они выпрыгивают одним махом, и, прежде чем успевают понять, куда попали, уже все, кругом сплошная суша. Нам еще повезло, что прилив и отлив здесь не больше фута, а то он мог бы оказаться за много миль от воды. Как вы думаете, вам удастся его сдвинуть?

– Попробую. – Гейл склонился над бедным животным. – Проблема в том, что не за что толком ухватиться. У вас, кажется, был фонарик?

– Я выронила его в лесу, когда вы на меня напали.

– Да, верно. В лодке вроде бы есть... Ох, нет, мы плавали без света. Ну ладно, можете зайти к нему с другой стороны?

Мы вместе попытались ухватить и приподнять дельфина – и не без некоторого успеха, потому что нам удалось стащить его вниз примерно на фут. Но сам дельфин свел все наши усилия на нет. То ли его испугало присутствие Макса, то ли стало больно от того, как мы его тянули по песку и мелкой гальке, но он начал вырываться – порывисто, однако яростно, так что после нескольких минут отчаянных усилий мы выиграли лишь все тот же фут. Я полностью выбилась из сил, а Макс Гейл тяжело дышал.

– Не очень-то здорово. – Он выпрямился. – Этот приятель весит добрую тонну – все равно что пытаться тянуть огромную бомбу в смазке. Придется пускать в ход веревку. Она его не поранит?

– Не знаю, но надо попробовать. Если оставить его здесь, он умрет.

– И то верно. Ну ладно, помогите мне обвязать его поперек хвоста, в самом узком месте.

Дельфин лежал как бревно, но, когда мы нагнулись к его хвосту с веревкой, медленно скосил глаз в нашу сторону. Без фонарика нельзя было ничего понять наверняка, но мне начало казаться, что этот глаз стал не таким ярким и живым. Хвост был тяжелым и холодным на ощупь, как что-то уже мертвое. Пока мы возились, пытаюсь приподнять его и продеть в петлю, на нем не дрогнул ни единый мускул.

– Он умирает, – всхлипнула я. – Это сопротивление, наверное, совсем его доконало.

Смахнув слезы тыльной стороной ладони, я снова взялась за работу. Веревка намокла, стала неподатливой, а хвост дельфина был покрыт толстым слоем грубого песка.

– Не слишком ли вы убиваетесь?

Я взглянула на своего помощника, завязывавшего петлю. Тон его звучал вовсе не грубо, но у меня почему-то сложилось впечатление, будто мысленно Гейл где-то в другом месте: до дельфина ему и дела не было, а хотелось лишь поскорее покончить с этой историей и вернуться к своим темным и малопочтенным ночным занятиям, в чем бы там они ни заключались.

Что ж, хотя бы честно. Еще спасибо, что вообще сюда пришел. Но какой-то старый защитный инстинкт заставил меня

сказать – пожалуй, чуть горше, чем стоило бы:

– Мне кажется, вы были бы куда как счастливы в этой жизни, если бы могли стоять себе в стороне, как простой зритель, и заниматься своими делами, а все остальные пусть делают что хотят и ранят себя и друг друга. Вы будете обманывать себя, тешиться мыслью, что просто нейтральны, терпимы, а потом в один прекрасный день вдруг поймете, что на самом деле мертвы и никогда не жили. Потому что жить больно.

– А вы готовы разбить себе сердце из-за животного, которое вас совершенно не знает и даже не узнает?

– Ну, кому-то же приходится об этом думать, – жалко ответила я. – И потом, он меня узнает, он хорошо меня знает.

Гейл оставил эту фразу без внимания и выпрямился, держась за веревку:

– Вот, что могли, то сделали, и молю небо, чтобы мы успели снять ее обратно прежде, чем он рванет отсюда со скоростью в шестьдесят узлов... Ну, взялись. Готовы?

Я скинула плащ на песок, сбросила сандалии, зашлепала на отмель к Гейлу, и мы вместе натянули веревку. Меня даже не удивило, что мы с ним работаем вот так, бок о бок, совершенно естественно, как будто занимаемся этим каждый день. Но все же я остро ощущала каждое прикосновение его рук к моим.

Дельфин сдвинулся на дюйм-другой... еще на дюйм... гладко проскользил фут – и намертво застрял. Теперь тянуть его казалось еще тяжелее, он висел мертвым грузом на ве-

ревке, что и нам-то резала ладони, а его наверняка терзала куда сильнее, возможно, даже рвала кожу...

– Теперь полегче, – сказал Макс Гейл мне на ухо.

Мы прекратили тянуть. Я отпустила веревку и захлопала по воде к берегу.

– Пойду погляжу, как он. Боюсь...

– Черт! – вскрикнул Гейл.

Дельфин внезапно рванулся вперед, мощно ударя хвостом и разбрызгивая воду и песок. Я услышала, как веревка дернулась у Гейла из рук, и очередное проклятие, когда ему пришлось сделать шаг вперед, чтобы удержаться на ногах.

Я помчалась обратно.

– Простите... Ой! Что такое?

Макс обмотал веревку вокруг правого запястья, и я обратила внимание на то, как он держит левую руку – неловко, напряженно, пальцы полусогнуты, как будто ему больно согнуть ее до конца. Мне сразу вспомнилось, как он осматривал ее наверху, на прогалине. Вот отчего, должно быть, ему было так трудно сделать петлю и никак не удавалось сдвинуть дельфина.

– Что с вашей рукой? – резко произнесла я. – Вы ранены?

– Нет. Простите, но я чуть не нырнул. Что ж, по крайней мере, зверюга еще жива. Идите сюда, попробуем еще раз, пока он не испугался по-настоящему.

Он снова ухватился, и мы предприняли вторую попытку.

На этот раз дельфин лежал смирно, снова сделавшись

мертвым грузом. Мы мало-помалу продвигали его, пока не восстановили утраченную позицию, но тут он снова застрял, и сдвинуть его не удавалось никакими силами.

– Наверное, там какой-то выступ или камень, вот он каждый раз в него и упирается.

Гейл прекратил тянуть, чтобы смахнуть пот с глаз. Я заметила, что он уронил левую руку вдоль тела.

– Послушайте, – робко начала я, – так это займет у нас всю ночь. Может быть, нам... я имею в виду, может, получится стянуть его лодкой... если завести мотор?

Он молчал так долго, что я утратила мужество и торопливо пошла на попятную:

– Нет-нет, все в порядке, я понимаю. Я... я просто подумала: если Адони действительно в безопасности, это уже неважно. Забудьте. Замечательно, что вы вообще взяли на себя этот труд, с вашей рукой и все такое. Наверное... наверное, если я останусь тут на всю ночь и буду регулярно поливать его водой, а вы бы... как вы думаете, вы могли бы позвонить Фил за меня и сказать ей? Можно сказать, что вы увидели меня с террасы и спустились. И если бы вы вернулись утром, когда уже будет можно... вместе с лодкой... или с Адони....

Он повернулся и внимательно поглядел на меня, но я не видела его лица – лишь тень на фоне звездного неба.

– Вы не против? – запинаясь, закончила я.

– Мы стянем его лодкой прямо сейчас, – отрывисто про-

изнес Гейл. – Как лучше – прикрепить веревку к носу и медленно дать задний ход?

Я с готовностью кивнула.

– Я останусь рядом с ним, пока он не поплывет. Наверное, надо будет поддерживать бедняжку на плаву, пока он не придет в себя. Если он перевернется, то утонет. У него зальется щель для воздуха, а дельфинам надо очень часто дышать.

– Вы же промокнете.

– Я уже промокла.

– Что ж, вам стоит взять мой нож. Вот. Если придется резать веревку, режьте как можно ближе к хвосту.

Я по-пиратски заткнула нож за пояс и зашлепала к тому месту, где лежал дельфин. Нет, мне не мерещилось, милый карий глаз и в самом деле потускнел, кожа снова стала сухой и шершавой на ощупь. Нагнувшись, я погладила его по спине.

– Еще минутку, милый, одну минутку. Не бойся.

– Порядок? – тихо окликнул Макс с лодки, бултыхавшейся в нескольких ярдах от берега.

Он уже закрепил веревку, тянущуюся в воде от дельфиньего хвоста к кольцу на носу моторки.

– Порядок, – отозвалась я.

Мотор ожил с чиханьем и стуком, сразу наполнившим всю ночь. Моя рука лежала на спине дельфина. Ни дрожи – он не боялся моторок. Потом рокот сделался чуть глуше, перешел в сдавленное рычание, и лодка тихо пошла прочь от берега

кормой вперед.

Веревка поднялась, завибрировала, разбрызгивая сияющие капли воды, потом постепенно натянулась. Мотор застучал чаще, веревка напряглась, по ней скользил и лучился звездный свет. Казалось, петля, завязанная в том месте, где огромный лук хвоста горизонтально отходит от туловища, врезается в живую плоть. Веревка была ужасно тугой и, должно быть, причиняла сильнейшую боль.

Дельфин конвульсивно дернулся, и рука моя непроизвольно сжалась на ноже, но я сдержалась. Из прикушенной губы шла кровь, и я так вспотела, словно веревка резала не его, а меня. Мотор стучал ровно и без перебоев, звездный свет играл и серебрился на мокрой веревке...

Дельфин тронулся с места. Огромное тело ровно и гладко заскользило вниз по песку к воде. Держась рукой за петлю, я пошла следом.

– Получается! – выдохнула я. – Можешь продолжать в том же духе, только очень медленно?

– Хорошо. Вот так годится? Свистни, как только он окажется на плаву, и я остановлюсь.

Дельфин медленно катился вниз, точно судно, начинающее спуск в воду. Скрежет песка и сломанных ракушек под его телом звучал в моих ушах так же громко, как и рокот мотора в море. Вот наконец дельфин коснулся кромки воды... проехал по полосе пены... медленно-медленно достиг моря и скользнул глубже. Я не отставала. Вода омыла мне ступни,

лодыжки, колени; рука, которой я придерживала петлю, по запястью ушла в воду.

Через несколько шагов мы добрались до места, где дно уходило вниз более круто. Я вмиг оказалась по грудь в воде и задохнулась от прохлады ночной волны. Дельфин стал легонько покачиваться по мере того, как вода начала принимать на себя его вес. Еще несколько секунд – и он должен был целиком оказаться на плаву. Он шевельнулся всего один раз – конвульсивный, резкий рывок, дернувший веревку, как титиву, и здорово задевший мне руку, отчего я громко вскрикнула. Шум мотора тотчас заглох до шепота, а Макс встревоженно окликнул меня:

– Поранилась?

– Нет. Продолжай. Это его поддерживает.

– Еще далеко?

– Нет, мы уже почти на глубине. Он совсем притих, по моему, он... О боже, кажется, он умер! Ой, Макс...

– Спокойней, моя дорогая. Я сейчас. Подержи его еще немного, на первых порах мы поможем ему плыть. Скажи когда.

– Вот-вот... Ага! Стоп!

Мотор умолк – так внезапно, точно захлопнули звуконепроницаемую дверь. Тело дельфина, пассивно покачиваясь на волнах, проплыло мимо меня. Я изо всех сил вцепилась в него, чтобы удержать, а Макс отвязал веревку и торопливо повел лодку к месту швартовки под соснами. До меня донес-

ся лязг закрепляемой цепи, и в следующий миг Макс очутился в воде рядом со мной с намотанным на руку свободным концом веревки.

– Как тут у тебя? Он мертв?

– Не знаю. Не знаю. Я подержу его, пока ты снимешь веревку.

– Сперва поверни его головой в открытое море, просто на всякий случай... Давай же, старина, поворачивайся... Ну вот. Отлично. А теперь держись, моя радость, я постараюсь побыстрее.

Дельфин недвижно лежал у меня на руках, вялое открытое дыхало еле-еле приподнималось над водой, тело тяжело покачивалось, совсем как давшая течь лодка перед тем, как пойти ко дну.

– Теперь с тобой будет все хорошо, – зашептала я ему еле слышно. – Ты ведь в море... в море! Теперь тебе нельзя умирать... никак нельзя...

– Перестань паниковать, – раздался с другой стороны дельфина обнадеживающий и жизнерадостный голос Макса. – Святой Спиридион приглядывает за своими питомцами. Бедный зверюга слегка вымотался, верно? Тем не менее, да сохранят его небеса именно таким, пока я не сниму с него эту чертову веревку. Замерзла?

– Не очень, – стуча зубами, отозвалась я.

Когда он снова склонился над веревкой, мне показалось, что дельфин чуть заметно пошевелился. В следующий мо-

мент я уже была уверена в этом. Под кожей начали перекачиваться бугорки мышц, по могучей спине пробежала медленная дрожь, плавник дрогнул, пробуя воду, хозяйски опираясь на нее, обретая вес...

– Он шевелится! – восторженно вскрикнула я. – С ним все хорошо! Ой, Макс, скорее! Если он сейчас рванет...

– Если он сейчас рванет, мы уплывем вместе с ним. Веревка мокрая, ничего не получается, придется резать. Дай нож, пожалуйста.

В тот миг, когда он запустил лезвие ножа под веревку и принялся перепиливать ее, дельфин вдруг ожил. Огромные мускулы сократились, коснулись меня раз, другой, а потом я увидела, как подрагивают массивные плечи. Щель для воздуха сомкнулась.

– Быстрее! – настойчиво заторопила я. – Сейчас уплывет! Дельфин плавно выскользнул у меня из рук. Холодная волна окатила меня по шею, огромное тело одним божественным нырком ушло под воду, в сторону открытого моря. Макс сдавленно чертыхнулся, рядом со мной раздался второй всплеск и плюх – это мой спутник, в свою очередь, с головой окунулся в воду. Меня омыла вторая волна, так что я зашаталась, чуть сама не свалившись, и на один ужасный миг испугалась, как бы дельфин не уволок крепко вцепившегося в веревку Макса за собой в море, точно пескаря на леске. Но когда я наконец обрела равновесие и попятилась на отмель, Макс вынырнул рядом со мной и выпрямился по

пояс в воде, с обрезанной петлей в руке. Свободный конец веревки болтался рядом. Я схватилась за него, чуть не плача от радости и восторга.

– Ой, Макс!

Тут я снова оступилась, и его насквозь мокрая рука подхватила меня за талию. Я даже не обратила на это внимания, не сводя глаз с темной, залитой звездным светом морской дали, где горел и переливался, медленно тая во тьме, сияющий след длинных ликующих прыжков и изгибов.

– Ой, Макс... Гляди, вон он плывет, видишь свечение? Вон там... ой, исчез. Уплыл. Ну разве не чудесно?

Во второй раз за эту ночь меня схватили и насильно заставили замолчать – но на сей раз это были губы Макса. Они оказались холодные и соленые, и поцелуй длился целую вечность. Мы промокли до нитки и замерзли, но там, где наши тела соприкоснулись и прижались друг к другу, я ощутила жаркое тепло его тела и быстрый ток крови. Мы оба были все равно, что обнаженные.

Наконец он выпустил меня. Мы стояли, не сводя друг с друга глаз.

Я усилием воли заставила себя выйти из транса.

– Что это было? Штраф за розы?

– Вряд ли. Назовем это кульминацией бурной ночи. – Макс откинул мокрые волосы со лба, и я увидела, что он ухмыляется. – Отдых воина, мисс Уоринг. Вы не против?

– Сколько угодно.

«Не принимай этого всерьез, – думала я, – не принимай всерьез».

– Вы с Адони, похоже, долго рыбачили.

– Еще как долго. – Похоже, он вообще не думал о том, как воспринимать все произошедшее. Голос его звучал радостно и откровенно самодовольно. – Собственно говоря, это разрядка чувства, нараставшего целую неделю. А ты не заметила? Отец уследил.

– Твой отец? После нашей первой встречи? Я тебе не верю. У тебя был такой вид, как будто ты готов меня линчевать.

– Мои чувства, – произнес Макс, осторожно выбирая слова, – лучше всего описать как смешанные. И, проклятие, если ты не бросишь привычки приближаться ко мне непременно в полураздетом виде...

– Макс Гейл!

Он засмеялся.

– Люси Уоринг, тебе не говорили, что мужчины всего лишь люди? А в некоторых из них человеческого чуть-чуть больше, чем в прочих.

– Если ты называешь это человеческим, ты себе льстишь.

– Ну ладно, милая, назовем это штрафом за розы. Ты ведь собрала целую охапку, верно? Вот и чудесно. Иди-ка сюда.

– Макс, ты невозможен... Из всех самодовольных... Нет, это просто смешно! Выбрать такое время...

– Ну, любовь моя, поскольку ты выпускаешь искры, как кошка, всякий раз, как я к тебе подхожу, то что мне остава-

лось, кроме как не окунуть тебя сперва?

– Сразу видно, как много ты смыслишь в электричестве.

– Угу. Нет, подожди еще минутку. А то твоего заряда хватит на смертельную дозу, верно?

– Если на то пошло, так ты и сам способен взорвать пару снарядов... Ради бога, мы, наверное, с ума сошли. – Я оттолкнула его. – Давай выйдем на берег. Мне бы хотелось умереть вместе с тобой и быть похороненными в одной могиле, но только не от воспаления легких, это не романтично... Нет, Макс! Признаю, что задолжала тебе все, что захочешь, но давай сочтемся на суше! Ради всего святого, идем на берег.

Он снова засмеялся и выпустил меня.

– Ну ладно. Идем. О боже, я утопил веревку... нет, вот она. И за нее тебе тоже придется платить, позволь заметить: моток новой прекрасной веревки, шестьдесят футов...

– Ты тут не один такой. Это платье стоило пять гиней, а босоножки – три фунта пять шиллингов, и не думаю, что им суждено когда-нибудь стать такими, как прежде.

– С превеликой охотой заплачу за них, – радостно заявил Макс, останавливаясь по колено в воде.

– Не сомневаюсь, но это счет не тебе. О, милый, не сходи с ума, вылезай!

– Жалко. А кто, по-твоему, улаживает дельфины счета? Аполлон или святой Спиридион? На твоём месте я бы выбрал Аполлона. Правда, если ты потеряла бриллиант твоей сестры, это здорово раздует счет.

– Дьявол! Ой, нет, вот он. – Огромное кольцо сверкнуло голубым светом в звездных лучах. – Ох, Макс, серьезно, большущее спасибо. Ты был великолепен. А я вела себя как полная идиотка! Как будто ты когда-нибудь мог...

Его рука предостерегающе сжалась на моем запястье, и в ту же секунду я заметила огонек, крохотный пляшущий огонек как от электрического фонарика, плывущий над тропой от виллы Рота. Вот он метнулся на скалы, помедлил на пришвартованной лодке (и я впервые разглядела ее название – «Ариэль»), скользнул по воде и наконец высветил нас, жалких и мокрых, шлепающих по отмели к берегу. Правда, к тому моменту мы с Максом находились уже футах в четырех друг от друга.

– Боже праведный! – раздался голос Годфри. – Что тут происходит? Гейл, Люси, да на вас нитки сухой нет! Это что, очередной несчастный случай?

– Нет, – коротко бросил Макс – Что вас сюда привело?

Информативностью и приветливостью ответ его мог сравниться разве что с глухой кирпичной стеной, утыканной битым стеклом. Но Годфри словно бы ничего не заметил. Он легко спрыгнул с камней на песок среди сосен. Луч фонарика снова остановился, а потом уперся в то место, где недавно лежал дельфин, и широкую борозду там, где мы сволакивали его в море. Рядом валялись моя куртка и босоножки.

– Ради всего святого, что происходит? – В голосе Годфри звучала отчетливая тревога и вместе с тем любопытство. –

Люси, с вами ничего не случилось? Вы нашли бриллиант?

– А откуда вы знаете? – тупо спросила я.

– Господи боже, да Фил позвонила, конечно. Сказала, вы пошли вниз уже несколько часов назад и она волнуется. Я пообещал сходить и поискать вас. Я только что вернулся. – Луч фонарика снова ощупал нас обоих и остановился на Максе. – Что случилось?

– Не направляйте эту штуку мне в лицо, – раздраженно запротестовал Макс. – Ничего не случилось, по крайней мере в том смысле, который вы имеете в виду. Просто этот ваш дельфин выбросился на берег. Мисс Уоринг пыталась столкнуть его обратно в воду, но не смогла, так что я привел сюда моторку и стащил его на веревке. В процессе этого мы испугались.

– Вы хотите сказать, – Годфри говорил с откровенным недоверием, – что вывели лодку в этот час ночи только ради того, чтобы спасти какого-то дельфина?

– Ну разве не мило с его стороны? – пылко вставила я.

– Необычайно мило, – согласился Годфри, не отводя глаз от Макса. – Готов поклясться, что слышал, как вы выезжали какое-то время назад.

– А я думал, вы сами уезжали, – парировал Макс. – И только что возвратились.

Ну вот, подумала я, мы снова вернулись к тому же самому: два ошестинившихся пса, воинственно кружащие друг возле друга. Впрочем, возможно, тон Макса казался сердитым

лишь оттого, что он цедил слова сквозь зубы, сжатые скорее из-за холода, чем от злости, потому что он вдруг добавил вполне любезно:

– Я ведь сказал «привел», а не «вывел». Мы и впрямь выезжали около десяти и вернулись совсем недавно. Когда прибежала мисс Уоринг, Адони уже ушел наверх, а я еще оставался в лодке.

Годфри рассмеялся:

– Простите. Я вовсе не хотел умалять добрый поступок! Ну до чего же Люси с дельфином повезло!

– Да, а разве нет? – снова встряла я. – Я как раз гадала, что же делать, как вдруг услышала мистера Гейла. Я бы сбегала за вами, но Фил говорила, вас не будет дома.

– А меня и не было. – Мне показалось, Годфри хочет сказать еще что-то, но он передумал и произнес только: – Я уехал около половины одиннадцатого, а вошел в дом как раз когда звонил телефон. Так вы нашли кольцо?

– Да, спасибо. О, это была настоящая сага, вы и не представляете!

– Жаль, я пропустил, – посетовал Годфри. – С удовольствием принял бы участие.

– Я и сам развлекся на славу, – заверил Макс. – Ладно, послушайте, к черту вежливость, выслушаете всю историю целиком как-нибудь в другой раз. Нам лучше идти, если не хотим умереть от воспаления легких. Где ваши туфли, мисс Уоринг? О, спасибо, – это в ответ на то, что Годфри высве-

тил их фонариком. Макс подал их мне. – Надевайте скорее, ладно?

– Что это? – вдруг спросил Годфри резко изменившимся голосом.

– Моя куртка. – Я не обратила внимания на его тон, потому что всю дрожала и была занята крайне неприятным делом – натягивала босоножки на мокрые и облепленные песком ноги. – О, а вот и косметичка Фил. Мистер Гейл, вы не против?..

– Это же кровь! – заявил Годфри.

Он поднял куртку и направил мощный луч фонарика на рукав. Я удивленно подняла голову.

Там действительно оказалась кровь. Один рукав был весь в пятнах.

Я скорее почувствовала, чем увидела, как застыл Макс рядом со мной. Луч начал поворачиваться к нам.

– Прошу вас, – резко сказала я, – выключите фонарь, Годфри! В этом мокром платье я выгляжу совершенно неприлично. Пожалуйста, дайте мне куртку. Да, это кровь. Дельфин порезался о камень или еще что-то, он меня всю измазал кровью, прежде чем я спохватилась. Мне крупно повезет, если когда-нибудь удастся вывести пятна.

– Скорее, – бесцеремонно поторопил Макс. – Вы вся дрожите. Накиньте на себя. Ну давайте, пора идти.

Он завернул меня в куртку. Зубы у меня стучали, как пишущая машинка, а куртка, надетая поверх мокрого, обле-

пившего тело платья, совсем не грела.

– Д-да, – проговорила я, – иду. Я вам все расскажу при следующей встрече, Годфри. С-спасибо, что пришли.

– Доброй ночи, – сказал Годфри. – Завтра зайду поглядеть, как вы.

Он повернул в тень сосен. Я увидела, как луч фонарика медленно прошелся по земле в том месте, где лежал дельфин, а потом снова вильнул к скалам.

Мы с Максом торопливо зашагали по пляжу. Холодный ветер насквозь продувал мокрую одежду.

– Куртка стоит пять фунтов пятнадцать шиллингов, – заявила я. – И счет будет выставлен тебе. У дельфина вовсе не шла кровь. Что ты сотворил со своей рукой?

– Ничего такого, что нельзя было бы вылечить. Сюда.

Мы находились у подножия лестницы к Каstellо. Я бы прошла мимо, но Макс протянул руку и остановил меня.

– Не можешь же ты идти всю дорогу в мокром. Пойдем вверх.

– Ой, нет, наверное, мне лучше...

– Не глупи, почему бы и нет? Мэннинг позвонит твоей сестре. Если на то пошло, ты прекрасно можешь зайти. И я вовсе не собираюсь провожать тебя всю дорогу и потом плестись назад, не переодевшись. Более того, эти чертовы ботинки полны воды.

– Ты мог утонуть.

– Запросто. И каков был бы тогда счет, выставленный

Аполлону?

– Сам знаешь, что очень большой, – ответила я очень серьезно, но так, чтобы он не слышал.

ГЛАВА 10

Пьян и сейчас. Но где он взял вино?
У. Шекспир. Буря. Акт V, сцена 1

Терраса была пуста, но одна из стеклянных дверей стояла нараспашку, и Макс провел меня сквозь нее в дом.

Гостиная, освещенная лишь маленькой лампой под абажуром на низком столике, казалась огромной и загадочной пещерой, полной теней. Близ темнеющего окна тускло поблескивала пасть пианино, а незажженный камин и громоздкий граммофон вырисовывались из полумрака, как саркофаги в каком-нибудь пыльном музее.

Сэр Джулиан сидел в кресле-качалке возле лампы, отбрасывавшей почти мелодраматический блик света на серебристые волосы и выразительное чело. Белый кот на коленях и поглаживающая мех элегантная рука довершали картину. Эффект получался до крайности театральный. «Ворон» Эдгара По, восхищенно подумала я. Не хватало лишь пурпурных портьер и хриплого карканья из тени над дверью...

Но в тот же миг я начала подмечать и другие, значительно менее приятные театральные эффекты. На столе возле локтя актера, под лампой, стояли на две трети опустошенная бутылка турецкого джина, графин с водой и два стакана. А сэр Джулиан разговаривал сам с собой – декламировал строки из

«Бури», в которых Просперо топит свои книги. Он говорил тихо – разговор старого волшебника то ли с самим собой, то ли с небесными силами, от чьего королевства он отрекается. Никогда не слышала, чтобы он произносил этот монолог лучше. И если бы кто-то захотел узнать, многого ли стоит совершенная техника в сравнении с упорным еженощным трудом перед рампой, то ответ он мог бы найти здесь. Вряд ли сэр Джулиан сознавал, что произносит. Он был очень пьян.

Едва войдя в комнату, Макс резко остановился. Я замерла у него за спиной и расслышала, как он тихонько пробормотал что-то себе под нос. Потом я увидела, что сэр Джулиан не один: из глубокой тени за лампой вырос Адони. Как и Макс, он был в рыбацком свитере и башмаках – грубой одежде, лишь подчеркивавшей его потрясающую красоту. Однако лицо юноши осунулось от беспокойства.

– Макс... – начал он, шагнув вперед, но тут же осекся, заметив меня и состояние, в котором мы оба находимся. – Так это были вы? Что случилось?

– Ничего особенного, – коротко ответил Макс.

Сейчас было не самое подходящее время, чтобы придирчиво выбирать слова – или обижаться на них. Это стало еще более очевидно, когда Макс шагнул к свету и я впервые за вечер отчетливо разглядела его. Все напористое возбуждение, навеянное недавней маленькой интерлюдией в море, мгновенно исчезло; сейчас он выглядел не только встревоженным, но и сердитым и пристыженным, а еще – до предела

измотанным. Левую руку он засунул глубоко в карман. Запястье было обмотано какой-то грязной тряпкой – наверное, носовым платком, – испачканной кровью. Сэр Джулиан повернул голову.

– А, Макс...

Тут он заметил меня, и рука, поглаживавшая кота, приподнялась изящным, заученным жестом, выглядевшим столь же естественно, как само дыхание.

– «Ах! Вот богиня»... Нет-нет, это мы уже говорили, верно? Но как чудесно видеть вас снова, мисс Люси... Простите, что не встаю: кот, сами понимаете... – Голос его неуверенно оборвался. Похоже, сэр Джулиан смутно осознавал, что ему требовалось бы более сильное оправдание, чем кот. Губы его изогнулись в улыбке, такой расплывчатой, что от нее делалось не по себе. – Я тут слушал музыку. Не хотите ли...

Рука его не слишком твердо двинулась к выключателю стоявшего рядом на кресле магнитофона, но Адони быстро нагнулся и с какой-то ласковой греческой фразой накрыл кнопку ладонью. Сэр Джулиан оставил попытку и снова откинулся на спинку кресла, кивая и улыбаясь. С болезненным состраданием я заметила, что кивок перешел в дрожь, унять которую старому актеру стоило большого труда.

– Кто здесь был, отец? – спросил Макс.

Сэр Джулиан поглядел на него и отвел взгляд, который на менее примечательном лице можно было бы назвать уклончивым.

– Кто здесь был? А кому тут быть?

– Ты знаешь, Адони?

Молодой садовник пожал плечами.

– Нет. Когда я вошел, он был уже такой. Я и не знал, что кто-то должен был зайти.

– Не должен. Полагаю, когда ты вошел, он был один? Вряд ли ты бы иначе подал мне сигнал «путь свободен». – Макс опустил глаза на отца, который, не обращая ни малейшего внимания на их беседу, снова удалился в свой личный мир, затуманенную джином даль, освещенную пылающими углями и овеянную дымкой поэзии. – Хотел бы я знать, отчего он вернулся? Он тебе не говорил?

– Сказал что-то насчет того, что Михаэль Андиакис заболел, но у меня не было времени вытянуть из него что-нибудь еще. Он говорил совсем бессвязно... Все время порывался включить музыку. Кстати, когда я поднялся к дому, магнитофон работал. Я перепугался – решил, что с ним кто-то есть.

– Ну, кто-то с ним, безусловно, был. – Голос Макса звучал сдавленно и угрюмо. – Он не говорил, как добрался сюда из города?

Адони покачал головой.

– Я уже подумывал позвонить Андиакису домой и спросить, но в такой поздний час...

– Нет, конечно нельзя. – Макс наклонился над креслом отца и заговорил с ним ласково и отчетливо: – Отец, кто сюда приходил?

Вырванный из мира грез, сэра Джулиан поглядел вверх, сосредоточился и ответил с достоинством:

– Надо было кое-что обсудить.

Произношение его звучало столь же безукоризненно, как всегда, разве что сейчас было слышно, каких усилий ему это стоит. Руки его недвижно лежали на спине кота, и опять-таки было видно, как жестко он их контролирует. Ровно то же самое происходило и с Максом, который изо всех сил обуздывал себя, но я видела, каких стараний стоил ему терпеливый тон. Глядя на них, я ощутила такой прилив любви и сострадания, что мне казалось – именно эти чувства, а вовсе не мокрая одежда заставляют меня дрожать.

– Само собой, – рассудительно пояснил сэра Джулиан, – мне пришлось пригласить его зайти после того, как он подвез меня. Очень мило с его стороны.

Макс с Адони переглянулись.

– Кто это был?

Никакого ответа.

– Он не станет отвечать на прямой вопрос, – сказал Адони. – Это бессмысленно.

– Надо попытаться. Мы должны узнать, кто это был и что он ему сказал.

– Сомневаюсь, чтобы особенно много. Он и мне-то ничего не говорил, только все пытался включить магнитофон и по сотому разу пересказывал легенду, к которой ты пишешь музыку, ну, знаешь, ту старинную историю про остров, ко-

торуую любил рассказывать Миранде и Спиро.

Макс откинул со лба прядь мокрых волос. В его жесте сквозило почти что отчаяние.

– Надо выяснить теперь, пока он все не забыл. Он ведь прекрасно знал, куда мы отправляемся. И сам согласился держаться отсюда подальше. Боже мой, я был уверен, что теперь ему уже можно доверять. Думал, с Михаэлем он будет в безопасности. Какого дьявола он приехал домой?

– Дом там, где сердце, – вставил сэр Джулиан. – Когда умерла моя жена, дом стал пуст, как огромная королевская кухня, когда в ней не горит очаг. Люси знает, правда, моя дорогая?

– Да, – кивнула я. – Макс, мне уйти?

– Нет, пожалуйста... если ты не против. Если сама хочешь остаться. Отец, послушай, теперь все хорошо. Здесь только я, Адони и Люси. Ты можешь нам все рассказать. Почему ты не остался у Михаэля?

– Бедный Михаэль разыгрывал очень интересную партию, гамбит Стейница, и я в первые же несколько минут потерял ладью. Вы играете в шахматы, дорогая?

– Знаю ходы.

– Пять ходов, и все было бы кончено. Белые начинают, и через пять ходов мат. Заранее ясно. Но тут у него случился приступ.

– Какой приступ? – спросил Макс.

– Я и не думал, что у него сердце не в порядке, ведь он

никогда не пьет. Я вполне понимаю, что ты именно поэтому и любишь, чтобы я навещал Михаэля, но уверяю тебя, если выпивать понемногу и время от времени, и только за здоровье друзей, то вреда ни малейшего. Мое сердце, например, крепко, как колокол. Как колокол. Сердце человека, – добавил сэр Джулиан с таким видом, словно решил сменить тему беседы, – там, где его дом. Доброй ночи.

– Подожди минуту. Ты хочешь сказать, что Михаэль Андиакис умер от сердечного приступа? Понимаю. Прости, отец, мне очень жаль. Неудивительно, что тебе захотелось...

– Нет. Нет! Кто сказал, что он умер? Ну конечно нет, там же был я. У них нет телефона, так что я оказался весьма кстати, доктор так и сказал. Правда, мне что-то сомнительно, чтобы у Михаэля случился приступ, не будь меня там. Он всегда перевозбуждается от нашей игры. Бедный Михаэль.

– Ты ходил за доктором?

– Я же тебе сказал, – нетерпеливо ответил ему сэр Джулиан. – Почему ты не слушаешь? По-моему, мне пора спать.

– А что произошло, когда пришел доктор?

– Он уложил Михаэля в постель, и я ему помогал. – Это был его первый прямой ответ, и, кажется, он смутно почувствовал, что что-то не так, потому что, прежде чем продолжать, снова бросил на сына этот свой уклончивый взгляд исподлобья. – Хорошо, что сам-то я здоров, как колокол, хотя никогда не мог взять в толк, отчего это колокола должны быть особенно... особенно здоровыми. Колокольчики звенят

в такт и лад, такт и лад. А потом я пошел за доктором. – Он помолчал. – То есть я имею в виду дочь. Да, за дочерью.

– У мистера Андиакиса есть замужня дочь, – пояснил Адони, – она живет на улице Каподистриас. У нее трое детей. Если ей пришлось захватить их всех с собой, то в доме не осталось места, чтобы переночевать сэру Джулиану.

– Понятно. А как ты добрался обратно, отец?

– Ну, я, разумеется, пошел к гаражу Караманлиса. – Сэр Джулиан вдруг заговорил куда трезвее и с нескрываемым раздражением. – Ей-богу, Макс, не понимаю, отчего ты говоришь так, будто я не в состоянии о себе позаботиться! Пожалуйста, постарайся вспомнить, что я как-то жил до твоего рождения! Я думал, Леандр окажет мне услугу, но его там не оказалось. Только один парнишка дежурный, но он предложил позвать своего брата, чтобы тот меня отвез. Мы с ним очень мило поболтали, очень мило. Я знал его дядю, Манолиса. Помню, как-то в Авран...

– Так это Манолис привез тебя домой?

Сэр Джулиан сосредоточился.

– Домой?

– Сюда, – быстро поправился Макс.

Старый джентльмен заколебался.

– Собственно говоря, мне пришлось пригласить его зайти. Когда он заехал туда за бензином и увидел меня, ему, можно сказать, ничего не оставалось, кроме как предложить меня подвезти, и я должен был проявить ответную вежливость.

Прости, Макс.

– Все хорошо, я понимаю. Он отвез тебя домой, ты почувствовал, что должен пригласить его зайти, и поэтому купил джин?

– Джин? – Сэра Джулиана снова развезло. Мне казалось, я вижу на его лице какую-то внутреннюю борьбу, мерцающие проблески разума, полуутопленные в джине и сне, удерживаемые остатками силы воли. – Этот турецкий джин то еще пошло, бог весть что они туда подмешивают. Он сказал, он его любит... Мы остановились в той таверне, она раньше назвалась «У Константиноса», а как теперь – не помню. В двух милях от Ипсоса. По-моему, он догадывался, что дома никого не будет.

Макс молчал. Лица его я не видела.

Адони нарушил молчание.

– Макс, взгляни... – Он нагнулся, подобрал что-то с пола и вытянул руку вперед. На ладони лежало что-то маленькое – окурочка сигареты. – Валялся тут, у камина. Это ведь не из ваших, правда?

– Нет.

Макс взял окурочку и поднес его ближе к свету.

– Так и есть, верно? – спросил Адони.

– Похоже на то.

Глаза их вновь встретились над головой старого актера. Наступила пауза. Вдруг кот громко замурлыкал.

– «Надо было кое-что обсудить», – процитировал Макс

негромко, но с какой-то новой, пугающей ноткой в голосе. – Какого дьявола ему понадобилось что-то обсуждать с моим отцом?

– Эта встреча, – сказал Адони, – она не могла выйти случайно?

– Скорее всего, да. Ехал мимо и подобрал отца. Чистая случайность. Кто бы мог предугадать? Проклятье. Проклятье. Проклятье!

– И довел его... до такого состояния?

– Позволил ему дойти до такого состояния. Это другое дело. Это не могло быть сделано умышленно. Никто же ничего не знал, кроме нас, Михаэля и Каритиса.

– Может быть, – проговорил Адони, – он весь вечер молол такую же чепуху. Может, тот все равно ничего из него не вытянул.

– Он ничего из меня не вытянул, – заявил вдруг сэр Джулиан с величайшим удовлетворением.

– О боже мой, – вздохнул Макс, – будем надеяться, ты прав. – Он щелчком отправил окурок обратно в камин и расправил плечи. – Ладно, отведу его в кровать. Будь умницей и позаботься о мисс Люси, хорошо? Покажи ей ванную – помоему, та, которой пользуется отец, чуть поприличней. Найди ей полотенце и покажи свободную спальню – ту, где спит Михаэль. Там есть электричество.

– Хорошо, но как с твоей рукой? Ты ее еще не смотрел?

– Пока нет, но сейчас посмотрю... Да ладно, старина, не

устраивай шума из ничего. Поверь, если бы я думал, что это серьезно, сам бы на ушах стоял, – не забывай, я ведь пианист! Люси, прости, мне очень жаль, что так вышло. Пойдешь с ним?

– Конечно.

– Сюда, – показал Адони.

Массивная дверь захлопнулась за нами. Мы оказались в огромном холле. Шаги глухо отдавались по шахматным клеткам мраморного пола.

Внутренние помещения Кастелло деи Фьори выглядели так, словно создавались объединенными усилиями Сальвадора Дали и Рональда Сирла, работавших без сна и отдыха на смеси мескаля и бензедрина. В одном конце холла вилась массивная лестница с железными перилами и голыми каменными ступенями. Стены были обиты панелями из темного-претемного дуба, а маленькие коврики, кое-где островками прорезавшие гладь мраморного моря, все как один радовали глаз (насколько я могла судить в полумраке) приятным сочетанием грязно-коричневого и оливково-зеленого тонов. Половину одной стены занимал открытый камин небывалых размеров, построенный для того, чтобы жарить в нем целого быка, причем людьми, которые в жизни не жарили быка целиком и не собирались этого делать. Жерло этого камина ошестинивалось вертелами, подставками для дров, клещами, котлами и сотнями прочих средневековых кухонных принадлежностей, о назначении которых я не могла даже догады-

ваться и которые выглядели – да, вероятно, и являлись – орудиями пыток. И повсюду беспорядочно, точно на аукционе, теснилась всевозможная мебель: должно быть, Гейлы выкинули большую часть обстановки из жилых помещений, чтобы улучшить акустику – или просто чтобы вести нормальную жизнь, – и в результате холл был до отказа забит предметами мебелировки разной степени грязности и с многочисленными излишествами по части бамбуковых столиков, китайских ширм и тщедушных этажерок из полированного дерева. Среди прочего хлама мне почудились очертания фисгармонии, но, возможно, я ошиблась, потому что в глубине, во мгле за резным комодом и вешалкой из оленьих рогов, вырисовывался и самый настоящий орган, с трубами и всем прочим. Еще там была арфа и целый лес степной травы в футляре из выпотрошенной слоновьей ноги. Над всеми этими богатствами мерцал милосердно-тусклый свет одной-единственной лампочки, вставленной в факел в руке яванского воина в полном вооружении, чем-то неуловимо напоминающего самца ящерицы-ядозуба в брачный период.

Адони грациозно взбежал по широкой лестнице. Я слегка приотстала, вся облепленная ледяной мокрой одеждой, мои босоножки оставляли на полу мокрые следы. Наверху он остановился подождать, с любопытством оглядывая меня.

– Что с вами и Максом стряслось?

– Дельфин – дельфин Спиро – выбросился на берег, и Макс помог мне снова спустить его в воду. А дельфин утя-

нул нас обоих за собой.

– Нет, в самом деле? – Он рассмеялся. – Хотелось бы мне это видеть!

– Не сомневаюсь.

По крайней мере, ему, похоже, недавняя сцена в музыкальной комнате ничуть не испортила настроение. Я гадала, уж не привык ли он к подобным инцидентам.

– Так значит, когда вы налетели на Макса, то мчались за помощью? Ясно-ясно! Но зачем вы отправились на пляж в темноте?

– Только ты уж, ради бога, не начинай! – с чувством воззвала я. – Я этого всего от Макса уже знаешь как наслушалась! Я спустилась вниз за кольцом, вот этим кольцом, – моя сестра забыла его там сегодня утром.

При виде бриллианта глаза и рот юноши округлились.

– По-по-по! А оно немало драхм стоит! Неудивительно, что вы не побоялись темноты.

– Ну что, оно стоит больше, чем ваша вылазка? – с невинным видом спросила я.

В прекрасных глазах заплясали чертики.

– Я бы так не сказал.

– Нет?

Я с беспокойством поглядела на него. Да чем там, во имя всего святого, они занимаются? Наркотики?

Наверняка нет! Оружие? Смешно! Но что, собственно, мне известно про Макса? И его беспокойство о том, что отец

мог «проболтаться», было не просто тревогой – в его голосе звучал настоящий страх. Что же до Адони, я питала мало иллюзий относительно того, на что способен мой юный византийский святой...

– Когда вы в первый раз шли по лесу, – тем временем поинтересовался он, – вы никого не видели?

– Макс меня уже спрашивал. Я слышала, как сэр Джулиан крутит магнитофон, но представления не имею, был ли его гость еще здесь. Я так понимаю, вы знаете, кто это?

– Думаю, да. Это всего лишь догадка, но думаю, да. Может, сэр Гейл скажет Максу, когда они останутся вдвоем, кто знает.

– Обычно Макс не держит в доме ничего спиртного?

– Ничего... во всяком случае, ничего, что можно было бы найти.

– Ясно.

Мне и впрямь было все ясно. Я поняла, как зародились слухи и как не права была Фил в своей оценке ситуации. За исключением того, что периодические запои, безусловно, являлись симптомом душевного напряжения, сэр Джулиан Гейл был полностью в своем уме. Мне сразу вспомнились неопределенные перешептывания в театральном мире, вероятно более громкие в кругах, лично знавших великого актера, но на моем уровне просто дуновения, легчайшие слушки, раз и навсегда пресеченные безупречной игрой сэра Гейла вплоть до самого его ухода со сцены... Что ж, сейчас я

лично убедилась в том, чего стоила эта безупречная игра.

– Мы думали, ему уже лучше, – сообщил Адони. – С ним такого не случалось уже... ну, словом, долго. От этого Макс станет очень... – Он замялся в поисках слова и закончил не вполне подходящим, на мой взгляд: – Несчастливым.

– Мне жаль. Но по-моему, на сей раз его к этому подтолкнули.

– Подтолкнули? А, да, понял. И то правда. Ну да Макс с этим разберется. – Он усмехнулся. – Бедный Макс, ему со всем приходится разбираться. Слушайте, нам лучше поторопиться, а не то вы простудитесь, и Макс будет разбираться уже со мной!

– А он может?

– Легко. Он ведь мне платит.

Адони остановился и нажал скрытый в стене выключатель, заметный только обитателям Кастелло. Слабо замерцала очередная тусклая лампочка, на этот раз поднимаемая ввысь умопомрачительной скульптурой из розово-телесного мрамора – работы какого-то особо разнузданного викторианца, не признающего фиговые листья.

Впереди протянулся широкий коридор, обрамленный с одной стороны рядом тяжелых, обитых железом дверей, а с другой – тем, что при дневном свете, должно быть, являло собой готические окна с совершенно безобразными цветными витражами.

– Сюда.

Мой провожатый торопливо повел меня по коридору. Желтый электрический свет поблескивал на трогательных головах оленей и горных козлов, вдоль стен тянулась вереница стеклянных ящиков с набитыми и траченными молью чучелами птиц.

Каждый свободный фут пространства был увешан оружием – алебардами, мечами, кинжалами и какими-то старинными огнестрельными штукovinaми, которые я (повидав на своем веку несколько исторических пьес) определила как мушкеты и кремневые ружья, вероятно уцелевшие еще со времен Греческой войны за независимость.

Оставалось лишь надеяться, что сэр Джулиан и его сын столь же слепы к этому смертоубийственному убранству, как, судя по всему, был слеп к нему Адони.

– Вот ваша ванная комната. – Он указал на высоченную дверь, напротив которой висел со вкусом выполненный узор из переплетающихся хлыстов и шпор. – Я вам сейчас покажу, как там внутри устроено, а потом мне надо идти и перевязать ему руку.

– Он серьезно ранен? Он мне ничего не сказал.

– Совсем не серьезно. Думаю, просто-напросто царапина, хотя сильно кровоточит. Не волнуйтесь, Макс человек разумный, он может о себе позаботиться.

– А ты?

– Я? – удивился Адони.

– Ты-то можешь сам о себе позаботиться? Я знаю, Адони,

это совсем не мое дело, но... но все же будь осторожней. Если не ради себя, так хоть ради Миранды.

В ответ он лишь засмеялся и коснулся тоненькой серебряной цепочки, на которой, должно быть, висел крест или какой-то медальон.

– Не волнуйтесь за меня, мисс Люси. Святой присматривает за своими. – Он бросил на меня живой взгляд. – Верьте мне, еще как присматривает.

– Я так понимаю, сегодня ночью тебе повезло? – спросила я суховаго.

– Думаю, да. Вот мы и пришли. – Он распахнул дверь и нащупал очередной выключатель. – Я мельком разглядела роскошь мрамора и красного дерева. – Спальня рядом, за этой комнатой. Я найду вам полотенце, а попозже приготовлю чего-нибудь горяченького выпить. Сумеете сами отыскать обратную дорогу?

– Да, спасибо.

Адони зарылся в шкаф величиной с маленький гараж и вынырнул оттуда с парой полотенец.

– Держите. Теперь у вас есть все, что нужно?

– Вроде бы. Вот только... Мне придется включать эту штуку?

«Эта штука» являла собой устрашающее приспособление, которое, судя по всему, нагревало воду. Внешним видом оно напоминало перекрученную шахту и размещалось на панели, усеянной рычажками и круглыми циферблатами, кото-

рые вполне могли бы сойти прямо с приборной доски какого-нибудь самолета, сконструированного Эмметом.

– Вы ничуть не лучше сэра Гейла, – снисходительно заметил Адони. – Он зовет ее Лолитой и отказывается даже прикоснуться к ней. Но колонка совершенно безопасна, ее сделал Спиро.

– А-а.

– Нагреватель как-то раз загорелся, но теперь все в порядке. Мы заменили все провода только в прошлом месяце, Спиро и я.

Очередная ослепительная улыбка – и дверь мягко притворилась.

Я осталась наедине с Лолитой.

До ванны, которая была размером с добрый бассейн и вся так и кишела разнообразными штуковинами из почерневшей меди, нужно было подняться на три ступеньки.

Но я простила Кастелло все на свете, когда повернула кран с пометкой «Г» и оттуда в кипящем облаке пара хлынула вода. Я надеялась, что бедный Макс в самом скором времени тоже достигнет столь же благословенного состояния (следовало предположить, что в доме есть еще одна ванна с другой Лолитой, не менее эффективной, чем моя), но в данный момент я уделила Максу лишь одну мимолетную мысль, а остальным приключениям минувшей ночи не досталось и этого. Все, о чем я мечтала, – выбраться из мокрой одежды и влезть в эту великолепную ванну...

К тому времени, как я истомленно вытерла распаренное до нежной розовости тело, мое белье, по большей части нейлоновое, уже высохло. Платье и куртка были еще влажными, поэтому я оставила их висеть на горячих трубах, завернулась в висящий за дверью халат и зашлепала в спальню, чтобы привести в порядок лицо и волосы.

У меня было с собой спасенное содержимое косметички Фил, и в числе прочего расческа, так что я навела красоту, насколько это вообще было возможно при столь тусклом свете и перед качающимся между двумя колоннами из красного дерева большим подвесным зеркалом, как будто специально повешенным так, чтобы показывать только ковер, пока я не догадалась убрать тяжелую стопку газет, которые, судя по всему, удерживали зеркало в таком положении с 20 июля 1917 года.

В зеленоватом стекле мое отражение плыло и покачивалось так, что вполне могло бы напугать бедную леди Шалот¹³ до полной потери и без того некрепкого рассудка. Халат, очевидно, был одним из театральных реквизитов сэра Джулиана – до полу, из густого, темно-красного шелка, и сразу приводил на ум благородную комедию. Все это вместе – роскошный халат, губная помада Фил, мои короткие вьющиеся волосы и огромный бриллиант у меня на пальце – создавало законченный цыганский эффект.

¹³ Дева из легенд о короле Артуре, которая влюбилась в сэра Ланселота Озерного и умерла от безответной любви.

Ну и ладно, все равно не страннее, чем прочие наряды, в которых Макс меня уже видел. Я на мгновение задумалась, может ли это тоже расцениваться как «полуобнаженность». Хотя, собственно, сейчас это было не важно – ему и так хватало о чем подумать.

Напоследок состроив гримасу своему отражению, я вышла из спальни и направилась обратно по Галерее Ужасов и далее вниз по лестнице.

ГЛАВА 11

*Увидя вас, я вашу власть признал
И сердце отдал вам навеки в рабство.*
У. Шекспир. *Буря. Акт III, сцена 1*

Дверь музыкальной комнаты была приоткрыта, но, хотя внутри еще горела лампа, там никого не оказалось. Джин тоже исчез, на его месте стояло что-то похожее на остатки «Алка-Зельцера» и чашка – по всей видимости, с кофе.

Нерешительно топчась в дверях, я услышала быстрые шаги, и дверь черного хода под лестницей распахнулась, обдав меня струей прохладного воздуха.

– Люси? Ага, я так и думал, что слышу тебя. Все в порядке? Согрелась?

– Чудесно, спасибо.

Макс и сам выглядел совершенно другим человеком. Я обратила внимание, что на руке его белела свежая повязка и что сухая одежда – очередной толстый свитер и темные брюки – делала его не менее крепким с виду, чем прежде, но почему-то моложе, ближе к поколению Адони. Точно то же произошло и с его лицом: оно все еще оставалось усталым, но приобрело какое-то новое, напряженное выражение, отчасти похожее на темное возбужденное мерцание, озарявшее лицо Адони. В самом деле, похоже, выгодная поездоч-

ка...

– Твоя одежда... – поспешно произнесла я. – Ты ведь не намерен сегодня снова выходить?

– Не волнуйся, только чтобы отвести тебя домой. Пойдем в кухню, ладно? Там тепло и кофе есть. Мы с Адони как раз перекусываем.

– Обожаю кофе. Но не знаю, стоит ли задерживаться, – сестра, должно быть, уже с ума сходит.

– Я позвонил ей и рассказал, что произошло... в общих чертах. – Он улыбнулся мне мальчишеской улыбкой. – Собственно говоря, Годфри Мэннинг уже звонил и сообщил ей про дельфина и что ее кольцо нашлось, так что она на седьмом небе от счастья и говорит, что ждет тебя, когда бы тебе ни вздумалось появиться. Так что идем.

Я пошла вслед за ним через черный ход и вниз по голой гулкой лестнице. Похоже, прислуге Каstellо, на ее счастье, не дозволялось приобщаться к хозяйской роскоши, ибо людскую не украшали ни чучела животных, ни смертоносное оружие. Лично я обменяла бы все здание целиком, с органом и прочими излишествами, на эту кухню, чудесную огромную пещеру с пещеркой чуть поменьше – камином, где в железной корзине весело потрескивали здоровенные поленья, добавляя свой свежий смолистый аромат к запахам кофе и еды и озаряя просторное помещение живым мерцающим светом. Высокий потолок тонул в искрящихся тенях. Свисающие с темных балок пучки сухих трав и связки лука поблескивали

и шевелились как живые в потоках теплого воздуха.

В центре кухни располагался деревянный стол размером в добрый акр, а в углу Адони жарил что-то на электрической плитке, которая, скорее всего, была сделана или, в крайнем случае, переэлектрифицирована им со Спиро. Аппетитно пахло беконом и свежесваренным кофе.

– Ты ведь съешь яичницу с беконом? – спросил Макс.

– Ей придется, – коротко бросил Адони через плечо. – Я уже поджарил.

– Ну-у... – протянула я, и Макс придвинул для меня табуретку поближе к огню, к тому концу стола, где на поверхности примерно в одну пятидесятую часть его площади громоздилась разнородная коллекция тарелок, ножей и вилок.

Адони поставил передо мной тарелку, и я ощутила вдруг прилив небывалого и упоительного голода.

– А вы уже поели?

– Адони да, а я как раз достиг стадии кофе, – ответил Макс. – Может, тебе тоже сразу налить?

– Да, пожалуйста. – Я гадала, удобно ли будет спросить про сэра Джулиана, и это навело меня на мысль о взятом без спроса халате. – Моя одежда еще не просохла, так что я позаимствовала у твоего отца халат. Как ты думаешь, он не станет сердиться? А то этот халат слишком уж великолепный.

– «Дарить улыбку»¹⁴, – сказал Макс. – Ну конечно, не станет. Он будет в восторге. Сахар?

¹⁴ «Present Laughter», комедия Ноэля Коварда.

– Да, пожалуйста.

– Держи. Если сумеешь одолеть всю порцию, сомневаюсь, чтобы у воспаления легких остался хоть малейший шанс. Адони отличный повар, если его как следует прижать.

– Бесподобно, – отозвалась я с набитым ртом, а Адони подарил мне свою коронную сногшибательную улыбку и сказал: «На здоровье», а потом спросил что-то у Макса. Я разобрала лишь (результат недели мучительного штудирования разговорника): «Она говорит по-гречески?»

Макс вздернул голову в том забавном жесте – как у фыркающего верблюда, – каким греки обозначают «нет», и юноша разразился длинной и пылкой речью, в которой я не уловила вообще ни единого слова, но которая, насколько я могла судить, содержала новости скорее срочные и захватывающие, чем дурные. Макс слушал, нахмурившись, без каких-либо комментариев, лишь пару раз прерывал это словоизвержение одной и той же греческой фразой, заставляя Адони сдерживаться и говорить медленнее и отчетливее. Я невозмутимо ела яичницу с беконом, стараясь не замечать, что Макс хмурится все больше и больше, а повествование Адони становится все взволнованней и взволнованней.

Наконец этот последний выпрямился и бросил взгляд на мою пустую тарелку:

– Хотите еще? Или, быть может, сыру?

– Ох, нет, спасибо. Все было чудесно.

– Тогда еще кофе?

– А там остался?

– Конечно. – Макс налил мне еще чашку и придвинул сахарницу. – Сигарету?

– Нет, спасибо.

Он уже хотел спрятать пачку обратно в карман, как вдруг Адони, убиравший мою тарелку, быстро и тихо произнес что-то по-гречески, и Макс протянул пачку ему. Адони взял три штуки, блеснул улыбкой в ответ на мой внимательный взгляд, потом сказал еще что-то по-гречески Максиму, добавил: «Спокойной ночи, мисс Люси» – и удалился через дверь, которую я раньше не замечала, в дальнем углу кухни.

– Прости всю эту таинственность, – как ни в чем не бывало извинился Макс. – Мы укладывали отца спать.

– С ним все в порядке?

– Завтра будет. – Он бросил на меня взгляд. – Полагаю, ты знала про его... проблемы.

– Нет, откуда? И представления не имела.

– Но если ты возвращаешься в тех кругах... Я думал, это наверняка просочилось.

– До меня ничего подобного не доходило, – сказала я. – Полагаю, наверное, слухи ходили, но все, что было известно лично мне, – это что он не совсем здоров. Я думала, сердце или что-то в этом роде. И, честно, здесь тоже никто не знал – по крайней мере, Фил не знала, а если бы велись какие-нибудь разговоры на этот счет, могу ручаться, она бы первая услышала. Она знала только то, что ты рассказал Лео: что он

был болен и про лечебницу. А с ним такое часто случается?

– Если бы ты спросила вчера, – с оттенком горечи ответил Макс, – я бы сказал, что подобного, скорее всего, больше не повторится.

– А он что-нибудь говорил, когда вы поднялись с ним наверх?

– Немного.

– Сказал, кто это был?

– Да.

– И сказал, о чем они говорили?

– Практически нет. Только на все лады повторял, что тот «ничего из него не вытянул». Вид у него был такой, как будто он весьма собой доволен и смакует какую-то шутку. А потом он лег.

– Знаешь, – осторожно произнесла я, – по-моему, ты можешь не волноваться. Готова ручаться: твой отец ничего важного не сказал.

Макс удивленно поглядел на меня. Раньше я и не замечала, какие же темные у него глаза.

– Отчего ты так уверена?

– Ну... – замялась я. – В тот момент ты, понятное дело, сильно расстроился и рассердился, а мне было больше нечего делать, кроме как наблюдать и делать выводы. Я тебе скажу, что меня поразило. Сэр Джулиан, безусловно, был пьян, но, по-моему, словно заиклился на какой-то одной мысли... он уже сам забыл почему, но все равно твердо знал, что от

него требуется. Он знал, что не должен говорить ничего о том – что бы это ни было, – чем вы с Адони занимались сегодня ночью. Он так захмелел, что не мог уже разобрать, кто свой, а кто нет, но все равно не выдал тайны – отвиливал даже от ваших с Адони расспросов, причем даже самых пустячных, вроде того, что случилось с мистером Андиакисом. Это потому, что с вами была я. А потом, – я улыбнулась, – то, как он все декламировал и включал магнитофон... ты ведь не станешь утверждать, будто у него в обычае давать частные представления по Шекспиру у себя в гостиной? Актеры так не делают. Они, быть может, и ведут себя театрально, но не бывают скучны. И меня вдруг осенило... послушай, прости, я не наговорила лишнего? Наверное, ты предпочел бы, чтобы я помолчала.

– О боже, нет. Продолжай.

– Меня вдруг осенило, что он декламировал потому, что знал: пока сумеет заводить себя или магнитофон и держаться наезженной колеи, ему не грозит опасность ненароком сболтнуть что-нибудь лишнее. Когда я слышала его, он, должно быть, как раз ставил кассету своему гостю.

Уголки губ Макса невольно поползли вверх.

– Что ж, поделом мерзавцу. Более того, я уверен, что встреча в гараже произошла случайно. Если бы нас с Адони заподозрили, то поджидали бы и, скорее всего, выследили... или остановили на пути домой.

– Ну, в общем, так. И кстати, еще один довод: если бы твой

отец сказал ему что-нибудь или даже хоть обронил намек, где сейчас вы оба, то тому с лихвой хватило бы времени вызвать полицию или... или еще что-нибудь предпринять.

– Ну конечно.

Взгляд, брошенный им на меня, был не слишком-то спокоен.

Я не знала, стоит ли продолжать.

– Хотя твоя тревога из-за состояния отца – это другое дело. Я в таких вещах не разбираюсь. Как ты думаешь, это может, ну, словом, снова заставить его запить?

– Кто знает. Понимаешь, он не алкоголик, это не было хроническим или хотя бы близко к тому. Просто у него начались периодические запои – как средство выйти из депрессии. Остается только ждать и наблюдать.

Я ничего больше не сказала, развернула кресло к очагу и глотнула кофе. Поленья шипели и потрескивали, из них с бульканьем выделялась смола, маленькие бледно-опаловые капельки раздувались и с треском лопались на обугливающейся коре. Просторная кухня была полна приятных ненавязчивых звуков ночи: бульканье смолы, шипение и шелест язычков огня, потрескивание рассыхающихся старых половиц, тихая звенящая капель где-то в глубинах водопровода незапамятных времен. Я протянула ноги в шлепанцах сэра Джулиана поближе к огню, и вдруг где-то рядом резко и пронзительно застрекотал сверчок. Я чуть не подпрыгнула от неожиданности и, подняв глаза, поймала на себе взгляд

Макса. Мы улыбнулись друг другу. Ни один из нас не двигался и не говорил, но между нами словно бы завязалась безмолвная беседа, и меня пронзило ощущение бурной радости и счастья, как будто утром в день моего рождения выглянуло яркое солнце и я получила в подарок весь мир.

Потом Макс отвернулся, снова устремил взгляд в огонь и заговорил, словно продолжил с того, на чем мы остановились:

– Это началось четыре года назад. Отец репетировал одну довольно зрелищную пьесу, которую Хейворд написал специально для него, – «Тигр, тигр». Да ты ее помнишь, она долго не сходила с подмостков. За восемь дней до премьеры мои мать и сестра погибли в автомобильной катастрофе. Машину вела сестра. Вина была не ее, но это не утешает. Мать погибла мгновенно, сестра пришла в сознание и прожила еще один день – достаточно, чтобы догадаться о случившемся, хотя от нее и пытались все скрыть. А я в то время находился в Штатах и, как назло, валялся в больнице с аппендицитом и не мог вернуться. Ну, как я тебе уже говорил, это случилось всего за восемь дней до того, как должна была состояться премьера «Тигра», – и она состоялась. Думаю, не надо объяснять, как подобная ситуация может отразиться на человеке вроде моего отца... Такое подкосило бы любого, а его чуть не свело в могилу.

– Могу себе представить.

А еще я могла представить самого Макса, прикованного к

больничной кровати в чужой стране и узнавшего страшные вести по телефону, из телеграммы, письма...

– Тогда-то он и начал пить. Прежде чем я смог добраться домой, прошло почти два месяца и худшее уже произошло. Конечно, я сознавал, как эта трагедия должна была ранить отца, но для меня было жутким потрясением вернуться домой и увидеть собственными глазами...

Он немного помолчал.

– Можешь представить себе еще и это: дом, пустой и какой-то заброшенный, точно там месяцами не вытирали пыль, хотя, конечно, это глупо, разумеется, там все вытирали. Но все равно комнаты казались какими-то покинутыми – там словно гуляло эхо прошлого. Салли, моя сестра, всегда была как живой огонь. И по этому дому бродил мой отец, худющий, точно телеграфный столб, совсем поседевший. Он слонялся по этому проклятому пустому дому, как сухой лист в продуваемом всеми ветрами сарае. Совсем не спал, разумеется, и непрерывно пил. – Макс неуютно пошевелился на стуле. – Что там он сказал про дом, который как королевская кухня без огня?

– Это из пьесы Турнера¹⁵ «Трагедия мстителя». «Ад похож на огромную королевскую кухню, где не горит огонь».

– Ад? – переспросил он. – Да, понимаю.

– Это было совершенно не к месту, – торопливо сказала

¹⁵ Турнер Сирил (1575(?)-1626) – английский драматург, представитель маньеризма. Известен пьесами «Трагедия мстителя» и «Трагедия атеиста».

я. – Это просто пришло ему в голову, как такой образ...

– Пустоты? – Макс внезапно улыбнулся. – Очень мило с твоей стороны, но не волнуйся, все уже позади.

Он снова ненадолго умолк.

– С того и началось. Потом, конечно, стало чуть лучше, первое потрясение схлынуло, да и я вернулся домой, и он пил уже не так много, а только от случая к случаю, когда перенапрягался, или уставал, или просто во время очередного приступа этой чертовой полнейшей депрессии, к которой он вообще очень склонен, – это такая же реальная вещь, как сыпь, да ты и сама это знаешь. Но все равно рано или поздно срывался и «в виде исключения» напивался вдрызг. К несчастью, сделать тут было практически ничего невозможно. Ну, если помнишь, пьеса продержалась на сцене долго, и он играл в ней восемнадцать месяцев. За все это время я сумел увезти его только недели на три, а потом он каждый раз возвращался в Лондон, и пустой дом очень быстро вновь одерживал над ним верх – и «в виде исключения» он снова напивался.

– А ты не мог уговорить его продать дом и переехать?

– Нет. Там родились и он сам, и его отец. Он об этом даже подумать не мог. Словом, пара лет такой жизни – и он окончательно покатился вниз по склону. Потом начались срывы, поначалу, спасибо его друзьям, преподносимые широкой общественности как результаты перенапряжения и чрезмерной работы. Ему хватило здравого смысла, чтобы понять, что

происходит, а также гордости и честолюбия, чтобы уйти, пока он еще мог сделать это, не разрушив легенды. Он пошел на все, даже лег в лечебницу. Потом я забрал его и увез сюда, чтобы окончательно убедиться, что с ним все в порядке, и дать ему отдохнуть. Теперь он умирает от желания вернуться, но я-то знаю, что он ни за что не станет возвращаться, пока есть хоть малейшая опасность, что все начнется заново. – Макс вздохнул. – Я думал, все уже в прошлом, но теперь даже не знаю. Понимаешь, дело тут не только в силе воли. Не презирай его.

– Я понимаю. И как я могу его презирать? Я его люблю.

– Отличительная особенность Люси Уоринг. Любить вопреки всему и без всяких причин. Нет-нет, я не смеюсь над тобой, боже сохрани... А ты мне скажешь кое-что?

– Что?

– Там, на пляже, ты имела в виду именно то, что сказала? Этот внезапный, почти небрежный вопрос застал меня врасплох.

– На пляже? Когда? Что я сказала?

– Я прекрасно понимаю, что твои слова не предназначались для моих ушей. Мы как раз начали подниматься по лестнице вверх.

Наступила тишина. В камине с тихим треском упало и рассыпалось черными светящимися угольками полено.

– А не слишком ли о многом ты спрашиваешь? – с трудом выдавила я, наконец.

– Прости, ужасно глупо с моей стороны. Забудь. Боже, ты права, вечно я выбираю самый неподходящий момент.

Он наклонился к огню, взял кочергу и принялся сгребать дрова в кучку. Я глядела на его профиль, и меня охватил приступ смущения и вместе с тем досады на Макса, на его бестолковость. Ну зачем ему понадобилось спрашивать? Сейчас я не могла бы сказать ни слова, даже если бы попыталась.

Из груды разворошенных кочергой углей вспрыгнул вдруг язычок пламени. Огонь мгновенно перекинулся на соседнее полено и осветил лицо Макса, на миг выхватив из полумрака следы ночных тревог, боли и напряжения, нахмуренный лоб, так похожий на лоб его отца, твердые, выразительные скулы, решительный рот. И та же короткая вспышка озарила для меня кое-что другое. Это я вела себя глупо, а не он. Если человек задает какой-то вопрос, то, значит, ему очень надо знать ответ. И с какой стати он должен ждать и выдумывать какие-то новые слова, чтобы снова задать этот вопрос в «момент», который покажется мне более «подходящим»?

И я сказала – просто и без прикрас:

– Знаешь, спроси ты меня об этом три часа назад, наверное, я бы ответила, что ты мне даже и не нравишься вовсе, и... наверное, я сама в это верила... по-моему... А теперь ты сидишь тут напротив и смотришь на меня, всего лишь смотришь – вот так, – и у меня все кости плавятся, и это нечестно, такого со мной раньше никогда не случалось, и я для тебя

пойду на что угодно, и ты это знаешь, иначе не стал бы... Нет, послушай, я... я не то имела в виду... ты сам меня спросил...

На этот раз поцелуй вышел лучше – ничуть не менее захватывающий дух, зато, по крайней мере, мы находились на суше, в тепле и знали друг друга на целых два часа дольше...

Откуда-то из тени раздался резкий щелчок и какое-то жужжание. В одно мгновение мы очутились в ярде друг от друга.

– Ку-ку, ку-ку, ку-ку, ку-ку, – проворковал тихий, певучий голосок, и снова наступило молчание.

– Чертовы часы! – взорвался Макс, но потом расхохотался. – Вечно пугают меня до полусмерти. Звук у них, как будто кто-то подкрадывается с винтовкой в руке. Прости, я тебя не слишком резко уронил?

– Чуть не на пол, – дрожащим голосом отозвалась я. – Уже четыре часа, мне пора идти.

– А не можешь еще чуть-чуть подождать? Нет, послушай, есть еще кое-что, что тебе следует знать. Постараюсь уложиться покороче. Может, снова присядешь рядом со мной? Не обращай внимания на эти часы, они вечно спешат. – Он приподнял бровь. – Почему ты на меня так смотришь?

– Для начала, – сказала я, – люди обычно не подпрыгивают до потолка, услышав звук, похожий на щелканье затвора автомата. Разве что ожидают, что этот самый автомат на них наведен. А ты ожидал?

– Все может быть, – весело согласился он.

– Боже праведный! Тогда я уж точно остаюсь – хочу услышать все до конца! – И я села, скромно оправляя вокруг себя складки шелка. – Продолжай.

– Минутку, только дров подкину. Тебе тепло?

– Да, спасибо.

– Не куришь? И никогда не курила? Благоразумная девочка. Ну...

Макс уперся локтями в колени и снова уставился в огонь.

– Не знаю толком, с чего начать, но постараюсь говорить покороче. Подробности узнаешь позже. Расскажу только о том, что произошло сегодня ночью, а особенно, что произойдет завтра – то есть уже сегодня, – потому что, если ты не против, я хочу, чтобы ты мне помогла. Но чтобы все было ясно, придется вернуться к самому началу этой истории. Полагаю, ты можешь сказать, что все началось с Янни Зоуласа, – во всяком случае, я начну с него.

– Так значит, это правда? Он был контрабандистом?

– Да, правда. Янни регулярно возил товар – всякая контрабанда называется «товаром» – к албанскому побережью. Ты совершенно верно догадалась насчет сообщника – у него и в самом деле имелся сообщник на другой стороне, некий человек по имени Мило, а над ним стояли еще люди, которые привозили товар и платили ему: но не я. Тут ты ошиблась. Ну а теперь, что тебе известно про Албанию?

– Да практически ничего. Я хотела почитать о ней перед тем, как поехать сюда, но почти ничего не смогла найти.

Знаю, конечно, что это коммунистическая страна и на ножах с соседями: с одной стороны – с Югославией Тито, а с другой – с Грецией. Я так поняла, что страна довольно бедная, обрабатываемых земель мало, а промышленности почти нет, одни деревушки, влачащие полуголодное существование, как иные греческие. Не знаю там никаких других городов, кроме Дурреса на побережье и Тираны, столицы, но, насколько я поняла, к концу войны они жили еще в каменном веке, а потом очень много работали и искали помощи. Тогда-то туда и вошел СССР, верно?

– Да. Он стал снабжать Албанию разными инструментами, тракторами, семенами и так далее – всем, что было нужно, чтобы восстановить сельское хозяйство после войны. Однако тут не все так просто. Не стану сейчас вдаваться в подробности – собственно говоря, я и сам-то в них не очень разбираюсь, – но через несколько лет Албания рассорилась с Россией и порвала с Коминтерном, а поскольку все еще отчаянно нуждалась в помощи (и поддержке против России), то обратилась к коммунистическому Китаю, а тот, и сам находясь в ссоре с Россией, с восторгом принял, как недавно Советы, разыгрывать перед Албанией добрую фею-крестную – вероятней всего, для того, чтобы хотя бы одной ногой утвердиться у задней двери в Европу. Ситуация и по сей день остается примерно такой же, и теперь Албания накрепко закрыла границы для всех, кроме Китая. Ты не можешь туда ни войти, ни тем более выйти.

– Как отец Спиро?

– Полагаю, он и не хотел. Но он как бы подводит нас к следующему пункту истории, а именно к Спиро. Наверное, ты уже слышала про нашу связь с Марией и ее семьей?

– Отчасти. Адони мне рассказывал.

– Во время войны мой отец был тут, на Корфу, и некоторое время работал вместе с отцом Спиро – насколько я понимаю, довольно диким типом, но очень самобытным и трогательным. Во всяком случае, он затрагивал романтическую жилку моего отца. – Макс усмехнулся. – Надо понимать, они неплохо ладили. Когда родились близнецы, отец стал им крестным. Ты, наверное, не знаешь, но тут к отношениям такого рода относятся весьма серьезно. Крестный отец и в самом деле возлагает на себя большую ответственность – в будущем ребенка он значит примерно столько же, сколько родной отец, а иногда и больше.

– Я так и поняла со слов Адони. По крайней мере, очевидно, что твой отец имел решающее слово в выборе имен для детей!

Макс засмеялся.

– Это точно. Остров Корфу уже и в те дни не вылезал у него из головы. Слава богу, что я родился в Лондоне, не то, боюсь, ничто не спасло бы меня от имени Фердинанд. Ты была бы сильно против?

– Сильней некуда. Фердинанд всегда приводит мне на ум какого-то особенно противного быка. А как, кстати, твое

полное имя? Максимилиан?

– Хвала небесам, нет. Максвелл. Это мама меня так назвала.

– Надо понимать, тебе достался крестный отец без осложнений?

Он усмехнулся.

– Совершенно верно. В лучшей английской манере подарил мне серебряную ложечку и исчез из моей жизни. Но на Корфу этот номер не пройдет. Когда отец Спиро исчез, папа в буквальном смысле слова остался с его семьей на руках.

– Значит, когда это произошло, он был еще здесь?

– Да. Он ненадолго задержался после войны и все это время чувствовал себя в той или иной степени ответственным за семью Марии, как если бы и правда был греком. У нее ведь нет никакой родни, так что после исчезновения мужа они с детишками были бедны как церковные мыши. Отец стал заботиться о них и, даже вернувшись на родину, каждый месяц посылал им деньги.

– Боже праведный! Но ведь имея на руках родных детей...

– Он как-то умудрялся справляться. – Голос Макса внезапно помрачнел. – Видит бог, мы были не богаты, а жизнь актера и в лучшем-то случае чертовски непостоянна, но знаешь, иногда даже пугает, как мало требуется греческой семье, чтобы совсем неплохо сводить концы с концами. Отец полностью содержал их, пока Мария не вышла на работу, и даже потом еще как-то поддерживал, пока близнецы поне-

многу не начали зарабатывать. – Он вытянул ногу и концом ботинка запихнул полено глубже в слой пылающих углей. – Мы почти каждый год приезжали сюда на каникулы, так я и выучил греческий, а близнецы – английский. Мы чудесно проводили время, и отец очень любил бывать здесь. Я признателен судьбе, что в трудный час смог отвезти его в такое место, как это... Все равно что иметь про запас еще одну семью. Это помогло ему гораздо больше всего остального – чувствовать, что ты кому-то нужен.

– Силы небесные, да он нужен тысячам людей! Но я понимаю, это другое дело. Так значит, он вернулся сюда в поисках покоя и отдыха для души, а тут как раз погиб Спиро. Должно быть, для него это было тяжелым потрясением.

– Самое худшее состояло в том, что Мария никак не могла поверить, что ее сын мертв. Она не переставала умолять отца выяснить, что с ним произошло на самом деле, и привезти его назад. Судя по всему, она вознесла святому Спиридону особую молитву и просто не могла поверить, что Спиро утонул. Вбила себе в голову мысль, будто он последовал за своим отцом и его можно вернуть домой.

Второй окурок полетел вслед за первым, ударился о железную решетку и отскочил обратно на пол перед очагом. Макс поднялся, подобрал окурок, сунул его в огонь и остался стоять, прислонившись плечом к высокой каминной полке.

– Конечно, с ее стороны это было совершенно безосновательно и безрассудно, особенно после рассказа Мэннинга,

но ведь матеря не всегда слушают доводы разума, и потом, оставался еще крошечный шанс, что бедняге и в самом деле удалось выплыть. Мой отец был не в состоянии сам заняться этим, и я знал – ни он, ни Мария не обретут душевного спокойствия, пока не будут твердо знать, что случилось с телом Спино. Поэтому я взял это на себя и начал наводить справки везде, где только мог, чтобы, в первую очередь, выяснить, куда его вынесло на берег, живого или мертвого. Попросил одного знакомого в Афинах постараться как-нибудь раздобыть информацию с албанской стороны. Словом, я делал все, что мог, но без результата. Спино никто и нигде не видел, ни на греческом побережье, ни на албанском.

– А я-то еще читала тебе нотации про то, что надо помогать другим, – произнесла я. – Прости.

– Ну, ты же не могла знать, что это дело касается и меня.

– Да, я скорее решила бы, что это дело Годфри.

– Пожалуй. Но местные греки были твердо убеждены, что искать Спино – наша задача, отца или меня. Так что полиция держала с нами связь, и мы знали, что получаем всю информацию по делу. И когда Янни Зоулас вышел в ночь субботы в обычную контрабандную вылазку и действительно получил от своего албанского сообщника новости о Спино, то сразу отправился к нам. По крайней мере, почти сразу. Вечером в воскресенье ты как раз видела, как он шел сюда.

Я так и подскочила на стуле.

– Новости о Спино? Хорошие?

Но я уже знала ответ прежде, чем Макс успел открыть рот. Глаза его так блестели, что мне сразу вспомнилось, как светился Ад они, глядя на меня на лестнице.

– О да. Янни пришел к нам, чтобы сказать, что Спиро жив.

– Макс!

– Да, я знаю. Можешь себе вообразить, что мы испытали. Его вынесло на албанское побережье, со сломанной ногой и на последнем издыхании, но он выжил. Нашли его простые береговые жители, пастухи, и они не видели причин сообщать о своей находке в государственную полицию или как там она у них называется. Большинство тамошнего населения знает про контрабанду, и, насколько я понимаю, эти люди решили, что Спиро тоже как-то в ней замешан, поэтому предпочли помалкивать. Более того, они сообщили местному контрабандисту, который – само собой – знал Мило, сообщника Янни, а тот в субботу пересказал новости самому Янни.

– О, Макс, но это же чудесно! Правда! Янни его видел?

– Нет. Сообщение пришло через третьи руки. Мило не очень-то силен в греческом, так что Янни услышал от него лишь голые факты и настоятельную просьбу, которую Спиро как-то ухитрился ему втолковать, чтобы никому, даже Марии, не говорили о том, что он жив. Только мне, моему отцу и Адони – людям, которые уж как-нибудь сумеют его оттуда вытащить. – На миг Макс умолк. – Что ж, мы, разумеется, не могли обратиться в полицию и вытащить Спиро нормаль-

ным путем, не то у его спасителей, не говоря уже о Янни и Мило, возникли бы серьезные неприятности. Поэтому Янни назначил встречу, чтобы на следующую ночь привезти Спи-ро домой.

– И вчера вечером, когда поехал туда, наткнулся на береговую охрану и был ранен?

Макс покачал головой.

– Он не мог поплыть на встречу один: вытащить бедного мальчика – задача не для одного человека. Не забывай, он ведь в лубках и не может сам ходить. Нет, вечером в воскресенье Янни попросил меня отправиться вместе с ним. Встречу назначили на сегодняшнюю ночь. Мило с другом должны были привезти Спи-ро, а мы с Янни – забрать его. Так что, сама понимаешь...

Я уже не слышала, что он там говорит. Наконец-то все сложилось воедино, и я могла лишь дивиться своей тупости, не давшей мне раньше понять все до конца. Глаза мои невольно уставились на забинтованное запястье Макса. Пред мысленным взором вихрем пронеслись все события этой ночи: то, как он старался пробраться через лес никем не замеченным, мое впечатление, будто мимо прошел не один человек, уха-нье совы, оживленное лицо Адони...

Я вскочила на ноги.

– Добыча! Адони и добыча! Ты взял Адони и вместе с ним отправился на сегодняшнюю встречу! Ты хочешь сказать, что все уже сделано? Вы действительно привезли Спи-

ро домой?

Глаза его смеялись.

– Именно. И сейчас он здесь, слегка вымотавшийся, но живой и почти здоровый. Я же говорил тебе, что наша ночная работа многого стоит.

Я снова плюхнулась на стул.

– Просто не верится. Это... это же чудесно! Ох, какую великолепную свечу сможет зажечь Мария на нынешнюю Пасху! Подумай только о Марии, Миранде, сэре Джулиане, Годфри, Филлиде... Как же все будут счастливы! Не могу дождаться дня, чтобы своими глазами увидеть, как разлетается кругом эта новость!

Лицо его мгновенно погасло. Наверное, виной тому была лишь игра моего воображения, но мне показалось, будто даже веселое пламя в очаге потускнело.

– Боюсь, – мрачно произнес Макс, – эту новость рано обнародовать. Пока еще рано.

– Но... – я осеклась в полном изумлении, – а как же его мать и сестра? Почему, во имя всего святого? Он ведь уже дома, в безопасности. За пределами Албании ему нечего бояться. И вовсе ни к чему впутывать в это дело Мило – можно никому не говорить, что Спиро вообще ступал на албанскую землю. Придумаем какую-нибудь историю...

– Я думал об этом. Скажем, что его выбросило на один из островков в проливе и он ухитрился привлечь наше внимание, когда мы ездили ловить рыбу. Такой рассказ не обманет

ни греческую полицию, ни доктора, но для общего успокоения и очистки совести вполне сойдет. Однако дело не в этом.

– Тогда в чем же?

Он заколебался, а потом медленно сказал:

– Возможно, Спиро все еще угрожает опасность. Не с той стороны, а здесь. То, что коснулось его, коснулось и Янни. И вот Янни мертв.

Что-то в его лице – его явное нежелание говорить – испугало меня. Я вдруг поймала себя на том, что непроизвольно начала яростно протестовать – пожалуй, слишком яростно, как будто могла тем самым прогнать нежеланное знание прочь.

– Но мы ведь знаем, что случилось со Спиро! Он упал за борт яхты Годфри! Как ему может грозить еще какая-то опасность? А смерть Янни была несчастным случаем! Ты же сам так сказал!

Наконец я замолчала. Стояла столь напряженная тишина, что было слышно сумасшедшее тиканье часов с кукушкой и шелест шелка, когда мои руки судорожно вцепились в колени.

– Продолжай, – тихо попросила я. – Говори начистоту, уже можно. Ты намекаешь, что Годфри Мэннинг...

– Я ни на что не намекаю. – Голос его был резок, чуть ли не груб. – Я говорю прямо. Так и есть. Годфри Мэннинг выбросил Спиро за борт и оставил тонуть.

Снова тишина, но уже совсем другая.

– Макс, я... я не могу в это поверить. Прости, но это невозможно.

– Это факт, не больше и не меньше. Так говорит Спиро. Ты забыла, что я с ним уже разговаривал. Он это говорит, и я ему верю. У него нет причин лгать.

Секунды скользили прочь одна за другой. Теперь, решив рассказать мне все, Макс забрасывал меня фактами, как камнями. И они ранили, как настоящие камни.

– Но – зачем?

– Не знаю. Спиро тоже не знает. И это, как подумаешь, придает его рассказу еще больше правдоподобия. У него не было никаких причин выдумывать подобную историю. Он ошарашен случившимся не меньше тебя и меня. – И Макс добавил, уже мягче: – Прости, Люси, мне очень жаль, но, боюсь, это правда.

Минуту или две я сидела молча, не думая, а просто уставившись на руки, вертя на пальце огромный бриллиант и следя, как дробятся и играют на мелких гранях отсветы пламени. Оцепенение медленно начало слабеть, и я снова обрела способность думать.

– А ты уже подозревал Годфри раньше?

– Нет, – пожал плечами Макс, – с какой стати? Но, получив от Янни то сообщение, я сильно удивился, что нельзя говорить Годфри. В конце-то концов, держать новости в тайне от матери и сестры Спиро – это еще казалось разумным, потому что они были бы так счастливы, что могли выдать себя

прежде, чем Янни все уладит. Но Годфри – дело другое. Все думали, что он принимает судьбу Спирос близко к сердцу, и потом, у него яхта гораздо лучше моей моторки. Более того, он опытный моряк, а я нет. Я бы ожидал, что его скорее позовут на выручку, чем меня или Адони. Не так уж много, но все это заставило меня призадуматься. А потом, когда после странного предупреждения Спирос на следующее же утро Янни нашли мертвым, я начал задумываться еще сильнее.

– Но не предполагаешь же ты, – начала я, – не можешь же ты предполагать, что это Годфри убил Янни Зоуласа? Макс...

– То, что я рассказал тебе про Спирос, – факт. Что же случилось с Янни – лишь догадки. Но на мой взгляд, одно убийство следует за другим, как ночь за днем.

– Убийство.

Не знаю, произнесла ли я это слово вслух, но Макс кивнул.

– Я более чем уверен в этом. Один и тот же метод. Янни сильно ударили по голове и выкинули в море. А бутылка джина, по-моему, была отличным дополнительным штрихом.

– Он ведь ударился о гик. Полиция сказала, там были волосы и...

– Его вполне могли ударить о гик во второй раз. Кто угодно может ударить потерявшего сознание человека о такой удобный кусок дерева – достаточно твердый, чтобы убить жертву, перед тем как выкинуть ее в море, и уж тем более достаточно твердый, чтобы скрыть следы первого удара. Я не

преподношу это как законченную теорию, говорю лишь, что так вполне могло быть.

– А зачем ты возвращался к телу после нашего ухода?

– Когда Янни покинул нас в воскресенье вечером, я слышал, как его лодка выходит в море, и удивился, неужели ему хватило глупости, чтобы отправиться обратно на свой страх и риск и встрять в проблемы с пограничниками. Поэтому можно было ожидать, что у него обнаружится пулевое ранение или еще что-нибудь эдакое, из-за чего начнется серьезное расследование. Я ужасно беспокоился, как бы власти не начали особенно активно патрулировать местные воды прежде, чем я доставлю Спиро домой в целости и сохранности.

– Понятно. А твое запястье – тоже работа пограничников?

– Да, шальная пуля, и к тому же единственная. Честно, всего-навсего царапина – покажу ее доктору, когда повезу Спиро лечить ногу. Должно быть, они что-то услышали и выстрелили наугад. Мы были уже почти вне досягаемости выстрелов, и их прожекторы нас тоже не достали бы.

– Полагаю, – устало произнесла я, – ты знаешь, что говоришь, но мне все это кажется слишком... слишком невероятным. Я в этой истории вообще ничего не понимаю – с самого начала.

– Бог ты мой, а кто понимает? Но повторяю тебе, насчет Янни это все сплошные догадки и нет смысла обсуждать их сейчас. Первым делом надо снова поговорить со Спиро.

Пока он успел только сообщить мне голые факты. Прежде чем решать, что предпринять дальше, хотелось бы послушать остальное. Наверное, он уже достаточно пришел в себя, чтобы рассказать нам точно, что же там все-таки произошло. Возможно, он сам не сознает, но у него вполне могут иметься какие-то ключи к ответу на вопрос, зачем Мэннинг пытался его убить. Тогда это может пролить свет и на гибель Янни. И на то, из-за чего понадобилось совершать два убийства подряд. – Макс резко выпрямился. – Словом, сама понимаешь, необходимо передать бедного мальчика в руки властей, но так, чтобы у Годфри не зародилось даже тени подозрения, что Спиро не разделил участи Янни. Хочешь пойти и повидаться с ним?

Я удивленно поглядела на него:

– Я? Ты хочешь, чтобы я пошла с тобой?

– Если ты не против. Говорю же, я хочу, чтобы ты помогла мне, и – если согласишься – тебе лучше знать про все это столько же, сколько знаем мы.

– Конечно. Сделаю все, что смогу.

– Милая. Ну, пойдем. Нет, перестань глядеть на меня такими глазами и не волнуйся. Все это, как ты сказала, действительно совершенно невероятно, но когда попадаешь в такую ситуацию, приходится принимать условия игры. Сейчас мы должны больше всего заботиться о безопасности, а в настоящий момент это значит – поверить Спиро. Хорошо?

Я кивнула, насколько могла кивнуть, уютно припав лицом

к его плечу.

– Тогда слушай. Как я понимаю, в первую очередь мне необходимо утром же отвезти паренька в Афины, в больницу, а потом в полицию. После того как он расскажет там свою историю, ему можно будет вернуться домой и ничего не бояться. – Макс отпустил меня. – Ну что, идем?

– Где он?

Макс рассмеялся.

– Прямо у нас под ногами, в самой что ни на есть готической, но весьма надежной темнице, а Адони несет над ним стражу, вооружась одной из исправных винтовок этого чертового арсенала Лео. Пойдем же. Прямо под часы с кукушкой и направо – выйдешь к темнице!

ГЛАВА 12

*Мой погреб в скале на берегу моря:
там я запрятал вино.*

У. Шекспир. Буря. Акт II, сцена 1

Сразу же за дверью начинались уводящие вниз широкие каменные ступени. Макс коснулся выключателя, и путь нам осветил слабый желтоватый свет. За спиной затворилась тяжелая дверь, и я услышала, как поворачивается ключ в замке.

– Я пойду первым, ладно?

Я последовала за Максом, с любопытством оглядываясь по сторонам. Виденные мной до сих пор помещения Каstellо заставляли ожидать от подвала бог весть каких ужасов, и вряд ли я удивилась бы, обнаружив свисающие со стен на цепях полуистлевшие скелеты. Однако подземный коридор, куда привели нас ступеньки, оказался совершенно безобиден и ничем не примечателен, если не считать обрамлявших просторный проход стеллажей для вина, по большей части пустых. Пол и стены прямо-таки поражали своей удивительной чистотой и полным отсутствием пыли и паутины – неизменных атрибутов подобного места в Англии. Воздух пах свежестью и чуть-чуть влагой.

Я сказала об этом Максу, и он кивнул:

– Через несколько минут сама увидишь почему. Вообще-то у нас здесь винный погреб, но дальше он переходит в естественные пещеры. Не знаю, где они открываются на поверхности – наверное, отверстие не больше каминной трубы, – но воздух тут всегда свежий, и чувствуется запах моря. Внизу тоже стоят стеллажи для вина. В прошлом веке, когда было принято выпивать по четыре бутылки в день, для погреба требовалось много места. Во всяком случае, когда хозяева построили Каstellо, им, должно быть, показалось самым естественным воспользоваться пещерами под утесом.

– Изумительно. Полагаю, твой отец говорил именно о них.

– Да. Большинство прибрежных утесов изрезано пещерами, но ему нравится думать, будто пещера Каstellо и является настоящей кельей Просперо. А когда я намекаю, что вряд ли тут когда-то имелся нормальный выход наружу, он говорит, что это не важно. Я так понимаю, что это очередная «поэтическая правда» вроде мартышек.

– Ладно тебе! Такая милая романтическая история, и я за нее горой! В конце-то концов, что такое факты? Мы получаем их каждый день... А где мы теперь по отношению к «наружи»?

– Пока еще движемся вдоль фундамента дома. Сама пещера находится под южным мысом, причем на порядочной глубине. Сейчас еще раз спустимся по лестнице, а там будет естественный проход к пещере. Погоди, вот и пришли.

Мы уже одолели две трети коридора. Макс остановился

и повернулся к одному из пустых стеллажей. Я недоуменно наблюдала за ним. Он ухватился за полку, на взгляд ничем не отличающуюся от остальных выступов каменной стены, и изо всех сил потянул за нее. Узкий кусок стены вдруг поддался – тяжело и отнюдь не бесшумно – и выехал в проход. За ним темнел, уходя во мрак, вертикальный проем.

– Боже мой! – воскликнула я, и Макс засмеялся.

– Правда здорово? Говорю же тебе, в Каstellо есть все! Говоря начистоту, у меня имеется сильное подозрение, что старый Форли хранил лучшие вина именно здесь, подальше от дворцового... Теперь осторожней, дальше электричества нет. Я захватил фонарик – вот, поддержи, пожалуйста, минутку, пока я закрою за нами дверь. Да не гляди так испуганно!

– А она не захлопнется и не замурует нас тут навсегда, пока наши кости не побелеют?

– Как ни жаль, даже до утра не замурует. Сюда. Дай мне фонарик, пожалуйста. Я пойду впереди.

Второй пролет ступенек, заметно круче первого, был, судя по всему, сделан не из гладких плит, а вырублен в самой скале. От подножия лестницы, уводя вниз и теряясь во тьме, вился прорезанный в каменной толще проход. Макс пошел вперед, освещая путь фонарем. Стены поблескивали от сырости, свежий воздух повеял сильнее и стал ощутимо соленей, а каменные своды над нами хранили – вероятно, лишь в моем воображении – слабый, отдаленный гул, похожий на шелест прибора в ракушке. В какой-то момент мне показало-

лось, будто я и вправду различаю шум моря, но это впечатление тут же исчезло. В спокойном холодном воздухе звучали лишь наши шаги по камням.

Макс повернулся ко мне. Электрический желтый свет, отбрасывавший кругом резкие тени, на мгновение превратил его лицо в лик незнакомца. Тень его, искривленная и огромная, прыгала по неровной стене.

– Далеко еще?

Голос мой звучал как-то непривычно, словно эхо шепота в гулком зале.

– За угол, – ответил Макс, – и вниз по пяти, нет, шести ступенькам... Ага, а вот и сторожевой пес.

Луч фонаря высветил бледное пятно запрокинутого лица и голубовато-стальной блеск на дуле ружья.

– Адони? Это Макс. Я привел с собой мисс Люси. Он в порядке?

– Да, сейчас ему лучше. Он проснулся.

За спиной Адони висела занавеска из какой-то грубой ткани вроде мешковины, а снизу пробивался тусклый теплый свет. Адони отдернул занавеску передо мной и отступил в сторону. Макс выключил фонарик и жестом пропустил меня вперед. Я вошла в пещеру.

Она оказалась большой. Высокие сумрачные своды тонули в тенях, откуда, точно сосульки, свисали сталактиты, но стены до высоты шести – восьми футов были выбелены и заняты винными стеллажами, рамами и уютными округлы-

ми бочонками. Один из этих бочонков, поставленный вертикально, образовывал стол. Водруженная на него старинная лампа года этак 1850-го – должно быть, одолженная из того же музея древностей наверху – распространяла вокруг нежно-оранжевый свет и радовала душу поблескиванием меди. Воздух был согрет стоявшей посреди комнаты прямо на полу керосинкой с кастрюлькой кофе. Откуда-то из тени доносилось мерное капанье: с одного из сталактитов в выбоинку в камне сочилась свежая вода. Звук этот казался мирным и домашним, как протекающий кран. Аромат кофе и сигарет, неяркий огонек керосинки еще больше усиливали неожиданный эффект уюта и спокойной расслабленности.

В дальнем углу пещеры на вбитых в стену рамах была устроена кровать, хоть и самодельная, но заманчиво мягкая и удобная на вид: два брошенных один на другой пружинных матраса, груда покрывал и пуховых подушек и огромнейшее стеганое одеяло.

Там-то и лежал Спиро, облаченный в нечто весьма смахивающее на пижаму сэра Джулиана (бледно-голубой шелк с алой отделкой). Он выглядел вполне спокойным и почти здоровым. Подставка из подручных материалов поддерживала одеяло, чтобы оно не давило на больную ногу.

Он поднял на нас глаза поверх чашки, слегка удивился при виде меня и метнул на Макса быстрый вопросительный взгляд. Макс ответил ему по-английски:

– Это сестра кириа¹⁶ Форли. Она мой друг. И твой тоже. Она собирается помочь нам, и я хочу, чтобы она послушала твой рассказ.

Спиро внимательно, но без особой доброжелательности посмотрел на меня. Круглые черные глаза, удивительно похожие на глаза его сестры, глядели настороженно и оценивающе. Я, конечно, узнала в нем того паренька с фотографий, но лишь отдаленно. Те же густые пружинистые волосы, те же крепкое тело, те же сильные плечи и широкая шея – но ощущение здоровья и солнечного света (и счастья!) исчезло. Он был бледен, а пижама делала его особенно юным и трогательно-беззащитным.

Макс подвинул ко мне какой-то ящик вместо стула.

– Как ты себя чувствуешь? – спросил он паренька. – Болит?

– Нет.

В этой очевидной лжи не сквозило и тени бравады. Все было ясно и так. Просто человек не желает признаваться в слабости, а боль – одно из ее проявлений.

– Он немного поспал, – сообщил Адони.

– Вот и славно.

Макс примостился на краешке бочонка рядом с лампой. Его тень, огромная и черная, повисла на сводах пещеры. Минуту-другую он внимательно разглядывал младшего из двух друзей, а потом обратился к нему:

¹⁶ Кириа – госпожа (*греч.*).

– Если тебе уже лучше, мне бы хотелось, чтобы ты рассказал нам точно, что с тобой приключилось. И на этот раз, пожалуйста, со всеми подробностями.

– С чем, с чем?

– Все, что сможешь вспомнить, – пояснил Макс, а Адони тихонько добавил что-то по-гречески.

– Хорошо.

Спиро допил кофе и, не глядя, протянул чашку Адони. Тот взял ее, тихо отнес в сторонку, а потом снова вернулся к кровати и примостился на краешке, свернувшись, грациозно, как кошка, поближе к голове и подальше от больной ноги. Достав из кармана две полученные от Макса сигареты, он засунул в рот обе сразу, раскурил и передал одну Спиро. Спиро взял ее, не удостоив Адони ни словом, ни взглядом, но, в отличие от его обращения со мной, здесь не чувствовалось ни замкнутости, ни отстраненности, ни недружелюбия. Сразу было видно, что эти два молодых человека знают друг друга так хорошо, что слова им почти не нужны. Они сидели бок о бок, опершись о грудь подушек, – Адони, грациозный и непринужденный, и Спиро, привыкший и настороженный, нервно затягивающийся и прячущий сигарету в кулаке, как делают простолюдины.

Он бросил еще один внимательный взгляд в мою сторону и больше не обращал на меня ни малейшего внимания, всецело сосредоточившись на Максе, как будто тот собирался судить его – сразу и судья, и спаситель, и истина в последней

инстанции. Макс же слушал, не двигаясь, замерев на месте. Его огромная горбатая тень протянулась через пол на стену и выше – до середины сводчатого потолка пещеры.

Спиро рассказывал медленно, на лице его все явственней проступали следы утомления и подавленности. Почему-то я совершенно не помню, на каком языке он говорил: то ли он хорошо владел английским, то ли Макс и Адони переводили по ходу дела – подозреваю, что, скорее всего, второе. Но как бы там ни было, рассказ струился живо и образно, наливаясь яркими красками в этом темном погребке, где светила тусклая лампа и пахло табачным дымом, с которым смешивалось слабое благоухание, исходившее от шелкового халата Джулиана Гейла, а два юноши свернулись калачиком на груде одеял и подушек.

Наверное, эта странная, непривычная обстановка, поздний час, усталость и недавний эмоциональный всплеск, связанный с Максом, каким-то образом обострили мое восприятие, но впоследствии вся эта сцена всегда казалась мне всего лишь сном. И в этом сне я обнаружила вдруг, что полностью поверила в вину Годффри и хотела теперь только услышать, как именно он совершил свое преступление. Наверное, завтра, при свете дня, дело обретет другой оттенок, однако теперь чудилось, что самое невероятное может обернуться правдой, даже теория старого актера, будто эта пещера – келья Просперо и здесь, на этом грубом полу, неаполитанские лорды ждали, чтобы услышать историю давно

утонувшего герцога, как я сейчас ждала услышать историю Спиро.

Он сказал, что в том ночном плавании ничто не показалось ему странным или необычным. Разве только слегка удивило, что небо было не совсем ясным и, судя по сообщениям радио, на рассвете могло заштормить. Он сообщил об этом Годфри, но тот ответил – пожалуй, излишне резко, – что еще распогодится. Они вывели лодку и вышли в море незадолго до двенадцати. Как и предвидел Спиро, ночь была темной и ветреной, но он не стал больше указывать на это Годфри, который оставался в каюте, сославшись на необходимость заняться камерой и оборудованием.

– Он казался таким же, как всегда? – спросил Макс.

Спиро нахмурился, обдумывая вопрос.

– Не могу сказать, – ответил он наконец. – Он был молчалив и, возможно, немного резок со мной, когда я возразил насчет погоды, но он весь день был такой. Я решил, он все еще сердится на меня за то, что утром я без разрешения зашел в элинг посмотреть яхту, поэтому я ничего не сказал и ничего такого не подумал. Он платит мне, и дело с концом.

– Все равно это может оказаться интересным, – медленно произнес Макс. – Но пока давай продолжай. Вы вышли в пролив, и ночь была темной.

Спиро сделал быструю затяжку и неловко оглянулся – нога стесняла его движения, – собираясь стряхнуть пепел на

пол. Адони вытащил из-под пустой кофейной чашки блюдце и поставил его так, чтобы Спиро было удобно дотягиваться.

– По моим подсчетам, мы были примерно на полпути, – продолжил Спиро, – в проливе между Коулоурой и материком. А когда приблизились к Перистеройским островам, море довольно сильно разгулялось – видны были белые барашки на волнах. Я спросил мистера Мэннинга, не лучше ли нам ненадолго лечь в дрейф с подветренной стороны и подождать, пока не прояснится – ветер дул порывами и время от времени в разрывах между облаками виднелись звезды, – но он сказал, нет, плывем дальше. Ну, мы поплыли и проплыли еще, по моим подсчетам, мили две. Тогда он вышел из каюты и послал меня приготовить кофе. – Паренек покосился на Макса из-под густых бровей. – Камера лежала там, на столе, но не думаю, что он и вправду ее осматривал, потому что свет не горел, только слабая штормовая лампа. В то время я об этом как-то не подумал – когда мы выезжали ночью фотографировать, то, само собой, всегда плыли без света. Но потом, все это время, пока я валялся в постели и мне было больше нечего делать, кроме как думать и гадать... вот тогда-то я вспомнил все, что показалось мне странным в тот вечер. Странно, что мы вышли фотографировать в такую темную ночь; странно, что он солгал насчет камеры; а страннее всего то, что произошло дальше.

Адони усмехнулся:

– Знаю, мотор заглох. И что в этом странного после того,

как утром ты разобрал его на куски, мой маленький гений?

Спиро в первый раз улыбнулся и произнес по-гречески что-то, что никто не удосужился мне перевести.

– Если бы такое случилось, – добавил он с восхитительной простотой, – это было бы и впрямь очень странно. Но этого не произошло.

– Но ты же сам говорил...

– Я сказал, что мотор остановился. Я не говорил, что он заглох. С мотором было все в порядке.

Макс зашевелился.

– Ты, разумеется, в этом полностью уверен.

Юноша кивнул.

– Не нужно быть гением по части моторов, чтобы понять, что там ничего плохого не произошло. Даже ты, – ехидный взгляд в сторону Адони, – даже ты разобрался бы, мой красавчик. – Он увернулся от тычка Адони и засмеялся. – Ну давай, ударь меня, уж сейчас-то это у тебя получится.

– Я подожду, – пообещал Адони.

Спиро снова повернулся к Максу.

– Нет, мотор был в полном порядке. Слушайте дальше. Мотор, значит, замолчал, а потом мистер Мэннинг окликнул меня. Я высунул голову в дверь и закричал, что сейчас посмотрю, в чем дело – моторный люк, сами знаете, находится под лесенкой к каюте. Но он сказал: «Не думаю, Спиро, что дело в самом моторе. Скорее всего, что-то намоталось на винт и остановило его. Ты не взглянешь?» Я пошел на корму.

Он стоял там же, у румпеля, и сказал: «Осторожней, мальчик, яхту здорово качает. Давай я тебе посвечу». Я протянул ему фонарик и нагнулся проверить, не намоталось ли что-нибудь на винт. Палубу качало, поручень был мокрый, но я крепко держался. Со мной ничего бы не случилось.

Юноша замолк и заворочался на постели – похоже, его сильно донимала боль в сломанной ноге. Адони соскользнул на пол, подошел к ящику, на котором стояла бутылка и два пустых стакана, налил в один из них немного вина – оно напоминало с виду тот темный сладкий напиток, который в Греции называют demetrica, – и сунул его другу, а потом вопросительно покосился на Макса. Тот покачал головой. Адони поставил бутылку на место и вернулся на кровать, с кошачьей грацией приспособившись к новому положению больного.

– Все произошло очень быстро. Яхта резко качнулась, как будто мистер Мэннинг слишком быстро развернул ее против ветра. Меня швырнуло на перила, но я не выпал, потому что хорошо держался. И тут что-то вдруг ударяет меня сзади по голове. Я не оглушен, но, кажется, пытаюсь повернуться и поднять руку, а тут яхту снова подбрасывает, и не успеваю я понять, что происходит, как уже лечу в воду. Хочу ухватиться за поручень, а тот выскальзывает. Что-то бьет меня по руке, вот сюда, и я падаю. Тут же оказываюсь в воде. Выныриваю. Яхта еще близко, и я вижу на корме мистера Мэннинга, который высматривает меня во мгле. Тогда я закричал –

не громко, сами понимаете, потому что наглотался воды, замерз и ловил ртом воздух. Но он должен был услышать меня.

Спиро метнул на Макса очередной взгляд – неожиданно живой и пламенный, полный неприкрытой ненависти.

– А если и не слышал, то все равно увидел. Он включил фонарик и высветил меня в воде.

– Да? – произнес Макс.

Голос его был лишен какого бы то ни было выражения, но мне показалось, будто в подвале повеяло холодом. Адони тоже это почувствовал. Глаза его молниеносно скользнули по Максy и снова вернулись к Спиро.

– Я не боялся, сами понимаете, – продолжил Спиро, – во всяком случае, мистера Мэннинга. До меня еще не дошло, что это он меня ударил. Я думал, все вышло случайно. Нет, я не боялся. Я хороший пловец, и, хотя мотор не работал, яхту несло волнами прямо ко мне. Я снова закричал и поплыл туда. Я видел, что он сжимает в руке ручку от мотора, но еще не понимал зачем. А потом, когда я подплыл поближе, он наклонился и снова ударил меня. Но яхту качало, ему надо было держаться за поручень, и он не мог как следует посветить себе. Удар меня задел, но теперь я успел заметить и увернуться, так что он пришелся не по голове, а по руке. Должно быть, мистер Мэннинг почувствовал, что попал, но не видел куда, потому что фонарик погас, а меня подхватила и унесла большая волна. Сами понимаете, на этот раз я не сопротивлялся. Свет снова зажегся, но я не издал ни зву-

ка и позволил волне нести меня дальше в темноту. Потом я услышал, как завелся мотор. – Юноша осушил стакан и посмотрел на Макса. – Мистер Мэннинг некоторое время продолжал поиски, но течение быстро уносило меня, а волны прятали. А еще через некоторое время он уплыл на яхте и оставил меня там, в море.

Наступила тишина. Никто не двигался. Что до меня, то я все еще чувствовала себя словно во сне. Казалось, в пещере стало темнее, в ней слышался шум моря, рокот удаляющейся яхты, плеск бесконечных волн, катящихся вдаль под порывами ночного ветра.

– Но святой Спиридион был с тобой, – заметил Адони, и глубокое человеческое удовлетворение в его голосе рассеяло сгустившиеся тени.

Пещера вновь стала теплой и уютной, залитой мягким светом английской викторианской лампы.

Спиро протянул пустой стакан Адони, поудобнее завернулся в одеяло и кивнул:

– Да, он был со мной. Хочешь услышать остальное, кирие Макс? Ты ведь уже знаешь.

– Я хочу, чтобы мисс Люси послушала. Давай, только покороче. Ты устал, и уже поздно.

Конец рассказа был совершенно классическим и предсказуемым. Ему придавали правдоподобия добрых полсотни других историй, от Одиссея до святого Павла.

Убийце не повезло, что в ту ночь ветер гнал сильное те-

чение к албанскому берегу. Спиро был хорошим пловцом, а Ионическое море очень соленое, но даже при всем при этом ему вряд ли удалось бы выжить, не попади он в основную струю. Теперь же сила течения и отчаянные усилия Спиро помогли ему продержаться на плаву, пока перед самым рассветом течение не выкинуло его на берег.

К тому времени он был уже в полном изнеможении, вся энергия уходила лишь на то, чтобы держаться на воде, так что бедняге оставалось только отдаться на милость волн. Он даже не сознавал, что берег близко, но, когда очередной вал жестоко швырнул его на прибрежные скалы, Спиро хватило сил уцепиться за них и удерживаться против обратного потока раз, другой, третий, пока он не сумел выбраться из полосы прибоя и отползти чуть дальше по скользкой скале.

И тут удача покинула его. Должно быть, святой Спиридон, увидев, что его подопечный благополучно выбрался на берег, причем за пределами Корфу, резко оставил его. Спиро поскользнулся, упал на острый обломок скалы, подвернул под себя сломанную ногу и потерял сознание.

У него не осталось никаких воспоминаний о том, как его нашел старый пастух, спускавшийся с утеса за удравшей овцой. Когда Спиро очнулся, он лежал в кровати, грубой, зато сухой и теплой, в пастушеской хижине, и, похоже, пастух обладал какими-то примитивными познаниями в хирургии, потому что нога Спиро была вправлена и покоилась в лубке. Старуха протянула больному питье, от которого тот снова

заснул, а когда проснулся во второй раз, боль стала гораздо меньше и он смог вспоминать и думать...

– Остальное вы знаете.

Он внезапно зевнул, душераздирающе, как зверек, и откинулся на подушку.

– Да, остальное мы знаем. – Макс, потягиваясь, поднялся на ноги. – Что ж, тебе надо поспать. Утром – господи, уже через три часа! – я собираюсь увезти тебя отсюда. Не спрашивай как, но уж как-нибудь сумею обвести мистера Мэннинга вокруг пальца. Хочу убедиться, что твоя нога вправлена как следует, и еще хочу, чтобы потом ты рассказал свою историю властям.

Юноша поднял глаза. Усталость и недоумение придали его лицу угрюмое, тяжелое выражение.

– Властям? Полиции? Ты хочешь сказать, что обвинишь кириос Мэннинга в том, что он пытался меня утопить? На основании лишь моих слов? Они тебя засмеют.

– Проблема не только в том, чтобы обвинить мистера Мэннинга в попытке выбросить тебя за борт. Что я хочу знать, так это – зачем? Тут что-то кроется, Спиро, и это надо расследовать. Придется тебе довериться мне. Потерпи еще минутку, я хочу, чтобы ты как следует подумал. Ты ведь, пока лежал в постели, наверняка и сам много размышлял обо всем этом. Как ты думаешь, почему он это сделал? У тебя есть хоть какие-нибудь предположения? Ты ведь не воображаешь, что он это просто со зла за то, что ты осматривал мо-

тор без разрешения?

– Ну конечно нет.

– А больше ничего такого не происходило – не тогда, в какое-нибудь другое время?

– Нет. Я уже думал. Само собой, я только и делал, что думал. Нет.

– Значит, возвращаемся к утру того дня. Когда отталкиваться не от чего, приходится цепляться за любой пустяк, пусть самый незначительный, который хоть как-то выбивается из общей картины – из обычного порядка вещей. Ты всегда сам осматриваешь яхту?

– Нет, но мне уже приходилось этим заниматься. – Спиро зашевелился – наверное, болела нога. – И я уже бывал там один.

– Ты всегда сначала спрашивал разрешения?

– Разумеется.

– Однако на этот раз не спросил. Почему ты отправился работать на яхте, не спросившись?

– Потому что мистер Мэннинг сказал мне, что собирается выходить в море и хочет, чтобы я проверил мотор. Я должен был заняться этим утром после завтрака. Но я поднялся рано, поплавать, а когда вылез из воды, подумал, что могу пойти и сделать всю работу прямо сейчас. Я знал, где он держит запасной ключ, поэтому вошел в элинг, сварил немного кофе на камбузе, а потом открыл для света большую дверь и начал работать. Утро было отличное, солнце так и сияло,

настроение у меня было великолепное. Я хорошо поработал. Когда мистер Мэннинг позавтракал и спустился, я уже почти заканчивал. Я думал, он будет доволен, но он ужасно разозлился и спросил, как я сюда попал, а мне не захотелось признаваться, что я видел, куда он прячет ключ, так что я сказал, будто дверь плохо заперлась, и он поверил, потому что замок иногда заедает. Правда, он все равно был страшно сердит и сказал, что сменит замок, а тогда я тоже разозлился и спросил, уж не думает ли он, что я вор, и если думает, то пусть лучше пересчитает деньги в бумажнике, который забыл на камбузе. Как будто я их хотя бы пальцем тронул! Да, я очень рассердился! – Спиро вспомнил это с явным удовольствием. – А еще сказал ему, что сам сменю тут замок и больше ноги моей в этом доме не будет. Тогда он успокоился и сказал, что не хотел горячиться, и все снова стало хорошо.

Макс нахмурился.

– Тогда-то он и предложил тебе отправиться с ним вечером в море?

– По-моему... Да, должно быть, тогда. Раньше он говорил, что не хочет брать меня с собой, но вдруг передумал. Я решил, это оттого, что он пожалел, что так со мной разговаривал. – Юноша помолчал и наивно добавил: – Это был способ дать мне дополнительно денег, не обидев.

– Похоже на то, будто он решил взять тебя с собой и избавиться от тебя. Сам понимаешь, это имеет хоть какой-то смысл только в том случае, если он думал, что ты видел нечто

такое, чего тебе видеть не полагалось. А это значит – на яхте или в эллинге. Ну-ка, подумай хорошенько, Спиро. Было ли на яхте что-то необычное? Или в эллинге? Или в чем-нибудь, что мистер Мэннинг говорил или делал... или принес с собой?

– Нет. – Спиро с усталой выразительностью покачал головой. – Я уже думал. Ничего.

– Бумажник. Ты сказал, он оставил бумажник. Где ты его нашел?

– На полу, у плиты на камбузе. Он туда завалился, и мистер Мэннинг не заметил. Я положил его на стол в каюте.

– Там были бумаги? Деньги?

– Откуда мне знать? – Спиро снова нахохлился, точно задиристый индюшонок, но под взглядом Макса расплылся в ухмылке. – Ну ладно, взглянул одним глазком. Там были деньги, но сколько, не знаю, я видел только уголки. Во всяком случае, не греческие деньги, так что зачем, по его мнению, они мне сдались? Но будь там хоть миллион драхм, я бы все равно их не взял! Ты ведь знаешь, кирие Макс!

– Ну конечно. И после этого он оставил тебя на яхте одного?

– Нет. Когда я закончил работать там, он попросил меня пойти в дом и помочь ему с фотографиями. Я провел там весь день. Он позвонил в дом Форли и сообщил моей матери, что вечером я отправлюсь с ним.

– Короче говоря, он позаботился о том, чтобы ты за весь

день ни с кем не общался. А у тебя не возникало подозрений, что в этих вылазках он занимался чем-то противозаконным?

– Нет, да и какая, собственно, разница? Я бы ничего не сказал полиции. – Глаза Спиро сверкнули. – Он был бы не единственным.

Макс пропустил этот намек, лишь кивнул.

– Хорошо, Спиро, не стану больше тебе докучать. Адони, я запроу вас тут и провожу мисс Люси домой. Вернусь через полчаса. Ружье у тебя есть.

– Да.

– И это.

Спиро порылся под подушкой и вытащил оттуда – с таким видом, как будто это всего лишь носовой платок, – армейский нож, заточенный до убийственного блеска.

– Барахло, – весело отозвался Макс. – Ну а теперь спи. Скоро я заберу тебя отсюда. – Он нагнулся и на миг положил руку на плечо юноше. – Все будет хорошо, Spiro mou.

Адони проводил нас до двери.

– А сэр Гейл? – тихонько спросил он.

– Я за ним пригляжу, – пообещал Макс – Можешь не сомневаться, кто-кто, а он уже сладко спит. Ему ничего не грозит, так что не волнуйся и сам хоть немного поспи. Я буду в кухне. Если понадобится тебе, подойди к верхней двери и позови. Спокойной ночи.

– Спокойной ночи, Адони, – попрощалась я.

– Спокойной ночи.

Адони одарил меня все той же, хотя, быть может, чуть-чуть поблекшей улыбкой и опустил занавеску, закрывавшую вход в пещеру. Теплое мерцание исчезло, мы с Максом остались вдвоем во тьме каменного туннеля.

Макс зажег фонарик, и мы начали подниматься. Неровные стены, петляющий проход, вереница высеченных из камня ступеней... Я брела мимо всего этого словно в утомительном сне, но каким-то уголком сознания, все еще бодрствующим и беспокойным, внимательно прислушивалась к словам моего спутника.

– Ну что, теперь поняла, отчего я прячу мальчика до отъезда его в Афины? И даже не столько потому, что ему еще грозит какая-то реальная опасность – хотя это вполне может быть, – сколько потому, что так у нас остается гораздо больше шансов выяснить, в чем замешан Мэннинг, пока он не понял, что мы его подозреваем. Очевидно одно: он замешан в чем-то очень крупном... И я для себя твердо решил, с чего следует начать.

– С яхты?

– Да, с нее или эллинга. Мэннинг занимается чем-то таким, для чего нужна яхта, а фотографии обеспечивают ему чертовски хорошее прикрытие. Если ты, как и я, принимаешь рассказ Спиро на веру, то их маленькая размолвка с Мэннингом в то утро дает единственную слабую улику, единственное отклонение от общего узора, которое я могу заметить, и это вполне можно связать со смертью Янни. Ко-

гда Янни вечером в воскресенье принес мне послание от Спиро, мы с ним вполне свободно обсуждали всю эту историю и я недвусмысленно дал понять, что запрет рассказывать Мэннингу кажется мне очень странным. А Янни в ответ заявил, что неоднократно видел яхту Мэннинга в море в самое неподходящее время и в неподходящих местах и что он считает, будто Мэннинг занимается чем-то незаконным, а когда я упомянул фотографии, Янни просто пожал плечами, но вид у него при этом был крайне циничный. Конечно, отталкиваться от этого нельзя – человек вроде Янни наверняка считает фотографирование более чем удивительным занятием для кого угодно. Однако ему вполне могло хватить подозрительности и любопытства, чтобы после нашего разговора отправиться на берег и шарить вокруг эллинга или еще где-нибудь, где он не имел никакого права находиться, за что его и убили. Если мои догадки верны, его застали врасплох, ударили сзади, а потом отволокли на его собственную лодку, вывели ее в море, привязав ялик Мэннинга, разmozжили голову о румпель и выкинули за борт. Потом Мэннинг оставил румпель свободным, разлил кругом бутылку джина, бросил лодку дрейфовать, а сам тихонько вернулся домой на веслах. О да, все могло быть именно так. Он не мог завезти тело Янни далеко, потому что обратно надо было выгребать самому, а потом разыгрался шквал, который прибил тело прямо к берегу, – но уловка все равно сработала. Импульсивный тип этот наш Годфри... и на кону, очевидно, у него поставлено

дьявольски много. Да, я должен узнать, что именно.

– Обещай мне кое-что, – быстро попросила я, одолеваемая дурными предчувствиями.

– Что именно?

– Ты ведь не отправишься туда сегодня же ночью? Не будешь таким глупым?

Макс засмеялся.

– Ты совершенно права, любовь моя, не буду! Прежде чем вступать в спор с человеком, имеющим о жизни и смерти такие представления, как Мэннинг, я должен доставить Спиро куда положено, в целости и сохранности. Кстати, должно быть, именно Мэннинг и стрелял в дельфина, ты уже поняла? – В ответ на мой возглас он кивнул: – А кто еще? На это есть одна-единственная правдоподобная причина, та самая, которую ты приписывала мне: что слух о дельфине распространился слишком широко и народ начал стекаться сюда, чтобы им полюбоваться. Впервые увидев тебя в бухте, Мэннинг, наверное, решил, что ты одна из них – чужаков, слишком близко подобранных к его тайне. Как Янни и Спиро.

– Но... эти чудесные снимки! Они действительно прекрасны, Макс! Он не мог убить дельфина после того, как с ним работал! Он должен был к нему привязаться!

Макс криво улыбнулся:

– А к Спиро?

Я промолчала.

– Ну, вот и пришли. Подожди минутку, пока я задвину

стеллаж на место.

– А что ты хочешь, чтобы я сделала?

– Так, кое-что. Это наверняка будет вполне безопасно и, надеюсь, не сложно. Прикрой наше со Спиро возвращение из Афин.

– Конечно, если смогу. Но как?

– Удержав Мэннинга подальше от гавани Корфу завтра в то время, когда я там, скорее всего, буду. Самолетом вышло бы гораздо быстрее, но мне не удастся провезти паренька на самолете без того, чтобы об этом тут же не узнал весь остров, так что придется везти его, прикрыв сверху каким-нибудь ковром, в машине через пролив к Игуменице.

– Как это?

– На пароме. Доеду до Янины, а оттуда доберусь в Афины самолетом. Это означает, что нам не удастся съездить туда и обратно за один день, но я попытаюсь вернуться домой завтра и позвоню тебе сегодня вечером, чтобы сказать, на каком именно пароме мы возвращаемся. Последний приходит без четверти одиннадцать, тогда уже совсем темно, и вряд ли в это время Мэннинг будет слоняться вблизи гавани. Но мне бы хотелось успеть на более ранний рейс, а он приплывает в пятнадцать минут шестого. Так что если бы ты могла попить с Мэннингом чаю, где-нибудь часов так до шести, чтобы дать мне время доехать до дому...

– Сейчас мне кажется, что я просто умру на месте, но как-нибудь уж постараюсь, – пообещала я.

Мы вернулись на кухню. Свет, тепло и приятные, аппетитные запахи сомкнулись вокруг, как память о реальном, но далеком мире, безопасном и радостном, не затронутом тревогой ночного кошмара. Макс закрыл за нами высокую дверь, и я услышала, как ключ с режущим ухо щелчком поворачивается в замке.

– Ну вот. А теперь тебе пора домой. Сбегай пока наверх за своими вещами, а я проверю, крепко ли спит отец.

– Будем надеяться, Фил тоже крепко спит, не то мне придется рассказывать ей бог весть какую историю. Боюсь, что угодно, кроме правды! – Я поглядела на Макса. – Самой не верится. Ты ведь понимаешь, да? Я знаю, что все это правда, но не могу поверить. А утром, при дневном свете, это будет и вовсе невозможно.

– Знаю. Не думай об этом сейчас. Для одного вечера тебе более чем достаточно. Выспись немного – и сразу почувствуешь себя лучше, вот увидишь.

– У меня остановились часы. О дьявол, по-моему, в них залилась вода. Сколько времени, Макс?

Он глянул на запястье.

– Мои тоже. Проклятье. Похоже, наше маленькое морское купание никому из нас ничего хорошего не принесло, или я не прав?

Я засмеялась.

– А если выразить это иными словами, мистер Гейл?

Он притянул меня к себе.

– Иными делами.
И подтвердил это.

ГЛАВА 13

Спите вы, сомкнувши взор,

Но не дремлет заговор.

Пробудитесь!

У. Шекспир. Буря. Акт II, сцена 1

В тот день я спала очень долго. Первое, что помню, это звук открываемых ставней, а потом резкое горячее сияние солнца, ударившего мне прямо в глаза.

– Проснись, проснись, Рип ван Винкль! ¹⁷ – произнес голос Филлиды.

Я пробормотала что-то, с трудом вырываясь из глубин сна, а она добавила:

– Годфри звонил.

– Что? – Я сощурилась от яркого света. – Звонил мне? Что ему надо... Ты сказала, Годфри?

Нахлынувшие воспоминания разом пробудили меня и заставили рывком подняться с подушки – так резко, что я поймала на себе удивленный взгляд сестры. Он помог мне прийти в себя.

– Это я со сна, – пояснила я, протирая глаза. – Ради бога, который час?

¹⁷ Рип ван Винкль – герой рассказа Вашингтона Ирвинга, проспавший двадцать лет, после того как выпил волшебного вина, поднесенного ему гномами.

– Уж полдень, дитя мое.

– Боже! А по какому поводу он звонил?

– Ну конечно, узнать, добралась ли ты с кольцом до дому в целости и сохранности.

– А он что, боялся, как бы мистер Гейл не украл его en route?¹⁸

Я слишком поздно уловила ядовитые нотки в своем голосе, и сестра поглядела на меня с любопытством, но только сказала:

– Я чересчур резко тебя разбудила. Ничего, я принесла тебе кофе. Держи.

– Ты ангел... Спасибо. Всеблагое небо, я, должно быть, спала как убитая... Твое кольцо там, на столике. А, ты уже взяла его.

– Можешь ручаться спасением души, что взяла. Я пришла за ним уже битых два часа назад, но рука не поднялась тебя будить, ты была вся никакая, бедная детка. – Она повернула руку в луче солнца, и бриллиант вспыхнул ярким блеском. – Слава богу! Люси, огромное спасибо, я действительно страшно признательна! Я бы свихнулась сидеть здесь всю ночь, гадая, не забрел ли туда кто-нибудь и не стащил ли его. И я бы ни за что не отважилась пойти туда сама! Во сколько, ради всего святого, ты вернулась?

– Сама не знаю, – честно ответила я. – У меня остановились часы. Я думала, в них вода попала, а оказалось – просто

¹⁸ En route (*фр.*) – по дороге.

забыла завести. В какой-то ужасный час утра. – Я засмеялась. – Там и вправду возникли кое-какие осложнения. Разве Годфри тебе не рассказал?

– Я не вполне уловила суть. Что-то про дельфина на пляже и как вы с Максом Гейлом вместе с ним сверзились в воду. Должна сказать, все это звучало крайне неправдоподобно. Что случилось?

– Более-менее это самое. – Я изложила ей краткую и соответствующим образом урезанную версию спасения дельфина, заканчивая появлением Годфри. – Боюсь, в ванной ты найдешь жалкие остатки своей драгоценной пластмассовой косметички. Мне очень жаль, но надо было хоть чем-то воспользоваться.

– Боже правый, эта старая рухлядь! Тоже мне сокровище!

– Рада слышать. Судя по тому, как ты говорила о ней вчера вечером, я уж решила, это чуть ли не святая реликвия.

Филлида убила меня взглядом и скрылась в ванной.

– Сама знаешь, вечером я была не в себе.

– Это точно.

Я потянулась к кофейнику, который она поставила рядом с кроватью, и налила себе еще кофе.

Она вылетела из ванной, помахивая косметичкой, зажатой между большим и указательным пальцами.

– Жалкие остатки, так ты сказала? Полагаю, ты и понятия не имеешь, что случилось с моей губной помадой от Лиззи Арден?

– Господи, надо понимать, она тоже относится к числу святых реликвий?

– Ну, она была золотой.

Я отпила кофе.

– Ты найдешь ее в кармане халата сэра Джулиана Гейла. Я ее там забыла. Еще раз прости. Можно сказать, я тоже была не в себе вчера вечером.

– В халате Джулиана Гейла? Час от часу не легче! Что произошло? – Фил присела на краешек постели. – Я как ненормальная пыталась не засыпать до твоего прихода, но эти зверские пилюли свалили меня сразу же, как Годфри позвонил и я перестала волноваться. Продолжай. Я хочу знать, что пропустила.

– О, да ничего особенного. Мы оба вымокли, так что мне пришлось зайти в Каstellо высушиться, а они угостили меня кофе, и я приняла ванну... Фил, ну и ванная! Ты не поверишь, что это за кошмар... ой, прости! Я и забыла, это ведь фамильный замок Форли. Ну, тогда ты знаешь эту ванную комнату.

– Их там две, – сказала Филлида. – Не забывай, в Каstellо двадцать спален. Нельзя же забывать и об удобствах. Да, смело скажу, я знаю эти ванны. Тебе какая досталась – алебастровая или порфировая?

– В твоих устах это звучит как Новый Иерусалим. Не знаю, никогда не жила на подобном уровне. Ванна была довольно неприятного темно-красного цвета с белыми точечками, со-

всем как протухшая колбаса.

– Порфириная, – опознала сестра. – А вода была горячей?

– Кипяток.

– В самом деле? Должно быть, они что-то с ней сделали.

В наше время вода была в лучшем случае теплой, а я даже помню специальный кран для морской воды, которую как-то умудрялись выкачивать из пещер. Знаешь, под Каstellо полно пещер.

– Правда?

– В них раньше хранили вино.

– Вот здорово.

– Только одно неудобство: там всегда попадались всякие ракушки и прочий мусор, а однажды даже маленький кальмар.

– Ну надо же!

– Так что Лео это прекратил. Предполагалось, что это очень полезно для здоровья, но всему есть свои пределы.

– Это точно, – согласилась я. – А ракушки в вине, несомненно, один из них.

– Ракушки в вине? О чем, ради всего святого, ты говоришь?

Я поставила пустую чашку.

– Не знаю. Мне казалось – о винном погребе.

– Морские ванны, балда! Лео их прекратил. Ага, ясно, ты надо мной смеешься... Ну ладно, а что дальше? Ты приняла ванну. Я, правда, все равно ума не приложу, как ты получила

там горячую воду, эти нагреватели просто не могут работать. Они съедали по тонне угля в день, и требовалось три раба, чтобы топить их без перерыва.

– Адони и Спиросмастерили колонку для подогрева.

– Боже праведный! – произнесла Филлида с благоговением. – И она работает?

– Да говорю же тебе, вода была чудесной. Более того, там были горячие батареи, чтобы высушить платье, и электричество в соседней спальне. Ну а пока мои вещи сохли, я позаимствовала халат сэра Джулиана – вот почему и оставила всю твою косметику в карманах, – а еще выпила кофе и съела яичницу с беконом на кухне. Потом Макс Гейл проводил меня с бриллиантом домой, вот и конец саге. – Я откинулась на подушку и улыбнулась Филлиде. – Надо признать, все это было довольно весело.

– Похоже на то! Макс Гейл вел себя цивилизованно?

– О да. Еще как.

– Должна сказать, меня удивляет, что он тебе помог. Я-то думала, он, наоборот, старается избавиться от дельфина.

– Знаешь, оказывается, это не он. Он мне помог, стоило только заикнуться о помощи. И это не его отец, тут я тоже уверена. Думаю, это был какой-нибудь местный громила, вышедший с ружьем поразвлечься. – Я села и откинула покрывало. – Пожалуй, мне лучше встать.

Сестра бросила взгляд на часы и вскочила с испуганным восклицанием.

– О боже, надо бежать, если я не хочу опоздать.

– Куда ты собираешься?

– Уложить волосы, а еще я собиралась пройтись по магазинам, так что решила провести ленч в городе. Надо было разбудить тебя пораньше и предложить поехать со мной, но у тебя был такой усталый вид... Если останешься, на завтрак есть холодное мясо и фруктовый пирог, но если хочешь поехать, буду только рада. Успеешь собраться? Мне надо выезжать через двадцать минут.

Я заколебалась.

– А Годфри ждет, что я ему перезвоню, да?

– О небо, я и забыла. Насколько я поняла, он умирает от желания услышать из первых уст все насчет ваших ночных приключений. Я сказала ему, что уезжаю, не то пригласила бы его в гости, но, думаю, он намеревается позвать тебя на ленч. – Она замолчала, взявшись за ручку двери. – Ага, снова звонок. Должно быть, он. Что ему сказать?

Я потянулась за чулками и села, натягивая их, прикрывая этим занятием лихорадочную работу мысли.

Очевидно, Годфри крайне любопытно узнать, что произошло в Каstellо вчера вечером – что сказал нам сэр Джулиан и как Макс на это отреагировал. Если бы удалось оттянуть встречу до завтра, я могла бы сыграть на этом любопытстве, чтобы удалить его с пути Макса.

– Скажи, – решила я наконец, – что я в ванной или еще где-нибудь и не могу подойти к телефону. Скажи, я еду с то-

бой и не знаю, когда вернусь, но перезвоню ему... Нет, пусть сам перезвонит. Вечером.

Фил приподняла бровь.

– Неуловимая, да? Ладно. Так значит, едешь со мной?

– Нет, не успею собраться, но все равно спасибо. Побездельничаю, поброжу вокруг, попозже спущусь на пляж.

– Вот и замечательно, – ласково согласилась сестра и пошла утихомиривать телефон.

Я вовсе не собиралась на пляж, поскольку было более чем вероятно, что Годфри будет искать меня там.

Но мне хотелось сходить в Каstellо и удостовериться, что Макс и Спиро благополучно уехали. Звонить по телефону я побаивалась, да и в любом случае сомневалась, что сэр Джулиан захочет разговаривать со мной сегодня утром, но питала надежду отыскать в саду Адони и повидаться с ним наедине.

Поэтому я поспешила расправиться с холодным ленчем, а потом, сказав Миранде, что пойду на пляж, отправилась к себе в спальню за вещами.

Однако когда я вышла, девушка ждала меня в холле с каким-то сверточком в руке.

– Для меня? – удивилась я. – Что это?

– Только что принес Адони. Какие-то вещи, которые вы там оставили вчера вечером.

Я взяла у нее сверток и ощутила сквозь бумагу твердые очертания губной помады и пудреницы Фил.

– Как мило с его стороны. Я только что думала сходить туда за ними. Он еще здесь?

– Нет, мисс, он не стал задерживаться. Но велел передать вам, что все в порядке.

В голосе ее звучала чуть слышная нотка любопытства. Я обратила внимание, что глаза Миранды ярко сверкают, а на щеки вернулся румянец. На миг я даже подумала, уж не обронил ли ей Адони какой-то намек на правду.

– Я рада. Он тебе рассказывал, какое у нас вышло приключение вчера ночью?

– С дельфином? Да, он мне говорил. Вот, верно, было странно. – Для ее греческого разума страннее всего было то, что кто-то взял на себя столько хлопот. – Но ваша куртка, мисс Люси! Не знаю, смогу ли когда-нибудь привести ее в порядок!

Я засмеялась.

– Что, немного поистрепалась? Думаю, ты очень удивилась, чем это я там занималась.

– Я догадалась, что вы, должно быть, упали в море – из-за вашего платья и куртки... да и ванная комната, по-по-по. Я выстирала платье, но для куртки нужно бы средство по сильнее.

– О господи, еще бы, но не стоит так беспокоиться. Огромное спасибо за платье, Миранда. Ну ладно, когда снова увидишь Адони, не могла бы ты поблагодарить его за то, что он принес все эти вещи? И за сообщение. Так значит, все в по-

рядке – и все, да?

– Да.

– Замечательно, – сердечно сказала я. – А то я волновалась. Сэр Джулиан не очень хорошо чувствовал себя вчера вечером, и я за него тревожилась.

Девушка кивнула.

– Он отоспится и снова будет в порядке.

Несколько секунд я остолбенело глядела на нее, а потом поняла, что она прекрасно знает, каков смысл моих осторожных недомолвок, но ее это нисколько не волнует. Опять-таки греческое мышление: если мужчина любит время от времени напиваться, то кого это касается, кроме него самого? Его женщины должны просто принять это, как принимают и все остальное. Жизнь здесь имеет свою блистательную простоту.

– Очень рада, – повторила я и направилась к сосновому лесу.

Едва оказавшись вне пределов видимости из дома, я сошла с тропинки и полезла вверх по склону через чащу к прогалине, где деревья росли реже и на вершине скалистого выступа торчало несколько разрозненных сосен. Там я расстелила в тенишке коврик и легла.

Землю вокруг устилал густой слой опавших иголок, здесь и там сквозь него пробивались мягкие пушистые побеги стелющегося плюща, прелестные тускло-красные орхидеи и сиреневые ирисы с белыми прожилками. Каstellо было скрыто за деревьями, но со своего уступа я различала на южном

мысу крышу виллы Рота. Снизу виднелся дом Форли. Вдалеке, за сверкающей гладью моря, простирались горы Эпира. С них уже почти сошел снег, но дальше к северу еще блистали белизной албанские вершины. Там, за ними, находились скалы, куда выбросило Спиро и откуда Макс привез его под ружьями пограничников. И там, разноцветным сгустком под фиолетовыми холмами Эпира, притаилась Игуменица, где ходил паром...

Я захватила с собой книгу, но читать не могла и в самом скором времени увидела то, что и ожидала увидеть: Годфри, целеустремленно шагающего по тропинке вокруг мыса. В бухту он спускаться не стал – просто постоял там некоторое время, словно высматривая кого-то на пляже или в море, и я уже решила, что сейчас он пересечет песчаный склон и поднимется к дому Форли, но он не стал этого делать. Помаячил несколько минут на обрыве, повернулся и ушел восвояси.

Чуть позже взгляд мой привлек какой-то движущийся блик, белый лоскуток над вершинами деревьев, окаймлявших море, а через несколько минут из-за дальнего края мыса появилась яхта под парусом, оставляющая на сверкающей синеве четкую изогнутую полосу белоснежной пены.

Подперев рукой подбородок, я с интересом разглядывала ее.

Она напоминала яхту, которая была у Лео несколько лет назад и на которой я как-то провела каникулы в год окончания школы. Моторное судно с парусом, футов тридцати в

длину и – насколько я могла судить – с опускающейся мачтой. Последнее казалось вполне правдоподобным, поскольку из какой-то обрывистой фразы Годфри я заключила, что яхту строили в Голландии и она вполне могла быть приспособлена к прохождению по каналам и под низкими мостами. Но даже если и нет, вчера вечером я поняла также, что яхта обычно стояла на якорю не в бухте, а в эллинге, а если его строили с тем же грандиозным размахом, что и Каstellо, и рассчитывали на несколько кораблей, то там действительно нашлось бы достаточно места для мачты в сорок с лишним футов. Корпус яхты был серым, по носу тянулась белая линия. Чудесный корабль. В любое другое время я бы лежала тут, сонно восхищаясь его изящными очертаниями и красотой контура, но сегодня лишь гадала про себя, какова скорость яхты – должно быть, семь-восемь узлов, – и прищурилась, чтобы лучше рассмотреть маленькую черную фигурку у руля – Годфри.

Море блестело и играло вдоль серого корпуса (серого – для камуфляжа?), за кормой пенился белый след. Вот яхта повернулась, прекрасная, между мной и солнцем – и я больше не видела ничего, кроме крылатой тени, направляющейся в открытое море, а потом к югу, в сторону города Корфу.

– Люси? – сказал голос в телефоне.

– Да. Привет. Тебя очень плохо слышно.

– Ты получила сообщение от Адони?

– Да. Просто что у вас все хорошо, из чего я сделала вывод, что вы благополучно уехали. Надеюсь, у вас все по-прежнему благополучно.

– Пока, в общем-то, да. Я, правда, немного разочарован, но все еще не потерял надежды. Как ты?

– Спасибо, все хорошо – и со мной, и вообще. Насколько я могу судить, тишь да гладь. За эту сторону можешь не волноваться.

– Ага.

Короткая пауза. Хотя я знала, что в доме никого нет, но все равно невольно огляделась по сторонам. Голос Макса, слабый и далекий, произнес:

– Помнишь либретто, которое я приехал обсуждать с моим другом? Мы тут обсуждали его всю вторую половину дня напролет, и мой друг от него не в восторге. Говорит, неправдоподобно. Не уверен, что смогу убедить его заняться им всерьез.

– Понятно, – ответила я, – но послушай, линия свободна. Сестры нет дома, и другого абонента тоже. Я только что видела, как его яхта выходит из бухты, а он на руле. И он еще не вернулся – я следила. Можешь говорить нормально.

– Ну, я не вполне уверен, хорошо ли знают английский на телефонном узле Корфу, – заметил Макс, – но ты на любом языке поймешь, что новости не слишком-то хороши. Мы провели в полиции всю вторую половину дня, и они слушали нас достаточно вежливо, но не собираются принимать

это всерьез – уж во всяком случае, затевать что-либо против нашего друга без солидных доказательств.

– Если устроить за ним слежку...

– Они склонны думать, что дело того не стоит. Общее мнение, что это всего-навсего очередной пример незаконной торговли, и никто не желает начинать расследование и тратить впустую деньги.

– Значит, они не верят в рассказ бедного мальчика?

Макс замялся:

– Я так и не понял до конца. Скорее всего, не верят. Считают, что он может ошибаться, и предпочитают версию с несчастным случаем.

– Прекрасный, а главное, беспроblemный вердикт, – сухо подытожила я. – И Янни тоже погиб в результате несчастного случая?

– Да, они и тут склонны придерживаться первого заключения. Понимаешь ли, беда в том, что мне пришлось рассказать им про вчерашнюю вылазку, а из-за нее могли возникнуть неприятности, и в полиции теперь страшно злы на меня. Греко-албанская граница всегда похожа на состав с динамитом, куда прицеплен медленно тлеющий фитиль. А в конце концов они таки признали, что вряд ли я мог позвать полицию с собой на randevу с Мило и его приятелем, но я ведь еще и утаивал сведения в расследовании по поводу Я. З., хотя полиция была столь предупредительна к нам с отцом в деле Спиро... Должен сказать, что вполне могу понять их точ-

ку зрения, но в настоящий момент моя репутация несколько пошатнулась, и они не готовы предпринимать какие-либо действия на основании лишь моих голословных утверждений, особенно если это означает действовать через голову местных копов. Понимаешь, мотива-то преступления нет.

– Но если это была... незаконная торговля?

– Едва ли она могла бы привести к убийству. Как мы знаем, по эту сторону границы к подобным вещам относятся не слишком серьезно.

– Ясно.

– Так что они, похоже, намерены в обоих случаях списать все на несчастное стечение обстоятельств. И, проклятье, мы ничего не можем доказать. Не знаю, что теперь будет.

– Ты можешь привезти мальчика обратно?

– Даже и этого я не знаю. Что касается больницы, то тут все в порядке, но будет ли он здесь в безопасности... Господи, найти бы хоть какой-то обрывок идеи, почему это произошло, хоть одно-единственное доказательство... Если бы я не знал паренька так хорошо и если бы не смерть Я., то и я придерживался бы того же мнения, что и полиция, точно тебе говорю. Вчера вечером ты была права: все это и в самом деле невероятно. При ясном свете дня сама мысль об этом кажется фантастической, но я просто костями чувую, что это правда... Ну да ладно. Я собираюсь еще раз поговорить с полицией вечером, и у нас в запасе еще завтрашний день. Может, нам все же удастся чего-то добиться.

– Когда вернешься?

– Завтра. Постараюсь успеть на тот первый рейс, о котором тебе говорил.

– Хорошо. Я вполне уверена, что смогу все устроить. Тебя никто не будет встречать.

– Ну, хоть одна печаль с плеч долой. – Я услышала в трубке его смех. – По пути туда все прошло великолепно, но в госпитале ему наложили замечательную новую гипсовую повязку, которая не влезает в ботинок, поэтому теперь нам остается лишь заднее сиденье и ковер и чертовски щекотливое положение, если кому-нибудь вздумается ошиваться поблизости. Тебе трудно будет все провернуть?

– По-моему, легче легкого. Не знаю, кто тут паук, а кто муха, но, думаю, мне не придется даже прилагать какие-либо усилия.

– Ну ладно. Только, ради бога, будь осторожна.

– Не волнуйся, от меня он ничего не добьется. Быть может, на сцене я из рук вон плохая актриса, зато вне ее – потрясающая.

Макс снова рассмеялся.

– И это говоришь ты? Но я другое имел в виду.

– Знаю. Хорошо, я буду осторожна.

Он перевел дух:

– Ладно, теперь мне будет спокойнее. Пойду, пожалуй, еще немного пообщаюсь с этим выводком очень славных, но чересчур обидчивых полицейских. Мне пора. Храни тебя

Бог. Береги себя.

– И ты, – сказала я.

Трубку на том конце провода повесили, и до меня донеслось трескучее шипение разделяющих нас морских и небесных просторов. Медленно опуская телефонную трубку, я обнаружила, что задумчиво гляжу в длинную стеклянную дверь, обрамляющую прямоугольник пустого ночного неба. Среди скопления туманных звезд одиноко горела какая-то планета. Несколько минут я просидела неподвижно, все еще держа руку на аппарате, ни о чем не думая, лишь глядя на эту яркую планету и чувствуя, как с недавнего меня напряжение и тревога мигом утихли, как будто кто-то прижал пальцем трепещущую струну.

И когда телефон зазвонил вновь, прямо у меня под рукой, я даже не вздрогнула. Снова присела на кресло и поднесла трубку к уху.

– Да? – сказала я. – О, привет, Годфри. Да, это Люси. Вы в Корфу? Нет, я недавно вернулась. Как раз гадала, когда вы позвоните...

ГЛАВА 14

*Свободны вы на три часа, не меньше.
У. Шекспир. Буря. Акт III, сцена 1*

Мы договорились встретиться на следующий день сразу после ленча. Вообще-то Годфри пригласил меня на ленч, и, слушая его, можно было подумать, будто он только и мечтает о моем обществе, но поскольку я не льстила себе мыслью, что на самом деле ему нужно от меня что-либо, кроме информации, и не имела ни малейшего представления, насколько ли мне удастся его задержать, то сослалась на уже назначенную на ленч встречу, однако позволила себе проявить приличествующий случаю сдержанный энтузиазм по поводу совместной автомобильной прогулки ближе к вечеру.

Я даже сама предложила маршрут. Не то чтобы у меня был особо широкий выбор: дорога на север едва ли была проходима для машины, которая представляла определенную ценность владельца, так что я, понятно, не могла предложить Годфри отправиться туда. Волей-неволей приходилось двигаться на юг – именно той дорогой, по которой должны были возвращаться Макс и Спиро. По счастью, там имелось ответвление на Палайокастрицу, знаменитое место на западном побережье, куда я могла рваться на вполне законных основаниях. По правде сказать, я и впрямь высмотрела это ме-

сто на карте, но отказалась от идеи съездить туда, потому что путь, по всей видимости, шел через горы, и я не решилась воспользоваться машиной Фил. Со мной за рулем (доверительно сообщила я Годфри) это было бы сплошное испытание для нервов, а с Фил – чистой воды самоубийство. Но вот если бы Годфри меня свозил и если его машина одолеет подъем...

Он засмеялся, похоже довольный, и изъявил полнейшую готовность рискнуть на любой подъем, какой только мне заблагорассудится, а его автомобиль вполне одолеет подобное препятствие.

Так оно и было. Это оказался черный ХК-150, тупоносый, могучий и приспособленный к труднопроходимым дорогам не хуже, чем матерый тюлень к своему месту на лежбище. Он нетерпеливо понесся по аллее, гудя, точно рой кусачих пчел, вильнул к наезженному отрезку частной дороги Каstellо и свернул вниз к воротам, где стоял домик Марии.

Мария возилась во дворе – помешивала деревяшкой что-то в ржавом котелке, наверное еду для несушек. Заслышав машину, она выпрямилась, прижимая котелок к груди, а курицы кудахтали и вертелись у нее под ногами. Годфри, сбросивший скорость, чтобы свернуть на шоссе, поднял руку и приветственно помахал женщине, а та ответила ему взглядом, в котором смешались радость и уважение, – тем же теплым взглядом, какой я встречала от нее всю последнюю неделю. Точно такое же выражение, застенчивое, но приветли-

вое, я заметила на лице Миранды несколько минут назад, когда она вводила Мэннинга в salotto. Похоже, и мать и дочь были благодарны работодателю Спиро за его доброту к ним в их утрате.

Машина свернула на шоссе – пожалуй, излишне быстро и с таким хриплым гудком двух парных клаксонов, что несущие Марии разлетелись кудахчущей тучей, – а я украдкой взглянула на своего спутника. Уж и не знаю, кого я ожидала увидеть – надо полагать, скользкое чудовище с рогами, копытами и хвостом, явственно различимыми глазу посвященного, – но Годфри оставался точно таким же, как всегда, все тем же безусловно привлекательным мужчиной, который с несомненным мастерством и нескрываемым наслаждением правил великолепной машиной.

И этого-то человека, думала я, подозревают в том, что он выбросил юношу, почти мальчика, любимого сына и брата, за борт яхты, как какую-то медузу, и преспокойно уплыл, оставив его тонуть...

Должно быть почувствовав, что я за ним наблюдаю, Годфри бросил на меня быстрый взгляд и улыбнулся. Я вдруг обнаружила, что улыбаюсь в ответ – произвольно и абсолютно искренне. Вопреки себе, вопреки словам Макса и Спиро я никак не могла поверить во всю эту историю. Как я уже говорила Максусу, при свете дня она казалась невероятной.

Что ж, оно и к лучшему. Если мне предстоит провести следующие несколько часов в обществе этого человека, нуж-

но вытеснить из головы все, что я знаю о нем, заблокировать воспоминания о сцене в погребке, напрочь забыть о существовании Спиро, как будто тот и вправду мертв. И что гораздо труднее, выкинуть из головы Макса. Я обнаружила, что мне доставляло какое-то до смешного сильное и тайное удовольствие называть его «мистером Гейлом» тем безразличным тоном, каким говорили о нем Годфри и Филлида, – точно о практически чужом человеке, который оказал тебе услугу, но едва ли занимает твои мысли настолько, чтобы хотя бы задумываться, нравится он тебе или нет. Один раз, когда я мимоходом упомянула его имя, мои опущенные долу глаза невольно остановились на почти незаметном синяке у меня на руке. Тайная восторженная дрожь вдруг пронизала меня с такой силой, что я сама испугалась и поспешно накрыла синяк ладонью, чтобы спрятать его, поймав себя на том, что касаюсь руки так нежно, словно это не моя рука, а Макса. Я отвернулась, выглянула в окно и отпустила какое-то банальное замечание насчет пейзажа.

Дорога и вправду была очень красива. Слева от нас простиралось море, ровная синяя гладь, прорезанная лишь тонкими, как обрезки ногтей, серпами парусов, почти теряющихся в знойной дымке. Справа тянулась высокая живая изгородь из апельсиновых деревьев и багряника, основания стволов тонули в ярком ковре желтых, белых и пурпурных цветов. Две маленькие девочки в линиях красных платьицах стояли босиком в пыли на обочине и глядели, как мы

проезжаем. Одна из них держала в руке апельсиновую ветку – точь-в-точь как английский ребенок мог бы держать связку шариков, – золотистые плоды покачивались и мерцали среди зеленой листвы.

Дорога перестала петлять, и ХК-150 рванулся вперед, ровно набирая скорость. Мне вдруг стало весело. Все идет гладко, нет никаких причин для волнения, и почему бы мне тоже не успокоиться и не наслаждаться поездкой? Откинувшись на спинку сиденья, я принялась болтать – надеюсь, достаточно естественно – о всяких пустяках: великолепных видах, друзьях, с которыми Филлида вчера встречалась в Корфу, планах Лео приехать сюда на Пасху с детьми...

Мимо промелькнула развилка дороги.

Я резко выпрямилась.

– Там ведь был поворот, разве нет? И указатель на Палайокастрицу. Я точно видела!

– А, да, вы правы. Простите, как-то не подумал. Мне казалось, я уже говорил, что сегодня я вас туда не повезу. Это очень далеко, и мы вряд ли успеем обернуться. Если хотите, съездим как-нибудь в другой раз, когда не надо будет возвращаться пораньше.

– А нам необходимо рано вернуться? – невольно вырвалось у меня.

По-видимому, в моем голосе звучало такое неподдельное огорчение, что по лицу Годфри скользнула слабая тень приятного удивления, и я поняла, что после всех моих отговорок

по телефону он вполне мог заподозрить меня в кокетстве.

– Боюсь, что да. Сегодня вечером мне надо еще кое-куда съездить. Не скажу, что мы совсем никак не успели бы, но просто стыд и позор приезжать в Палайокастрицу второпях – это чудное место, есть что посмотреть. Кроме того, досадно ехать туда и не перекусить. Там прямо на пляже замечательный ресторанчик, где держат в горшочках живых крабов: выбираешь себе по вкусу, заказываешь, и его готовят прямо при тебе, свеженького. – Быстрый взгляд в мою сторону и дразнящая улыбка. – Полагаю, вам это не по душе, но уверяю, лакомство великолепное. Непременно в самом скором времени свожу вас туда, если обещаете больше не отказываться провести со мной ленч.

– Я не... это будет чудесно.

Мы ворвались в крохотную деревушку: единственная узкая улочка и обожженная солнцем белая церковь с красной крышей. Рычание мотора ревом отразилось от горячих стен, с дороги врассыпную кинулись козы, дети, тощий щенок и ослик с болтающимся концом оборванной веревки – и вот мы уже пронеслись мимо. Дети уставились нам вслед, восхищенно и без тени осуждения.

– Одно хорошо, – жизнерадостно заявил Годффри. – Когда намечаешь поездки, не приходится делать скидки на погоду. На этом благословенном острове солнце всегда тут как тут и любой день столь же хорош, как и все остальные.

«Это ты так думаешь», – яростно сказала я себе, изо всех

сил вцепившись руками в колени, в равной степени из-за бешеной скорости и из-за панических усилий вспомнить карту. Как же заставить его свернуть с этой дороги, увести от города?

– В один прекрасный день, – произнесла я вслух, – непременно поймаю вас на слове и даже съем краба! Признаться, к рыбе я не питаю горячей любви. Так куда мы едем в таком случае – в Пеллекас?

Поворот на Пеллекас отходил на северной окраине города – единственная развилка до Корфу.

– Нет, в Ахиллеон.

– Правда? Чудесная мысль.

Мысль, насколько я могла судить, была хуже некуда. Добраться туда можно было, только проехав через Корфу, пусть не через саму гавань, но достаточно близко от нее – и, разумеется, весь обратный путь предстояло ехать по той же дороге, что и Макс. Что ж, оставалось только позаботиться о том, чтобы Годфри не вздумал возвращаться раньше половины шестого, и я от души надеялась, что в южной части города найдется немало видов, которые я могла бы посмотреть.

Взяв сумочку, я выудила из нее предусмотрительно захваченный путеводитель и добавила с энтузиазмом:

– Я сама собиралась как-нибудь сюда съездить, но помеха все та же: Фил говорит, это на вершине холма, причем с ужаснейшими виражами на подъезде! Ага, вот... «Вилла Ахиллеон, возведена для императрицы Елизаветы Австрий-

ской... выстроена в стиле Ренессанса, куплена германским императором в тысяча девятьсот седьмом году. Парк открыт для посетителей (вход одна драхма, доход идет на благотворительные цели)».

– Что? Что это еще такое?

– Древний «Бедекер»¹⁹. Я нашла его у Фил на полке. Де-душкиной поры – датирован тысяча девятьсот девятым годом. Просто прелесть, как здорово. Послушайте только отрывок про историю Корфу... Тут написано: остров перешел во владение Рима, потом попал под власть Венеции, потом был оккупирован французами, потом находился сначала под турецким, а затем под русским игом, но – заметьте это «но» – с тысяча восемьсот пятнадцатого по тысяча восемьсот шестьдесят третий переходит под защиту Великобритании. Правь, Британия. Такое уж было время.

– Это точно, – засмеялся Годфри. – Что ж, сегодня можно осмотреть весь дворец, только это обойдется значительно дороже драхмы, и мне почему-то кажется, что деньги за вход идут прямиком греческому правительству. Как всегда, благотворительность начинается с собственного дома... Хотелось бы показать вам какие-нибудь античные развалины – Фил говорила, вы ими интересуетесь, – но не знаю там ни одной, кроме какого-то храма или чего-то в этом роде в парке Мон-Репо, а он частная собственность. Тем не менее може-

¹⁹ Имеется в виду путеводитель, выпущенный фирмой, носящей имя ее основателя Карла Бедекера.

те утешать себя мыслью, что святой покровитель Ахиллеона – Ахиллес, так что сойдет и Ахиллеон! Поговаривают о том, чтобы устроить там казино, так что сейчас, вполне может стать, последний шанс увидеть виллу в более-менее первозданном состоянии. И дорога туда чудесная, вам понравится.

– Вы очень добры, – отозвалась я, с трудом удерживаясь в рамках приличия, чтобы не глазеть на него.

Годфри говорил так непринужденно и мило, сидя за рулем, расслабленный и привлекательный: в волосах играло солнце, на загорелых руках проступили едва заметные веснушки. Он был одет в рубашку с открытым воротом, а шею повязал желтым шелковым шарфом – летняя униформа богатых и свободных людей, – что ему очень шло. Вид у него был спокойный, довольный и совершенно нормальный.

Ну а, собственно, почему бы и нет? Разве в свободное от работы время преступнику, ради сохранения его же собственной шкуры, не лучше выглядеть как можно зауряднее? Я рассудила, что человек, за одну неделю утопивший двух молодых людей, вполне может на следующей неделе наслаждаться приятной поездкой с девушкой, изо всех сил стараться развлечь ее и даже сам любоваться видами...

– И оттуда открывается великолепный вид, – сказал он. – Дворец выстроен на крутом лесистом холме над морем. С бельведера можно разглядеть практически все от Вутринто в Албании до Пердики на греческом берегу. В ясный денек

явственно различима даже гавань в Игуменице.

– Изумительно.

– А теперь, быть может, вы расскажете мне поподробнее, что там у вас произошло прошлой ночью в Каstellо?

Мне потребовалась вся моя выучка и техника, чтобы не подпрыгнуть, как подстреленный заяц.

– Что произошло? Ну... ничего особенного. А с чего бы? Вы же знаете, я вернулась домой с бриллиантом.

– Ах, к черту бриллиант, вы прекрасно понимаете, что я имею в виду. – Он снова украдкой покосился на меня с таким выражением лица, будто его что-то забавляло. – Вы видели Джулиана Гейла?

– О-о-о... Да, видела. Когда мы поднялись, с ним был Адони.

– Ах да, верный сторожевой щенок. Само собой. И как сэр Джулиан?

– Он довольно быстро отправился спать, – осторожно произнесла я, не отводя глаз с дороги, но в ветровое стекло заметила, что Годфри снова покосился на меня. – Он немножко... устал.

– Можете говорить не стесняясь, – усмехнулся Годфри. – Был пьян в стельку.

– Откуда вы знаете?

Вопрос вырвался у меня резко и даже слегка обвиняюще, но раз уж Мэннинг последней фразой сам открыл эту тему, мне не было никаких причин уклоняться от нее.

– Полноте, они ведь дознались, кто был с ним, правда?

– Ну-у, об этом упоминалось. – Я откинулась на спинку и подпустила в голос толику веселого ехидства. Вышло до того похоже на Фил, что мне самой стало смешно. – Мистер Гейл был не очень-то вами доволен, Годфри.

– Проклятье, а мне что прикажете делать, если ему приспичило набраться? К тому времени, как я понял, куда дело клонится, он был уже почти готов. Или они воображают, что мне следовало помешать ему?

– Не знаю. Но на вашем месте я бы поостереглась мистера Гейла.

– Даже так? – Он скривил губы. – Пистолеты для двоих и кофе для одного или просто хлыст? Что ж, может, я и впрямь ему несколько задолжал.

Я больше не сомневалась. Сама не знаю, что именно сыграло для меня роль последней капли: то ли какая-то еле различимая нотка в голосе Годфри, то ли почти незаметная тень удовлетворения, запрятанная в уголках его рта, – что-то одновременно весело-жестокое и невероятно жуткое. Все раздумья и колебания, навеянные ясным светом дня, улетучились раз и навсегда. Ну конечно, передо мной сидел убийца. Этот человек от природы был разрушителем. «Evil be thou my Good»²⁰... И инстинкт, позволивший ему создавать эти чудесные снимки, ничему не противоречил: без сомнения, Годфри с одинаковым удовольствием и выбрасывал Спиро

²⁰ Из поэмы Джона Мильтона «Потерянный рай».

за борт, и фотографировал его. Он не задумываясь уничтожил бы и сэра Джулиана.

Чтобы хоть как-то отвлечься от того воплощения зла, что сидело рядом со мной в машине, я отвернулась и сосредоточилась на идиллии серебряных оливок и черных кипарисов, сквозь заросли которых в облаке пыли прокладывал путь наш ХК-150.

– Какая милая дорога.

– Пожалуй, только хотелось бы мне, чтобы тут что-нибудь сделали наконец с этими колдобинами. Не увиливайте, Люси. Так что, дойдет дело до хлыста?

– Я бы не удивилась. В смысле, у мистера Гейла ведь выдался очень утомительный вечер. Сначала я устроила ему истерику и потащила спасать дельфина, и он свалился в море, а потом, когда мы поднялись в дом, выяснилось, что его отец напился... да еще при мне. Нельзя винить его, если он жаждет вашей крови.

– Пожалуй, вы правы. – Впрочем, судя по голосу, Годфри это не слишком-то беспокоило. – А где он сегодня?

– По-моему, говорил, что собирается в Афины. Бросил мимоходом несколько слов Адони – я не обратила внимания. Так что сегодня вам, наверное, ничего не грозит.

Он засмеялся.

– Я снова могу дышать спокойно. Только поглядите на цвет платья этой девушки, вон той, что собирает оливки. Тускло-красный на фоне ядовито-зеленого.

– Эй, теперь вы не увиливайте. Я хочу знать, что произошло.

Он вскинул брови.

– Господи ты боже мой, да ничего, в самом деле ничего. Я заметил старикана в гараже на пристани, а он искал, кто бы его подкинул, вот я и отвез его домой. Признаться, я был рад случаю поговорить с ним наедине, раз уж так получилось, – его никогда одного не застанешь. Не упускать же такой удачный случай.

– А о чем, во имя всего святого, вы хотели поговорить с ним наедине? Только не говорите, что мечтали о контрамарке на следующий спектакль Гейла!

Он усмехнулся:

– Вот это будет день! Нет, я хотел кое-что узнать и рассудил, что легче всего спросить у него самого. Мы с Максом Гейлом не лучшие друзья, да и сторожевой щенок меня невлюбил. Ума не приложу почему.

– Годфри! Вы утверждаете, что нарочно подпоили сэра Джулиана?

– Боже праведный, разумеется, нет. Зачем это мне? Я же не пытался выманить у него государственные тайны. Но к тому времени, как он пропустил пару стаканов, его уже было не остановить, да и не мое дело его останавливать, верно? Признаюсь, я и не пытался. – Еще одна беглая, тотчас погасшая улыбка; улыбка удовлетворения, не более того. – До определенного момента это было даже вполне занятно.

– А что, скажите на милость, вы хотели у него выведать?

– Всего лишь к чему пришла полиция.

– Полиция?

Он посмотрел на меня, приподняв бровь:

– Не пугайтесь. Что вы подумали? Нет, просто на этом острове все новости долетают лишь до гейловских ушей – и никуда дальше. Я проделал чертову пропасть работы, чтобы выяснить хоть что-то о деле Спиро, – похоже, никому в голову не приходило, что это и меня касается, хотя я более чем уверен, что Гейлам-то рассказывали абсолютно все.

– Насколько я поняла, там что-то вроде семейных связей.

– Мне тоже так говорили. Но все равно не понимаю, отчего это дает им право на «эксклюзив» в полицейском расследовании, которое так близко меня касается.

– Тут я согласна, – сочувственно проговорила я. – Должно быть, это было для вас чудовищно нервное и напряженное время.

– Да, и до сих пор остается.

Без сомнения, не зная я того, что знала, то не услышала бы в этой мрачноватой реплике ничего особенного. Но теперь я уловила, что за краткой фразой скрыт целый мир тайного развлечения. Заметив вдруг, что непроизвольно стискиваю рукой коленку, я расслабила пальцы.

– И как, есть ли у сэра Джулиана новости? Что выяснилось насчет Спиро?

– Увольте меня. Он не сказал ни слова. Мы выпили по

паре рюмок в таверне, и мне начало казаться, что манеры у него слегка странноватые. Сперва я решил, что он пытается что-то утаить, но потом понял: старикан просто наслаждается выпивкой и старается не показать виду. Я догадываюсь, бедняга уж год не брал в рот ничего крепче разбавленного хереса. – Губы его изогнулись. – Ну, боюсь, после этого я предпринял-таки кое-какие меры, чтобы подтолкнуть его в нужную сторону. Мне хотелось приобрести несколько бутылок для себя – у меня, знаете ли, кончился джин, кроме того, там имелся новый апельсиновый ликер, – и я их купил, но когда предложил было поехать ко мне, старикан заартачился. К этому времени он уже изрядно подвыпил и настойчиво зазывал меня в Каstellо, собираясь купить бутылку джина, чтобы угостить меня. Ему хватило пары глотков, чтобы окончательно развеселиться и воодушевиться, но, боюсь, это покончило со всеми моими надеждами вытянуть из него что-либо осмысленное. Он вбил себе в голову, будто единственная причина, зачем я приехал в Каstellо, это послушать записи их чертовой музыки к фильму. – Мэннинг издал короткий смешок, в котором все еще слышались злость и досада. – И уж поверьте мне, я наслушался ее сполна, и музыки, и слов.

– О, я вам верю. Отрывки из «Бури»?

– Он и вам их крутил?

Я засмеялась.

– Нет, декламировал, когда мы с мистером Гейлом подня-

лись к дому. Собственно говоря, мне страшно понравилось. Он чудесно читает, джин там или не джин.

– Что ж, он много тренировался.

Он произнес эти жестокие слова легко и спокойно, но, кажется мне, именно в этот момент я начала ненавидеть Годфри Мэннинга. Я вспомнила лицо Макса, усталое и напряженное; сэра Джулиана, мямлящего и запинаящегося, цепляющегося за бог весть какую соломинку самообладания; двух юношей, приткнувшихся друг к другу на самодельной кровати; благодарную униженность Марии. Вплоть до этой минуты мне довольно было лишь мысли, что я помогаю Максу, – откровенный самообман, и я не позволяла себе даже задумываться, чем он закончится. Но теперь задумалась, да еще с какой радостью. Если Годфри Мэннинг окажется убийцей, то, скорее всего, будет наказан. И я собиралась помочь этому всем, чем только смогу. Во мне зародилось что-то новое, твердое и холодное. Я села в седло и намеревалась скакать до победного конца.

Почувствовав на себе взгляд Мэннинга, я поспешила принять соответствующее выражение лица.

– А что все-таки случилось, когда вы пришли в Каstellо? – снова поинтересовался он. – Что он им сказал, Максу и этому красавчику?

– Пока я там была, ничего. Нет, честно, Годфри! – Мне было приятно слышать, до чего искренне звучит мой голос. – Они догадались, что с ним были вы, только потому, что в

камине оказался окурок «Собрания».

Годфри разразился хохотом.

– Дипломированные детективы! Ну и восхитительную ночь вы провели! Они при вас ничем таким не обмолвились – в смысле, про Спиро?

– Ни слова.

– А про Янни Зоуласа?

Я обратила на него расширенные, удивленные глаза.

– Янни... а-а, тот утонувший рыбак. Нет, а с какой бы стати?

– Так, просто подумалось. Чистое любопытство.

Я промолчала. Между нами повисла тишина. Мы чего-то добились... Очевидно, Мэннинг все еще пребывал в неуверенности, действительно ли полиция вынесла по делам Спиро и Янни вердикт «несчастный случай». И я отчетливо видела, что ему смертельно хотелось это узнать. А поскольку он был не из тех, кто склонен переживать по поводу пролитого молока, то сам собой напрашивался вывод, что ему еще только предстояло сделать то, что так его занимало, а для этого требовалась свобода действий и отсутствие наблюдателей. Попытки выведать что-то сперва у сэра Джулиана и теперь у меня выказывали, что Годфри даже не подозревает о слежке за собой, а просто отчаянно нуждается в зеленом свете, да поскорей.

Что ж, злорадно подумала я, облакачиваясь на спинку, пусть попотеет еще немного. От меня он зеленого света не

получит.

Дорога, петляя крутыми зигзагами, начала подниматься по холму, одетому рощами олив, виноградниками и полями, где качались зеленые колосья.

– А вы видели, – внезапно спросил Мэннинг, – как он возвращался к телу после нашего ухода?

– Что? Кого я видела?

– Гейла, разумеется.

– А, да... простите, загляделась в окно. Да, видела. А что?

– Не задумывались, зачем он это сделал?

– Не могу сказать. Вроде не задумывалась. Наверное, просто хотел взглянуть еще раз. – Я легонько вздрогнула. – Лучше он, чем я. А вы думаете, он обнаружил что-то, что проглядели мы?

Мэннинг пожал плечами.

– Вам ничего на этот счет не говорили?

– Абсолютно ничего. Да и потом, я ведь практически не знаю Гейлов, они рассказывают мне не больше, чем вам. А вы начинаете думать, будто в смерти Янни кроется нечто большее, чем может показаться на первый взгляд?

– Да нет. Скажем, во мне говорит любопытство и чисто человеческая досада, что у меня все выхватили из рук. Ведь этот человек утонул буквально у моего порога, а Спино так вообще упал с моей яхты, вот я и думаю, что могли бы держать меня в курсе. Только и всего.

– Ну, – сказала я, – если бы выяснилось что-то насчет Спи-

ро, Мария наверняка знала бы и сразу сообщила бы нам с сестрой. Если что-то выяснится, непременно дам вам знать. Представляю, как вы, наверное, переживаете.

– Еще бы. Ну вот и приехали. Проверим, впустят ли нас за одну драхму?

Меж обветшалых колонн ржавели распахнутые ворота. Над стенами нависали огромные, уже по-летнему отяжелевшие деревья. Заспанный привратник содрал с нас около двадцати драхм и кивнул, чтобы мы проходили.

Дом располагался совсем близко к воротам, среди гущи деревьев. Двери в нем тоже были открыты. Я смутно ожидала увидеть что-то вроде музея, заботливо хранимую реликвию прошлого, но это оказался просто-напросто пустой дом, летняя резиденция, из которой выехали хозяева, оставив двери и окна незапертыми, так что в заброшенные комнаты год за годом набивались сухие листья и насекомые, доски пола прогнили, роспись поблекла, металл заржавел... Это был брошенный дом, стоявший среди брошенных садов и террас, а за пределами сада теснились кусты и деревья одичалого парка.

Теперь я мало что могу вспомнить о моей экскурсии по Ахиллеону. Не сомневаюсь, что из Годфри получился отличный гид – по-моему, он всю дорогу занимал меня крайне милыми и содержательными замечаниями. Я же, надо полагать, отвечала тоже вполне уместно, но на самом деле была погло-

цена лишь одним – столь внезапно возникшей ненавистью к нему. Эта ненависть пылала с такой силой, что, по моим ощущениям, не могла не проступить, как пятно. Возможно, поэтому в ответ я вела себя даже излишне любезно – не могу точно сказать. Знаю только, что с каждой минутой манеры его становились все теплее и теплее, и я с настоящим облегчением сбежала наконец из пыльных комнат на террасу.

Здесь, по крайней мере, воздух был свежий, так что восхищенно замирать перед каждой диковинкой оказалось не так трудно, как в пыльных покоях дворца со всем их заброшенным и обветшалым великолепием. Пол террасы был вымощен отвратительным кафелем печеночного цвета, а теснящиеся деревья заслоняли вид на море, но я выжала все, что могла, из отвратительных металлических статуй по углам ряда унылых мраморных муз, печально выстроившихся вдоль лоджии. Я была идеальным туристом – остановилась у каждой. Можно было подумать, будто это шедевры Микеланджело. Пятнадцать минут четвертого... двадцать минут... даже если считать по три минуты на музу, это задержит нас здесь всего лишь до трех сорока семи.

Оставался сад. Мы обошли его вдоль и поперек: утопающие в сорняках белые лилии у подножия пальм; несколько чахлах пионов, борющихся за жизнь во влажной тени; страшнолюдная скульптура Ахиллеса победоносного (шесть минут) и еще более страшная – Ахиллеса умирающего (четыре); группа тевтонских воинов, милосердно перерезающих

друг другу глотки в зарослях куманики (полторы). Я бы даже рискнула влезть в гущу терновника, чтобы полюбоваться скульптурой сидящего в кресле Гейне, если бы ворота не были завязаны колючей проволокой и если бы я не боялась истощить даже терпение Годфри.

Впрочем, на этот счет я могла бы не тревожиться. Его терпение было безгранично. Надо же ему было как-то проводить время, и я уверена, ему ни разу и в голову не пришло, что день, проведенный с ним, от начала до конца вызывал у меня что угодно, только не замирание сердца.

Хотя, честно говоря, именно так оно и было. Когда Годфри взял меня под локоть, чтобы бережно отвести назад, к воротам и ждущему «ягуару», у меня в буквальном смысле слова замерло сердце, а все тело пронзила дрожь, как будто от разряда током.

Всего лишь двадцать минут пятого. Если мы поедем домой прямо сейчас и если Годфри, что скорее всего, предложит выпить чаю в Корфу, мы окажемся там как раз к прибытию парома.

Оставалась еще одна скульптура возле ворот, на сей раз совсем небольшая – мальчик-рыбак, сидящий на фрагменте лодки, босой, пухлощекий, чему-то улыбающийся и в ужасной шляпе. Его отличало примерно то же мастерство исполнения, что и муз, но, разумеется, я восторженно остановилась перед ним с «Бедкером» наготове, лихорадочно обшаривая глазами мелкий шрифт, чтобы выяснить, нет ли меж-

ду Ахиллеоном и Корфу еще каких-нибудь «достопримечательностей», которые я могла бы пустить в ход, чтобы задержать моего благословенно покладистого гида.

– Неужели вам нравится? – Веселое удивление в тоне Годфри смешалось со снисходительностью. Он приложил палец к детской щеке. – Замечаете? Если бы статуе было не семьдесят, а семь лет, это вполне мог бы быть Спиро. Прямо гадаешь, не позировал ли для нее его дед или еще какой-нибудь родственник. Очень похож, не находите?

– Я же не знала Спиро.

– Ну да, конечно, я и забыл. Ну, тогда на Миранду.

– Да, пожалуй. Как раз хотела сказать, какая милая скульптура.

– Лицо совсем теплое, – сказал Годфри, легонько проводя рукой по мраморной щеке.

Я быстро отвернулась, чувствуя, что лицо может выдать мои чувства. Половина пятого.

Он уронил руку.

– Вы все поглядываете на часы. Полагаю, вы как Фил – в это время жить не можете без чашки чаю? Ну что, поедем в Корфу и разживемся им?

– А другой дороги нет? С бельведера берег выглядит таким заманчивым. – Да ничего особенного, обычная симпатичная дорога и рыбацья деревушка, Беницес называется.

– Там ведь есть kafeneion? Для разнообразия было бы просто здорово. Там дадут чаю?

Годфри рассмеялся:

– Обычный широкий выбор, «Нескафе» или лимонад. Может, найдутся даже эти толстые ломти хлеба, подсушенные в духовке. Я еще так и не выяснил, кто или хотя бы как их ест. Что ж, вам решать. Запрыгивайте.

В результате мы все-таки получили чаю в Беницесе, в простенькой чистой маленькой гостинице у самого моря. Она не могла быть расположена более удачно – во всяком случае, для меня. Столики стояли и внутри, и снаружи. Я выбрала нам столик прямо на пыльном берегу, под деревом, и уселась лицом к морю.

Рядом дремал на приколе целый выводок лодок – пунцовых, бирюзовых и павлинье-синих. Мачты легонько покачивались в дыхании моря, но за ними я не видела ничего, кроме единственного красного паруса, одиноко танцующего в пустом сверкающем пространстве.

Годфри оглянулся через плечо.

– И что там происходит такого интересного?

– Да ничего, просто я могу глядеть на море часами, а вы? Лодки такие прелестные. А ваша яхта настоящая красавица.

– Когда вы ее видели?

– Вчера, ближе к вечеру. Видела, как вы выходили в море.

– В самом деле? Где же вы были? Я искал вас на пляже.

– Какая жалость! Нет, я в результате не стала спускаться,

осталась в лесу и поспала. – Я засмеялась. – Мне, признаться, требовалось поспать.

– Похоже, вам здорово досталось. Хотелось бы мне видеть ваш подвиг по спасению дельфина. Если снимать со вспышкой, могли бы выйти интересные снимки. – Он помешивал жидкий чай, выдавливая лимон о стенку чашки. – Я где-то читал – по-моему, у Нормана Дугласа, – что, когда дельфины умирают, они меняют цвет. Думаю, можно было бы снять замечательную серию. Завораживающую, если бы только удалось поймать нужный момент, как вы считаете?

– Чудесно. Так вы говорили, что сегодня вечером уезжаете?

– Да.

– А вы не могли бы отправиться с экипажем? Ужасно хотелось бы присоединиться.

– Весьма храбро с вашей стороны, учитывая все обстоятельства. Не боитесь состоять у меня в экипаже?

– Ничуть, было бы здорово. Вы хотите сказать, что можно? Во сколько вы выходите в море?

Не знаю, что бы я стала делать, согласись он. Думаю, на худой конец, сломала бы лодыжку. Но он ответил:

– Конечно, можно, как-нибудь на днях. Но вы неверно меня поняли, я не говорил, что сегодня выхожу в море на яхте. На самом деле я еду на машине навестить друзей.

– Ах, простите, перепутала. Жалко, я уже вдохновилась.

Он улыбнулся.

– Вот что я вам скажу: я возьму вас с собой, когда пойду под парусом, очень скоро. Как насчет пятницы? Или в субботу? Пойдем вокруг острова к озеру Каликиопулос и осмотрим место – мне следовало сказать, одно из мест, – где Одиссей якобы ступил на берег в объятия Навсикаи. Это будет для вас достаточно классически?

– Великолепно.

– Тогда заранее предвкушаю... Смотрите-ка, паром.

– Паром? – Это слово вырвалось у меня из груди сдавленным вскриком, и я откашлялась. – Какой паром?

– На материк. Ходит в Игуменицу и обратно. Вон, видите? Вода так блестит, что трудно что-нибудь разглядеть. Будет минут через двадцать. – Он глянул на часы и отодвинул свой стул. – Хм, опаздывает. Ну что, пойдете?

– Мне бы хотелось подняться наверх, пожалуйста, если тут есть куда.

Хозяин гостиницы, стоявший возле Годфри со счетом наготове, без труда понял смысл этого замечания и провел меня по наружной лестнице наверх, а потом по вычищенному коридору в феноменальных размеров комнату, превращенную в ванную. Она оказалась безупречно чистой и содержала помимо обычных атрибутов целую галерею картин на религиозные темы.

Должно быть, и до меня многие бежали в это святилище подумав...

Но я пришла сюда изучать «Бедекера». Рывком распахнув

томик, я пробежала пальцем по странице. Чудовищно мелкий шрифт плясал у меня перед глазами.

«За драгоман вполне хватит одной драхмы в день... проводник, 5 др. в день, можно обойтись и без...»

Ага, а вот нечто вполне способное заинтересовать столь ревностную поклонницу античности, как я.

«Гробница Менекрата, датируется VII-VI веком до нашей эры...»

И как раз по дороге домой, вот что главное. Ну, если только удастся убедить Годфри, что без посещения этой гробницы, чем бы там она ни была, день мой будет бесповоротно загублен...

Удалось, и это оказалось выигрышной картой по той простой причине, что никто не знал, где пресловутая гробница находится.

Мы спрашивали каждого встречного и были направлены по очереди, с крайним пылом и желанием угодить, к тюрьме, на футбольное поле, к развалинам венецианской крепости и к озеру.

Я могла бы даже пожалеть Годфри, если бы не видела, что он считает, будто я отчаянно пытаюсь любыми средствами продлить прогулку с ним. Его мужское самолюбие было непробиваемо. В его словаре слова «Господь» и «Годфри» значили одно и то же.

Но я была щедро вознаграждена, когда мы наконец нашли могилу Менекрата в саду полицейского управления и хра-

нитель, приветствовавший нас так, словно последним туристом, посетившим это место, был сам господин Карл Бедкер в 1909 году, протянул мне прочитать выцветший документ, а после важно обвел меня три раза вокруг, пока Годфри сидел на стене и курил, и наступали дивные сумерки, а стрелки моих часов незаметно скользили по кругу...

– Уже больше шести, – сказал Годфри, поднимаясь. – Надеюсь, у вас найдется время выпить со мной перед тем, как я отвезу вас домой? Я знаю одно очень славное кафе с видом на гавань.

– Чудесная идея, – отозвалась я.

ГЛАВА 15

*Пожалуйста, показывай
дорогу без дальнейших разговоров.
У. Шекспир. Буря. Акт II, сцена 2*

Когда Годфри наконец отвез меня обратно на виллу Форли, было уже совсем темно. Я попрощалась с ним у парадной двери, подождала, пока машина не исчезнет за деревьями, и поспешила в дом.

Огонек в кухне свидетельствовал, что либо Миранда, либо ее мать еще там, однако *salotto* утопало в прохладных густых сумерках, а из-под двери спальни – Фил не пробивалось ни лучика света. Буквально через миг мне стало ясно, чем это объясняется: войдя в дом, я направилась прямо к телефону и, не успев даже поднять трубку, увидела на столе светлый прямоугольный листок. Включив лампу, я обнаружила, что это записка от Фил:

«Люси, дорогая, после обеда получила телеграмму, что Лео и дети приезжают в субботу и он сможет остаться на целых две недели. Тру-ля-ля! Во всяком случае, мне пришлось поехать в Корфу, чтобы кое-что уладить. Если проголодалась, не жди меня. Если Годфри решит остаться, ему тоже хватит. С любовью, Фил».

Когда я дочитывала, в холл вошла Миранда.

– Ой, мисс Люси, это вы! Мне так и послышалось, что машина едет. Видели письмо от синьоры?

– Да, спасибо. Послушай, Миранда, тебе вовсе незачем оставаться. Мистер Мэннинг уехал домой, а сестра, очень возможно, вернется поздно, так что если для меня есть что-нибудь холодное...

– Я как раз пришла вам сказать. Синьора звонила несколько минут назад. Она встретила в Корфу друзей – итальянских друзей, они там всего на одну ночь – и останется обедать с ними. Она сказала, если хотите приехать к ней, возьмите такси и присоединяйтесь к ним в «Корфу-Палас», но, – на щеках Миранды появились ямочки, – никто из них не говорит по-английски, так что синьора думает, вы лучше останетесь здесь, да?

Я засмеялась.

– Со всей определенностью да. Что ж, в таком случае при-му ванну и поужинаю, когда тебе удобней. Впрочем, знаешь ли, я вполне могу сама за собой поухаживать. Если хочешь, скажи мне, что где лежит, и можешь идти домой.

– Нет-нет, я останусь. Там есть холодный омар и салат, но я варю еще суп. – Она улыбнулась мне своей широкой сияющей улыбкой. – Я очень хорошо варю суп, мисс Люси. Вам понравится.

– Ничуть не сомневаюсь. Спасибо.

Однако вместо того, чтобы выйти, девушка замешкалась на самом краю отбрасываемого маленькой лампой светлого круга, хлопотливо, чуть ли не нервно теребя руками красную юбку. И тут я вдруг заметила то, на что до сих пор не обращала внимания, занятая своими мыслями: предо мной стояла уже не подавленная и заплаканная Миранда последней недели. К ней вернулась толика бывшего сияния, а лицо было оживлено, как будто ей хотелось что-то сказать.

Но она только и промолвила:

– Ну конечно, я останусь. После ленча у меня был выходной. Выходной? Так это называет синьора?

– Да, верно. Свободные полдня. И что ты делаешь, когда тебе выпадают свободные полдня?

Она снова замялась. Щеки ее потемнели от жаркого румянца.

– Иногда у Адони тоже бывает выходной.

– Понятно.

Я не смогла сдержать беспокойства в голосе. Так значит, она провела «выходной» с Адони. Возможно, одного этого факта хватило, чтобы заставить ее вновь засиять, но я сильно сомневалась, что такой молодой человек, как Адони, не расскажет ей про Спира. Даже для меня искушение выложить все девушке и ее матери было огромным, тогда как для девятнадцатилетнего Адони, изнывающего, как всякий изнывал бы в его возрасте, от желания похвастаться своей ролью во вчерашнем подвиге, это побуждение могло стать неодо-

лимым. Я добавила:

– Нет, побудь тут еще минутку, Миранда. Мне надо быстро позвонить, а я не знаю, как попросить соединить с этим номером. Каstellо, пожалуйста, мистера Макса.

– Его там нет, он уехал.

– Знаю, но он должен был вернуться около шести.

Девушка покачала головой:

– Его не будет до самого позднего вечера, мне Адони сказал. Мистер Макс звонил в пять часов. Сказал, вернется домой сегодня, но очень поздно, и пусть его не ждут с обедом.

– А-а-а... – Я тяжело опустилась в кресло. Эти новости навалились на меня, словно физическая тяжесть. Я думала не о потраченных напрасно усилиях, но просто о предстоящем пустом вечере, без новостей... и без него. – А он говорил что-нибудь еще?

– Только что «ничего не изменилось».

Миранда повторила эти слова как бы в кавычках, и взгляд ее, озадаченный и вопросительный, сказал мне все, что я хотела знать. Похоже, Адони все-таки сдержал слово: Миранда и представления не имела, что происходит что-то необычное.

Мне же пока приходилось обходиться теми крохами информации, что удалось получить. «Ничего не изменилось». Значит, Макса, скорее всего, следует ожидать с последним паромом, но если ничего не изменилось, то вряд ли с ним будет полицейское сопровождение, так что он может и не при-

везти Спиро с собой. Больше ни о чем догадаться я не могла, но, несомненно, моя роль в этом деле на сегодня окончилась – я не могла больше отвлекать Годфри, да, похоже, это было уже и не важно.

– А откуда звонил мистер Макс?

– Не знаю. Наверное, из Афин.

– Из Афин? В пять часов? Но если он собирался вернуться сегодня...

– Я и забыла. Значит, тогда это не могли быть Афины, правда? Адони не сказал точно, сказал только, что с материка, – она неопределенно махнула рукой. – В общем, где-то там.

И, явственно читалось в ее тоне, что там, что где-либо еще – все едино, никакой разницы. За пределами Корфу все места одинаковы и недостойны внимания.

Я засмеялась, и она засмеялась вместе со мной – первый спонтанный взрыв веселья, что я услышала от нее после вести о гибели ее брата.

– Что такое, Миранда? – спросила я. – Сегодня у тебя такой взволнованный вид. Случилось что-нибудь хорошее?

Девушка уже открыла рот, чтобы ответить, как вдруг какой-то звук из кухни заставил ее резко развернуться:

– Суп! Надо бежать! Простите!

И она скрылась за дверью кухни.

Я приняла ванну и пошла в столовую, где Миранда как раз расставляла содержимое огромного подноса перед оди-

ноким местом на конце стола. Она не проявила ни малейшего желания покинуть меня, а озабоченно следила, как я пробую суп, и опять просияла от похвалы. Пока я доедала первое и накладывала салат из омара, мы обсуждали исключительно кулинарные рецепты. Я не задавала больше никаких вопросов, просто ела, слушала и снова и снова дивилась, как изменила ее магия «выходного» в обществе юного Адони. (Сейчас я должна заметить, что английский Миранды, в отличие от Адони, был далеко не так хорош, каким я его передаю, зато довольно быстр и вполне удобопонимаем, так что ради ясности я буду излагать его нормально.)

– Этот гарнир я сделала по книге синьоры, – сказала она мне, протягивая тарелку. – Ей не нравятся греческие гарниры, так что я попробовала этот из французской книги. Вкусно? Вы хорошо провели день, мисс Люси?

– Спасибо, чудесно. Мы ездили в Ахиллеон.

– Я один раз там была. Там очень красиво, правда?

– Очень. А потом мы выпили чаю в Беницесе.

– В Беницесе? Зачем вы туда поехали? Там ничего интересного, в Беницесе! В Корфу лучше.

– Так, хотелось просто посмотреть, а потом вернуться обратно вдоль моря. Кроме того, я мечтала о чае, а до Корфу было далеко, и мы еще собирались по дороге посмотреть кое-какие памятники античности.

Она нахмурилась.

– Памятники античности? А, вы имеете в виду статуи вро-

де тех, на Эспланаде, прекрасные английские статуи?

– В некотором роде, хотя те недостаточно древние. Античное означает вещи, которым уже много сотен лет, как в музее в Корфу.

– А они ценные, эти памятники античности?

– Очень. Не знаю, можно ли сказать, что они много стоят в смысле денег, но я бы сказала, им просто цены нет. Ты их видела?

Девушка покачала головой и промолчала, но лишь потому, что закусила губы, словно чтобы силой не дать им заговорить. Глаза ее лучились.

Я остановилась, не донеся стакан до рта.

– Миранда, в чем дело? Явно что-то случилось, ты ведь не станешь отрицать: у тебя такой вид, как будто ты получила подарок. Ты мне не скажешь?

Она судорожно вобрала в себя воздух. Пальцы ее снова затеребили складки на юбке.

– Так, просто... просто Адони кое-что нашел.

Я поставила стакан на стол. Он тоненько звякнул. Молчание. Я ждала. Наконец Миранда порывисто выпалила:

– Адони и я, мы вместе нашли это сегодня после ленча. Когда я получила выходной, то сразу пошла к Каstellо... – Она покосилась в мою сторону. – Понимаете, иногда Адони работает в саду, пока сэр Джулиан спит, и тогда мы с ним болтаем. Но сегодня у сэра Гейла был в гостях мистер Каритис, и они сказали мне, что Адони ушел купаться. Вот я и

спустилась вниз к бухте.

– Правда?

Она всецело завладела моим вниманием.

– Найти его мне не удалось, поэтому оттуда я пошла по тропинке вокруг скал к вилле Рота. И тут я его увидела. Он был на утесе, вылезал из кустов.

– Вылезал из кустов?

– На самом-то деле это оказалась пещера, – пояснила Миранда. – Все знают, в скале под Каstellо полно пещер, в них раньше держали вино. Адони сказал мне, что увидел расщелину, услышал плеск воды и понял, что там внизу должна быть еще и пещера. Да весь остров полон пещер...

– Адони нашел новую пещеру?

Девушка кивнула.

– Он раньше не ходил на эту часть утеса. Я и не знала, что он интересуется – как сказать? – исследованиями? Спасибо. Но он сказал, что сегодня хотел найти, откуда берется вода, которая протекает под Каstellо, и знал, что мистер Мэннинг уехал с вами, так что все было в порядке. По-моему, – на щеках у нее появились ямочки, – он мне не очень обрадовался. По-моему, услышав меня, он решил, что это мистер Мэннинг. У него был такой испуганный вид.

И неудивительно, подумала я. Сердце у меня забилося чаще.

– Продолжай. Так что он нашел?

Лицо девушки на миг стало торжественно-серьезным, а

потом просветлело.

– Он нашел доказательства.

Я так и подпрыгнула.

– Доказательства?!

– Он так сказал. Я сама не думаю, что тут нужны какие-то доказательства, но он сказал именно так.

– Миранда! – Услышав, как пронзительно зазвучал мой голос, я постаралась взять себя в руки. – Объясни, пожалуйста. У меня нет ни малейшего представления, о чем ты говоришь. Доказательства чего нашел Адони?

– Доказательства святого Спиридиона и его чудес.

Я снова опустилась на стул. Миранда торжественно глядела на меня. В наступившем молчании я чувствовала, как сердцебиение постепенно вновь приходит в норму. Меня разбирало полуистерическое желание расхохотаться, но я сумела сдержаться.

Наконец я ласково произнесла:

– Ну, продолжай. Скажи-ка... нет-нет, не суетись, я уже доела, спасибо. Послушай, а как ты смотришь на то, чтобы принести кофе, а потом сесть тут со мной и рассказать все по порядку?

Она торопливо вышла, но, когда вернулась с кофе, наотрез отказалась выпить его со мной или хотя бы присесть, а осталась стоять за спинкой стула, судорожно вцепившись в нее и явно умирая от нетерпения выложить мне свою историю.

Я налила себе кофе.

– Рассказывай. Так что насчет святого?

– Вы же были на процессии в Вербное воскресенье.

– Да.

– Тогда вы, верно, знаете про святого, покровителя нашего острова?

– Да, знаю. Я очень много читала про этот остров, прежде чем приехать сюда. Он ведь, если не ошибаюсь, был епископом Кипра, которого замучили римляне, а после смерти тело его набальзамировали и возили с места на место, пока оно не попало на Корфу. У нас в Англии есть похожий святой, его зовут Катберт. Существует множество легенд про него и чудеса, которые творит его тело.

– И в Англии тоже? – Было совершенно очевидно, что Миранда и поверить не могла, что столь холодная и туманная страна могла похвастаться чем-то таким согревающим душу, как настоящий святой. – Тогда вы понимаете, что мы на Корфу еще детьми учим все про нашего святого и много историй про всякие чудеса. И все они – правда. Я это знаю.

– Ну конечно.

Она сглотнула.

– Но есть и другие истории, – истории, которые сэр Джулиан рассказал мне о святом, а я никогда раньше их не слышала. Он – мой *goumbaros* – рассказы вал нам кучу сказок, когда мы были детьми, Спиро и я. Он очень ученый человек, такой же ученый, как *raras* (священник), и знает много пре-

даний про Грецию, все, что мы учим в школе, про Перикла, и Александра, и Одиссея, и Агамемнона, а еще истории про нашего святого, которые произошли много-много лет назад на этом самом месте, которые рaras никогда нам не рассказывал. Их я раньше не слышала.

Она замолчала.

– Да? – сказала я, хотя уже знала, что последует дальше.

– Он нам рассказал, как здесь в пещере жил святой, и с ним его дочь, принцесса, очень красивая. Ему подчинялись ангелы и демоны, и он много колдовал, поднимал и прекращал бури и спасал потерпевших крушение моряков.

Тут она снова замолчала, теперь с сомнением.

– Правда, насчет дочери мне все-таки не очень верится. Святой ведь был епископом, а у них не бывает дочерей. Наверное, она была святой монахиней... Возможно ли, чтобы сэр Джулиан чуть-чуть перепутал?

– Очень даже возможно, – согласилась я. – А эту дочь звали Мирандой?

– Да! Меня назвали как раз в честь этой святой женщины, корфиотки! Так значит, вы тоже знаете эту историю?

– Отчасти. – Я гадала про себя, слегка даже пугаясь этой мысли, как именно могла исказиться в сознании Миранды причудливая и богатая шекспировская теория сэра Джулиана. – В английской истории мы зовем его Просперо, и он был волшебником, но не епископом, а герцогом, родом из Милана, в Италии. Так что, понимаешь, это просто-напросто...

– Он жил в пещере за лаймовой рощей вдоль подножия утеса. – Она махнула рукой на север, и я узнала смелое толкование сэра Джулиана относительно места действия «Бури». – И там занимался всем своим колдовством, но в старости обратился к Богу и утопил свои книги и магический жезл.

– Но, Миранда... – начала я, однако тут же осеклась.

Не время вылавливать расхождения между этой историей и историей епископа Кипра, который (не говоря уже обо всем прочем) уже несколько лет почил в бозе к тому времени, как его тело попало на остров. Я надеялась, что ее слова помогут объяснить, как это легенды вырастают вокруг одной центральной фигуры, точно кристаллы квасцов вокруг нити.

– Да? – повторила я.

Девушка перегнулась через спинку стула.

– Адони говорит, что мистер Макс делает из этой истории пьесу, как... – Она порылась в памяти и, как настоящая гречанка, выудила наилучший пример: – Как «Эдип», это пьеса о старых богах, ее играют в Афинах. Я спросила сэра Джулиана об этой пьесе, а когда он мне ее рассказал, сказала, что ее должны знать священники, потому что я о ней не слышала, и рaras в моей деревне тоже не слышал, а ему непременно надо ее рассказать, чтобы он мог спросить у епископа. Почему вы улыбаетесь, мисс Люси?

– Да нет, ничего. – Я думала, что, в общем-то, мне вряд ли стоит волноваться. В конце-то концов, это ведь греки изоб-

рели цинизм. Каждый грек рождается с пытливым умом, точно так же, как каждый фокстерьер – с пронырливым характером. – Продолжай. Так что ответил сэр Джулиан?

– Засмеялся и сказал, что эта история – с волшебством и книгами – не настоящая правда, или, может быть, лишь отчасти правда, измененная временем, и что поэт, который ее написал, добавил туда всякие вещи из других историй или из головы, чтобы она стала еще красивей. – Миранда пылко поглядела на меня. – Так бывает. Мой *goumbaros* говорит, что это вроде истории Одиссея – это еще одна история нашего острова, которую мы учим в школе, но вы ее не знаете.

– Знаю.

Девушка остолбенела.

– Вы тоже ее знаете? А все англичане такие ученые, мисс Люси?

– Это очень знаменитая история, – рассмеялась я. – Мы тоже учим ее в школе.

Миранда чуть не задохнулась. Вот это действительно слава!

– Мы учим все ваши греческие предания, – продолжила я. – Знаешь, рассказ сэра Джулиана про волшебника, может, и заключает в себе крошечную частицу правды, вроде легенд об Одиссее, но, честно говоря, думаю, что не больше. Я уверена, он вовсе не хотел, чтобы ты поверила в каждое слово. Та история, которую он тебе рассказал и к фильму по которой мистер Макс пишет музыку, просто что-то вроде поэти-

ческого вымысла и, скорее всего, не имеет с настоящим святым Спиридионом ничего общего. Ты сама должна понять, что та часть про пещеру и принцессу не может быть правдой...

– Но это правда!

– Но послушай, Миранда, когда святого привезли на остров в тысяча четыреста восемьдесят девятом году, он был уже...

– Много лет как мертв, я знаю! Но в истории сэра Гейла и вправду есть какая-то правда, и про это надо непременно рассказать священникам. Мы можем это доказать, Адони и я! Я же вам говорю, сегодня мы нашли доказательства!

– Доказательство того, что «Буря» – правда?

Настал мой черед непонимающе глядеть на собеседницу. После нарастающего возбуждения рассказа Миранды это последнее заявление прозвучало апофеозом, но каким-то в высшей степени неуместным.

– Не знаю я ни про какую бурю, но сегодня мы их нашли, в пещере за лаймовой рощей. Там проход, а за ним пещера, глубоко-глубоко в утесе, с водой, и там-то он и утопил свои книги. – Она еще сильнее подалась вперед над спинкой стула. – Вот что нашел сегодня Адони, а потом он взял и показал мне. Они лежат в воде, их хорошо видно, на том самом месте, как и говорил нам сэр Джулиан, – волшебные книги святого!

Голос ее поднялся к драматической паузе, которой поза-

видовала бы сама Эдит Эванс²¹. Лицо девушки сияло, просветленное и полное благоговения. Добрых полминуты я так и сидела в оцепенении, оторопело глядя на нее и обдумывая осторожные фразы, которые могли бы что-либо объяснить и поставить под сомнение, но так, чтобы разочарование не было для бедняжки слишком жестоким. Ведь с ней же был Адони, нетерпеливо говорила я себе, и о чем, во имя всего святого, он думал, что позволил ее фантазии так разыгаться? Уж явно он не разделяет ее детской веры, и от него она вполне приняла бы объяснения, тогда как от меня...

Адони. Внезапно это имя пронзило омрачившую мое сознание пелену, как наконечник копья пронзает легкий муслин. Все поступки Адони обычно имели самые веские основания. Я резко подалась вперед и требовательно спросила:

– Адони нашел эти... вещи в пещере под утесом? Где вход туда?

– За выступом, на полдороге вверх по утесу, над эллингом.

– Ага. А его видно из бухты – из нашей бухты?

Миранда покачала головой.

Надо подняться на полдороги вверх к вилле Рота. А там над тропой, в скалах, за кустами.

– Понятно. – Сердце у меня снова заколотилось как бешеное. – Ну-ка, а когда Адони увидел тебя, что он сказал? Постарайся вспомнить точно.

– Я же рассказывала, сперва он рассердился и стал тороп-

²¹ Эдит Эванс знаменитая актриса первой половины XX века.

ливо уводить меня прочь, потому что нас не должны были там увидеть. А потом вдруг остановился, немного подумал и сказал, нет, я должна тоже пойти в пещеру и поглядеть, что он нашел. И повел меня внутрь, дорога была крутая и длинная – резко вниз, но у него был с собой фонарик, и там было сухо. А на дне оказалась большая пещера, полная воды, очень глубокой, но прозрачной. И под выступом, среди гальки, мы увидели книги.

– Минутку. Почему ты решила, что это книги?

– Но они выглядели как книги, – резонно заметила Миранда. – Старые-престарые книги, такие разноцветные. Из-под гальки торчали уголки, а на них виднелись письма.

– Письмена?

Миранда кивнула.

– Да, на иностранном языке, а еще картинки и волшебные знаки.

– Но, дорогая моя девочка, книги? В морской воде? Они бы за пару часов превратились в кашу.

– Вы забыли, – просто ответила Миранда. – Это ведь святые книги. Они не погибнут.

Я не стала оспаривать это утверждение.

– А Адони не пытался их вытащить?

– Там слишком глубоко и слишком холодно, а еще плавал угорь. – Она передернулась. – И Адони сказал, их нельзя трогать, он расскажет сэру Джулиану и мистеру Максиму и они придут. Он сказал, я теперь его свидетельница, что он

их там нашел, и чтобы я никому не рассказывала, кроме вас, мисс Люси.

Я положила обе ладони на стол и крепко-крепко прижала их к дереву, чувствуя, как пульсирует кровь в кончиках пальцев.

– Он велел рассказать мне?

– Да.

– Миранда. Ты мне сказала чуть раньше, что Адони говорил, будто эти книги – «доказательства»? А он не сказал, доказательства чего?

Миранда свела брови.

– А что он мог иметь в виду, кроме этой истории?

– Понятно, – кивнула я. – Что ж, все это чудесно, и огромное спасибо, что ты мне сказала. Не могу дождаться, пока увижу эти доказательства, только не говори больше никому, ладно? Даже своей маме. Если... если все это окажется ошибкой, было бы просто ужасно зря обнадеживать людей.

– Не скажу. Я обещала Адони. Это наш с ним секрет, мой и его.

– Конечно. Но мне бы хотелось спросить об этом его. Пожалуй, я прямо сейчас прогуляюсь к Каstellо. Как ты думаешь, ты могла бы позвать его к телефону для меня?

Она бросила взгляд на часы.

– Там сейчас никого не будет. Сэр Гейл уехал в Корфу обедать с мистером Каритисом, а Адони с ними.

– Но Макс взял машину, и Адони не на чем их везти, ведь

так?

– Мистер Каритис приехал на своей машине. Но Адони решил отправиться в Корфу, поэтому присоединился к ним и сказал, что вернется с мистером Максом.

Ну конечно, этого и следовало ожидать. Что бы Адони ни нашел в пещере у виллы Рота, какие бы «доказательства» ни получил, он захотел бы при первой же возможности предъявить их Максу, и если он не ошибался насчет своей находки – а я не сомневалась, что не ошибается, – то уже сегодня вечером гончие возьмут след и тот конец, который я мечтала ускорить днем, неминуемо приблизится.

Я поглядела на часы. Если паром причалит без пятнадцати одиннадцать... дать Максу еще час на то, чтобы выслушать рассказ Адони и, скорее всего, заручиться помощью полицейских из Корфу... полчаса на дорогу сюда... получается, они прибудут в пятнадцать минут первого. Даже если Годфри уже вернется с этой своей встречи, где бы она ни происходила, то уже вполне может быть в постели, а не там, откуда можно увидеть или услышать исследователей, открывающих тайны утеса...

Внезапно руки мои словно по собственной воле скользнули к краю столешницы и намертво вцепились в нее.

Мысли, до сих пор бесформенно вихрящиеся, устоялись и определились.

Годфри говорил, что сегодня вечером должен уехать, и у меня сложилось впечатление, будто ему предстоит какое-то

весьма важное дело, для которого требуется свобода действий и открытая дорога. Разве так уж невероятно, что предметы, столь таинственно спрятанные под домом, являются частью все того же ночного дела? Что фактически к тому часу, когда Макс и полиция попадут в пещеру, «доказательства» исчезнут? И что даже слова Адони и его свидетельницы не смогут показать, что это такое было и куда исчезло? Мы вернемся назад, на то самое место, откуда начинали, и, скорее всего, дело Годфри будет закрыто, а сам он выйдет сухим из воды....

Я неохотно обдумала все по порядку. Неохотно пришла к очевидному и единственному решению. И поднялась.

– Ты покажешь мне пещеру и книги? Прямо сейчас?

Миранда уже начала составлять посуду обратно на поднос. Услышав мой вопрос, она замерла в изумлении.

– Прямо сейчас, мисс?

– Да, сейчас. Это может быть важно. Я бы хотела сама увидеть их.

– Но... уже так темно. Вы ведь не полезете туда в такую темень. Утром, когда вернется Адони...

– Не проси меня объяснять, Миранда, но я должна идти прямо сейчас, это может быть очень важно. Ты просто покажи мне пещеру, вход в нее, и все.

– Ну конечно, мисс. – Она растягивала слова, словно сомневаясь. – А что будет, если придет мистер Мэннинг?

– Не придет. Он куда-то уехал на машине, он мне сам го-

ворил, так что вряд ли он пойдет по тропинке вверх на утес. Но чтобы убедиться, что его нет, мы сначала позвоним ему домой... Я могу притвориться, будто что-то забыла в машине. Ты наберешь мне номер, хорошо?

Где-то в пустом доме Годфри хрипло и пронзительно над рывался телефон, а я все стояла, выжидая, и Миранда нависала над моим плечом, обеспокоенная, но явно польщенная моим интересом к ее истории. Наконец я опустила трубку и поглядела на девушку:

– Ну вот. Его нет, так что все в порядке. Ну как, Миранда, покажешь? Пожалуйста. Только отведи меня к входу – и можешь идти назад.

– Ладно, если вы действительно так уж хотите идти... Если кириоса Мэннинга нет, я вовсе не против. Мне взять фонарик, мисс Люси?

– Да, будь так добра. Дай мне пять минут, чтобы накинуть куртку и сменить туфли, – попросила я, – а у тебя есть тут куртка или еще что-нибудь для себя?

Я не стала даже упоминать, что хорошо бы это оказалось чем-нибудь темным, – святой милостью крестьяне с Корфу никогда не носят ничего другого.

Три минуты спустя, одетая в легкие туфли на резиновой подошве и темную куртку, я лихорадочно перерывала стол в комнате Лео в поисках пистолета, который, насколько мне было известно, он там держал.

ГЛАВА 16

... Вот, видишь:

В пещеру вход. Войди туда бесшумно.

У. Шекспир. Буря. Акт IV, сцена 1

В бухте было пусто и темно – ни звука, ни лучика света. Мы без труда сумели, не включая фонарика, преодолеть полосу светлого песка, а миновав густую тень сосен, где лежал дельфин в ту памятную ночь, и выбравшись на каменистую тропинку, ведущую вдоль подножия южного мыса, обнаружили, что и тут можем обходиться без предательского огня.

Чуть-чуть не доходя зигзага, уведившего вверх к вилле Рота, мы свернули с дорожки. Шедшая впереди Миранда резво взбиралась по откосу – по всей видимости, прямо в самую гущу кустов, скрывающих утес.

Над нами склонялись темные и молчаливые лаймовые деревья. Ни один лист не трепетал.

Море и то было едва слышно. Даже после того, как мы включили фонарик, чтобы видеть, куда идем, наше продвижение через кустарник напоминало шум двух упитанных буйволов.

К счастью, идти было недалеко. Вскоре Миранда остановилась. Прямо по поверхности утеса стелился густой куст чего-то хвойного – судя по запаху, можжевельника.

– Здесь, – прошептала она, разводя ветви руками.

Я посветила туда фонариком.

Там оказалось узкое, чуть шире простой щели, отверстие, открывающееся в туннель, который медленно понижался на протяжении примерно четырех ярдов, после чего его, казалось, намертво преграждала каменная стена. Пол туннеля выглядел ровным, стены были сухими.

Я колебалась. Порыв ветра зашелестел в кронах деревьев, кусты зашуршали. Тот же ветерок – или дело было не в нем? – обдал холодом мои щеки.

– Там дальше поворот налево, – в шепоте Миранды не слышалось ничего, кроме радостного возбуждения, – а потом снова вниз, довольно долго, но спуск легкий. Вы пойдете первой или лучше мне?

Сперва я собиралась всего-навсего затаиться рядом с входом в пещеру, пока Адони не приведет сюда помощь, а Миранду отослать домой, от греха подальше.

Но теперь мне пришло в голову, что если вдруг Годфри придет сюда до прихода Макса и унесет «книги», то мне тоже понадобится свидетель. Это если излагать высшие побуждения. Если же говорить о низших – ужасно не хотелось оставаться одной. И даже если бы Годфри нашел нас (что казалось крайне маловероятным в темных зарослях), то нам не грозила опасность повторить судьбу Янни. Я была настороже, а кроме того, был ведь еще и пистолет, пистолет и тот простой факт, что от двоих избавиться вдвое труднее, чем

от одного.

Но я все еще раздумывала. Теперь, когда мы стояли здесь, в тихой темноте, в окружении самых обычных ночных звуков, ласкового ветерка, мне больше всего на свете хотелось самой взглянуть, что же такое нашел Адони. Если Годфри сегодня же придет, чтобы все это унести, а мне не удастся ни увидеть, что это было, ни проследить, куда Годфри это денет, то мы вернемся к исходному положению...

Три части бравады, три части желания отомстить за людей, которых я уже успела полюбить и которыми начала восхищаться, и три части острого, нестерпимого чисто человеческого любопытства – не слишком-то похвальная смесь эмоций заставила меня сказать с бойкостью, которая в темноте могла сойти за храбрость:

– А там, внутри пещеры, есть где спрятаться?

Глаза Миранды вспыхнули, но она ответила просто:

– Да, полно укромных мест, другие пещеры с упавшими скалами и ответвления...

– Замечательно. Тогда идем. Ты впереди.

Сзади нас зашуршали ветки можжевельника, возвращаясь на свое место над проемом.

Туннель круто вводил вниз. Насколько я догадывалась, за много лет силы природы разделили основную массу скалы на огромные прямоугольные блоки, а наш проход вел вглубь через трещины между ними. Тут и там от него отходили боковые ответвления, но основной путь был столь же безоши-

бочно узнаваем, как широкое шоссе среди лабиринта проселочных дорог.

Миранда вела меня без колебаний. Направо, налево, потом прямо примерно тридцать футов, потом снова направо и прямо... должно быть, в самое сердце мыса. В конце последнего прямого участка пол туннеля словно бы обрывался, резко уходя вниз, в черные глубины.

Миранда остановилась, указывая.

– Пещера вон там, внизу. Тут слезть легко, как по ступенькам.

Несколько секунд спустя мы уже стояли на обрыве над чем-то вроде подземной лестницы великанов – огромной естественной лестницей, образованной выступами неровной скалы, ведущей, ступенька за ступенькой, к каменной полке во всю длину вытянутой ромбовидной пещеры, залитой черной водой. Полка шла примерно в четырех футах над уровнем воды, нависая над гладкой поверхностью озера.

Мы спустились по ступеням, и я посветила фонариком в глубь пещеры.

Она оказалась большой, но не чрезмерно огромной. В том конце, где стояли мы, скалы над головой нависали не слишком высоко – наверное, футов в двадцати, но когда луч скользнул дальше, своды пещеры ушли вверх, во тьму. Там, насколько я могла догадываться, проходили сквозные расщелины, через которые в пещеру поступал свежий воздух и благодаря которым Адони впервые догадался о ее существо-

вании. Дальше вдоль длины полки от нее отходили ниши и туннели, обещавшие хороший выбор укрытий на случай внезапной необходимости. Стены из белесого известняка были отсыревшими и пористыми, так что я догадалась, что с берега моря сквозь трещины и щели сюда каким-то образом проникает ветер. Однако сейчас огромное корыто морской воды у наших ног застыло в мертвой неподвижности, воздух пах солью и мокрым камнем.

Миранда схватила меня за руку.

– Здесь, внизу! Посветите фонариком. Внизу!

Я опустила фонарь. Сперва ничего не было видно, кроме переливов и игры воды под лучом, потом свет словно бы начал просачиваться сквозь воду, как мокрое пятно через слой шелка, и я различила дно, насыпь гладкой круглой гальки, цвета которой в электрическом свете поблекли до оттенков отбеленной кости и слабо-зеленого и жемчужного. Какая-то узкая, проворная тень скользнула через насыпь и молниеносно скрылась в щели.

– Видите? – Миранда присела, тыча пальцем вниз. – Под выступом, где насыпаны камни. Вон!

И тут я увидела – чуть высовывавшийся из груды гальки угол, похожий на краешек большой книги или коробки. Вид был такой, словно этот предмет, чем бы он ни являлся, подсунули глубоко вниз под выступ и засыпали камнями сверху.

Я опустилась на колени рядом с Мирандой, внимательно вглядываясь вниз. По-видимому, какое-то волнение на море

снаружи передалось озерцу: вода зарябила и заиграла, ломаные тени и отражения заплясали в луче фонаря. Похоже, тот странный предмет был разноцветный и с гладкой поверхностью – простая душа, наслушавшись рассказов сэра Джулиана, вполне могла принять его за книгу. Я же решила, что это скорее угол коробки с какими-то наклейками. Я различала даже, хотя и очень смутно, что там что-то написано.

– Видите?

Шепот Миранды эхом отразился от стен пещеры.

– Да, вижу.

Какие бы то ни было мысли насчет попытки достать этот предмет, невзирая на ледяную воду и угря, умерли естественной и безболезненной смертью. Даже если бы мне удалось донырнуть до дна и поднять коробку, я все равно не смогла бы без веревки вскарабкаться по скале, нависающей над водой на высоту в добрых четыре фута.

– Это книга, да?

– Возможно. Но если и так, то, думаю, ты обнаружишь, что она не очень древняя. Она может сохраниться там, только если обернута в полиэтилен или что-то вроде, а значит...

Я умолкла. В пещере раздался какой-то звук – новый звук, не отголоски эха, не слабые шепоты ночи, долетающие сюда сквозь невидимые щели в утесе. Я щелкнула выключателем фонарика, и мы оказались в непроглядной тьме, густой, как черная шерсть. Я тронула Миранду за руку.

– Тише. Мне что-то послышалось. Прислушайся.

Сквозь шлепанье капель с известняка снова донесся тот же звук – тихие и осторожные шаги где-то в туннеле наверху.

Он шел сюда. Боже праведный, он шел сюда!

Миранда зашевелилась.

– Кто-то идет. Должно быть, Адони уже вернулся. Наверное...

Я остановила ее и прижалась губами к самому ее уху.

– Это не Адони. Нас не должны тут застать, надо спрятаться. Быстрее...

Схватив девушку за руку, я потянула ее в глубь пещеры. Она без единого вопроса последовала за мной. Прижавшись к стене, мы шаг за шагом нащупывали дорогу, пока не добрались до угла и не завернули за него.

– Постой.

Я рискнула на секунду зажечь свет и облегченно вздохнула. Мы находились в глубокой нише или оканчивающемся тупиком туннеле, невысоком и заваленном давно нападавшими булыжниками и обломками скал.

Я снова выключила свет. Медленно, осторожно и почти беззвучно мы заскользили в укрытие и забились глубоко под нависающий выступ известняка, вжавшись в стену, как морские звезды, прячущиеся от трезубцев рыбаков.

И как раз вовремя. Пещера залилась светом. Я так глубоко заползла в щель, что видела всего лишь изогнутый кусок свода и дальней стороны главной пещеры, зато слышать, разумеется, могла вполне ясно, поскольку эхо пещеры и вода

многократно усиливали каждый звук: поступь башмаков по камням, легкий звон, когда мощный фонарь поставили на камень (свет сразу перестал дрожать), шумное дыхание. Потом какой-то плеск, то ли от прыжка в воду, то ли еще от чего – я не поняла.

Пауза, во время которой вода плескала и шлепала, а дыхание стало громче и натужней, словно от какого-то усилия. Потом снова плеск, но уже другой, неровное журчание, как будто что-то вытаскивают из озера. Еще одна пауза, наполненная перезвоном капель и бульканьем стекающей воды. Затем свет снова задвигался, шаги медленно стали удаляться, и в пещере остались лишь постепенно затихающие звуки потревоженной воды.

Миранда зашевелилась рядом со мной.

– Он взял книгу. Кому тут быть, кроме Адони, мисс Люси? Наверное, он вернулся, чтобы забрать книгу для сэра Гейла. Кто еще о ней знает? Можно, я...

– Нет! – шепнула я как можно настойчивей. – Это не Адони, я уверена. Тут что-то другое, Миранда... Пока я еще не могу тебе ничего сказать, но, пожалуйста, поверь. Оставайся здесь. Не двигайся. Я вылезу поглядеть, что там.

Я выскользнула из щели и включила фонарик, зажимая его рукой, чтобы пробивались лишь узкие полоски света в щелочки между пальцами. Из темноты на меня взглянули два внимательных глаза, но девушка даже не шевельнулась и не издала ни звука. Потихоньку пробравшись к главной пе-

щере, я помедлила за углом, выключив фонарь и прислушиваясь. В мертвой тишине слышалось лишь размеренное капанье и слабый шелест воды в озере.

Включив фонарик, я опустилась на колени и поглядела вниз.

Все, как я и ожидала. Груда камешков была грубо разворошена и, насколько я могла судить, стала ниже. Но, судя по всему, там находился не один прямоугольный предмет, а несколько, потому что я разглядела другой угол, высывавшийся из гальки под иным углом, чем первый. А на узком выступе, словно дожидаясь возвращения хозяина, стоял приклоненный к стене железный багор, длинный шест с крючком на конце, с которого лениво стекала вода на известняк.

Я застыла, лихорадочно обдумывая ситуацию. Адони был прав: здесь таился ключ, которого нам так не доставало, разгадка смертоносного занятия Годфри.

Что же мне делать теперь? Ответить на этот вопрос было проще простого.

Я понятия не имела, какую часть своего сокровища забрал Годфри и собирается ли вернуться за остальным сегодня же; но в любом случае следовать за ним прямо сейчас было бы чревато смертельным риском и ни к чему хорошему не привело бы. Если он собирается вернуться, мы столкнемся с ним в туннеле. Если нет – что ж, остаток «доказательств» мирно-спокойно дождетя, пока наконец не появится Макс.

И, говоря начистоту, я тоже...

Едва я забралась обратно в нишу, мы услышали, как Годфри возвращается. На белесых стенах, предвещая его приход, засиял, все усиливаясь, свет. Представление повторилось до мельчайших подробностей: всплеск забрасываемого багра, шорох разгребаемых камней, вытягивание добычи, пауза, пока стекает вода... и свет опять удалился, а мы остались во тьме, где глухо плескалось потревоженное озеро.

– Подожди, – снова прошептала я, пробираясь в главную пещеру.

Багор исчез.

Присев на залитой водой скале, я в очередной раз усталилась в озеро. Как и следовало ожидать, груда гальки стала значительно ниже и более плоской. То, что таилось внизу, пропало. Озеро лишилось своего сокровища.

На этот раз останавливаться и раздумывать было нечего. К несчастью, как и прежде, оставалось всего одно возможное решение. Надо было следовать за Годфри. И немедленно.

В долю секунды я оказалась возле Миранды.

– Можешь выходить. Скорее!

Девушка материализовалась рядом со мной. Она дрожала мелкой дрожью, дыхание слетало с губ быстро и прерывисто. Глаза по-прежнему сияли волнением, но уже по-другому. Теперь вид у нее был испуганный.

– Что это, мисс? В чем дело?

Я постаралась придать голосу спокойствие и уверенность.

– «Книги» пропали, и взял их мистер Мэннинг. Уверена,

что это он. Мне надо поглядеть, куда он их перепрячет, но он не должен нас видеть. Ты поняла? Он не должен нас видеть... Я потом все тебе объясню, но сейчас нам надо спешить. Пойдем.

Мы поднялись по «лестнице великанов» и короткими перебежками, от угла до угла, направились вверх по туннелю, перед каждым поворотом останавливаясь и прислушиваясь, что там впереди. Но нас ничто не потревожило, и вскоре мы уже стояли у выхода из расщелины, осторожно раздвигая ветви можжевельника. После пещеры воздух пах теплом и свежестью, ароматом цветов и примятой травы. Поднявшийся ветерок шелестел в кустах, заглушая весь шум, поднятый нами на обратном пути.

Мы начали спускаться по склону, ощупью пробираясь среди густого кустарника и молодых побегов деревьев. Хотя луны видно не было, на небе мерцало множество звезд, и мы шли довольно быстро. Я не смела выходить на тропинку, а держалась выше ее и, согнувшись в три погибели, осторожно пробиралась к повороту, от которого надеялась увидеть эллинг. Наконец мы добрались до обрыва, где жимолость и (что хуже) папоротники образовывали густое укрытие между молодыми лаймовыми деревцами.

Эллинг располагался прямо под нами. Крыша его темным пятном вырисовывалась на фоне бледного моря. Мне показалось, хотя я и не могла сказать наверняка, что дверь на дороге стояла открытой.

В следующий миг она закрылась. Тихо, но отчетливо лязгнул автоматический замок. Какая-то тень направилась вдоль эллинга к тропинке и вскоре показалась на свету. Мы обе замерли, как мыши, едва осмеливаясь дышать. Идущий обогнул угол совсем под нами и начал подниматься по тропе быстрой, уверенной и легкой походкой, которую я сразу узнала. А в следующий миг, когда он проходил всего в нескольких футах от нас, я отчетливо разглядела его. Он сменил светлый дневной костюм на темные брюки и темный же толстый свитер. В руках у него ничего не было. Он прошел мимо, и легкие шаги затерялись среди вздохов ветра.

Мы лежали в такой глубокой тени, что я не видела Миранды, но почувствовала, что она повернулась ко мне. Вскоре она осторожно коснулась моего плеча. Рука ее дрожала.

– Мисс... мисс, что происходит?

Я накрыла ее ладонь своей.

– Ты права. Дело не только в том, что нас могут застигнуть в чужих владениях. Все гораздо серьезнее и может стать опасным. Прости, что втянула тебя, но мне нужна твоя помощь.

Она промолчала. Я перевела дыхание и сильнее сжала ее руку.

– Послушай. Я не могу рассказать тебе всего сейчас, но произошло... кое-что произошло, и мы думаем... мистер Макс и я... что это может иметь какое-то отношение к несчастному случаю с твоим братом. Адони тоже так счита-

ет. Мы хотим в этом разобраться. Ты будешь доверять мне и делать, что я скажу?

Наступила пауза. Миранда все еще молчала, но воздух меж нами стал таким напряженным, что я буквально чувствовала, как он вибрирует, точно спущенная тетива.

– Да.

– Ты видела, кто это был?

– Конечно. Мистер Мэннинг.

– Хорошо... возможно, тебя станут спрашивать... что такое?

– Смотрите!

Она махнула рукой, показывая мне на утес, где над черными силуэтами деревьев вспыхнул свет. Вилла Рота.

Я вздохнула свободней.

– Значит, он на какое-то время там. Слава богу. Вот бы узнать, который час.

– Фонарик зажигать нельзя?

– Нет. Надо было мне посмотреть раньше. Ну да ничего. Похоже, он перенес все из пещеры в эллинг. Ужасно хотелось бы спуститься и взглянуть на них... Он говорил, что куда-то уезжает сегодня вечером, причем не на яхте, но вполне мог просто морочить мне голову, чтобы получить возможность сходить в пещеру. Он может прослоняться тут вокруг всю ночь... или вообще солгал. Вот сейчас снова спустится, выведет яхту, и поминай как звали. – Я беспокоюсь, с ненавистью глядя на ровный освещенный квадратик окна.

– Да и в любом случае, проклятый сарай заперт. Если даже...

– Я знаю, где ключ.

Я быстро обернулась и уставилась на свою сообщницу.

– Знаешь, где ключ?

– Спиро мне говорил. У них был запасной ключ, его держали под полом, в том месте, где дом касается воды. Я знаю это место – он мне показал.

Я сглотнула.

– Скорее всего, теперь его там нет, да и в любом случае...

Я резко остановилась. Свет погас.

Через несколько минут мы услышали шум мотора. Что это машина Годфри, не возникало никаких сомнений: он включил фары, и два ярких луча описали широкий полукруг, пронзая ряды деревьев и устремляясь вдаль, в пустоту, исчезающая во тьме за мысом, по мере того как рев двигателя затихал в лесу. Вот Годфри прибавил скорости, раздался короткий отдаленный рык, а потом все звуки затихли, и вокруг снова воцарилась тьма.

– Уехал, – сказала Миранда, хотя это было и так ясно.

Я села, пришла в ярость, обнаружив, что лязгаю зубами, крепко стиснула их и сунула руку в карман, где тяжело и неловко болтался у моего бедра пистолет Лео. Мне были совершенно ясны две вещи: первая – я не хотела и близко подходить к эллингу Годфри Мэннинга, и вторая – если я этого не сделаю, то весь остаток жизни буду презирать себя за трусость. У меня имелся пистолет. Под домом, вероятно, лежал

ключ. Я могла хотя бы попытаться.

– Тогда идем.

Я поднялась из укрытия и начала продираться к тропинке. Миранда двинулась за мной. На бегу я, задыхаясь, инструктировала ее:

– Ты должна вернуться прямо домой. Можешь попасть в Каstellо?

– Да.

– Тогда иди туда. Так ты увидишь их, как только они попадут домой. Но сначала попытайся позвонить Адони... Ты знаешь, где он может быть?

– Иногда он обедает у Кростомалиса или в баре «Корфу».

– Попробуй позвонить туда. Если его там нет, кто-нибудь из его друзей может знать, где он. Он мог пойти ждать в гавань или даже в полицию... Во всяком случае, попробайся.

Мы достигли эллинга. Я остановилась у двери и попробовала открыть... разумеется, безуспешно: она была крепко заперта. Миранда проскользнула мимо, я услышала, как она возится в тени у самой стены, а потом девушка снова оказалась рядом и вложила мне в руку холодный ключ.

– Вот. Что мне сказать Адони?

– Не рассказывай ему, что произошло. Мистер Мэннинг ведь может вернуться назад в дом и снять трубку – всего нельзя предусмотреть. Просто скажи, он должен немедленно ехать обратно сюда, это очень срочно. Так говорит мисс Люси... Он поймет. Если нет, наплети ему что угодно – ска-

жи, что я больна и тебе срочно нужна помощь, – что угодно, лишь бы он сюда приехал. Пусть ничего не говорит сэру Джулиану. Потом жди его... Не выходи из Каstellо и не открывай дверь никому, кроме Макса или полиции... или меня. Если я не вернусь к тому времени, как он придет, расскажи ему, что произошло и что я здесь. Хорошо?

– Да.

Союзник из нее вышел, каких один на миллион. Как бы ни была она смущена или напугана, но повиновалась так же беспрекословно, как и раньше. Я еще услышала, как она говорит:

– Да хранит вас святой, мисс.

И вот она уже исчезла, со всех ног убежав по прибрежной тропе к бухте.

С последним взглядом на утопающий во мгле мыс и с короткой молитвой собственного изобретения я начала тыкать в замок постыдно трясущимся ключом, пока наконец не попала в скважину.

Замок с трудом поддался, и я проскользнула внутрь.

ГЛАВА 17

Теперь ни слова. Тсс! Молчанье!
У. Шекспир. Буря, Акт IV, сцена 1

Эллинг был и вправду немаленьким. Высокая крыша то-нула в тенях, а шум моря гулко отражался от стен, точно эхо в пещере. Вдоль трех стен чуть повыше уровня воды тяну-лась узкая деревянная платформа, у которой с ближней ко мне стороны стояла на причале яхта. Я на миг включила фо-нарик. Луч высветил изящные, исполненные силы очертания и написанное на боку название: «Алистер». В том же луче я разглядела прислоненный к стене багор из пещеры.

Спрятать что-либо в этом огромном пустом помещении было решительно негде, разве что на самой яхте. Я защелк-нула замок на двери позади меня и шагнула на кокпитовый комингс проверить дверь каюты.

Она оказалась незапертой, но я не стала заходить туда вот так, сразу. В задней стене эллинга, выходящей на утес, рас-полагалось окно, через которое виднелся отрезок тропинки, за ним черная нависающая громада скалы и деревья и – на самом верху – клочок бледного неба. Теперь, когда глаза у меня успели немного привыкнуть к темноте, я смогла раз-личить остроконечную крышу виллы Рота. Что ж, отлично. Если Годфри вернется слишком быстро, меня предупредит

шум машины или свет в доме.

В каюте я включила фонарь и обвела лучом комнату... раз... второй...

На мой взгляд, обстановка тут очень напоминала обстановку на яхте Лео. Большие занавешенные окна по обеим сторонам, под ними – мягкие койки-диванчики с обшитыми веселеньким ситцем подушками. Между койками – откидной столик, над которым висела лампа. В передней стенке виднелся дверной проем, тоже отгороженный занавеской, но я не сомневалась, что обнаружу за ним еще одну койку, туалет, обычный комплект чехлов для парусов и канаты, а также запасной якорь. Непосредственно справа от меня, сразу за дверью, располагался камбуз, а напротив него – четвертая койка. Для экономии места половина ее находилась в каюте, а половина уходила в пространство за шпангоутом, под сиденье левого борта. Эта четвертая койка была завалена грудой одеял и отделялась от диванчиков маленьким столиком со встроенным внизу шкафчиком.

И повсюду сплошные ящики и рундуки...

Я методично начала с правого борта.

В камбузе ничего, плита пуста, шкафы так плотно набиты разной кухонной утварью, что между ней ничего не спрячешь. В рундуках – посуда, консервные банки, всякие штуки для фотографии, картонные коробки, доверху полные безобидными шурупами и деталями. В высоком встроенном шкафу – куртки, дождевики, свитера и целая полка

с аккуратно расставленными башмаками и туфлями, такими же блестящими, начищенными и скользкими, как сам Годфри...

И так повсюду: все открыто, а содержимое совершенно нормального и невинного свойства – одежда, запасные одеяла, фотографическое оборудование, инструменты. Единственным недоступным местом оказался запертый рундук в ногах четвертой койки. Но, судя по его узости и по моим воспоминаниям об устройстве яхты Лео, я сообразила, что здесь хранится всего-навсего запас спиртных напитков – больше их нигде не нашлось, а этот шкафчик был так мал, что вряд ли вместил бы те свертки, которые я искала. Не тратя времени на попытки открыть его, я продолжила поиски, даже заглянула под матрасы и груды одеял, но единственное, что явилось на свет в результате, – дешевое издание «Тропика Рака» в мягкой обложке. Я запихнула его обратно, застелила одеяла так, как они были до этого, а затем принялась исследовать пол.

Я знала, что там должны быть несколько люков – секций пола, которые приподнимаются и дают доступ к трюму. И точно, под столом, среди досок, мой взгляд различил блеск вделанного в пол кольца, которое, когда я за него потянула, подняло вместе с собой квадратный участок настила со стороны около восемнадцати дюймов, как маленький потайной ход. Но под ним не открылось никакой пещеры с сокровищами – лишь поблескивала на дне трюма колеблющаяся в

такт покачиванию яхты вода да слабо папахивало газом. И то же самое с люком на полубаке.

Люк для мотора под лестницей каюты казался не самым подходящим местом для тайника, но я все равно заглянула туда и даже приподняла крышку резервуара с запасом пресной воды, но узрела лишь призрачное отражение света фонарика и свою тень, дробящуюся на поверхности сорока галлонов воды. Не здесь...

Опустив крышку – к этому времени руки у меня вспотели и начали трястись, – я выключила фонарь, взбежала по ступенькам и вылетела на палубу.

Сперва к окну... Снаружи не виднелось никаких огней, но я должна была убедиться наверняка. Я рванула на корму, поднырнула под ограждение и, вскарабкавшись на скамью, тревожно взгляделась в окно.

Тихо и темно. Я могла – должна – была позволить себе еще несколько минут поисков.

Включив фонарь, но из осторожности то и дело косясь на окно эллинга, я обозрела кокпит. Тут тоже все казалось вполне невинным. Пространство под скамьей с правого борта занимали баллоны с газом и ничего больше. Под сиденьем на корме – только сложенная парусина и снаряжение для ныряния с аквалангом. Скамья с левой стороны находилась как раз над четвертой койкой. Ничего. Равным образом за бортом «Алистера» не было прикреплено никаких подозрительных предметов и в море под ним тоже ничего не болталось –

эта свежая идея отпала сама собой за несколько секунд. Наконец я бросила поиски и застыла, ссутулившись, в жалкой нерешительности, лихорадочно пытаюсь побороть сковывавшее меня напряжение и подумать как следует.

Мэннинг наверняка принес свой груз сюда. Ему не хватило бы времени отнести свертки в дом, и вряд ли он стал бы прятать их где-то снаружи, когда у него имелся «Алистер» и, более того, не возникало и тени мысли, что его в чем-то подозревают. Конечно, он мог бы прямо на месте, в пещере, передать груз своему сообщнику, а потом просто-напросто вернуть багор в элинг, но сообщнику же требовалось хоть какое-то средство передвижения, то есть либо ослик, либо лодка. Однако ослика бы мы с Мирандой непременно услышали; гребную лодку, конечно, нет, но чего ради Годфри идти на веслах, если он располагал яхтой и яликом с нее? Нет, совершенно очевидно, что никакого невинного объяснения, зачем потребовалось что-то прятать в пещере, быть не могло.

Но я ведь уже обыскала все, абсолютно все. Свертков не было ни на яхте, ни за бортом, ни на платформе, и на одной-единственной полке в элинге их тоже не было. Куда же, во имя всего святого, он умудрился запихнуть в таком тесном пространстве эти увесистые, неповоротливые и мокрые тюки, да еще так быстро и эффективно?

И тут ответ пришел сам собой, очевидный донельзя. В воду. Годфри просто переместил свертки со дна пещеры на дно бухты. Они лежат под «Алистером», прямо под ним, и если

я только сумею их увидеть, то вот у меня под рукой и багор, еще мокрый, с него целая лужа на пол накапала.

Я шагнула на кокпитовый комингс и протянула руку к багору, как вдруг в глаза мне бросился ключ к отгадке, столь очевидный, простой ответ, что я должна была заметить его с самого начала, это сберегло бы мне столько драгоценных минут и даже гораздо больше! Через дверь эллинга и вглубь по платформе вел след капель, оставленный мокрыми тюками, с которых лилась вода, – след, столь же очевидный наметанному взгляду, как отпечатки на свежем снегу. Мне не было никаких оправданий, кроме страха и спешки, а ведь (с горечью подумала я) Немезиде, вооруженной отличным тяжелым пистолетом, вовсе нечего бояться.

А след уже высыхал. Ведя желтым лучом по доскам настила, я обозвала себя доброй сотней имен, которые даже не подозревала, что знаю.

Да, это были они, следы на снегу, – две слабые, неровные цепочки, переплетающиеся между собой, как следы велосипедных колес, уводящие вдоль платформы и за ее край...

Однако отнюдь не в воду. Они тянулись через борт «Алистера», по палубе и вниз, в каюту...

В мгновение ока я оказалась внутри, Вниз по ступенькам, к столу... Я ведь даже не взглянула на голую поверхность стола, но теперь явственно различила на пластиковой столешнице еще влажный квадрат, где Годфри положил свертки.

Тут следы и кончались. Но теперь оставался только один

ответ. След оборвался потому, что Годфри только и надо было, что открыть люк под столом и скинуть груз прямо вниз.

В считанные секунды я снова открыла люк и отложила крышку в сторону. Предо мной зияла квадратная дыра.

Опрометью бросившись наверх, я прильнула к окну. Ни огонька. Я вернулась и, рухнув на колени возле отверстия, включила фонарик и направила узкий желтый зрачок – все, что осталось от батарейки, – на маслянистую грязную поверхность воды в трюме «Алистера».

Ничего. Ни следа. Но теперь я знала, что свертки должны быть там...

И они там были. Чтобы разглядеть их, мне пришлось лечь на пол и самой наполовину всунуться в отверстие, – но они лежали в трюме, не на дне, а плотно и аккуратно втиснутые под самые половицы сбоку, на полке, без сомнения прибитой специально для этой цели. Она находилась над поверхностью воды и довольно далеко от люка, и, чтобы увидеть свертки, надо было – вот как я сейчас – почти целиком залезть в отверстие.

Я вылезла, пулей пронеслась к окну и снова нырнула в трюм.

Две минуты отчаянных усилий – и я, обливаясь потом, вытащила один из свертков, большой, тяжелый квадратный тюк, обернутый полиэтиленом. Подстелив полы куртки, чтобы, в свою очередь, не оставить мокрого пятна, я сгрузила его на стол и посветила.

Фонарик дрожал в моей руке. Желтое пятнышко прыгало и ползало по поверхности свертка, но блестящая обертка практически полностью отражала жалкий лучик. За три краткие секунды, на которые я осмелилась его включить, мне удалось лишь очень смутно разглядеть какую-то светловатую пачку, а на ней вроде бы что-то похожее на картинку, а еще какая-то эмблема и даже (Миранда была права) несколько букв... ЛЕКЕ, прочитала я, а спереди что-то еще, что могло бы быть – хотя безусловно не было – NJEMIJЕ.

Вдруг неподалеку что-то резко хлопнуло. Я так испугалась, что едва не лишилась последних жалких остатков и без того не блестящего разума. Фонарик выпал у меня из руки и с дребезгом описал по полу широкий полукруг, прокатившись в миллиметре от края открытого люка. Я лихорадочно схватила его и обернулась посмотреть, что там стряслось. Ничего. Сплошная темнота.

Повезло, хмуро подумала я, понемногу приходя в себя. Ведь даже если бы я среагировала надлежащим образом и вместо фонарика потянулась к пистолету, мне это все равно не удалось бы. Чертова Просперова книга, или чем там еще был этот сверток, лежала прямо на моем оружии, на кармане куртки. Да, с горечью поняла я, до уровня Джеймса Бонда мне еще расти и расти.

Похоже, на море поднимался ветер. Створки высоких ворот, выходящих на море, снова содрогнулись, как будто кто-то изо всех сил потянул за щеколду, а дверь дернулась и за-

дребезжала в петлях. Вода с шипением плескалась у стен, на стропилах плясали тени, рожденные слабым отражением далеких звезд.

В окне было по-прежнему темно, но я получила первое предостережение и поняла, что хватит, хорошенького понемножку. Крышка люка легко и аккуратно легла на прежнее место, фонарик скользнул во второй карман куртки, и вот, обеими руками прижимая к груди сверток, я осторожно вылезла из «Алистера» и шагнула на платформу, но в тот же миг уловила какое-то движение на тропинке за окном. Лишь тень – однако, как и прежде, ошибки быть не могло. Он шел сюда. Без света, без шума, но это был Годфри.

Он шел по тропинке над эллингом, и шагал очень быстро. А я стояла тут, держа драгоценный груз, ради которого он почти наверняка уже пытался совершить двойное убийство. И деться мне было некуда.

Первым делом необходимо было избавиться от свертка. Присев, я пропихнула его между яхтой и краем платформы. Яхта была пришвартована впритык, и на какое-то душевраздирающее мгновение мне почудилось, что места не хватит: сперва тук запутался в куртке, а потом намертво застрял в щели между бортом и платформой и я не могла сдвинуть его ни в какую сторону, а когда попыталась вытащить обратно, то опять же не смогла, такой он был скользкий...

Бросившись на колени, я уперлась в «Алистера» плечом и

со всех сил налегла. Яхта качнулась в сторону, совсем чуть-чуть, на дюйм или даже меньше, но мне хватило и этого: после короткой отчаянной борьбы я смогла протолкнуть сверток вниз.

Он канул в воду со слабым всплеском. А через долю секунды эхом прозвучал второй всплеск, тихий, но роковой, — то выскользнул у меня из кармана и пошел ко дну пистолет Лео.

На один дикий, безумный миг полной паники я подумала нырнуть вслед за свертком и пистолетом и спрятаться под платформой, но здесь я бы не пролезла, а обегать яхту кругом времени не было. Да и потом, Годфри все равно бы меня услышал. Его ключ уже нащупывал в темноте замок.

Оставалось лишь одно укрытие, но самое опасное. Яхта. Мне пришлось в голову остаться стоять где стояла и попытаться изобразить святую невинность, но даже если бы на «Алистере» не было ничего спрятано и Годфри нашел бы меня тут, за запертой дверью, никакой блеф не сработал бы. А поскольку яхта скрывала таинственный груз, надежды не было и вовсе. Нет, либо каюта, либо ничего.

Когда ключ Годфри вошел в замок и со щелчком повернулся в нем, я находилась на борту и бесшумно, как призрак, спускалась вниз. Как открывалась дверь, я не слышала: забилась, точно мышка в норку, в самый дальний угол четвертой койки, как можно тщательнее накрывшись грудой сваленных там одеял.

Они пахли пылью и карболовым мылом. Удушливая, непроглядная темнота давала мне хоть слабое ощущение безопасности. Беда в том, что под этой грудой было совершенно ничего не слышно, а ведь из всех органов чувств сейчас лишь слух мог помочь мне определить, чем там занят Годфри.

Напрягаясь изо всех сил и стараясь хоть что-то разобрать сквозь бешеное биение сердца, я могла получить лишь самое слабое представление о том, где он сейчас находится и что делает. Оставалось одно – лежать тихо и молиться, чтобы он не зашел в каюту.

Яхту сильно качнуло, и на миг мне показалось, что Мэннинг уже на борту. Но это опять был всего лишь ветер. Похоже, он все усиливался, резкие порывы поднимали волны, со шлепаньем ударявшие в корпус яхты и чмокавшие вокруг свай, на которых держалась платформа. Я ощутила рывок «Алистера», когда его потянули за веревку, а потом сильный толчок – Годфри запрыгнул на палубу.

Ползли бесконечные минуты, наполненные приглушенными звуками ночи, но, прислушиваясь во все уши, я скорее чувствовала, чем слышала, как Мэннинг ходит по яхте. Яхта стала устойчивей и лишь слегка покачивалась на легких волнах, пробежавших под килем. В каюту ворвался поток свежего воздуха, запахло морем, и я догадалась, что Годфри, должно быть, распахнул ворота на море, а это могло означать, что он не собирается долго мешкать...

Ветер стал еще сильнее. Яхту закачало, вода с шипением прокатилась вдоль бортов. Палуба заскрипела, «Алистер» чуть приподнялся, и я различила характерный звук натягивающейся веревки и клацанье металла.

Теперь я знала, что произошло. Ошибки быть не могло. Все – и палуба, и металл, и снасти – пришло в движение, яхта ожила и вышла в море. Должно быть, Годфри очень тихо, так что даже я не слышала, вывел ее из эллинга, и вот теперь она шла под парусами вдоль мыса, из бухты, прочь от берега.

Не в силах даже пошевелиться, я лежала в своей норе, дрожа под кучей одеял, чувствуя, как сводит судорогой каждый мускул, и лихорадочно старалась не терять головы и обдумать, что же теперь делать...

Наверняка Макс уже вернулся, а даже если он еще в Корфу, то Адони, скорее всего, едет домой... и он передаст Макс сообщение от Миранды, так что Макс не станет задерживаться в городе, а поедет прямо сюда и, вполне вероятно, приведет с собой полицию. Когда они доберутся до эллинга и увидят, что яхта исчезла, а я вместе с ней, то непременно догадаются, что произошло. Правда, надежды, что они сумеют найти «Алистера» в открытом море, в темноте, было мало, – я прекрасно понимала это, но у меня, по крайней мере, появлялось несколько карт, с которых можно пойти, если Годфри все же найдет меня. Учитывая обстоятельства, вряд ли он мог рассчитывать, что мое исчезновение сойдет ему с рук так же легко, как и все остальное.

Во всяком случае, я очень на это надеялась. Я знала: если он обнаружит пропажу свертка, то обыщет всю яхту и найдет меня. Но поскольку тут уж я ровным счетом ничего не могла поделать, то единственное, что мне оставалось, – это затаиться и уповать, что волнение на море заставит моего врага неотлучно находиться у руля. В конце-то концов, может, ему и вовсе не потребуется спускаться вниз...

Ровно три минуты спустя дверь каюты отворилась.

ГЛАВА 18

Что должен делать я? Скажи скорей!
У. Шекспир. Буря. Акт I, сцена 2

Я услышала щелчок и почувствовала дуновение свежего воздуха, оборвавшееся, когда дверь снова захлопнулась.

Раздался звук зажигаемой спички. Даже в мой потайной угол донесся резкий запах серы, а вслед за ним – первый дымок только что раскуренной сигареты. Должно быть, Годфри спустился сюда именно за этим, чтобы ветер не задувал спичку, а сейчас снова уйдет...

Но он не ушел. Не слышалось ни малейшего шороха. Должно быть, Мэннинг стоял совсем рядом – у меня даже волосы встали дыбом, как у загнанного зверька. Теперь я радовалась плеску воды, скрипу палубы и сотне прочих различных шуршащих и скрежещущих звуков, издаваемых «Алистером», пробиравшимся вперед по ночному морю. Не будь их, Мэннинг, наверное, услышал бы, как бьется у меня сердце.

Он простоял там, должно быть, не больше нескольких секунд, хотя мне показалось, что пауза длится так долго, что я вот-вот не выдержу и закричу. Но похоже, он просто-напросто ждал, чтобы сигарета раскурилась как следует, – снова чиркнул спичкой, уронил ее и коробок на стол, а потом вы-

шел и прикрыл за собой дверь.

На меня нахлынула жаркая обессиливающая волна облегчения. В закрытом углу койки было как в печке, я вся обливалась потом. Чуть выждав, я откинула краешек одеяла, чтобы дать доступ воздуху, и осторожно выглянула наружу.

Оружие – была первая моя мысль... Единственное, что у меня имелось, – это фонарик, но совсем не тяжелый. Едва ли он являлся достаточным средством самообороны против убийцы. Не то чтобы в моих обстоятельствах вообще было легко придумать (за неимением пистолета Лео) что-нибудь «достаточное», хотя, если бы только чертов шкафчик был открыт, я бы с удовольствием вооружилась славной увесистой бутылкой. А больше бутылок нигде не было. Я лихорадочно перебирала в памяти содержимое других шкафов... Камбуз? Ведь наверняка в камбузе должно найтись хоть что-нибудь. Но сковородка – слишком уж неуклюже, надо что-нибудь, что легко спрятать... Нож? Во время поисков я не вытаскивала узкие ящички, но в каком-нибудь из них, надо полагать, лежал нож. Или, скажем, рукоятка от мотора, если бы только мне удалось бесшумно открыть машинный люк, а потом спрятаться за дверь в камбузе и подождать, пока Годфри не зайдет туда...

Осторожно, косясь одним глазом на дверь, я начала разгребать одеяла, готовая в любой момент снова юркнуть под них.

И вдруг замерла, парализованная ужасом, не сводя глаз с другого конца койки.

Даже почти в полной темноте я видела – а уж Годфри, чиркая спичкой, просто не мог не заметить – торчащий из-под груды одеял носок моей ноги в желтой тряпичной туфле. Удачно же я спряталась – как страус, сунувший голову в песок.

Теперь я знала, что произошло. Годфри заскочил на минуточку раскурить сигарету, увидел что-то подозрительное, зажег еще одну спичку, чтобы удостовериться... А вот что он сделал потом, убедившись наверняка?

И я тут же получила ответ. Яхта закачалась и снова выровнялась, как будто ненадолго сбилась с курса. И вдруг, совсем рядом со мной, с резким рывком и коротким захлебывающимся ревом, от которого я едва не пробила головой перегородку сверху, ожил мотор. Рев быстро перешел в ровное мурлыканье, обшивку «Алистера», ровно и плавно двигающегося вперед, сотрясла легчайшая дрожь. Годфри просто-напросто развернул яхту носом по ветру и включил мотор, так что теперь она могла плыть сама по себе без особого присмотра. Зачем он это сделал, гадать не приходилось. К двери каюты приближались быстрые шаги.

Я пулей вылетела из постели, скинула мокрую куртку и поправила платье. Не было времени даже метнуться на другую сторону каюты и выдвинуть ящик с ножами. Когда Годфри открыл дверь, я тянулась к столу за спичечным короб-

ком, явно не имея в мыслях ничего более предосудительного, чем зажечь лампу.

Я бросила на него веселый взгляд через плечо.

– Привет. Надеюсь, ты не против безбилетников и того, что мы перейдем на ты?

Фитилек наконец загорелся, вспыхнул язычок пламени. С третьей попытки мне удалось водрузить абажур на место, но, наверное, Годфри не заметил, как у меня трясутся руки. Он отошел задернуть занавески.

– Само собой, я в восторге. А откуда ты узнала, что я все-таки собрался выходить в море?

– Ой, я и не знала, но просто надеялась! – Я пожала плечами и добавила как можно лукавей и кокетливей: – А ты меня увидел, да? Пришел, чтобы вывести на чистую воду. А какова в этих морях расплата за проезд без билета?

– С этим мы разберемся чуть позже, – пообещал Годфри.

Его голос и манеры оставались такими же приятными, как всегда, но после первого короткого взгляда я не осмеливалась больше поднять на него глаза – во всяком случае, пока. На двери буфета висело зеркало. Я повернулась и начала приглаживать волосы.

– Что привело тебя сюда? – осведомился Годфри.

– Да так, захотелось прогуляться после ужина и... ой, Годфри, а расческа у тебя есть? Прямо мышинное гнездо на голове!

Он без единого слова вытащил из кармана гребешок и

протянул мне. Я стала причесываться – пожалуй, с излишней тщательностью.

– Я спустилась на пляж. Почему-то казалось, дельфин может снова там выкинуться, знаешь, с ними, говорят, такое бывает. Словом, пошла проверить, но его там не оказалось. Тогда я немножко прогулялась по тропинке. Слушала море и думала, вот бы хорошо, ты вышел. А потом как раз тебя услышала – наверняка это был ты – над эллингом, вот и поспешила... Понимаешь, просто надеялась.

Мэннинг отошел от иллюминатора и теперь стоял у меня за спиной, почти вплотную, наблюдая за отражением моего лица в зеркале. Я улыбнулась ему, но ответа не получила, светлые глаза были абсолютно каменными.

– Ты услышала меня в эллинге?

– Да. Дверь хлопнула.

– И когда это было?

– Бог его знает, может, с полчаса назад. Или меньше? У меня плохо с чувством времени. Я тебя окликнула, но ты так спешил...

– Ты меня видела?

Его дыхание обожгло мне спину, вызвав прилив паники – мгновенный приступ, сердце так и сжалось. Я быстро повернулась, отдала ему расческу и села на койку-диванчик, поджав под себя ноги в попытке изобразить непринужденность.

– Да. Ты как раз вышел из эллинга и на всех парах несся вверх по дорожке к дому.

Я заметила, как Годфри слегка расслабился, когда понял, что я не видела его приход из пещеры со свертками. Он поднес к губам сигарету и затянулся, выдув длинную струйку серого дыма.

– А потом?

Я улыбнулась ему, надеясь, что улыбка выйдет соблазняющей.

– Ну, хотела покричать тебе вслед, а потом увидела, что ты в свитере и во всем этом, вот и подумала, что ты, наверное, все-таки передумал. Решила покрутиться вокруг, пока ты не вернешься, и спросить.

– Почему же не стала?

– Почему не стала что?

– Спрашивать.

Я с самым смущенным видом затеребила краешек одеяла.

– Прости, знаю, что надо было, но ты задержался, я заскучала и попробовала толкнуть дверь, а она открылась, и...

– Дверь была открыта?

– Да.

– Это невозможно. Я ее запирал.

Я кивнула.

– Знаю. Я же слышала. Но то ли замок не до конца закрылся, то ли еще что, с такими замками это бывает. Я ведь просто так попробовала, от нечего делать, – знаешь, как от скуки все дергаешь, – и сама удивилась, когда дверь вдруг распахнулась.

Понять, поверил он мне или нет, было совершенно невозможно, но, по словам Спира, замок часто заедал, а Годфри не мог знать, что мне это известно.

Я думала, Мэннинг не успел еще поменять замок, как угрожал, потому что сама слышала, как он возился с ним в понедельник. Во всяком случае, попробовать стоило, вдруг сойдет.

Годфри стряхнул пепел в стоявшую на шкафчике с напитками пепельницу и выжидательно промолчал.

Он казался очень высоким, слегка покачивавшаяся лампа была на одном уровне с его глазами. Я поиграла с мыслью резко толкнуть ее, чтобы она заехала ему по голове, но усомнилась в том, что удастся сделать это достаточно быстро. Может, потом. Пока же я улыбнулась, на сей раз подпустив толику неуверенности, даже смятения.

– Прости... Понимаю, это ужасно некрасиво с моей стороны и надо было подождать, но я была уверена, что ты разрешил бы мне осмотреть яхту...

– Тогда почему же ты спряталась, когда я пришел?

– Не знаю! – Нотка отчаянной честности пришлась как раз кстати. – Правда-правда, не знаю! Но я ведь была на яхте, понимаешь, рыскала тут, заглядывала во все шкафы подряд, и в каюте, и на ка... на кухне, и вообще везде.

– Зачем?

– Как это зачем? – Я пустила в ход всю наработанную актерскую технику. – Ну а зачем женщины в чужом доме во-

обще вечно суют нос во все что ни попадя? А на яхте гораздо интереснее, чем в любом доме. Мне хотелось посмотреть, как тут все устроено, и кухонные принадлежности, и... да мало ли что! – Я засмеялась, пытаюсь вернуть ему хорошее расположение духа и изображая святую наивность; пожалуй, лучше не демонстрировать, как хорошо я разбираюсь в устройстве яхт. – Правда, Годфри, тут просто потрясающе! Я и не представляла! – Тут я запнулась, кусая губу. – Ты на меня сердисься. Я... думаю, тебе было чертовски неприятно... такая неожиданность. Честно говоря, я сама это понимала, наверное, потому и спряталась, когда услышала тебя у двери. Вдруг представила, как это выглядит со стороны. Подумала, что ты придешь в ярость, запаниковала и спряталась. У меня была смутная мысль, что, если ты все-таки не выйдешь в море, я смогу потихоньку ускользнуть, когда ты уйдешь. Вот и все.

Я снова села, прикидывая, не стоит ли в этом месте заплакать или слезы будут все-таки чересчур, и решила, что не стоит. Вместо этого я трогательно поглядела на него из-под ресниц – точнее, попыталась, но больше уже не поверю писателям любовных романов, это физически невозможно. Годфри, во всяком случае, не растрогался, поэтому я оставила эту попытку, улыбнулась дрожащей улыбкой и поднесла трясущуюся – непритворно – руку к глазам.

– Прости, мне очень жаль. Правда-правда. Пожалуйста, не сердись.

– Я и не сержусь.

В первый раз за все это время он отвел от меня глаза и, поднявшись на ступеньку, приотворил дверь и выглянул во мрак. Похоже, увиденное удовлетворило его, но, возвращаясь обратно, он не стал снова закрывать дверь.

– Ладно, раз уж ты тут, наслаждайся прогулкой. Я не могу оставить румпель надолго, так что пойдем наружу. Не очень-то у тебя теплая куртка, а? Надень-ка вот эту.

Он распахнул гардероб и вытащил для меня толстую шерстяную куртку.

– Не волнуйся, вполне сойдет и моя.

Я поднялась и потянулась к своей куртке, в кармане которой лежал фонарик, но вспомнила, что она совсем мокрая. Даже ради спасения собственной жизни я не могла с ходу придумать убедительную причину, как это я умудрилась промокнуть. Я отбросила куртку на грудь одеял.

– Хотя ладно, большое спасибо, наверное, твоя и вправду теплей. Похоже, ночь довольно ветреная.

Годфри подержал куртку, пока я влезала в рукава, а я улыбнулась ему через плечо.

– Ты меня простил? Ужасно глупо вышло, ты имел полное право рассвирепеть.

– Я ничуть не рассвирепел, – улыбнулся Годфри в ответ, развернул меня к себе и поцеловал.

Ну что ж, сама на это напрашивалась, вот и доигралась. Я закрыла глаза. Если представить, будто это Макс... нет,

невозможно. Тогда хотя бы кто-нибудь еще, мне совсем безразличный – например, тот славный примерный мальчик, с которым у меня вышел краткосрочный роман, но никто из нас не расстроился, когда он закончился... Однако и это не сработало.

Кем бы там ни был Годфри, но целовался он вовсе не как славный примерный мальчик...

Открыв глаза, я посмотрела через плечо Годфри на такую чудесную тяжелую лампу, заманчиво покачивавшуюся в каком-то футе от его головы. Если бы исхитриться и увлечь его на ее орбиту... Полагаю, бывают ситуации, в которых девушке вполне уместно и даже похвально треснуть целующего ее мужчину лампой по голове...

«Алистер» вдруг подпрыгнул на волнах и резко сбился с курса. Годфри выронил меня, как будто я его укусила.

– Потуши лампу, хорошо?

Он помчался вверх по лесенке. Я в считанные секунды задула огонек и водрузила стеклянный абажур на место, но «Алистер» уже снова выровнялся, и Годфри остановился в дверях наверху, так и не оставив меня одну в каюте. Он протянул мне руку:

– Пойдем полюбуемся на звезды.

– Минутку.

Голос его сделался резче. Он явно был не так спокоен, как прикидывался.

– Что такое?

– Носовой платок. Он у меня в кармане.

Я порылась в темном углу кушетки. Фонарик ловко скользнул в карман шерстяной куртки, я схватила платок, побежала наверх по ступенькам и подала руку Годфри.

Снаружи царила чудесная ветреная ночь – звезды, бризги и сверкающие волны, мчащиеся ввысь, чтобы разбиться о гигантские веера перьевых облаков. Слева от нас я смутно различала очертания побережья, темную громаду скал, заслоняющих звезды. По низу этой громады тянулась вереница немногочисленных огоньков. Они казались совсем недалеко от нас.

– Где мы?

– Примерно в полумиле от Глифа.

– А где это?

– Знаешь, как берег изгибается на восток вдоль подножия горы Пантократор, к матерiku? Мы примерно на середине этой дуги...

– Значит, плывем на восток?

– Сейчас да. После Коулоуры свернем и пойдем через пролив.

(«По моим подсчетам, мы были примерно на полдороге, – сказал Спиро, – в проливе между Коулоурой и материком».)

– Когда выйдем из-под прикрытия Пантократора, ветер будет чувствоваться сильнее, – продолжал Годфри. – И так уже довольно сильно штормит. – Он обвинил меня свободной рукой, ласково, но неумолимо. – Посиди со мной. Яхту нель-

зя надолго оставлять без присмотра. Ты что-нибудь смыслишь в плавании под парусом?

– Ровным счетом ничего.

Пока Годфри увлекал меня к кормовой скамье, глаза мои деловито обшаривали смутно вырисовывавшийся в полумгле кокпит. Но я слишком хорошо знала, что там не найдется никакого хоть сколько-нибудь подходящего оружия, даже если бы эта якобы любящая рука и позволила мне туда дотянуться. И все же я не сдавалась. Мне вдруг пришло в голову, что у Годфри, возможно, есть с собой пистолет, и я уже выяснила, что в ближайшем ко мне кармане, левом, ничего такого нет. Возможно, если бы Мэннинг снова начал свои амуры, я бы могла проверить и второй карман... Он усадил меня рядом с собой, и я поплотнее укуталась в куртку, чтобы защититься от его рук, одновременно прильнув головой к его плечу. По моим расчетам, если бы он носил кобуру под мышкой, то вряд ли стал бы так прижимать меня к левому боку. И я оказалась права: там пистолета не было. Лениво откинувшись назад, я решила продемонстрировать, как плохо разбираюсь в яхтах.

– И быстро она плавает?

– Около восьми узлов.

– Правда?

Голос мой показывал, что я и представления не имею, что такое узел, но не хочу демонстрировать своего невежества. Годфри не стал меня просвещать, а снова обнял, швырнул

сигарету за борт и добавил:

– Это под парусом. А с мотором шесть-семь.

– Правда? – повторила я с той же самой интонацией и на этот раз, видимо, преуспела, потому что он снисходительно засмеялся, поворачиваясь, чтобы снова поцеловать меня.

«Алистер» накренился и взлетел вверх на волне. Над нашими головами с треском, похожим на выстрел, промчался несущий грот гик, снабдив меня вполне уважительным оправданием за то, что я инстинктивно отшатнулась, едва губы Годфри нащупали мои.

Однако уже в следующую секунду я взяла себя в руки и ответила ему со сдержанным пылом, пока глаза мои наблюдали за качающимся, как маятник, гиком у нас над головами. Я старалась отвлечься от Годфри и подумать.

Действия его были абсолютно очевидны: не будучи уверен в моей невиновности, он не хотел рисковать и оставлять меня без присмотра, пока еще не убрал паруса и не повел яхту на одном моторе. Ему оставалось только держать ее на том же курсе, выключив мотор, чтобы она плыла по инерции, а свободно болтающийся грот направлял ее в нужную сторону, пока сам Годфри не решит, что же со мной делать. Это еще мое счастье (хмуро подумала я), что ветер дует более-менее в нужную сторону. Если Мэннинг, как я и предполагала, направлялся в то же место, куда плавал в ту ночь, когда пытался утопить Спиро, то скоро он будет как раз на выбранном курсе.

Внезапный порыв ветра вздернул нос «Алистера» вверх под таким углом, что гик снова с треском и скрипом пронесся у нас над головами. Годфри резко отпустил меня и правой рукой схватился за румпель. И в тот миг, когда он наклонился вперед, я увидела свое оружие.

Как раз за Годфри на крючках позади кормовой скамьи висел спасательный круг, а к нему на длинной веревке была прикреплена сигнальная ракетница – металлическая трубка около фута длиной с цилиндрическим поплавком примерно посередине. Довольно увесистая и очень удобная по форме – самое подходящее оружие, если только я смогу дотянуться и сдернуть ее с крючка, располагающегося в футах от спасательного круга, но, по счастью, в мою сторону. Прикрепленная к ракетнице веревка была свита кольцами и свободно болталась на крючке. Длинной она была футов десять-пятнадцать – вполне достаточный простор для подобного оружия. Оставалось только завладеть им. Вряд ли мне удалось бы сделать это, перегнувшись через Годфри, а даже если бы и удалось, тогда у меня точно не осталось бы ни малейшего шанса ею воспользоваться. Вот если бы только заставить его хоть ненадолго встать и отойти...

– А почему ты оставил парус? – спросила я. – Мне казалось, их убирают, когда включают мотор.

– Не обязательно. Я хочу скоро снова пойти под парусом, а за это время с ним ничего не случится.

– Понятно.

На сей раз мне с трудом удалось притвориться, будто я ничего не понимаю. На самом-то деле я все прекрасно поняла. Он собирался плыть под парусом по той же самой причине, по какой вообще воспользовался яхтой, – для бесшумности. И было совершенно очевидно, куда мы направляемся с нашим грузом – напрямиком к албанскому берегу, а «за это время» меня постигнет участь Спино. И тогда у Годфри будут обе руки свободны и он сможет нормально управлять «Алистером».

Я глубоко вдохнула соленый воздух и доверчиво склонилась головкой на плечо своему спутнику:

– Божественно, правда? Как я рада, что пробралась сюда, а ты на меня не рассердился. Погляди на эти звезды... вот чего страшно не хватает в Лондоне. Никакого ночного неба, только это отвратительное грязно-бурое зарево от пяти миллионов фонарей. А кстати, Годфри, разве ты не должен зажечь бортовые огни?

– Должен, но не стану. Пока я не встречу никаких других нарушителей закона, мы увидим любой встречный корабль, так что никакого вреда не будет.

– Нарушителей закона?

Мне показалось, что он улыбается.

– Тех, кто не зажигает огни.

– А-а. Так значит, ты собираешься фотографировать? На рассвете? – Я хихикнула. – Интересно, что на этот раз скажет Фил, когда я вернусь домой под утро?

– А где она сегодня вечером? Знает, что ты ушла?

– Она с нашими друзьями в «Корфу Палас». По приезде я нашла от нее записку, а присоединиться было уже поздно – вот и осталась дома. Я... я что-то захандрила. Мы с тобой провели такой милый день, что я просто не могла усидеть дома.

– Бедняжка Люси. А я еще был с тобой так груб. Прости. А кто-нибудь знает, где ты?

Вопрос был задан небрежно и как бы невзначай, но для меня он сыграл роль пожарной тревоги. Я замялась – должно быть, на секунду дольше, чем следовало:

– Миранда была дома. Я сказала ей, что выйду погулять.

– К эллингу?

– Да нет. Я ведь сама этого не знала.

Он не ответил. Я могла лишь гадать, удался ли мой жалкий блеф. Прохладный нейтральный тон Годфри и холодная чувственность его ласк не давали ни малейших намеков на то, что же он чувствует или намерен предпринять на самом деле. От этого человека обычные общечеловеческие представления и догадки просто отскакивали. Но поверил он в мою невиновность или нет, я полагала, что никакие слова уже не изменят моей судьбы. Единственным оружием, которое я пока попридержала, были факты, известные мне, но неизвестные ему: что Спиро жив, что Годфри может быть обвинен в убийстве Янни, что Адони и Миранда видели свертки и что Миранда видела, как он нес их к эллингу и, на-

верное, догадывается, где я сейчас нахожусь. И наконец, что Годфри по возвращении, скорее всего, будет встречен Максом, Адони и (надеюсь, что так!) полицией, которая на сей раз не проявит склонности с такой легкостью принять на веру любую историю, какую он соблаговолит выдумать. Словом, убьет он меня или нет, его игра закончена.

Беда в том, что эти доводы были равно убедительны в любую сторону. Если все равно нет никакой разницы, что Годфри со мной сделает, то наилучший способ действий для него – это убить меня и скрыться (несомненно, бегство уже подготовлено), не заезжая обратно в руки поджидающих его Макса и греческой полиции.

Так что для меня единственным верным образом действия оставалось молчание. Сохранилась ведь еще слабая надежда, что если Годфри поверит, что я ничего не знаю, то прервет свою поездку и отвезет меня домой, или что я смогу его убедить, что не нуждаюсь в присмотре, и он отвлечется хотя бы ненадолго, а я успею схватить оружие, которое висит сейчас у него за правым плечом...

– Послушай, – встревоженно произнесла я, – а что такое с мотором? Слышишь?

Годфри повернул голову.

– Что такое? По-моему, все в порядке.

– Не знаю... Мне померещился какой-то странный шум, вроде постукивания.

Он с минуту вслушивался в ровное мурлыканье мотора, а

потом покачал головой:

– Наверное, ты услышала чужую лодку – там плавает еще одна, гляди, к северо-востоку от нас, из Кентромы. Ты могла услышать ее с порывом ветра.

Я изогнулась в ту сторону, якобы чтобы поглядеть, и попыталась подняться на ноги, но рука Годфри напряглась и притянула меня обратно.

– Ничего особенного. Старое корыто из Кентромы с довоенным мотором. Сиди спокойно.

Изо всех сил напрягая зрение, я вгляделась над черной изменчивой поверхностью воды туда, где тускло мерцал, то исчезая, то появляясь вновь на гребне волны, слабый огонек. Они с наветренной стороны от нас, с огорчением отметила я, и ничего не услышат. А если бы даже услышали, то им в жизни не догнать «Алистера» с его плавными очертаниями и мощным мотором.

Внезапно мой глаз привлекла какая-то вспышка совсем недалеко от нас, быстрый изгиб и светлый всплеск, где какая-то крупная рыба прорезала гладь моря, оставляя за собой фосфоресцирующий след – линию зеленого огня.

– Годфри! Гляди!

Он резко оглянулся.

– Что?

Я была уже почти на ногах.

– Свет, такой красивый зеленый огонек, вон там, прямо в море! Честное слово, только что он был вон там...

– Стайка рыб или еще что-то в этом роде. – Судя по тону, у Годффри кончалось терпение, и я с приступом ужаса осознала, что он принял какое-то решение. – Тут по ночам часто видишь флуоресценцию.

– Вон еще! А нельзя ли ее сфотографировать? Ой, смотри! Пусти меня на минутку, Годффри, пожалуйста, я...

– Нет. Сиди здесь. – Рука его была как железо. – Я хочу спросить тебя кое о чем.

– О чем?

– На один вопрос ответ я уже получил. Но это поставило передо мной другой. Зачем ты пришла?

– Я же сказала...

– Я слышал, что ты сказала. И ты думаешь, я этому поверю?

– Не понимаю, что ты...

– Я не впервые целуюсь с женщиной. Не проси меня поверить, будто ты пришла потому, что хотела побыть со мной.

– Ну, – пожала плечами я, – признаю, что не ожидала, что все будет именно так.

– Как «так»?

– Ты прекрасно знаешь.

– Пожалуй, да. Но если ты преследуешь мужчину по пятам, прячешься в его постели и изображаешь завернутую в ковер Клеопатру, то вряд ли можешь ожидать, что он будет вести себя как кружевной Валентин.

Это было все равно что плеснуть кислотой на полирован-

ную поверхность и увидеть под ней необработанное дерево, шершавое и безобразное. Несколько таких же мерзких вспышек случилось и днем, во время нашей поездки. Если бы не темнота, Годфри заметил бы, какими глазами я смотрю на него.

– А тебе обязательно меня оскорблять? Знаю, ты рассердился, но я думала, у тебя это уже прошло, и если хочешь знать правду, я не понимаю, зачем так злиться, если кому-то захотелось полюбоваться твоей яхтой. Я тебе рассказала абсолютно все, что произошло, а если ты мне не веришь или считаешь, что я должна была тут же рухнуть к тебе в постель, здесь и сейчас, то советую тебе подумать еще раз. У меня нет такой привычки.

– Тогда зачем вести себя так, как будто есть?

– Знаешь что!.. – Я осеклась и рассмеялась. Ни за что нельзя провоцировать его на открытое применение силы. Лучше забыть о злости и попробовать еще немного поизвиняться. – Послушай, Годфри, давай забудем! Прости, ужасно глупо с моей стороны тебя в чем-то винить, я ведь сама напросилась... и я действительно немножко заигрывала с тобой там, в каюте, признаю. Тоже не очень-то умно с моей стороны. Но когда женщина попадает в неприятную ситуацию и имеет дело с разгневанной мужчиной, она инстинктивно пускает в ход свою сексуальность, чтобы выпутаться. Не слишком хорошо я себя сегодня проявила, правда? Но я не подозревала, что ты так сильно рассердишься или так

сильно... ну, скажем, перейдешь границы.

– В сексуальном плане? Мало же ты знаешь.

– Ну ладно, ты отомщен. Не припомню, чтобы хоть раз чувствовала себя такой глупой и несчастной. И можешь не беспокоиться, что я снова буду бегать за тобой... В жизни к тебе больше не подойду!

Он не ответил, но для моих напряженных нервов это было все равно как если бы он расхохотался вслух. Ирония моих слов словно бы носилась и звенела в воздухе на ветру. По правому борту, совсем рядом с яхтой, снова вспыхнула и исчезла полоска зеленого огня.

– Ну ладно, – вздохнула я, – после всего этого, полагаю, мне остается только просить тебя загубить поездку окончательно и бесповоротно и отвезти меня домой.

– Без толку, моя дорогая, – последовал мгновенный ответ. Тон Годфри стал совершенно иным, и меня бросило в дрожь. – Раз уж ты здесь, здесь и останешься. Тебе придется проделать весь путь.

– Но ты же не хочешь...

– Не хочу. Ты пришла сюда потому, что тебе самой этого хотелось – или так ты сказала, – а теперь останешься, потому что этого хочу я. У меня нет времени отвозить тебя обратно, даже если бы и хотелось. Ты и так заставила меня потерять слишком много времени. Сегодня ночью я отправился в очень срочную поездку на заранее запланированную встречу...

– Годффри...

– Я везу на албанскую сторону партию фальшивых денег. Они спрятаны под полом каюты. Семьсот тысяч деков, слегка потертых, малыми купюрами – и чертовски хорошего качества. Если меня поймают, то расстреляют. Дошло?

– Я... я не верю. Ты меня разыгрываешь.

– И не думаю. Хочешь поглядеть сама?

– Нет! Нет. Ну ладно, если хочешь, я тебе верю, но все равно не понимаю. Зачем? Зачем тебе заниматься такими вещами?

На траверзе у нас, примерно на том же расстоянии, что и раньше, находилась Кентрома. Мне показалось, будто я различаю слабые очертания полосы призрачной пены и нависающей над ней земли, и сердце мое подпрыгнуло, но видение тут же исчезло. Это был, самое большее, крохотный каменистый островок, безжизненный и омытый ветром. Когда мы подплыли ближе к нему, я ощутила новый, более сильный порыв ветра. Он дул уже не ровно с востока, а налетал со всех сторон, в зависимости от того, как горы по обоим берегам пролива ловили и изменяли воздушные течения.

Не так далеко маячили огоньки Коулоуры, где кончался материк и начинался пролив...

Я заставила себя сосредоточиться на том, что тем временем говорил Годффри.

– И в настоящий момент ситуация в Албании такова, что вот-вот что-то случится, и в чьих-то интересах – уверен, ты

следишь за моей мыслью – позаботиться, чтобы это случилось. Балканский котел всегда готов закипеть, если подбросишь жару в нужном месте. Тут тебе и Югославия, и Греция, и Болгария – и все сидят с кинжалами наготове вокруг границ Албании, ожидая заварушки, но никто не решается сам ее начать.

– И не хочет, – резко сказала я. – Можешь меня в этом не убеждать. Греция меньше всего на свете хочет каких-либо волнений на границе, в которых ее могли бы обвинить... Ой!

– Да, я так и думал, что ты все поймешь. Чертовски легко, правда? Прелестное положение. Коммунистический Китай прочно уселся на Албании, получив себе славненькую маленькую базу в Европе, что-то вроде ступеньки, за которую Большой Брат готов глаз отдать. И если нынешнее прокитайски настроенное правительство падет и падение припишут Греции, получится крупная балканская заваруха, Китай выйдет, а Россия войдет. А быть может, войдет и в Грецию. Улавливаешь?

– О боже, да. Старый трюк, его еще Гитлер в прошлой войне применял. Наводнить страну фальшивыми деньгами – и правительство рухнет как карточный домик. И долго это продолжается?

– Поставка фальшивок? Да уж некоторое время. Это последняя партия. День «Икс» – Страстная пятница, а потом они будут пущены в обращение, и, можешь мне поверить, гром грянет буквально за несколько дней. – Он засмеялся. –

Облако этого взрыва увидят аж в Вашингтоне.

– А ты? Откуда увидишь его ты?

– О, за меня не волнуйся, я заручился местом в партере – но это будет не вилла Рота. «Г. Мэннинг, эсквайр» исчезнет почти немедленно... Знаешь, дорогая, ты бы не дождалась обещанной поездки со мной в субботу. Я сам об этом слегка жалел. Мне наш денек понравился, у нас много общего.

– Тебе обязательно так грубить?

Он даже не обратил внимания, задумчиво глядя во тьму на севере.

– О чем я на самом деле жалею, так это что никогда не смогу использовать фотографии. Бедный Спиро не получит даже такого памятника. Скоро мы доберемся до места, где я швырнул его за борт.

Тон его даже не изменился. Годфри все еще удерживал меня, но рука обвивала мою талию столь же безлично, как железная цепь. Оно и к лучшему: каждое прикосновение к его телу вызывало у меня мурашки по коже. Треск паруса, когда гик в очередной раз прокатился у нас над головами, заставил меня подпрыгнуть, словно от удара хлыстом.

– Нервишки шалят? – засмеялся Годфри.

– Кто тебе платит?

– Может, просто сойдемся на том, что это не Греция?

– Я такого и не думала! Так кто?

– А что скажешь, если я тебе сообщу, что мне платят дважды?

– Скажу, что, к сожалению, тебя нельзя дважды расстрелять.

– Добрая девочка. – В спокойном тоне сквозила насмешка. – Это самое меньшее, что сделают со мной в Греции, если поймают.

– А где печатают фальшивые деньги? Поверить не могу, чтобы кто-либо на Корфу...

– О боже, разумеется нет. Под Кьямпино живет один весьма ловкий человечек... Я уже давно получал через него всякие фотографические принадлежности. Когда-то он работал в местном отделении банка Лео. Через него-то я на все это и вышел... ну и, конечно, потому что лично знаком с Лео.

Наверное, я побелела: кровь отхлынула от моих щек, а губы похолодели.

– Лео? Я не верю, что Лео хотя бы слышал о чем-то подобном!

Мэннинг на миг замялся. Я почти физически ощутила его первое жестокое побуждение солгать, но потом ему, должно быть, показалось, что забавнее сказать правду.

– Нет. Наш Лео чист, как свежесвыпавший снег. Я имел в виду лишь то, что благодаря нашему знакомству смог заполучить этот дом, чудесное место для такой работы, а в придачу еще и эллинг – вообще мечта. Ну и потом, такое замечательное прикрытие – жить дверь в дверь с самими Форли... Если что-нибудь пойдет не так и начнется расследование, как ты думаешь, куда в первую очередь устремится на-

чальственное око? Куда, как не на виллу Форли, где живет директор банка? А к тому времени, как доберутся до виллы Рота, там уже не будет никаких доказательств, а если дело обернется совсем плохо, то и меня.

– А когда поднимется «облако от взрыва»? Я так понимаю, эта часть вашего плана предусматривает, что след от фальшивых денег должен прослеживаться до Греции?

– Само собой. В любом случае – до Корфу, но, если повезет, не дальше.

– Ясно. Полагаю, Спиро нашел их?

Годфри пожал плечами.

– Сомневаюсь. Но был шанс, что он увидел пробный образец у меня в бумажнике.

– Так ты убил его на всякий случай, – задыхнулась я. – И для тебя это совершенный пустяк? Даже смешно становится, как вспомнишь, какую шумиху я подняла из-за дельфина... Ты, должно быть, стрелял в него просто так, забавы ради, раз уж все равно через несколько дней уезжаешь. – Несмотря на темноту, я свирепо уставилась на Мэннинга. – И как только люди становятся такими, как ты? Тебя ничуть не волнует, кому и сколько вреда ты принесешь, верно? Ты изменник по отношению и к своей родине, и к стране, где ты в гостях, и мало того, вдобавок ты губишь еще бог знает сколько народу. Я имею в виду не только Спиро, но еще и Фил, Лео и их детей. Ты же знаешь, как это на них отразится.

– Не будь сентиментальна. Для подобной болтовни в муж-

ском мире места нет.

– Разве не смешно, как часто этот самый «мужской мир» оказывается просто-напросто игровой площадкой для великовозрастных хулиганов? Бомбы, ложь, всякий вздор в стиле плаща и шпаги, мундиры и громкий ор. Ладно, как тебе больше нравится, только помни, я ведь актриса, мне интересно, как и почему поступают другие люди, даже такие отъявленные мерзавцы, как ты. Просто ответь мне: зачем?

Я наконец почувствовала, как по телу Годфри пробежала сердитая дрожь. Рука напряглась.

– Ты делаешь это ради денег? – язвительно продолжала я изводить его. – Но у тебя наверняка нет недостатка в деньгах. И ты обладаешь талантом к фотографии, так что это не может быть просто от безысходности. И не из политических соображений – ты ведь сам хвастал, что работаешь на две стороны. Тогда зачем? Мне бы хотелось знать, просто так, для сведения, что заставляет людей идти на подлости.

– А у тебя ядовитый язычок, а?

– Это на меня так действует общество, в котором я нахожусь. Итак? Ты просто вредитель по природе, да? Занимаешься этим ради острых ощущений?

Я услышала, как он сердито втянул в себя воздух, но тут же рассмеялся. Неприятный вышел смешок. Пожалуй, Мэннинг вполне мог позволить себе смеяться. Наверное, еще в каюте успел убедиться, что у меня нет никакого оружия, и знал, что уж теперь-то я от него никуда не денусь. Хватка его

стала слабее, но, если бы я хотя бы пошевелилась, он успел бы десять раз схватить меня. Я сидела тихо.

– Именно, – подтвердил он.

– Так я и думала. Это все объясняет. Ты поэтому назвал яхту «Алистер»?²²

– Какая начитанная крошка! Конечно. У него был тот же девиз, что и у меня: «Fais ce que veut».

– «Делай, что хочешь?» – спросила я. – Ну, Рабле это первым придумал. Сомневаюсь, чтобы ты хоть когда-то и в чем-то превышал третий сорт, Годфри. Вряд ли, швыряя людей за борт, войдешь в лигу мастеров.

Он не ответил. На траверзе сверкали огни Коулоуры. Внезапный резкий порыв ветра пригнал с севера череду тяжелых черных валов. Годфри поспешно схватился за румпель, «Алистер» вздрогнул и приподнялся навстречу волнам. Звезды мигали и качались над мачтой, в снастях пел ветер. Палуба резко накренилась, на фоне звезд взметнулось вверх ограждение правого борта. Гик со свистом пронесся над головой.

– Ты именно так и собираешься поступить со мной? – не унималась я. – Вышвырнуть за борт?

«Алистер» снова развернулся по ветру. Качка мгновенно ослабела. Годфри отпустил румпель.

²² Имеется в виду Алистер Кроули (1875-1947), основатель учения магического ордена телемитов. Среди его последователей – Юкио Мисима, Пьер Паоло Пазолини, Мик Джаггер, Джимми Пейдж.

– К тому времени, как я это сделаю, – пообещал он, – ты сама рада будешь оказаться за бортом.

И вскочил, поворачиваясь ко мне и протягивая ручищи к моему горлу.

Я отпрянула назад, чтобы увернуться от этой смертельной хватки, на ходу вытаскивая из кармана фонарик, и со всего размаху ударилась спиной о левый комингс. Годфри уже практически поймал меня. Яхта подскочила на волне, гик пронесся к правому борту, парус хлестал воздух, точно хлыст. Сверкающий веер морской воды захлестнул за поручень, Годфри поскользнулся, и мокрые руки промахнулись, сомкнувшись чуть в стороне от моей шеи.

«Алистер» заболтало, гик качнулся обратно. Годфри все-таки схватил меня и начал душить. Я оперлась спиной о комингс, кое-как высвободила левую руку и ударила противника фонарем по лицу.

Удар вышел так себе. Годфри не отпустил меня, но инстинктивно дернулся назад, выпрямившись и увлекая меня за собой...

Вытянув правую ногу как можно дальше вперед, мимо него, я уперлась в румпель и изо всех сил отжала его.

Уже начинавший поворот «Алистер» развернулся, как бумеранг, зарывшись кормой в воду.

И гик с силой реактивного двигателя ударил Годфри прямо по голове.

ГЛАВА 19

Доплыл до берега, приятель, как утка.

Я ведь плаваю, как утка, честью клянусь.

У. Шекспир. Буря. Акт II, сцена 2

Если бы мне удалось застать Годффри совершенно врасплох, то дело было бы кончено раз и навсегда. Но он почувствовал, как моя нога проскользнула мимо его бедра, а внезапный рывок «Алистера» предупредил его о том, что произойдет через долю секунды. Инстинкт яхтсмена довершил остальное.

Мэннинг рванулся вперед, заваливаясь на меня и вскинув руку, чтобы защитить голову. Но я мешала ему, загораживала дорогу и била его по лицу, стараясь оттолкнуть назад и вверх, на траекторию гика, несшегося с таким треском, свистом и убойной силой, что свалил бы и быка.

И отчасти мне это удалось: гик ударил моего врага, но лишь скольльзящим ударом, основная сила которого пришлась на поднятую руку. Годффри рухнул вперед, мертвой тяжестью придавливая меня к скамейке.

Я понятия не имела, в сознании ли он или хотя бы жив ли. Сиденье стало мокрым и скользким, я отчаянно старалась уцепиться за что-нибудь, чтобы высвободиться, но тут «Алистер» под очередным ударом волны тяжело перевалил-

ся на другой галс. Годфри скатился на палубу, увлекая меня, беспомощно барахтающуюся в складках широченной куртки, за собой. Мы вместе заскользили по скрипящим доскам и с размаху ударились о правую сторону кокпита.

«Алистер» снова взметнулся на гребень, дрогнул и на несколько секунд замер на краю очередного опасного провала. Я вырвалась из мешающей куртки и кое-как умудрилась подняться на ноги, пригибаясь, чтобы увернуться от грозного гика. Палуба снова начала подниматься, точно кабина лифта, и гик качнулся влево, набирая скорость и грозя опрокинуть всю мачту. Румпель так и ходил ходуном. Я метнулась к нему, вцепилась в рукоятку и повисла на ней всем телом, стараясь выровнять яхту и вглядываясь сквозь брызги и пену, что там с Годфри.

Сперва мне показалось, будто он мертв. Тело его бесформенной грудой валялось у левого борта, куда откатилось во время последнего крена яхты. Голова безвольно болталась, я смутно различала во тьме лицо – не бледный овал, как прежде, а лишь половину... наверное, вторая половина потемнела от крови. Но потом «Алистер» оседлал очередную волну, и холодная соль, должно быть, резко привела Мэннинга в чувство: голова зашевелилась, приподнялась с палубы, рука с устрашающей уверенностью потянулась к сиденью, ища опоры, чтобы подтянуться...

Я рванула румпель и круто положила яхту на правый борт. Рука Годфри сорвалась, и он покатился по палубе. Теперь

или никогда. Отпустив румпель, я сорвала с крючка у себя за спиной ракетницу, молясь, чтобы веревка оказалась достаточно длинной и я смогла дотянуться до своего противника, который тем временем уже крепко ухватился левой рукой за скамью, а правой вытаскивал что-то из кармана.

Подняв металлическую трубку, я ринулась вперед.

Слишком поздно: в руке у него сверкнул пистолет. Годфри что-то кричал – слова терялись в шуме ветра, скрипе рангоутов и треске гика. Но смысл их был совершенно ясен. Я выронила ракетницу и отпрыгнула назад за кормовое сиденье.

Бледная половина лица повернулась ко мне. Дуло пистолета поднялось.

Я отчаянно дернула висящий рядом спасательный круг. Он поддался с неожиданной легкостью, и я прижалась к нему, загораживаясь как щитом. Когда я схватилась за комингс и подтянулась наверх, рукоятки управления оказались как раз у меня под ногами. Пинком ноги открыв дроссельный клапан на всю мощь, я метнулась к ограждению.

«Алистер» с ревом рванулся вперед. Годфри отпустил сиденье, отер свободной рукой кровь с глаз, направил дуло пистолета вслед мне и нажал на курок.

Выстрела я не слышала, лишь видела, как тоненькая струйка дыма взвилась вверх и тотчас же развеялась по ветру. Я схватилась за живот, сложилась пополам и полетела вниз головой в море.

Легкие невыносимо болели. Я глотнула соленой воды и закашлялась, задыхаясь и сражаясь с массой черной воды, пока первобытный инстинкт не вывел меня обратно на поверхность. Глаза саднило и жгло. Кругом царила крошечная тьма. Мои руки молотили по воде, ноги брыкались, как при повешении, а потом я снова пошла вниз, вниз, вниз...

Холодная вода, сомкнувшаяся надо мной во второй раз, окончательно привела меня в чувство. Годфри. Выстрел, который не попал в меня, – еще бы, в тусклом полумраке и на борту дико пляшущей яхты! Спасательный круг, вырвавшийся из рук при падении: от собственных же моих неловких манипуляций с ракетницей веревка накрепко запуталась в крючках. Яхта, которую я послала на полной скорости вперед, подальше от этого места, хотя владелец без труда мог справиться с управлением и вернуться, чтобы убедиться наверняка...

Я сражалась с паникой, как сражалась с морем. Во второй раз мне удалось вынырнуть довольно легко, и теперь густая мгла не пугала, а обнадеживала. Я скинула туфли, и даже от потери этой, совсем небольшой, тяжести мне сразу стало гораздо легче. Я барахталась в воде, задыхаясь и пытаюсь оглядеться как следует.

Тьма. Ничего, кроме тьмы, шума ветра и моря. Потом я услышала мотор – далеко ли, я разобрать не могла, но в паузах между порывами ветра казалось, что звук приближается. Ну конечно, Годфри просто обязан был вернуться и погля-

деть, что там со мной. Я, правда, надеялась, что он подумает, будто я ранена или убита и не смогу выплыть, но вряд ли он стал бы рисковать. Он вполне мог оставаться здесь, бороздя море между мной и берегом, пока не найдет меня...

Огромная волна подхватила меня и подбросила вверх, и, вознесясь на ее гребень, я увидела его – он зажег бортовые огни, и «Алистер», уже без паруса, тихонько скользил на половинном ходу, рыская по волнам. Яхта была еще довольно далеко и двигалась в сторону, но она ведь могла и вернуться...

И что хуже, она находилась между мной и землей. Теперь я слабо различала и берег, черную массу, испещренную слабыми огоньками. Отсюда она казалась гораздо более далекой, чем с палубы «Алистера».

С полмили, сказал он. Мне в жизни не проплыть полмили, тем более в этом море. Вода была теплой, и держаться на плаву не составляло труда, а на мне не было ничего тяжелого и сковывающего, но как пловец я не достигала класса Спино и вряд ли могла надеяться на его везение. Единственно, на что я могла отважиться, – это плыть напрямиком к ближайшей земле, и если Годфри продолжит охоту, то непременно меня увидит.

Он повернул и теперь по широкой дуге возвращался обратно, все еще отрезая меня от берега. Вокруг пенились и опадали белые гребни волн. Я неслась ввысь на стеклянных холмах, вершины которых уходили к черному небу, а ночь

кругом казалась сплошным водоворотом мокрых звезд. Пена залетала мне в глаза, в рот. Мое тело больше не было моим, оно стало каким-то незнакомым механизмом, холодным и плавучим. Я могла лишь держаться на поверхности, пытаюсь двигаться в нужном направлении и позволяя морю нести меня.

Поднявшись на очередной гребень, я вдруг различила в воздухе явственный запах бензина и увидела свет всего в каких-то двухстах ярдах. Мотор работал на самом нижнем пределе и лишь слегка рокотал, яхта медленно кружила вокруг направленного вниз, в воду, луча. Мне даже показалось, что я вижу, как Годфри перегнулся за борт и что-то выудил – по всей вероятности, мою туфлю, оставшуюся на плаву из-за резиновой подошвы. Он мог принять это за доказательство того, что я утонула, хотя, с другой стороны, мог описывать вокруг этого места все более широкие круги, пока не наткнется на меня...

И тут невдалеке показался новый огонек, тусклее, чем «Алистеровский», и расположенный выше над водой. Фонарь «Алистера» мгновенно погас. До меня донеслось постукивание чужого мотора, и новый свет приблизился. Прозвучал слабый оклик. То допотопное старое корыто из Кентромы приплыло взглянуть на странный луч.

Мотор «Алистера» взревел на полную мощь. Я слушала, как он постепенно удаляется, пока последний слабый отзвук мотора не потонул в шуме ветра.

Тогда я закричала.

У меня вышел лишь слабый, сдавленный звук, еле слышный вопль, унесенный ветром и затерявшийся среди криков чаек. Не знаю, быть может, лодка из Кентромы попыталась идти вслед «Алистеру», но я потеряла ее желтый огонек из виду задолго до того, как окончательно выбилась из сил, сдалась и сосредоточилась на том, чтобы плыть, а не просто держаться на воде.

Тогда-то я вдруг поняла, что море несет меня. Я была с подветренной стороны от гигантского изгиба Корфу, где Пантократор преграждает дорогу ветрам и защищает пролив. А огоньки Коулоуры остались далеко справа. Меня уносило на запад, причем гораздо быстрее, чем я могла бы плыть сама.

Это открытие подействовало, точно укол бензедрина. В голове у меня прояснилось. Ну конечно. Мы еще не добрались до того восточного потока, что утащил Спирос к албанскому побережью. И сегодня ветер дул с востока. Там, где находилась я, должно было пролегать сильное течение на юго-запад. Мэннинг ведь бросил тело Янни в проливе, а его прибило обратно к вилле Рота. Я, конечно, сомневалась, сумеет ли святой Спиридион доставить меня домой столь же аккуратно, но, по крайней мере, у меня появлялась надежда выжить, если я смогу продержаться на воде достаточно долго.

Так что я все плыла и молилась, и, хотя святой Спиридион смешивался в моих бессловесных мольбах с Посейдоном,

Просперо и даже Максом, эти молитвы, несомненно, должны были рано или поздно попасть по назначению.

Двадцать минут в море, разыгравшемся не на шутку, всего лишь в сотне ярдов от скалистого берега, о который с ревом бились волны, – и я уже знала, что ничего не выйдет. То, что для Спиро было бы шансом на спасение, для меня не было никаким шансом вовсе. С подветренной стороны от утеса отходило от берега какое-то слабое течение, вероятно, всего лишь обратная волна от главного потока, принесшего меня сюда. Оно уводило от земли под острым углом и снова направлялось в открытое море. Я же, до сих пор находившая в себе силы держаться на поверхности и даже слегка скашивать на север от течения, больше не была способна бороться ни с какими волнами, если они катили не в нужную мне сторону. Руки у меня стали как набитые ватой валики, тело – как свинец, в каждой шедшей навстречу волне я наглатывалась воды, и даже самый небольшой гребень грозил потопить меня.

В конце концов так оно и вышло. Я снова набрала полную грудь воды и в панике начала беспорядочно барахтаться, пока не вырвалась на поверхность, широко раскрыв изъеденные солью глаза. Руки так устали, что еле-еле загребали воду, не в силах не только продвигать меня вперед, но хотя бы поддерживать на плаву. Шум бурунов звучал все глуше, словно они были совсем далеко или же звук доносился сквозь воду, заливавшую мне уши... Меня тащило назад, вниз, вниз, как

мешок со свинцом или утопленника, который скоро затеряется среди прочего хлама и обломков, вынесенных морем на берег ясным утром...

Ясное утро уже наступило. Глупо бороться и бултыхаться во тьме, когда я могу просто уступить, вот так опускаться вниз, где через миг-другой, стоит мне протянуть ногу, она коснется песка, золотого песка, и будет полно воздуха, свежего воздуха, что несет радость и не ранит легкие... нет-нет, это всего лишь музыка и сон... как глупо с моей стороны так испугаться сна... Мне снилась тысяча подобных снов, где плывешь или летишь сквозь мглу. Через несколько секунд я проснусь, и будет сиять солнце, и рядом будет Макс...

И он оказался рядом. Он поднимал меня вверх. Он пихал и толкал меня все вверх и вверх, из кошмара и удушающей тьмы на воздух.

Я снова могла дышать. Я находилась на поверхности, куда меня вытолкнули с такой силой, что просто невероятно, чтобы она принадлежала обычному человеку. И пока я барахталась, откашливая море из горящих легких, тело моего спасителя изогнулось рядом со мной в плавном нырке, который полуприподнял, полубросил меня поперек течения, а потом, прежде чем море успело снова захватить меня и утащить прочь, меня толкнуло и швырнуло вперед, сильно и больно, прямо в белое клокотание и смятение бурунов, где я бултыхалась безвольно, точно тряпка на ветру.

Огромная волна приподняла меня, пронесла вперед, про-

кати́лась над головой и вырони́ла меня, совершенно беспомощную, среди белой пены. Я камнем пошла вниз, ударилась обо что-то и ничком опустилась на дно... распластавшись на песке пологого пляжа. Отхлынувшее море неслось мимо, но я уже впилась в землю пальцами, подобно крючьям удержавшими меня против тянущей силы волны. Море несколько секунд трепало меня и отхлынуло. Всхлипывая и задыхаясь, я ползла и тянулась вверх по склону, пока следующая волна, слабее первой, не накрыла меня и не откатилась, смыв борозду, оставшуюся от моего продвижения.

И вот я вползла по пенящейся отмели на твердый сухой берег.

Последнее, что смутно вспоминается: уже падая, я оглянулась на своего спасителя и увидела, как он выпрыгивает из волн, словно чтобы убедиться, что я в безопасности. Черное тело слегка фосфоресцировало, след сверкал на воде зеленым и белым. Полоска звездного света на миг выхватила изящный спинной плавник, вспыхнула на нем – и вот дельфин исчез, победно хлопнув хвостом, так что в скалах зазвенело эхо. А я растянута на песке, едва ли в футе от кромки воды.

ГЛАВА 20

Хоть грозно море, но и милосердно.

Его напрасно проклинал я.

У. Шекспир. Буря. Акт V, сцена 1

Свет... Он висел высоко в небе, прямо у меня над головой.

И даже когда он постепенно превратился в лампу, стоявшую в окне домика почти на самой вершине утеса, то все равно казался таким же далеким, как луна в небе. Теперь я уже почти не помню, чего стоило мне вскарабкаться в своей мокрой ледящей одежде вверх по тропинке на каменистую кручу, но, надо полагать, мне еще крупно повезло, что там вообще оказалась тропа. Наконец я кое-как одолела ее и остановилась, прислонившись, вернее, рухнув на ствол старой оливы, нависшей над ручьем, который прорезал тропу и резко обрывался к морю сразу же за грубо сколоченным мостом.

Утес как бы раскалывался на две части, и в образовавшийся просвет выходила неглубокая долина, убегавшая прочь от моря. Я смутно различала кое-где среди олив участки ровной земли, на которых с грехом пополам выращивались бобы и пшеница. Тут и там виднелись разрозненные огоньки крестьянских домишек – каждый со своей небольшой рощицей и своим пастбищем для коз и овец. Деревья по большей

части были старыми, темные густые кроны шептали и трепетали даже в безветренной низине, а маленькие твердые плоды, осыпаясь, стучали по земле, точно град. Переpletенные ветви чернели на фоне ближнего освещенного окна.

Я заставила свое дрожащее, словно свинцом налитое тело двигаться. Под ногами перекатывались и с чавканьем лопались оливки. Я зацепилась босой ногой за стебель ромашки, ушиблась пальцем о камень и вскрикнула. Немедленно в ответ раздался лай, и какая-то собака – одна из тех злобных, полудиких тварей, какими кишат греческие деревни, – вылетела навстречу мне из-за деревьев. Не обращая на нее внимания, я заковыляла дальше, а она, вся оцетинившись и рыча, кружила вокруг. В ногу мне ткнулся холодный мокрый нос, но собака так и не укусила. В следующий миг дверь хижины отворилась и по траве протянулась полоса света. В проеме показался плотный мужской силуэт.

Я из последних сил шагнула на свет.

– Пожалуйста, – еле слышно выдохнула я по-английски, – пожалуйста... не могли бы вы помочь мне?

Несколько секунд царило изумленное молчание, пока хозяин дома ошеломленно разглядывал меня – вышедшую из ночи, точно призрак, всю мокрую и грязную, в песке и пыли, с кружащей у ног собакой. Затем он оглушительно рявкнул, отчего собака мгновенно убралась, поджав хвост, и что-то отрывисто спросил у меня. Не знаю, что именно, я даже не поняла, на каком языке, да и все равно мне вряд ли хватило

бы сил ответить. Я просто слепо шагнула вперед, навстречу свету и домашнему теплу, непроизвольно протянув руки в классическом умоляющем жесте, и тяжело рухнула на колени у порога, прямо у его ног.

Должно быть, мой обморок длился не больше двух-трех секунд. Я слышала, как мужчина кого-то позвал, потом раздался вопросительный и тревожный женский голос, и чьи-то руки, подхватив меня, не то понесли, не то потащили к свету и теплу комнаты, где в очаге еще алели раскаленные угольки. Мужчина что-то повелительно и резко сказал жене, а потом быстро вышел, хлопнув дверью. На один смутный, пронизанный безумной паникой миг я испугалась, куда это он, но уже в следующую секунду, когда женщиной, разрывшись потоком неразборчивых гортанных слов, начала возиться с моей мокрой, липнувшей к телу одеждой, я поняла, что ее муж всего лишь покинул единственную комнату хижины, пока я переоденусь.

С одежды струилась вода, я бы сама ни за что с ней не справилась. По-моему, пожилая хозяйка, раздевая меня, пыталась задавать какие-то вопросы, но я не только ничего не понимала, а даже вряд ли слышала. Мой ум впал в такое же леденящее оцепенение, как и тело, я вся тряслась от холода и изнеможения. Вскоре меня раздели и насухо вытерли – чудесным льняным полотенцем, но таким пожелтевшим и жестким, как будто оно являлось частью приданого этой женщины и до сих пор ни разу не использовалось по назна-

чению, – а потом завернули в груботканое одеяло и бережно усадили в кресло перед очагом. В. огонь подбросили дров, над пламенем повесили котелок, и лишь когда моя одежда была аккуратно развешана над очагом – хозяйка с нескрываемым любопытством пощупала тонкий нейлон, – старуха подошла к двери и позвала мужа назад.

Он вошел, престарелый крестьянин самого что ни на есть злодейского вида, со свирепыми усами и торчащей из зубов замусоленной самокруткой. За ним – само собой разумеется – следовало двое других, приземистых крепких мужчин того же склада со смуглыми дикарскими физиономиями. Они столпились на свету, разглядывая меня. Хозяин задал какой-то вопрос.

Я покачала головой, однако спросить о том, что больше всего интересовало меня в данный момент, оказалось совсем нетрудно. Вытащив руку из-под одеяла, я повела ею кругом и спросила:

– Керкира? Это... Керкира?

Вызванный этим вопросом шторм кивков и утвердительных «не» доставил мне чисто физическое облегчение. Начать человеческое общение, знать, где ты находишься, – какая благодать! Бог весть какого еще ответа я ждала: полагаю, обрывки пережитого кошмара еще витали вокруг меня и лишь четкое, облеченное в слова подтверждение, что все хорошо, могло окончательно вывести меня из дурного сна – близкой и одинокой гибели в море, заточения на «Алистере»

в лапах Годфри, неизвестного черного утеса, на который я карабкалась из последних сил. Это был остров Корфу, и это были греки. Я была спасена.

– Я англичанка, – промолвила я. – Вы говорите по-английски?

На этот раз головы закачались отрицательно, но я услышала несколько раз повторенное слово «англита», так что они поняли.

– Вилла Форли? – предприняла я новую попытку. – Каstellо деи Фьори?

Они снова поняли. Последовало очередное словоизвержение, в котором я разобрала одно знакомое слово – «таласса», море.

Я закивала, снова пытаюсь объяснить жестами.

– Я, – и я показала на свою спеленутую фигуру, – таласса... лодка... – Пантомима, которой изрядно мешало одеяло. – Плыть... тонуть.

Шквал восклицаний, а потом женщина с ласковыми и сочувственными причитаниями всунула мне в руки миску. Там оказался какой-то суп, наверное бобовый, густой и безвкусный, зато горячий, сытный и, в данных обстоятельствах, просто великолепный. Пока я ела, мужчины из вежливости отвернулись, вполголоса переговариваясь меж собой быстрыми отрывистыми фразами.

Когда я доела и отдала миску женщине, один из них – не хозяин дома, а другой, – откашливаясь, шагнул вперед. Он

говорил на очень плохом немецком:

– Вы из Каstellо деи Фьори?

– Я. – Мой немецкий был немногим лучше, чем у него, но даже ломаные фразы могли помочь нам объясниться. Я медленно выговорила, подбирая слова: – Ехать до Каstellо, как далеко?

Снова бормотание.

– Десять. – Он поднял вверх две растопыренные пятерни.

– Я, десять.

– Десять километров?

– Я.

– Есть дорога?

– Я, ја.

– Есть машина?

– Нет.

Он был слишком вежлив, чтобы сказать это словами, но короткий слог полностью передал, что у них, разумеется, нет никакой машины. И никогда не было никакой машины. Зачем им вообще машина? У них есть ослы и женщины.

Я сглотнула. Так значит, кошмар не кончился, предстоит еще одно испытание – долгий и невозможный путь домой. Я попыталась, хотя и не очень связно, обдумать, что же теперь предпримет Годфри.

Добравшись до места назначенной встречи, он неизбежно обнаружит, что один сверток пропал, и догадается, что его взяла я и где я должна была его спрятать. Однако, как я на-

деялась, Мэннинг решит, что больше его никто не подозревает, у него ведь есть все основания полагать, что если бы его подозревали, то воспрепятствовали бы сегодняшней ночной вылазке. Нет, оставалось надеяться, что он подумает, будто я сделала свое открытие случайно, например, видела, как он переносил свертки, из любопытства проследила за ним, а обнаружив груз, поняла, что происходит нечто серьезное, и от испуга спряталась, а потом на «Алистере» попыталась разыграть невинность, чтобы спасти свою шкуру. Я была уверена, что ему в голову не закрадется даже мысли о Миранде.

Что ж, от меня он избавился. Мое исчезновение, разумеется, вызовет переполох, расследование и всякие домыслы, которые, возможно, будут не слишком благоприятны для него после того, что случилось со Спиро и Янни. Поэтому он вполне может решить скрыться раз и навсегда, но внезапный срочный отъезд «Г. Мэн-нинга, эсквайра», естественно, привлечет внимание властей к его дому и эллингу, а следовательно (поскольку вряд ли по моему поводу уже возбуждено официальное расследование), я была уверена, что Годфри пойдет на риск и вернется, чтобы сегодня же ночью найти и убрать последний сверток с фальшивыми деньгами.

И в этот-то момент на сцене должна появиться я. Даже если на берегу Годфри встретит Макс, то для ареста потребуются серьезные доказательства, а не просто голословные заявления Адони и Миранды или даже Спиро – я не сомневалась, что эти обвинения Годфри удастся отвести без осо-

бых трудов. А стоит хотя бы на пять минут выпустить «Г. Мэннинга, эсквайра» из виду, как он, со своим-то заранее приготовленным отступлением, тотчас же бесследно исчезнет, на этот раз навсегда.

Я обвела взглядом кольцо стоящих вокруг мужчин.

– Есть телефон? – спросила я без особой надежды, но они разом просияли.

Да, конечно, у них есть телефон, наверху в деревне, чуть дальше по холму, там, откуда начинается дорога. (Эти сведения были изложены мне всеми вперевод, по-гречески, в сопровождении бурной жестикуляции, и понять их оказалось удивительно легко.) А мне нужен телефон? Так они сейчас же меня туда отведут...

Я кивнула, улыбаясь и благодаря их, а потом, указав на мою одежду, вопросительно поглядела на женщину. Мужчины немедленно испарились из комнаты, а хозяйка начала снимать мои вещи с веревки. Белье высохло, но хлопковое платье оставалось влажным и неприятным.

Я благодарно откинула одеяло – оно пахло чем-то, что я милосердно решила считать козлом, – и начала одеваться. Но когда попыталась натянуть платье, хозяйка удержала меня.

– Нет-нет, возьмите это... это честь для меня. Мы вам так рады...

Слова не могли бы звучать яснее, если бы даже были произнесены по-английски. «Это» оказалось белой батистовой блузой с чудесной алой, зеленой и золотой вышивкой и длин-

ной черной юбкой с веселым узором той же расцветки по подолу – национальный корфиотский наряд для праздников и торжественных дней. Этот наряд либо входил в приданое хозяйки, когда она была еще юной невестой, либо был приготовлен для дочери. И он пришелся мне как раз впору. Юбка была сшита из толстого домотканого сукна, а к блузе прилагался теплый жакет. Хозяйка в восторге хлопотала вокруг, приглаживая ткань и одобрительно щебеча, а потом позвала мужчин полюбоваться.

Они все ждали снаружи, уже не трое, а – я специально посчитала – шестнадцать. Повинуясь внезапному порыву, я нагнулась и поцеловала морщинистую щеку женщины, а она обеими руками поймала мою руку. В глазах ее стояли слезы.

– Мы вам рады, – сказала она. – Английский. Мы вам рады.

И я оказалась на улице – почетный эскорт мужчин окружил меня и с царскими почестями повел вверх по каменистой тропе через рощу к крохотной деревушке, чтобы постучаться к спящему владельцу лавки, где имелся телефон.

Кастелло молчал.

Я на миг задумалась, а потом позвонила на виллу Форли. Звонок едва успел тренькнуть, как Фил сняла трубку. Голос у нее был быстрый и взволнованный.

– Люси! Где, во имя всего святого...

– Все хорошо, Фил, не волнуйся. Прости, что не смогла

позвонить тебе раньше, но со мной все в порядке.

– Где ты? Я пробовала звонить Годфри, но...

– Когда?

– С час назад. Нет, скорее, три четверти. Его не было, вот я и решила, что ты, возможно, с ним. Так и есть?

– Нет. Слушай, Фил, можешь кое-что для меня сделать?

– Что? Вообще, что тут происходит?

– Расскажу при встрече, а сейчас нет времени. Просто не задавай никаких вопросов, но не могла бы ты еще раз перезвонить Годфри, прямо сейчас? Если он возьмет трубку, скажи, что меня еще нет, и спроси, не с ним ли я – ну как спросила бы, если бы я тебе не звонила и ты по-прежнему волновалась. Ужасно важно, чтобы он не знал, что я звонила. Сделаешь? Это ужасно важно, Фил.

– Да, но...

– Тогда, пожалуйста, будь ангелом, сделай, как я прошу. Обещаю скоро вернуться и все-все тебе рассказать. Но я должна знать, дома ли он. Как только позвонишь ему, перезвони мне сюда, – и я дала ей номер.

– Как, во имя всего святого, тебя туда занесло? Ты куда-то с ним выезжала? Я знаю, что ты ужинала дома, потому что посуда не убрана. Похоже, Миранда просто ушла и все бросила.

– Это моя вина. Я отослала ее с поручением.

– Ты? Послушай, что все-таки происходит? Остатки ужина валяются на столе, а ты болтаешься где-то на полпути к

Пантократору в середине ночи...

– Можно сказать, Годфри меня бросил. Далековато, знаешь ли, чтобы идти домой пешком.

– Люси! Ты хочешь сказать, он пытался?..

– Можно сказать и так, – отозвалась я. – Не нравится мне твой Годфри, Фил, но на случай, если он уже дома, вешаю трубку и жду твоего звонка. Только, пожалуйста, выполни мою просьбу, это крайне важно.

– Бог ты мой, выполню. Пускай поволнуется, – мстительно пообещала Фил. – Ладно, радость моя, я тебе перезвоню. Хочешь, чтобы я за тобой приехала?

– Хорошо бы.

– Гнусное чудовище, – сказала сестра напоследок, но уже, надо полагать, не мне, и повесила трубку.

В сельскую лавчонку набилось уже двадцать три человека, и явно что-то произошло. Все кругом радостно улыбались. Едва я повесила трубку, из-под локтя у меня вырос мой говорящий по-немецки друг.

– Фройляйн, идти и смотреть, – он гордо указал на дверь магазинчика. – Для вас, к вашим услугам.

Снаружи, залитый звездным светом, стоял мотоцикл, величественный, почти новый двухцилиндровый красавец, на котором гордо, но в то же время застенчиво восседал паренек лет двадцати. Мужчины высыпали из лавки и столпились вокруг, в восторге, что могут помочь.

– Он едет из Спартилы, – пояснил мой друг, указывая куда-то за дом, где на уходящем вверх склоне Пантократора в нескольких милях отсюда смутно виднелось несколько тусклых огоньков, должно быть означавших еще одну деревушку. – Он был в гостях в Коулоуре, в доме своего дяди, а мы услышали, как он едет, и остановили его. Видите? Это очень хорошая штука, не хуже машины. Вам нельзя оставаться здесь, эта деревня недостаточно хороша для иностранцев. Но он может отвезти вас домой.

На мои глаза навернулись слезы, усиленные тревогой и усталостью.

– Вы слишком добры. Слишком добры. Спасибо, спасибо вам всем.

Большого я выговорить не могла, да они, похоже, о большем и не мечтали. Доброта и благожелательность, окружавшие меня, были столь же реальны и ощутимы, как свет и огонь, они согревали ночь.

Кто-то принес подушку – судя по всему, лучшую, какая нашлась в доме. Кто-то другой привязал ее к мотоциклу. Третий заботливо уложил узел с моим мокрым платьем в ящичек позади сиденья. Паренек стоял, улыбаясь и искоса с любопытством поглядывая на меня.

Коротко звякнул телефон, и я бросилась назад.

– Да?

– Люси. Я позвонила на виллу Рота, но его там нет.

– Никто не ответил?

– Разумеется, нет. Послушай, ты не можешь объяснить мне, что все это значит?

– Дорогая, сейчас никак не могу... Скоро буду дома. Не волнуйся. Но не говори никому, что я тебе звонила. Никому. Даже Максу.

– Даже Максу? С каких это пор?..

– И не надо за мной приезжать, я раздобыла транспорт.

Владелец магазинчика отказался брать деньги за телефон. Я так поняла, для него это было чистое удовольствие, – удовольствие, что его вытащили из кровати посреди ночи ради какой-то полуутопшей невразумительной иностранки. А мужчины, помогавшие мне, даже не стали слушать благодарностей – это ведь великая честь помочь мне, действительно великая честь. Они усадили меня на заднее сиденье, показали, куда ставить ноги и как держаться за пояс водителя, пожелали мне доброго пути и отступили назад, когда мой новый друг одним ударом ноги выбил из двигателя оглушительный рев, пронесшийся над деревушкой подобно самому аду. Должно быть, он перебудил всех спящих на много миль вокруг. Без сомнения, они тоже расценили это как великую честь...

Мы сорвались с места, подняв тучу пыли. Изъеденная колдобинами и покрытая рыхлым гравием дорога змеей изгибалась среди сливовых кущ, росших по краям отвесных утесов на высоте добрых трехсот метров над уровнем моря. Всякий бы сказал, что по такой дороге быстро не поедешь,

однако мы мчались ужасно быстро, кренясь на виражах совсем как «Алистер» на пенных гребнях, и гравий летел из-под колес вперед, как носовая волна перед яхтой, а за нами оставался шлейф пыли в полмили длиной. Меня это не волновало. После всех ужасов и разочарований нынешней ночи ощущение ветра в волосах и могучей, гремящей скорости подо мной восхищало и успокаивало. И я не могла бояться. Это был в буквальном смысле слова «бог в машине», пришедший ко мне на выручку, и он не мог подвести. Я мертвой хваткой вцепилась в его кожаную спину, и мы с грохотом катили вперед, тенистые рощи вдоль дороги мелькали и уносились прочь, а внизу слева – далеко-далеко – зияла пустая тьма моря.

«Бог» повернул ко мне кудрявую голову и что-то радостно прокричал. Мы пронеслись за поворот, через ручей, вверх по чему-то поразительно напоминающему лестничный пролет из неровных ступеней и вылетели на благословенную гладь асфальтированной дороги.

Нельзя сказать, чтобы от этого стало лучше: дорога резко устремлялась вниз по склону Пантократора чередой следующих один за другим крутых поворотов, почти отвесных и смертельно опасных, но мы преодолевали их на головокружительной скорости, каждый раз выносившей нас на самый обрыв, где какой-нибудь пучок ромашек или крохотный камешек ловил нас и отбрасывал назад на покрытие. Шины визжали, «бог» что-то весело кричал, запах горячей резины

наполнял ночь, и мы летели вниз серией птичьих перепархиваний, выведших нас наконец к подножию горы, на уровень моря.

Дорога шла прямо. Я увидела, как рука «бога» с надеждой потянулась к газу.

– О'кей? – завопил он через плечо.

– О'кей! – прокричала я, вцепляясь в него, как обезьянка в пальму во время бури.

Рука надавила. Ночь, летящие мимо деревья, белеющие призрачным светом живые изгороди цветущих яблонь – все слилось в одно размазанное пятно...

В мгновение ока мы проскочили через уже знакомую мне деревушку, за которой «бог» сбавил скорость. Мы осторожно проехали между черными стенами кипарисов, мимо домика в лимонной роще, мимо маленького ресторанчика под открытым небом, где у сосны сиротливо стояли пустые столики, и вверх к воротам Каstellо, где остановились почти между самых колонн.

Паренек опустил ногу на землю и вопросительно повернулся ко мне, ткнув пальцем в сторону подъездной аллеи, но я покачала головой. До Каstellо идти было порядочно, но, не зная точно, что там происходит, я совершенно определенно не собиралась возвещать о своем прибытии, с грохотом подкатывая к парадной двери.

Поэтому я не без труда разжала намертво вцепившиеся в кожаную куртку пальцы и неловко завозилась на своем насе-

сте, отряхивая прелестную вышитую юбку и вытаскивая из ящичка замызганное платье.

Когда же я попыталась поблагодарить своего спасителя, он лишь улыбнулся и покачал головой, разворачивая мотоцикл назад на дорогу, по которой мы приехали, и крича на прощание что-то, что, безусловно, должно было означать: «Это было настоящее удовольствие».

Ладонь его легла на рычаг, но я успела быстро коснуться его руки.

– Ваше имя? – Настолько-то я знала греческий. – Пожалуйста, ваше имя?

Он ухмыльнулся и затряс головой.

– Спиридион, – ответил он. – Да хранит вас Бог.

В следующую секунду он уже сделался всего лишь удаляющимся ревом во тьме и оседающей на дорогу тучей пыли.

ГЛАВА 21

Ты присвоил

Чужое имя и сюда, на остров,

Прокрался как шпион...

У. Шекспир. Буря. Акт I, сцена 1

Из Каstellо не пробивалось ни лучика света. Огромный дом смутно вырисовывался из тьмы в свете звезд – причудливый, весь в башенках, почти такой романтичный, как замышлял его строитель. Бесшумно ступая по замшелым плитам, я обошла здание и вышла к террасе. Там тоже не было видно ни огонька, ни движения. Ничего. Высокие стеклянные двери, темные и занавешенные, оказались запертыми, и проникнуть внутрь мне не удалось.

Стараясь держаться в глубокой тени, я обогнула террасу и подошла к балюстраде, нависающей над утесом и бухтой. Невидимое море тихо шептало, вокруг разливался густой пряный запах кипарисов и слабый-слабый аромат роз. Над головой, разрезая тишину тонким пронзительным пискком, носились летучие мыши. Мой взгляд привлекло какое-то движение, и я быстро обернулась: маленькое светлое пятнышко просочилось, как эктоплазма, между столбиками перил и исчезло внизу на склоне. Белый кот вышел прогуляться сам по себе.

А потом я заметила лучик света. Он исходил откуда-то

из-за деревьев справа, где должна была располагаться вилла Рота. Мягко, как белый кот, и почти так же беззвучно, как призрак из морской пучины, каким я и была, я спустилась с террасы и направилась под сводами леса по направлению к свету.

Среди деревьев вдали от дороги был припаркован ХК-150. Я едва не налетела на него. Надо думать, Годфри специально припарковал его подальше от дома, чтобы случайный гость решил, что хозяин уехал на машине, и не стал бы искать дальше.

Несколько минут спустя я уже пробиралась сквозь гущу миртов, обступивших дом.

Как я уже говорила, вилла Рота была близнецом виллы Форли. Ответвление от подъездной аллеи вело к глядящей на лес парадной двери, а вымощенная камнем тропинка бежала оттуда вокруг дома к широкой террасе, с которой открывался вид на море. Над дверью пробивалась полоска света. Я раздвинула ветки и осторожно выглянула.

У крыльца стояли две машины: большой потрепанный «бьюик» Макса и незнакомый мне автомобиль поменьше.

Значит, он вернулся. Война объявлена. Уж не полицейская ли эта вторая машина?

Одолженные мне туфли на веревочной подошве ступали совершенно бесшумно. Прижимаясь к стене, я начала красться к террасе.

Там тоже все точь-в-точь повторяло виллу Форли, только

вместо глицинии вился виноград и не было обеденного стола – лишь пара широких кресел и низкий столик, где стоял поднос с бутылками и рюмками. Я тихо проскользнула мимо них к ряду стеклянных дверей.

Все три были закрыты и занавешены, но шторы в центральном окне чуть расходились, образуя щель около трех дюймов шириной, в которую я могла видеть комнату. Подкравшись туда, я обнаружила, что смогу не только видеть, но и слышать: в стекле рядом со щеколдой зияла большая пробитая дыра – кто-то таким образом проникал внутрь.

Первым я увидела Годфри – совсем рядом с окном, чуть сбоку. Он преспокойно сидел в кресле у массивного стола из вязового дерева и держал в руке стакан виски. Он был все в том же свитере и темных брюках, а на спинке стула висела темно-синяя куртка, которую я скинула перед тем, как упасть в море. Я с удовольствием отметила, что половина его лица представляла собой одну сплошную классическую ссадину, покрытую коркой запекшейся крови, а когда он пил, красивый рот кривился от боли. К распухшей губе Годфри прижимал носовой платок.

На первый взгляд мне показалось, будто комната полна народа, но потом вся толпа сложилась в довольно простой узор. Посередине, в нескольких ярдах от Годфри и вполоборота ко мне, стоял Макс. Лица его я не видела. Около двери, лицом к окнам, застыл Адони, однако внимание его тоже было всецело сосредоточено на Годфри. Неподалеку от ме-

ня, прямо перед выходом на террасу, сидел Спиро – он при-
могнулся на краешке сиденья, неловко вытянув вперед сло-
манную ногу в новой белой повязке, а на полу рядом с ним
притулилась Миранда, баюкая на груди его руку, словно (так
мне казалось) хотела бы баюкать самого Спиро. Два юных
лица были удивительно похожи, несмотря даже на разницу
пола, а сейчас это сходство стало еще более поразительным
благодаря одинаковому выражению – чистой, откровенной
ненависти, неослабно направленной на Годфри. На полу ря-
дом с креслом юноши лежала винтовка, и по тому, как рука
Спиро свисала рядом с ней, время от времени судорожно об-
хватывая приклад пальцами, я догадалась, что лишь настоя-
тельный приказ полиции заставил его отложить оружие.

Потому что там и вправду была полиция. В другом кон-
це комнаты, напротив Годфри, возле двери сидел мужчина,
в котором я вспомнила инспектора (я не знала греческого
эквивалента этой должности) из Корфу, что приезжал сюда
в ходе расследования смерти Янни. Это был тучный, седо-
волосый человек с густыми усами и умными черными глаза-
ми. Одежда его находилась в заметном беспорядке – он явно
одевался на скорую руку. Несмотря на каменное лицо и спо-
койный, пристальный взгляд, я почувствовала, что он слегка
не в своей тарелке и не вполне уверен в происходящем.

Говорил Годфри – тем самым прохладным непринужден-
ным голосом, который я успела так хорошо узнать.

– Как хотите, мистер Пападопулос. Но предупреждаю вас,

я не собираюсь закрывать глаза на то, что произошло у меня в эллинге, и на тот факт, что эти двое людей в буквальном смысле слова вломились ко мне в дом. Что же до девушки, мне не очень понятно, что, по-вашему, я мог с ней сделать, но я уже дал вам подробнейший отчет обо всех наших передвижениях сегодня днем и уверен, вы отыщете массу свидетелей, которые смогут подтвердить мои слова.

– Нас интересуют ваши передвижения сегодня вечером. – В голосе Макса клокотала с трудом сдерживаемая ярость. – Для начала, что с вашим лицом?

– Несчастный случай с гиком, – коротко ответил Годфри.

– Еще один? Не слишком ли частыми стали эти несчастные случаи? Как это произошло?

– Вы яхтсмен?

– Нет.

– Тогда не задавайте глупых вопросов. – Годфри бросил на него быстрый ледяной взгляд. – Дойдет и до вас очередь, черт побери. Осадите назад. У вас не больше прав допрашивать меня, чем применять ко мне силу или врываться сюда и переворачивать весь дом вверх дном в поисках неизвестно чего. Если бы вы не позвонили в полицию, можете не сомневаться, я бы сам это сделал. Мы еще поговорим о ваших методах.

– Прошу тебя, Макс, – веско произнес Пападопулос. – Итак, мистер Мэннинг, вы утверждаете, что не видели мисс Уоринг примерно с семи часов вечера, когда отвезли ее до-

мой?

– Именно. – С инспектором Годфри разговаривал устало, но с терпеливой вежливостью. Он играл свою роль великолепно. В голосе его звучала прежняя неприязнь к Макссу, подкрепленная гневом по поводу случившегося сегодня, плюс усталость, недоумение и ощутимая тревога из-за меня. – Я отвез ее домой перед ужином. А самому мне надо было еще раз уехать.

– И с тех пор вы больше ее не видели?

– Сколько можно?.. Простите, инспектор, я немного устал. Нет, с тех пор я ее не видел.

– Вы дали нам отчет о ваших передвижениях после того, как вы отвезли мисс Уоринг. Далее, когда вы наконец спустились к яхте, то обнаружили, что эллинг по-прежнему заперт и, насколько вы могли судить, кругом никого нет?

– Именно.

– А вы не заметили ничего свидетельствующего о том, что кто-нибудь – мисс Уоринг или кто-то другой – побывал там и снова ушел?

Мне показалось, что Годфри замялся, но это было практически незаметно. Должно быть, он находился в полной уверенности, что утопил меня, не оставив никаких следов.

– Нет.

– Вы слышали, что говорит эта девушка?

– Миранда? – Голос Годфри был даже не презрительным, а лишь слегка пренебрежительным. Он как бы разом отмах-

нулся от подобного пустяка. – Да ничего она не говорит. Ей просто шлея под хвост попала из-за ее братца, вот она и готова выдумать что угодно, лишь бы доставить мне побольше неприятностей. Бог знает, где или почему мальчик набрался подобных бредней. В жизни не испытывал большего счастья, чем сегодня вечером, когда увидел его.

Спиро произнес по-гречески одну короткую, зловеще прозвучавшую фразу, смысл которой был совершенно понятен и которая вызвала шокированный взгляд у его сестры. Но он решил прояснить все до конца.

– Я плюю на него, – повторил он.

И плюнул.

– Спиро! – резко сказал Макс, а Годфри приподнял бровь и засмеялся:

– Сатана, обличающий грех. Всегда крайне забавное зрелище, вы не находите?

– Простите, – сказал Пападопулос. – Спиро, держи себя в руках, не то выйдешь отсюда. Вернемся к тому, на чем остановились, мистер Мэннинг. Вы должны извинить меня, я не очень хорошо владею английским. Я что-то не понял про Сатану и про хвост. Шлея под хвостом? – Он глянул на Макса, который заколебался, и Адони отрывисто бросил какую-то фразу по-гречески. – Ага, понятно. – Тучный инспектор снова опустился на стул. – Итак, вы говорили?.. – это уже к Годфри.

– Я говорил, что в чем бы Миранда ни обвиняла меня,

факт остается фактом – она не видела, как Люси Уоринг входит в мой эллинг или хотя бы приближается к нему. Да там и не было ничего, что на это указывало бы.

– Ясно. Что ж, мистер Мэннинг, на время забудем об этом... Да, Макс, я знаю, но мы ничего больше не можем сделать, пока Петрос не поднимется сюда из эллинга и не доложит о результате своих поисков. Он скоро придет. А тем временем, мистер Мэннинг, с вашего позволения, я хотел бы задать вам еще несколько вопросов.

– Да?

– Временно оставив в стороне передвижения мисс Уоринг, мне бы хотелось услышать о ваших... после того, как вы спустились в эллинг. Когда мистер Гейл встретил вас по возвращении и обвинил...

– Вы хотите сказать, напал на меня.

– Как вам будет угодно. Когда он спросил, где вы были, вы ответили, что на «обычной поездке». Что вы имели в виду под «обычной поездкой», мистер Мэннинг? Рыбалку?

– В каюте лежали его камеры, – без всякого выражения произнес Адони.

– Так вы ходили фотографировать, мистер Мэннинг? Можно узнать куда?

Наступила короткая пауза.

Годфри отхлебнул виски и некоторое время сидел, покачивая стакан и не отводя глаз от золотистой жидкости. Наконец он поднял взор, встретился глазами с полицейским и

изобразил на лице слабую улыбку, равносильную пожиманию плечами:

– Вижу, пора выложить карты на стол. Вот уж не думал, что вы выйдете на меня. Если бы не это недоразумение с де-вушкой, весьма сомневаюсь, что вы... Или вам дали наводку?

Выражение инспектора не изменилось, но я заметила, как Макс весь напрягся, а Адони вытаращил глаза. Капитуляция, когда они еще даже не прибегли к оружию?

– С вашего позволения, – вежливо произнес Пападопулос, – я не совсем понял. Если бы вы использовали более простой английский...

– Еще одна идиома, – пояснил Адони. – Он имеет в виду, что знает, что вам про него уже все рассказали, поэтому теперь собирается сам во всем признаться.

– Ничего подобного я не имел в виду. И постарайся держать свой хорошенький ротик на замке, когда мужчины разговаривают, – бросил ему Годфри, не удостоив юношу даже взгляда, безразлично, точно прихлопнул комара.

Адони мельком посмотрел на него, выражение его лица не изменилось, но сердце у меня как-то странно подпрыгнуло, и я подумала: «Твоя ошибка, Годфри».

– Прошу вас, – продолжал Пападопулос, – не будем тратить времени зря. Итак, мистер Мэннинг?

Годфри откинулся на спинку кресла, холодно глядя на грека. Вы бы подумали, что в комнате больше никого нет.

– Теперь, когда этот ваш человек обыскивает мою яхту,

уже нет особого смысла утверждать, будто я фотографировал, верно? Достаточно только осмотреть камеру... Нет, собственно, печальная правда состоит в том, что у меня имелось дельце на той стороне.

Если в комнате и до этого было достаточно тихо, то теперь все словно замерло. Я ничего не понимала. Не может же он вот так взять и признаться... Почему? Почему? А потом я поняла. Миранда рассказала полиции все, что знала, и Годфри догадался, что она была со мной на берегу. Не думаю, чтобы до сих пор разговор хоть каким-то боком касался пещеры или тюков с товаром, но Годфри мог заподозрить, что она видела не меньше меня и в конце концов должна рассказать полиции о свертках. Более того, полицейский констебль как раз обыскивал «Алистер» и, если хотя бы наполовину разбирался в своем деле, непременно должен был найти тайник под полом яхты. Я сообразила, что Годфри собирается дать какое-то относительно безобидное объяснение прежде, чем будет сделана неизбежная находка.

– Где именно на той стороне? – спросил Пападо-пулос.

– В Албании.

– И какое дело?

– Можем мы назвать это «импортом»?

– Как вы это назовете, не имеет ровно никакого значения.

Вот это уж я понимаю вполне хорошо. – Грек с минуту молча глядявался в лицо Годфри. – Так вы не отрицаете?

Годфри нетерпеливо шевельнулся в кресле.

– Не отрицаю. Не станете же вы делать вид, будто и слыхом не слыхивали о подобных вещах? Знаю, что вы закрыли глаза на то, как был убит Янни Зоулас, но, между нами...

– Янни Зоулас?

Я заметила, как инспектор бросил быстрый взгляд на Макса. Годфри тоже сразу уловил, куда ветер дует, и развернул паруса в том направлении.

– Ага, вижу, вы меня понимаете. Так я и думал.

– Вам известно о гибели Зоуласа нечто, что вы утаили от полиции?

– Абсолютно ничего. Просто строю догадки, исходя из собственного опыта общения с береговой охраной на той стороне. Она потрясающе эффективна.

– Вы думаете, он угодил там в ловушку?

– Я ничего не думаю. Всего лишь строю догадки.

Но догадки ведь не доказательства? – Взгляд серых глаз на миг коснулся Макса. – Я просто думаю, что если кто-то постоянно рискует подвернуться береговой охране, то неудивительно, если с ним что-нибудь приключится. Куда удивительнее, что полиция обратила на это так мало внимания. Должно быть, вы знали, чем он занимается.

– Какова была ваша связь с Зоуласом?

– Моя? Вообще никакой. Я его и не знал.

– Тогда откуда вам столько про него известно?

Годфри улыбнулся.

– В торговом мире вести разлетаются быстро.

– Он никак не был связан с вами?

– Я уже ответил вам. Никоим образом.

– Было выдвинуто предположение, – начал Пападонулос, – будто сперва Спирос, а потом Янни Зоулас узнали что-то о ваших занятиях...

Остальное я пропустила. Сзади меня под террасой замелькал фонарик, раздались чьи-то шаги. Должно быть, это возвращался из эллинга констебль. Я отпрянула от освещенной двери, гадая, не следует ли мне прямо сейчас обратиться к полицейскому и рассказать про затопленный в эллинге сверток, но потом вспомнила, что вряд ли этот грек говорит по-английски. Он прошел по краю террасы и деловито зашагал вокруг дома.

Я на цыпочках вернулась к окну. Возможно, констебль нашел сверток, а если так, я вполне могла подождать еще чуть-чуть и послушать, как Годфри будет выкручиваться, а уже потом войти и опровергнуть все его оправдания.

Он тем временем продолжал стоять на своем и сейчас являл собой прекрасный образец донельзя сердитого человека, лишь огромным усилием воли держащего себя в рамках, да и то с трудом.

– А теперь, может быть, – говорил он с тщательно сдерживаемой яростью, – вы скажете мне, какого дьявола я бы пошел на все эти убийства?

– Не могу сказать, – с сожалением отозвался инспектор. – Исходя из того списка «товаров», что вы мне сообщили,

не могу. Радиодетали, табак, антибиотики? И так далее, и так далее... Обычный список, мистер Мэннинг. Просто удивительно, как это у вас окупается... Аренда этого дома, яхта, проблемы, как установить связь, риск... Вы ведь не бедный человек. Зачем вы это делаете?

– Боже ты мой, – вздохнул Годфри, – неужели это так трудно понять? Я застрял тут, работая над моей распроклятой книгой, мне было скучно. Ну конечно, деньги мне не нужны. Но я скучал, а тут еще яхта, это обещало такое славное развлеченьице... – Он осекся и поднял руку. – Но вы и впрямь хотите слушать все это сегодня ночью? Скажем, я делал это все ради кайфа – и дело с концом. Аполлончик вам переведет.

– Он имеет в виду, – негромко произнес Адони, – что любит риск и жестокость ради них самих. Это выражение, которое обычно используют невменяемые преступники и несовершеннолетние правонарушители.

Макс засмеялся. Рука Годфри, сжимающая стакан, побелела.

– Ах ты, маленький...

– Маркос! – резко прервал Макс, оборачиваясь к греку, и я в первый раз за все это время увидела его лицо. – Сейчас все это совершенно не важно! Прости, я понимаю, что если этот человек возит через границу контрабанду, то это самое что ни на есть твое дело, но в настоящий момент важно одно – девушка. Если он настаивает, что...

– Минутку, – сказал Пападопулос, поворачивая голову.

Адони протянул руку к двери, чтобы открыть ее, и в комнату вошел констебль.

Он совершенно очевидно не нашел ни свертка, ни чего-либо еще, ибо, когда его начальник отрывисто пролаял вопрос, констебль лишь развел пустыми руками и пожал плечами, отвечая быстрым потоком греческих слов. Макс спросил у него еще что-то по-гречески, и полицейский повернулся к нему, бурно жестикулируя. Но я больше не обращала на него внимания. В тот первый миг, когда я вытянула шею, стараясь разглядеть, не принес ли он сверток, это движение, должно быть, привлекло взгляд Адони, стоящего в другом конце комнаты. Мы вдруг встретились с ним глазами.

Никто не глядел на него, все взоры обратились на ново-прибывшего, кроме лишь Спино, чей острый, как кинжал, взгляд ни на миг не отрывался от Годфри. Никто, казалось, и не заметил, как Адони тихонько выскользнул в открытую дверь и прикрыл ее за собой.

Я быстро попятилась от двери, прочь из освещенного круга, и тихо направилась назад за угол дома.

Легкие шаги во тьме рядом со мной и шепот:

– Мисс Люси! Мисс Люси! Я думал... я сомневался... в этой одежде... Но это вы! Мы думали, вы погибли! – Сам того не осознавая, он обнял меня. Его объятия чудесным образом успокаивали. – О, мисс Люси, мы думали, вы уплыли с этим

дьяволом на его яхте и он вас убил!

Я обнаружила, что невольно крепче прижимаюсь к нему.

– Так и было. Я действительно уплыла с ним, и он пытался убить меня, но я спаслась. Я выпрыгнула за борт, как Спиро, а он оставил меня тонуть, но... Адони! Ты не должен говорить такие вещи! Где ты их только набрался? Нет, тише, они услышат тебя...

– Теперь он у нас в руках. Теперь-то ему не уйти. Мы поймем его.

– Поймаем, поймаем, обещаю. Я все знаю, Адони. Дело не только в Спиро, в Янни и во мне – он предатель и наемный шпион, и я могу это доказать.

– Правда? – Адони выпустил меня. – Пойдемте скорее, мисс Люси, его нечего больше бояться. Пойдемте скорее. Макс чуть с ума не сошел, я думал, он его убьет.

– Нет, подожди минуту... Я должна знать, что тут произошло. Не можешь мне рассказать, только как можно быстрее? Это ведь полиция с Корфу, верно? А из Афин никто не приехал?

– Нет. В Афинах сказали, пусть Макс везет Спиро домой, а утром обращается в полицию на Корфу. Сказали, будут следить за этим делом, но я думаю, оно их не слишком заинтересовало – у них и так возни выше головы после коммунистической демонстрации во вторник, а наше дело в любом случае – забота властей Корфу. Поэтому Макс со Спиро приехали обратно одни, а я встречал их у парома. Я рассказал

Максу про пещеру и спрятанные там свертки, а он побоялся тратить время понапрасну и сразу отправляться в полицию – все равно было уже одиннадцать и только ночной дежурный на посту, – так что он решил скорее ехать домой и самому сходить в пещеру.

– Значит, вы не получили сообщения от Миранды?

– Нет. Она звонила в «Корфу-бар», но меня там не застала. Я был у Дионисиоса, моего друга, и поужинал у него дома, а потом мы поехали в Мимозу, на пристань, ждать парома. Из «Корфу-бара» посылали мальчика, но он меня не нашел. Когда мы приехали в Кастелдо, Миранда ждала нас там и через некоторое время вспомнила и рассказала о вас.

– Через некоторое время?

Даже в его шепоте я различила улыбку.

– С нами ведь был Спиро.

– О господи, да, конечно! Она забыла про все на свете. Что ж, я ее не виню... Продолжай. Она рассказала вам обо мне.

– Да. Никогда не видел Макса таким. Мы с ним помчались к эллингу, но яхта исчезла, и вы тоже. Мы искали там и на берегу, а потом пошли на виллу Рота. Дом был заперт, поэтому Макс выбил окно, и мы стали искать вас, но напрасно. Потом он пошел к телефону, позвонил мистеру Пападопулосу домой, быстро-быстро рассказал ему все и просил приехать и по дороге захватить из Кастелло Спиро и Миранду. Потом мы с Максом вернулись в эллинг и стали ждать мистера Мэннинга.

– Да?

– Мы немного подождали, а потом увидели, как он плывет, без мотора, под парусом, тихо-тихо. Мы встали в тени за дверями и еще подождали. Он не стал заходить в эллинг, высадился на самом конце мола, развернул яхту носом к морю и привязал там, тоже тихо-претихо. Тогда мы поняли, что он снова собирается уплыть, причем довольно скоро. Потом он пошел по молу в эллинг. – Адони пошевелинулся. – Мы его взяли, Макс и я. Он сопротивлялся, но мы его взяли. Потом Макс послал меня на яхту поискать вас, а когда я вернулся, мистер Мэннинг пытался делать вид, будто удивлен и очень рассержен, но Макс только и твердил: «Где она? Где моя девушка?» и схватил его за горло, и я думал, он его убьет, а когда мистер Мэннинг сказал, что ничего не знает, Макс сказал мне: «Скорее, Адони, пока не появилась полиция. Им это не понравится».

– Что не понравится?

– То, что мы собирались делать, чтобы заставить его говорить, – просто объяснил Адони. – Но тут приехала полиция. Мистер Мэннинг страшно сердился, и было видно, что мистеру Пападопулосу не по себе. Нам пришлось подняться в дом. Другой полицейский остался обыскивать яхту. Вы видели, как он только что вернулся? Он ничего не нашел, только место под палубой, где мистер Мэннинг прятал свертки... Но это вы слышали, да?

– Скорее, догадывалась. Он ведь говорил по-гречески.

– Ну конечно. Я и забыл. Что ж, вот и все. Подождите минутку...

Он исчез за углом и через несколько секунд вновь материализовался возле меня. В руке у меня оказался стакан.

– Выпейте. На террасе осталось немного виски. Вам холодно?

– Нет. Это от волнения. Но все равно спасибо.

Я выпила виски и вернула стакан. Адони нагнулся, отставляя его куда-то, а когда выпрямился, ладонь его сжала мою руку.

– Что теперь, мисс Люси? Вы сказали, теперь ему не отвертеться. Это правда?

– Чистая правда. Нет времени объяснять тебе все прямо сейчас, но кое-что – самое основное – я все же должна, рассказать на случай, если... ну, если со мной вдруг что-то случится. Слушай... – Несколькими короткими фразами я передала ему суть того, что рассказал мне Годфри. – Вот так обстоит дело. Полагаю, Афины смогут выследить его сообщников и, возможно, примерно определить место, куда он ездит, исходя из времени, сколько у него это заняло. Полиции надо будет скорее связаться с Тираной и найти способ остановить циркуляцию фальшивых денег. Но это уже не наши заботы. Мы сейчас должны заставить полицию арестовать его и запереть покрепче.

– Вы говорили, у вас есть доказательства? А какие именно? Достаточно веские, чтобы заставить полицейских при-

слушаться?

– Более чем. Я раздобыла сверток с фальшивыми деньгами. Правда-правда. Скинула его с платформы в эллинге, примерно на полпути с левой стороны. Я хочу, чтобы ты пошел и отыскал ее.

– Конечно. Но сперва я пойду с вами.

– Не стоит. Я бы предпочла, чтобы сверток поскорее оказался в надежных руках. Он знает, что деньги взяла я – должен знать, – и наверняка догадывается, куда я их спрятала. Он опасный человек, Адони, и если что-то пойдет не так... Не хочу, чтобы оставался хоть малейший риск, что он сможет как-то улизнуть и скрыться или что снова попытается застрелить меня, если будет уверен, что я единственная, кому известно, где сверток. Так что нам лучше не подставляться ему сразу вдвоем. Иди и поскорее достань сверток.

– Хорошо. Будьте осторожны.

– Обязательно. У этой свиньи был пистолет. Полагаю, вы забрали его?

– Да. А полиция забрала его у нас.

– Ну ладно, пора идти. – Я с дрожью набрала в грудь воздуха. – Ой, Адони...

– Вам страшно?

– Страшно? – возмутилась я. – Да это будет лучший выход в моей жизни. Идем.

Сцена не изменилась, если не считать того, что на месте Адони у двери теперь стоял констебль. Годфри курил сига-

рету и выглядел по-прежнему непринужденно, но все еще взъерошенным и раздраженным, как человек, пойманный на проступке, за который ему придется дорого заплатить. По всей видимости, речь шла о пещере и свертках, в которых, по утверждению Годфри, находились радиодетали. Он объяснял, устало, однако вежливо, как эти «детали» были упакованы.

Я осторожно просунула руку в пробитую дыру и начала потихоньку отодвигать щеколду. Она поддавалась с трудом, но бесшумно.

– ... Неужели это не может потерпеть до утра? Я признаю свою вину и охотно расскажу вам все подробности, но не сейчас – и уж точно не перед сворой дилетантов и детей, которые пытаются повесить на меня десяток-другой убийств. – Он помолчал и добавил рассудительным тоном: – Послушайте, инспектор, если вы настаиваете, я отправлюсь в Корфу вместе с вами, но если мисс Уоринг действительно исчезла, мне, ей-богу, кажется, вам лучше сосредоточиться на ней и отложить мои маленькие грешки до завтра.

Инспектор и Макс хором начали что-то говорить – первый веско, а второй страстно и гневно, но тут закричала Миранда, в первый раз за все это время. Пронзительный вопль заставил обоих умолкнуть.

– Он знает, где она! Он убил ее! Не слушайте его! Он ее убил! Я знаю, что она пошла на яхту! Он увез и убил ее, как пытался убить моего брата Спиро!

– Это правда, – яростно произнес Спиро. – Видит бог, это правда.

– Ой, ради бога, – досадливо отмахнулся Годфри, резко поднимаясь на ноги с видом человека, чье терпение наконец истощилось. – По-моему, все это продолжалось достаточно долго. Я вежливо ответил на все ваши вопросы, мистер Пападопулос, но этой сцене пора положить конец! Это мой дом, и я буду разговаривать с вами и вашим человеком, если потребуется, но будь я проклят, если стану сидеть тут и слушать, как на меня твякают местные крестьяне. Прошу вас очистить от них помещение, причем, будьте добры, сию же минуту. И Гейл пусть отправляется вместе с ними.

Щеколда была открыта. Дверь мягко поддалась под моей рукой. Я услышала, как вновь заговорил Макс, но еле узнала его голос:

– Маркос, прошу тебя. Девушка... у нас нет времени. Дай мне только пять минут с ним наедине. Всего лишь пять минут. Ты не пожалеешь об этом.

Ответ Пападопулоса потонул в резком стуке – Годфри со всего размаху ударил ладонью о стол.

– Это уже переходит всякие границы! – взорвался он. – Более того, это преступный сговор. Клянусь Богом, инспектор, вам придется за это ответить! Какого дьявола вы тут добиваетесь, вы все? Пападопулос, немедленно выведите этих людей из моего дома, вы меня слышите? Я рассказал вам все, чем занимался сегодня ночью, а что до Люси Уоринг, сколь-

ко еще раз мне повторять, что я отвез проклятую девчонку домой в семь часов и с тех пор не видел ее? Богом клянусь, это правда!

Ни у одной актрисы в жизни не было более удачной реплики на выход. Я отворила стеклянную дверь и вошла.

ГЛАВА 22

Не будем отягчать воспоминаний

Минувшим горем...

У. Шекспир. Буря. Акт V, сцена 1

Несколько секунд никто не шевелился. Я глядела на Годфри, и одного Годфри, поэтому лишь отдаленно сознавала этот момент отчаянной тишины, а затем шквал восклицаний и неловкое движение – это Макс рванулся было вперед, но Пападопулос удержал его, схватив за рукав.

– Ну что, Годфри, не ждал? – спросила я.

Он молчал. Лицо его вмиг залила бледность, руки судорожно нащупывали край стола. Внизу, рядом со мной, я краем глаза уловила быстрое движение руки, когда Миранда перекрестилась.

– Люси, – хрипло произнес Макс, – Люси... моя милая...

Инспектор наконец опомнился от первого удивления и снова сел.

– Это мисс Уоринг, верно? В первый миг я вас не узнал.

Мы как раз гадали, где же вы.

Я заметила, что у Петроса, констебля, в руке вдруг появился пистолет.

– Знаю, – сказала я. – Боюсь, я подслушивала, но очень уж хотелось услышать, что скажет мистер Мэннинг. И хотелось

знать, что произошло с тех пор, как мы с ним расстались около часа назад.

– Боже праведный, – промолвил Макс. – Так мы были правы, Маркос...

– Час назад, мисс Уоринг? Час назад он находился в море на борту своей яхты.

– О да. Я была с ним. Мне пришлось выпрыгнуть за борт чуть восточнее Коулоуры, за островом.

– А-а-а, – выдохнул Спиро, щеки его покраснелись от возбуждения и удовлетворения.

Раздался новый шквал восклицаний. Петрос шагнул ближе к двери с пистолетом в руке. Годфри не вымолвил ни слова, даже не шелохнулся. Он тяжело опирался на стол, точно ища опоры. Он был смертельно бледен, и залитая кровью щека казалась еще темнее теперь, когда от второй отхлынула кровь.

– Следует ли нам понять?.. – начал Пападопулос.

– Поглядите на его лицо, – перебил Макс. – Он пытался убить тебя?

Я кивнула.

– Макс! – предостерегающе воскликнул инспектор. – Петрос? Ага... А теперь, мисс Уоринг, вашу историю, пожалуйста, и побыстрее.

– Да, конечно, но сначала мне надо кое-что сообщить вам – кое-что очень важное.

– Что именно? – требовательно спросил Пападопулос.

Я уже открыла было рот, но все, что я собиралась сказать, вдруг потонуло в резком, настойчивом телефонном звонке. Пронзительный звук расколол напряженную тишину комнаты. Помню, что сама я так и подпрыгнула, и, надо думать, всеобщее внимание на долю секунды переключилось на аппарат. Констебль с пистолетом в руке машинально сделал шаг к телефону, словно собираясь снять трубку.

Этой доли секунды оказалось достаточно. Вряд ли я даже успела увидеть, как Годфри перешел к действию, но в одно молниеносное мгновение рука, опиравшаяся на край стола, метнулась на дюйм ниже, рывком выдвинула ящик, рванула из него пистолет и выстрелила – и все одним движением, быстрым и плавным, как удар кошачьей лапы. Эхом ответил пистолет Петроса – но на миг позже, чем надо было. Его пуля вонзилась в стену за письменным столом, а потом дымящийся пистолет вылетел из руки полицейского, заскользил по полу и скрылся под письменным столом. Петрос издал какой-то невнятный вскрик, схватился за правое плечо и качнулся назад, перегородив дорогу рванувшемуся вперед Максусу.

Одновременно с треском выстрела Годфри прыгнул к открытой двери на террасу, где в двух шагах от него стояла я. Мертвая хватка сжала мне руку, заламывая ее за спину. Притянув меня к себе, Годфри использовал меня как щит. И как заложницу. В бок мне уперлось дуло пистолета.

– Не подходи!

Макс, уже на полпути к Мэннингу, резко остановился. Пападопулос замер, приподнявшись с кресла и держась руками за подлокотники. Констебль опирался на стену, куда его отшвырнул бросок Макса, между пальцами его сочилась кровь. Близнецы даже не шелохнулись, но я услышала, как Миранда издала слабый всхлипывающий стон.

Колени у меня подкосились, я покачнулась, и тотчас же дуло пистолета жестоко ударило мне под ребра.

– Держись на ногах, сучка, – прошипел Годфри, – не то пристрелю на месте. А вы все слушайте. Я уйду, и девчонка со мной. Если меня будут преследовать, не надо вам объяснять, что с ней случится. Вы наглядно продемонстрировали, как мало мне остается терять... О нет, я не увезу ее с собой. Она чертовски неприятная спутница в плавании. Можете спуститься за ней, как только увидите, что я уплыл, – не раньше. Поняли? Ну давай, пошевеливайся!

Приказ сопровождался очередным тычком пистолета. Я вскрикнула от боли, и Макс невольно рванулся вперед.

– Не подходи! – рявкнул Годфри, медленно таща меня за собой к стеклянной двери.

Я не смела сопротивляться, но старалась повиснуть на нем всем телом, как мертвый груз.

– Он не оставит ее в живых, Маркос, – хрипло произнес Макс. – Он убьет ее.

– Это ему не поможет, – кое-как ухитрилась выдать я. – Я все... рассказала... Адони. Адони знает...

– Заткни свою чертову пасть, – прикрикнул Годфри.

– Слышишь? – сказал Макс. – Если ты не причинишь де-
вушке никакого вреда, возможно, мы...

– Вот кому бы я с удовольствием причинил как можно
больше вреда, так это ей, – отозвался Годфри.

Он снова рванул меня за руку и шагнул к выходу.

– Пойдем-ка. А где мальчик-красавчик? Куда он подевал-
ся?

Он остановился. Мы стояли как раз в открытой двери. На
миг я почувствовала, как напряглось и заоченело его тело, а
потом он выдернул меня из освещенного проема и, прикры-
ваясь мной, резко попятился к косяку. Дуло пистолета уже
не упиралось мне в бок, а было направлено вперед на уровне
моей талии.

Адони... Это Адони с грузом идет прямо на прицел Год-
фри!

В следующую секунду я поняла, что ошибаюсь. Раздалось
позвякивание стакана, плеск виски и такой звук, словно кто-
то вполголоса мурлыкал какую-то мелодию.

– «Там, где выпивка дешевле», – беззаботно напевал сэръ
Джулиан, щедро наливая себе виски Годфри. Потом он вдруг
увидел нас. Невнятный, но все равно прекрасный голос ра-
достно произнес: – Привет, Мэннинг. Не возражаете, что за-
глянул к вам? На огонек... подумал, может и Макс тут. О,
Люси, дорогуша...

Думаю, я была близка к обмороку, потому что события

нескольких следующих секунд помню лишь весьма смутно. Сэр Джулиан, дружелюбно подмигивая, шагнул к нам навстречу с накренившимся стаканом в одной руке и бутылкой в другой. На лице его блуждала тихая глуповатая улыбка добравшегося до выпивки пьянчужки. Он приветственно помахал Годфри бутылкой.

– Сам себя угостил, дорогой Мэннинг. Не возражаете?

– Добро пожаловать, – отозвался Годфри, мотнув головой в сторону дома. – В комнату.

Казалось, сэр Джулиан не замечал ничего странного. Я попыталась заговорить, но не смогла, смутно гадая, отчего Макс не произносит ни звука. И тут актер заметил его.

– А, Макс...

Он умолк – вероятно, слабое ощущение, что тут что-то не так, начало пробиваться сквозь пары алкоголя в затуманенную голову. Глаза вновь неуверенно обратились на Годфри, вглядываясь в тень, где мы стояли, за потоком света из окна.

– Телефон. Кто-то звонит... – Он нахмурился. – Но не я. Я думал об этом, но решил прийти сам.

– Внутри, ты, пьяный олух, – велел Годфри, дергая меня за руку, чтобы пройти мимо него.

Сэр Джулиан в ответ лишь расплылся в счастливой ухмылке, трясущейся рукой поднял бутылку в виде приветствия и вдруг швырнул ее прямо в лампу.

Он промахнулся, но лишь чуть-чуть. Бутылка задела шнур, и лампа как безумная взлетела вверх к потолку, потом

снова вниз и бешено закачалась. По стенам заплясали неровные тени, наполняя комнату водоворотом действия, бурным и неестественно быстрым, словно в старом кино...

Что-то белое царапнуло пол... Гипсовая повязка Спино, выставленная прямо Годфри под ноги. Годфри пошатнулся, наткнулся плечом на дверную раму, вновь обрел равновесие и, прорывав у меня над ухом какое-то сдавленное проклятие, выстрелил вниз в юношу. Я почувствовала отдачу пистолета у моего пояса и ядовитый запах опаленной ткани. Должно быть, Мэннинг метил в Спино, но лампа все еще качалась, как при землетрясении, да и я, еле стоявшая на ногах, мешала прицеливаться, так что пуля угодила в гипс, раздробившийся на множество обломков. Должно быть, удар по больной ноге был просто чудовищен. Спино закричал и откатился в сторону, а Миранда, что-то пронзительно выкрикивая, склонилась над ним.

Не знаю, самой ли мне удалось вырваться, или Годфри просто отбросил меня в сторону, но я вдруг оказалась свободна. Рука, чудом не сломанная, бессильно повисла вдоль тела. Когда я начала падать, он снова выстрелил, а потом что-то ударило меня, отбрасывая на пол. Макс, пронесшийся мимо в безмолвном смертельном рывке к пистолету, который Годфри сжимал в руке.

Я тяжело грохнулась на обломки гипса. Кругом стоял запах виски и пороха. Телефон все еще надрывался. Я почти оглохла, почти ослепла и всхлипывала от боли. Двое мужчин

выкатились на террасу, тесно сплетаясь в яростный клубок мелькающих рук и ног. Слышалось тяжелое дыхание. Кто-то, пробегая мимо, наступил мне на ногу. Пападопулос промчался вслед за дерущимися, а Петрос вдруг оказался на коленях совсем рядом со мной, чертыхаясь и шаря под столом в поисках оружия.

Потом чьи-то руки обняли и крепко сжали меня. От сэра Джулиана разлило виски, но голос был совершенно трезвым.

– С вами все хорошо, дорогое дитя?

Не в силах говорить, я молча кивнула, прижимаясь к нему и отчаянно дрожа из-за доносившегося с террасы шума драки. В неярком качающемся свете было совершенно невозможно разглядеть, где кто. Пападопулос, широко расставив ноги, замер возле меня с пистолетом наготове, нерешительно поводя стволом вслед за качающимися туда-сюда слившимися телами. Пистолет Годфри выстрелил снова, металлический стол зазвенел. Пападопулос что-то завопил, и раненый констебль, вскочив на ноги, бросился расшторивать окна, чтобы на террасе стало светлее.

Но они были уже в том конце, куда не проникал свет из окон, – у самой балюстрады, нависающей над отвесным, поросшим лесом обрывом. Я видела их – неясный двойной силуэт на фоне неба. Один из них с размаху швырнул другого спиной на каменный парапет. Раздался удар и вскрик боли. Прямо над моим ухом с присвистом дышал сэр Джулиан.

– Боже всемогущий! – прошептал он, и я увидела, что на

парапете лежит Макс.

Рядом с нами раздался какой-то шелест и резкое дыхание. «Koumbare...» – настойчиво произнес голос Спирос, и смуглая рука отстранила сэра Джулиана с прохода. Юноша, влоча за собой остатки разбитого гипса, подполз ко входу и, лежа на животе, прильнул к винтовке щекой, готовясь стрелять. Я закричала. Сэр Джулиан успел схватиться за дуло винтовки и опустить его.

– Нет! Подожди!

Из сплетения двух тел над балюстрадой раздалось проклятие, внезапно усилившийся шум борьбы, рычание. Макс бешено брыкался и лягался, потом с неожиданной силой вывернулся, рванулся вбок и высвободился. Ему пришлось отпустить пистолет, но не успел Годфри опомниться и воспользоваться оружием, как Макс ударил его в разбитую сторону лица – жестокий удар, сбивший Годфри с ног и, в свою очередь, откинувший его назад, на парапет.

Две долгие секунды противники находились порознь. Спирос вздернул винтовку и выстрелил. Я услышала, как пуля впилась в камень. Макс отпрянул, замешкался на одно жизненно важное мгновение, и в это мгновение Годфри перекатился через широкий каменный парапет и исчез из виду в кустах под обрывом. По всем законам физики он должен был сломать себе спину или, на худой конец, ногу, но, должно быть, ему повезло. Послышался продолжительный треск, пока он катился вниз по склону, а затем глухой топот, когда

беглец выскочил на тропинку.

Не помню, каким образом раньше Пападопулоса и Миранды я оказалась рядом с Максом, который, задыхаясь, перегнулся через парапет.

– Ты ранен?

– Нет.

Короткое, более похожее на рычание слово едва сорвалось с его уст, как он одним рывком выпрямился и помчался к пологим ступенькам, ведущим с террасы на извилистую тропу.

Годфри еще виднелся далеко внизу – быстрая тень, перебегающая между деревьями от одного пятна звездного света к другому. Пападопулос опустил пистолет на парапет, чтобы лучше целиться, но тут же с сердитым возгласом поднял его. В первый миг я не поняла почему, а потом увидела, что по отрезку тропы ниже Годфри и примерно на одном уровне с ним поднимается Адони. Годфри не видел его за густыми зарослями.

Но юноша, должно быть, слышал сверху стрельбу и шум, а теперь топот Годфри предупредил его об опасности. Он остановился. Вот только что он стоял на тропе, весь вытянувшись и подняв голову, а в следующую секунду уже растаял в тени между деревьями. Годфри, не ведая о присутствии врага и ничего не боясь, бежал прямо на него.

Рядом со мной громко ахнула Миранда. Пападопулос изо всех сил изгибал шею, чтобы разглядеть, что происходит. Макс резко остановился на верхней ступеньке лестницы.

Годфри завернул за угол и помчался вниз мимо места, где затаился Адони.

Мимо... вниз... и скрылся из виду за стеной лаймовых деревьев.

Миранда пронзительно закричала.

– Он дал ему уйти... – сам не веря в случившееся, произнес Пападопулос.

– У него улики, за которыми я его послала, – торопливо сказала я. – Он должен был позаботиться, чтобы с ними ничего не случилось.

– Он трус! – страстно воскликнула Миранда и помчалась вниз по лестнице.

Секунду спустя Адони вынырнул из-под деревьев. Я не видела, нес ли он сверток с собой, но он поднимался по склону очень быстро. Макс вновь начал спускаться, хотя попытка догнать беглеца явно запоздала. Миранда с разбегу проскочила мимо него и, первой встретив Адони, яростно замолотила кулаками по его груди.

– Трус! Трус! Трус! Испугаться этой грязной свиньи! Позволить ему уйти после того, что он сделал с твоим братом? Трус! Баба! Я плюю на тебя, плюю! Будь я мужчиной, я бы съела его сердце!

С последними словами она попыталась рвануться мимо Адони, но тот одной рукой поймал и удержал ее, почти с рассеянной легкостью прижимая рыдающую девушку к себе, и одновременно шагнул навстречу Максиму, свободной рукой

преградив ему путь.

Когда я примчалась по лестнице вниз, где они стояли, то услышала сквозь задыхающиеся всхлипы и проклятия Миранды, как Адони говорит быстрым и тихим шепотом:

– Нет. Нет, Макс. Жди. Жди и смотри.

Там, где еще минуту назад разверзлся ад, теперь воцарилась мертвая тишина. Макс после слов юноши застыл на месте. Эти трое напоминали какую-то скульптурную композицию: двое мужчин, глядящих друг другу в глаза (причем Адони загоразивал Максу дорогу и в звездном сиянии казался вылитым архангелом Михаилом, преградившим вход во врата рая), и девушка, бессильно прильнувшая в слезах к плечу Адони. Телефон уже некоторое время назад перестал звонить. Пападопулос побежал в комнату, и было слышно, как он настойчиво что-то кричит в трубку. Сэр Джулиан, наверное, пошел к Спиро. Констебль начал спускаться к нам, но медленно – из-за раны и потому, что, со всей очевидностью, было уже слишком поздно...

Ветер улегся. Стояла глубокая предрассветная тишина. Воздух словно замер, и нам все прекрасно было слышно: стук двери эллинга и быстрый топот бегущих ног по деревянной платформе. Пауза, когда Годфри добрался до «Алистера» и торопливо срывал швартовы. Он мог рвануть со всей скоростью прямо от конца причала...

Внезапный рокот мотора прозвучал громко, как автоматная очередь. Раздалось короткое нарастающее крещендо –

«Алистер» рванулся вперед, навстречу открытому морю и свободе.

Потом звук вдруг захлебнулся, задрожал и увенчался оглушительным взрывом. Над морем взметнулся столб пламени. Яхта разлетелась на куски. Даже нас едва не сбила с ног взрывная волна. Огненные языки вспыхнули, зависли над водой и исчезли.

Эхо взрыва, постепенно затихая, носилось меж скал, пока не утихло совсем.

– Что случилось? Что случилось? – твердил сэр Джулиан.

Со стороны Спиро донесся поток приглушенных греческих слов.

Пападопулос выронил телефонную трубку и выбежал на террасу к парапету:

– Макс! Во имя дьявола, что происходит?

Макс оторвал взгляд от Адони и нерешительно откашлялся.

– По-моему, я знаю, – дрожащим голосом выговорила я. – Когда я была на яхте, там пахло газом... Это ведь так просто – оставить газ на камбузе открытым... по ошибке... а потом он скапливается под палубой, и вы ничего не замечаете, но как только включите мотор – все взлетает на воздух. Я... я как-то видела такое на Норфолкских озерах.

– Спиро говорит что-то про газ. – Инспектор вытер лицо. – Господи, ну и ночка. Боже мой. Полагаю, наверное... А он включал плиту?

– По пути туда – нет. Во всяком случае, вряд ли: он бы заметил запах, когда вынимал свертки из-под палубы, если бы газ действительно шел очень сильно. Нет, должно быть, это произошло на пути домой. Когда я сама брала сверток, пахло совсем слабо. Ты нашел его, Адони?

– Да.

– Ты раздобыл сверток? – Внимание инспектора резко переключилось. – Ты это и собирался нам сказать, да? Что там, радиодетали?

– Нет, инспектор Пападопулос. Это порция фальшивых денег. Часть груза в семьсот албанских леков, которые он должен был отвезти туда сегодня ночью. Я ухитрилась стащить один сверток и спрятать его в эллинге, прежде... прежде чем он поймал меня. Вот куда ходил Адони, я послала его забрать сверток. – И я добавила: – Думаю, вы понимаете, что этот... несчастный случай... уберег всех от кучи проблем. Я имею в виду, если бы грекам пришлось его расстрелять...

Я не закончила фразы. Макс и Адони рядом со мной стояли тихо-тихо.

Инспектор несколько секунд мерил нас взглядом, а затем кивнул:

– Возможно, вы правы. Ладно, мисс Уоринг, я вернусь к вам через пару минут и с радостью выслушаю все, что вы мне расскажете. Ты не потерял сверток, юный Адони? Отлично. Тогда отнеси его наверх, хорошо? А теперь нам надо бы спу-

ститься вниз и посмотреть, не осталось ли там чего-нибудь интересного. Ты еще стоишь на ногах, Петрос?

Оба полицейских скрылись внизу на тропе.

Снова наступило молчание. Все повернулись и словно зачарованные уставились на Адони. Он открыто встретил наши взгляды и улыбнулся. До чего же он был красив!

– Это ты. Ты... – благоговейным шепотом протянула Миранда и опустилась на землю возле него, прижимая его руку к щеке и подняв к нему сияющее и полное обожания лицо.

Он поглядел на нее и произнес по-гречески какую-то фразу, тихо и нежно. Услышав ее, Макс сдавленно втянул в грудь воздух, а потом подошел ко мне, обнял и поцеловал.

Сэр Джулиан ждал нас на террасе. Мы могли не бояться, что он как-то прокомментирует то, что произошло только что между его сыном и мной. Актер нежился в теплой ванне восторга собой.

– Лучшее представление в моей жизни, – самодовольно заявил он.

– Несомненно. Меня оно, во всяком случае, обмануло. А ты знал, что он не пьян? – спросила я Макса.

– Разумеется. Был не вполне уверен, что он задумал, но надеялся, это сможет как-то изменить ситуацию. Что и случилось, хотя не совсем. Ты мазила, отец.

– Жалко было переводить понапрасну отличное виски. Это сбilo мне прицел, – сказал сэр Джулиан. – Тем не менее в стакане еще осталось довольно, чтобы Спиро отключился.

Я заново перевязал бедного ребенка и уложил на диван. Боюсь, как рассветет, придется опять ехать в больницу. Ах да, еще я позвонил вашей сестре, Люси, и уверил ее, что все хорошо. Верно они говорят: та еще выдалась ночка.

– И до сих пор не закончилась, черт возьми, – отозвался Макс слегка мрачно. – Не успокоюсь, пока не выслушаю рассказ Люси... Нет-нет, дорогая, все хорошо, оставим это до прихода Маркоса. Тебе ведь не захочется еще раз переживать все заново, когда он придет. Должно быть, ты страшно устала.

– По-моему, я уже прошла эту стадию. Чувствую себя более-менее в порядке... разве что чуть-чуть пошатывается. – Я медленно подошла к парапету и облокотилась на камень, глядя на темное море. Близился рассвет, первые блики коснулись далеких албанских снегов. – Как ты думаешь, они... найдут там... что-нибудь?

– Абсолютно уверен, что нет. – Он подошел ко мне и обвил мои плечи рукой. – Забудь обо всем. Пусть это тебя не беспокоит. Так даже лучше.

– Знаю.

– «Не будем отягчать воспоминаний минувшим горем», – процитировал сэр Джулиан с другой стороны от меня. – И могу тебе сказать, Макс, я пришел к выводу, что Просперо не для меня. Напрасная трата таланта. Сделаю заявку на Стефана в этом твоём фильме. Сегодня же напишу об этом Сэнди.

– Так значит, вы возвращаетесь к нам? – спросила я.

– Я еще возненавижу свое решение, – сказал сэр Джулиан, – но я его принял. Кто захочет оставить волшебный остров ради холодных, сырых и прославленных огней Лондона? Думаю, могу попытаться, а вы?

Макс ничего не сказал, но я почувствовала, как затвердела его рука.

Адони и Миранда тихо поднялись по ступеням на террасу, склонив головы друг к другу и перешептываясь, и исчезли за стеклянными дверями.

– Беатриче и Бенедикт, – тихо сказал сэр Джулиан. – Вот уж не думал услышать наяву столь величественный шекспировский стих: «О, если бы мужчиной я была! На площади его бы сердце съела». Вы уловили это, Люси?

– Я ведь не понимаю по-гречески. А это было именно так? Что она сказала на самом деле?

Сэр Джулиан перевел мне, и я спросила:

– А Адони? Что он сказал, когда она целовала ему руку?

– Я не слышал.

Макс повернулся ко мне, несколько секунд поколебался, а потом процитировал, довольно сухим тоном:

– «Ты хотела съесть его сердце, сестренка. Я зажарил его для тебя».

– Боже праведный, – выдохнула я.

Сэр Джулиан улыбнулся.

– Ну что, дорогое мое дитя, этой ночью вы увидели обо-

ротную сторону волшебного острова? Он во власти чар, но это слишком грозные чары для таких, как мы, – для простого музыканта и пары актеров...

– Как ни приятно мне, что вы поставили меня в один ряд с собой, – сказала я, – но это поднимает меня слишком высоко.

– А может, тогда тебя лучше поставить в один ряд со мной? – спросил Макс.

– Н-да, это значит – сразу на другой конец шкалы, – заметил его отец, – но я буду рад, если она подумает над этим вопросом. Как вам кажется, моя дорогая, вам когда-нибудь приходила в голову мысль настолько опуститься, чтобы сделаться женой музыканта?

Я засмеялась.

– Не вполне уверена, кто из вас делает мне предложение, но любому или сразу обоим – да.

Далеко, на самом краю бухты мелькнул всплеск ослепительно-синего огня, прокатился серебряным кругом над водой и исчез в лучах занимающегося дня.